

М.В. де Фиссер

Японский фольклор

М.В.де Фиссер

Традиционный японский фольклор

Серебряные нити

МОСКВА

2016

УДК299.51, 398.54

ББК 86.35.3

Ф44

Фиссер, Маринус Виллем, де

Ф44

Традиционный японский фольклор [Текст]: перевод: / А. Г. Фесюн;
— М.: Изд. дом «Серебряные нити», 2016. — 248 с. — 1500 экз. —

В оформлении использованы рисунки Хокусая (1760-1849)

Маринус Виллем де Фиссер (1875-1930) часть своего образования получил в Бреда, а в 1893 г. поступил в Лейденский университет на отделение классической филологии. В 1900 г. он с отличием закончил обучение и через короткое время после получения степени стал заниматься этнологическими исследованиями в Берлине, Париже и Лондоне. Интерес именно к этой области вскоре приводит его к занятиям китайским языком, сперва под руководством Шигеля, а затем — де Гроота. Он решил посвятить себя востоковедению и в 1904 г. поступил на дипломатическую службу в качестве переводчика при Голландской миссии в Токио. В 1909 г., приехав домой в отпуск, он получил назначение куратором («консерватором») Дальневосточной секции Лейденского этнографического музея. Серия публикаций, вышедших за время его пребывания в Японии, перевод которых представлен в данном издании, доказали, что его востоковедческие штудии приносят великолепные плоды. Он возобновил занятия с де Гроотом и немедленно приступил к написанию объемного труда «Дракон в Китае и Японии», который в 1914 г. принес ему премию Станислава Жюльена от парижского *Institute des Inscriptions et Belles Lettres*. Он все более и более интересуется буддологическими исследованиями, и в 1915 г. выпускает первый труд в этой области — «Бодхисаттва Ди-цзан (Дзидзо) в Китае и Японии». В 1917 г. он стал руководить кафедрой японского языка, а на следующий год был избран действительным членом Голландской Королевской Академии наук в Амстердаме. В продолжение своих буддологических разысканий, он публикует в 1923 г. труд «Архаты в Китае и Японии». Следующие годы были посвящены работе, заказанной ему для серии *Buddhica, Documents et travaux pour l'étude du Bouddhisme*, под названием «Буддизм в Японии; сутры и церемонии, седьмого и восьмого веков н.э. и их история в позднейшее время».

УДК299.51, 398.54

ББК 86.35.3

Ф44

ISBN 978-5-89163-227-9

© перевод с английского Фесюн А.Г., 2001
© Оформление «Серебряные нити», 2016

ТЭНГУ

1908

Одной из самых интересных фигур в японской демонологии представляется так называемый Тэнгу. Вопросу о происхождении и значимости этого существа японские ученые придавали величайшее значение. Даже знаменитый синтоистский реформатор Хирата Ацутанэ (1776-1843) и писатель-ученый Кёкутэй Бакин (1767-1848) предпринимали глубокие исследования этого предмета. Кисти первого принадлежит серьезный труд под названием *Кокон ёмико* (1831), а второй посвятил предмету раздел своей работы *Нимадзэ-но кидзэнсю* (1811). Хаяси Радзан (1584-1657) также упоминает о Тэнгу в одной из глав своего труда *Хонтё дзиндзяко*. Мы неоднократно сталкивались с цитатами из книги буддийского служителя Тэйнина под названием *Тэнгу Мэйгико*. Однако, как эта работа, так и произведения Сорая (Огю Мокэй, 1665-1728) *Тэнгу сэцу* и Хирага Гэнная (1722-1779) *Тэнгу-бэн* отвергаются Бакином, как искусственные и вводящие в заблуждение. Несомненно, самым тщательным и глубоким среди всех старших авторов, посвятивших себя этому предмету, является сам Бакин. Безусловно, Хирата демонстрирует широчайшую ученость, однако из-за огромного количества цитат и смешения основного предмета со многими не относящимися к делу темами его работа становится неясной и путанной.

Есть, также, и один современный японский ученый, работающий в этой же области, а именно – хорошо известный философ и фольклорист Иноуэ Энрё. Он серьезно подходит к разбору фигуры Тэнгу в своей крайне интересной работе *Ёкайгаку коги* (1896), а также в отдельном трактате *Тэнгурун* (ч. 3 *Ёкай сосё*, 1903). Последний особенно ценен систематической подборкой фактов и аргументации. Первая же более полна, так как включает в себя больше цитат, которые к тому же не сокращены. К сожалению, писатель не обращает ни малейшего внимания на историческую сторону вопроса. Он не говорит ни слова о тех временах, когда писались книги на эту тему, и не следует никакому хронологическому порядку¹. Он пропускает несколько чрезвычайно важных старых книг, что сам и признает в конце *Тэнгурун*. Что касается приводимых им цитат, то часто нам приходится довольствоваться лишь заглавием книги, без указания главы и страницы. Тем не менее, его работы представляются весьма ценными, как базис для дальнейших исследований.

¹ Единственное упоминание, которое он делает в отношении времени создания легенд о Тэнгу (*Тэнгурун*, с.23), не только неясно, но там он еще говорит о том, что *Кудзики* написано, по мнению Мабути, 700-800 лет назад; как мы увидим ниже, *Кудзики*, упоминаемое Мабути, полностью отличается от того *Кудзики*, в котором мы находим отрывок о Тэнгу.

ГЛАВА I. НЕБЕСНАЯ СОБАКА В КИТАЕ

Первый вопрос, всегда задаваемый исследователями японского фольклора, таков: имеем ли мы дело с оригинальным японским верованием, или должны искать его происхождение в Китае? В большинстве случаев мы убеждаемся в последнем: Китай, великая система, сформировавшая древнюю Японию, оказал большое влияние и на ее предрассудки. Шедевр профессора де Гроота, «Китайская религиозная система», предоставляющий исследователям обширнейшую информацию по всему спектру предметов, относящихся к этой области разысканий. Данная книга также не является исключением из этого правила. В части 2-й тома V-го, где рассматривается демонология, на стр. 574 и далее мы находим много интересных деталей о «Небесной Собаке». Профессор де Гроот приводит следующие цитаты из древних китайских трудов:

Классические истории, «История Юга» (420-589), гл. 7, 1.10: «...а в 5-й год периода Да-тун (539) по столице ходил рассказ о том, как Сын Неба брал печень людей для корма небесной собаки».

В «Истории Севера» (386-581, гл. 7, 1.30) говорится, что небесная собака сошла на землю, в связи с чем отправлялись церемонии, дабы предотвратить возможные бедствия; император упал с лошади, испугавшейся зайца, и вскоре опочил.

Сыма-цянъ («Исторические записки», гл. 27, 1.31) пишет: «Обликом оно напоминает движущуюся звезду и производит шум. Когда спускается и достигает земли, то становится похоже а собаку. Когда падает, то превращается в языки пламени; выглядит, как ярчайший свет, лучи которого поднимаются к небу. Его основа круглая и покрывает площадь в несколько акров; его верхняя часть заострена и распространяет желтый свет на тысячи миль; оно может побеждать армии и убивать военачальников».

В *Шань хай цзин*² сказано: «Посредине большой долины, или пустыни пребывает красная собака, называемая небесной собакой. Там, куда она спускается, начинаются вооруженные беспорядки».

В «Старых книгах династии Тан» мы читаем: «Во втором году периода Чжунь-го (882), в десятом месяце, в северо-западном направлении в безоблачном небе прогремел гром, что было названо схождением небесной собаки».

² Очень старый классический труд, упоминаемый уже Сыма-цянem в его "Исторических записках", гл.122; гл.6.

ГЛАВА I. НЕБЕСНАЯ СОБАКА В КИТАЕ

Первый вопрос, всегда задаваемый исследователями японского фольклора, таков: имеем ли мы дело с оригинальным японским верованием, или должны искать его происхождение в Китае? В большинстве случаев мы убеждаемся в последнем: Китай, великая система, сформировавшая древнюю Японию, оказал большое влияние и на ее предрассудки. Шедер профессор де Гроота, «Китайская религиозная система», предоставляющий исследователям обширнейшую информацию по всему спектру предметов, относящихся к этой области разысканий. Данная книга также не является исключением из этого правила. В части 2-й тома V-го, где рассматривается демонология, на стр. 574 и далее мы находим много интересных деталей о «Небесной Собаке». Профессор де Гроот приводит следующие цитаты из древних китайских трудов:

Классические истории, «История Юга» (420-589), гл. 7, 1.10: «...а в 5-й год периода Да-тун (539) по столице ходил рассказ о том, как Сын Неба брал печень людей для корма небесной собаки».

В «Истории Севера» (386-581, гл. 7, 1.30) говорится, что небесная собака сошла на землю, в связи с чем отправлялись церемонии, дабы предотвратить возможные бедствия; император упал с лошади, испугавшейся зайца, и вскоре опочил.

Сыма-цзянь («Исторические записки», гл. 27, 1.31) пишет: «Обликом оно напоминает движущуюся звезду и производит шум. Когда спускается и достигает земли, то становится похоже а собаку. Когда падает, то превращается в языки пламени; выглядит, как ярчайший свет, лучи которого поднимаются к небу. Его основа круглая и покрывает площадь в несколько акров; его верхняя часть заострена и распространяет желтый свет на тысячи миль; оно может побеждать армии и убивать военачальников».

В *Шань хай цзин*² сказано: «Посредине большой долины, или пустыни пребывает красная собака, называемая небесной собакой. Там, куда она спускается, начинаются вооруженные беспорядки».

В «Старых книгах династии Тан» мы читаем: «Во втором году периода Чжунь-го (882), в десятом месяце, в северо-западном направлении в безоблачном небе прогремел гром, что было названо схождением небесной собаки».

² Очень старый классический труд, упоминаемый уже Сыма-цзянем в его "Исторических записках", гл.122; гл.6.

В «Старой истории Пяти Династий» говорится: «В третьем году периода Тун-ган (925) в девятом месяце, в день дин-вэй, когда ночью темные облака застлали все небо, на севере были слышны раскаты грома, и кричал дикий фазан. Люди говорили, что это спускается небесная собака».

Профессор де Гроот пишет, что он не в состоянии проследить происхождение этого кровожадного чудовища-антропофага, однако то, что описывает Сыма-цзянь, очевидно представляло собой громадный метеор в форме собаки, спутанный с кометой. Далее он говорит, что это — звезда, полагаемая где-то в районе созвездия Рака.

Японские авторы цитируют несколько других китайских трудов, содержащих иные рассказы о небесной собаке. Упоминания о звезде, комете, или метеоре относятся к династиям Хань, Сун, Мин и Цин и содержат те же факты, что и тексты, цитируемые профессором де Гроотом. В одном месте Истории династии Хань говорится следующее: «На северо-западе есть три большие звезды. Они выглядят, как солнца; их называют Небесной Собакой. Если появляется Небесная Собака, люди начинают кусать друг друга, (то есть скоро начнется война)».

В труде *Хо ту* мы читаем: «Если Большая Белая Звезда разделяется, то превращается в Небесную Собаку» (что означает: Небесная Собака является частью Большой Белой Звезды). В старых японских исторических работах, которые, разумеется, следуют китайским традициям, часто упоминается Большая Белая Звезда, очевидно, как предзнаменователь войн и бедствий.

Забавную историю рассказывает Ван Дин³: «Мать императрицы И Дэ увидела во сне, как к ней на колени упала луна, а затем вновь поднялась в восточном направлении. Луна была столь великолепна, что она не могла на нее смотреть. Понемногу она (луна) поднялась до середины неба, но вдруг ее пожрала небесная собака. Женщина в страхе проснулась, и родилась императрица».

В *Шу и цзи*⁴ мы находим историю, предположительно случившуюся в 1672 г. Рано утром деревенский житель увидел на крыше дома соседа «существо, напоминавшее собаку, но стоявшее прямо, как человек. У него был острый клюв, верхняя часть тела была красной, а нижняя синей, цвета индиго. Хвост у него был, как метла, несколько *чи* в длину. Испугавшись, он позвал соседа и рассказал ему об увиденном. Как только по-

³ В своем труде *Фань цзяо лу*, написанном во времена династии Ляо.

⁴ Написано в 1701 г. Дун Сянем. Другая, гораздо более древняя работа с тем же названием, упоминается Де Гроотом, 1.1. т. IV, с.156, прим.1. Ср. также Wylie, *Notes on Chinese Literature*, p. 200.

следний открыл ворота, существо взбежало к облакам, и внезапно раздался звук, напоминавший раскат грома. Извиваясь, как змея, оно удалилось в юго-западном направлении. Когда оно поднималось, полыхнула яркая вспышка, расчертив все небо. Через какое-то время все исчезло. Звук был слышен на несколько десятков миль в округе; ее великолепие видели и другие люди. Если так называемая Небесная Собака падет на землю, то она издаст звук, как от раската грома. В год Цзя-Инь того же периода (Кан-си, 1674) произошло восстание».

Благочестивую небесную собаку мы обнаруживаем в *Сань цинь цзи*⁵: «На равнине Белого Оленя есть крепость под названием Цзе цзя. Во времена Сян Гуна династии Цинь (240-206 до н.э.) небесная собака спустилась на это место. Когда приходили грабители, она лаяла и охраняла от них крепость. Поэтому все ее населявшие жили без страха».

Наконец, можно привести отрывок из *У ли сяо ши*⁶, где мы читаем: «Падающая звезда превращается в камень в форме собачьей головы. Поэтому она называется 'Небесной Собакой'».

Все эти авторы связывают *тянь цзе* с небом, или звездами. Однако, есть и другие, представляющие ее в совершенно ином свете. Например, поэт Ду Цзымэй времен династии Тан говорит в своей «Поэме о небесных собаках»:

«Иногда они вверху и взлетают к облакам,
Иногда они внизу и становятся дикими зверями;»

И далее в той же поэме мы читаем:

«Небесные собаки живут на вершинах высоких гор,
Их дух касается божественного превосходства,
Их цвет напоминает расцветку вань-и⁷,
Они маленькие, как вань-кан⁸».

И Шичжэнь, автор династии *И юань*, пишет в своей *Лан сюань цзи*: «В земле Цзюнь-Цзы есть Вершина Феникса. Оттуда приходят небесные собаки. Их иное название – *тай чжэнь нюй сянь* («беременная многословная женщина-сянь») ... Это – *сянь*, называемые небесными собаками».

В других книгах о них говорится, как о барсуках, живущих в горах⁹, либо – как о птицах, либо – растениях (*жэньшэнь*), либо – драконах.

⁵ Цитируется в *Бэй вэнь юнь фу* (составлена под специальным наблюдением императора и опубликована в 1711 г.).

⁶ Написано Фан Ичжи во времена династии Мин.

⁷ Сказочного льва.

⁸ Гиббоны.

⁹ В *Шань хай цзин*; в *Ши у бань цао* Ли Гао (династии *И юань*).

Что касается их антропофагического характера, о котором говорилось в первой цитате из профессора де Гроота, то мы можем сравнить ее с двумя другими упоминаниями. В работе времен династии Мин *У ца цюй*¹⁰ мы читаем: «По народным поверьям, небесная собака всегда, где бы она ни останавливалась, пожирает человеческих младенцев. Из-за этого ее сильно ненавидят женщины и дети».

Хирата, цитирующий этот отрывок в своей *Кокон ёмико* (гл.1, с.4b), добавляет: «Это – странное существо, живущее в горах и летающее по воздуху. Хотя по форме оно напоминает большую плывущую звезду, в действительности это не звезда. Поэтому оно громко кричит, хватая там, где спускается, человеческих младенцев и пожирает их. Это – разнovidность горного демона».

В другой книге времен династии Мин, *Гу цзинь тань гай* (автор – Фун Мунлун) говорится: «Однажды некий колдун заплакал и сказал: ‘Моего ребенка убила Небесная Собака’. Внезапно из воздуха пролилось несколько капель крови, и спустя некоторое время сверху, подобно падающим звездам, свалились голова и ноги».

Хотя в нижеследующих историях о небесной собаке не говорится, сходство этих горных демонов с японскими Тэнгу слишком очевидно, чтобы о нем не упомянуть.

Ли Чо (в *Шан-шу цзю ши*, написанной им при династии Тан) приводит легенду о событиях, случившихся во время великого собрания в буддийском храме. «В саду играли в самые разные игры. Десятилетний мальчик танцевал на конце бамбукового шеста, когда внезапно появилось существо, напоминавшее рыбу-орла (*дяо-го*), схватило мальчика и улетело прочь. В страхе толпа прекратила танцы. Несколько дней спустя родители обнаружили мальчика на верхушке высокой пагоды. Они принесли лестницу с спустили его вниз. Сознание у него помутилось, но через какое-то время он рассказал следующее: ‘Существо, напоминающее «Якшаса, летающего в небесах», изображенного на стенах, отнесло меня к пагоде и ежедневно кормило фруктами, неизвестного вида и незнакомого вкуса’. Через десять дней его сознание стало таким же, как прежде».

В *Ган си тун чжи*¹¹ мы читаем: «Более десяти детей пастуха играли вместе, как вдруг они увидели на полпути к горной вершине человека около двух *чжан* в длину с лицом шириной более трех *чи* и длиной в шесть *чи*. Волосы его были спутаны; у него был птичий клюв и два крыла

¹⁰ Написана Се Чжаочжи в 1592 г.

¹¹ Гл. 42, написано У Синцзы в эру Кан-си (1662-1723).

за спиной. Он смотрел вниз на танцующих мальчиков и смеялся от удовольствия. Через какое-то время он высунул язык, и тот оказался таким длинным, что свесился до его живота. Испуганные мальчики бросились домой, однако он позвал их обратно, крикнув несколько раз на чистом варварском наречии: 'Эй, эй, не пугайтесь, не убегайте прочь; развлекайтесь песнями и плясками и игрой на флейте'. При этих словах мальчики вернулись, заиграли на флейте, стали петь и танцевать. Человек захопал в ладоши от удовольствия и громко смеялся. Его голос разносился по лесу. Снова он высунул свой язык, как раньше. Спустя какое-то время он ушел прочь и больше не появлялся».

Лю Цзиншу (автор времен династии Сун) приводит в своем труде *Июань* следующее: «В период Юань-цзя (151-152) двенадцатилетний мальчик увидел демона трех чи в длину, с одной ногой, птичьими когтями и чешуей на спине. Он подошел и кивнул мальчику, который смутился, растерялся и прекратил играть. Родители отшлепали его, но внезапно из воздуха раздался голос: 'Это я научил его; не надо его наказывать'».

Тот факт, что у него была лишь одна нога, показывает, что это был горный демон, один из так называемых *гуэй* и *сао*, или *сяо* с китайских гор и холмов (де Гроот, I.1.V, сс.495 и далее).

В работе времен династии Цзинь *Шо шэнь цзи*¹² мы находим описание птицы, называвшейся *чжи няо*, жившей в глубине гор. Это — разновидность демона в птичьем облике, который, точно так же, как и японский Тэнгу, может превращаться в человека и поджигать дома тех, кто причинил ему зло.

При рассмотрении текстов, речь о которых пойдет ниже, мы обнаруживаем, что в большинстве из них исследуемый демон спускался с неба в образе собаки, сопровождаемый раскатами грома и вспышками света. Иноуэ, указывающий, что китайские авторы описывают это существо, как имеющее форму падающей звезды, но не как собственно падающую звезду, или комету, считает, что мы имеем здесь дело со зверем грома (*Тэнгурон*, с.10 и далее). Это было бы вполне удовлетворительным объяснением, если бы об облике существа не говорилось так, что оно представало, как редкое и весьма злое. Сходя на землю, оно приносит с собой войны, что трудно приписать воздействию обычной бури с громом. Поэтому я предпочитаю объяснение этого феномена, как метеора, ошибочно принимавшегося, как предположил профессор де Гроот, основываясь на словах Сыма Цяня, за комету. Это — общая ошибка доисторического человека, рассматривав-

¹² Написана в первых десятилетиях четвертого века Юй Бао, или, по другим источникам, Гань Бао. Ср. де Гроот, I.1., т.IV, с.78, прим.1.

шего и комету, и метеор, как падающие звезды, или демонов, приносящих бедствия. В «Золотой ветви» Фрэзера мы находим большое количество подобных верований, собранных со всех частей света. Неудивительно, что подобное воззрение существовало и в Китае. Богатая фантазия китайцев находила сходство между этими метеорами со странными формами и собаками, проводя связь между ними и войнами, несущими смерть.

Однако, помимо этого демона-метеора, мы обнаруживаем и других существ с тем же именем. В поэме Ду Цзымэя мы читаем о двух разновидностях небесных собак: о демонах в облаках и о животных на земле, пребывающих на вершинах гор и почти равных богам. Это впервые дает нам связующее звено между метеором и демоном в форме животного в горах и в лесах. В частности, барсук, хорошо известный по китайскому и японскому фольклору своими сверхъестественными силами, получил название могучего демона неба. Даже к чудесным человеческим существам, называвшимся *сянь*, которые жили в глубинах гор, были бессмертными и могли летать по воздуху, прилагался эпитет *тянь-цзе*. Это доказывает, что небесные собаки тесно ассоциировались с горами в сверхъестественном смысле. Таким образом, мы приходим к выводу, что в Китае демонов-метеоров смешивали с горными демонами в форме животных, однако из этих двух видов первый превосходил второй.

В Японии мы видим прямо противоположное. Привнесенное в эту горную страну, имя «небесная собака» полностью потеряло свое первоначальное значение демона-метеора и стало использоваться лишь в своем втором значении демонов в глухих уголках гор и лесных чащобах. Однако, в этом смысле оно развилось гораздо сильнее, чем в самом Китае. При сопоставлении вышеизложенных легенд, в которых не упоминается название «небесная собака», с японскими историями о Тэнгу, мы сразу видим, что последний обладает целым комплексом свойств, относящихся к нескольким другим разновидностям горных демонов в Китае. В этом отношении японский Тэнгу стал существом, совершенно отличным от китайской *тянь-цзе*, хотя в нем и можно найти некоторые характеристики последней.

ГЛАВА II. НЕБЕСНАЯ СОБАКА В ЯПОНИИ

§ 1. Восьмой век

Количество японских историй о Тэнгу колоссально. По этой причине мы можем привести лишь самые выдающиеся образцы различных легенд, передававшихся из века в век. Цитируя основные источники, мы будем располагать их в хронологическом порядке.

В самых старых исторических работах, датируемых 8-м, 9-м и 10-м веками, Тэнгу появляется лишь в одном отрывке из *Нихонги*. Так, мы читаем в главе 23-й этого труда, созданного в 720 г., следующие подробности:

[637г.] 9-й год, весна, 2-я луна, 23-й день. Большая звезда пролетела с востока на запад. Она издавала шум, подобный грому. Одни люди тогда говорили, что это шум падающей звезды. Другие говорили, что это шум Земного Грома. Монах же Мин сказал так: «Это не падающая звезда. Это небесная собака. Ее лай похож на гром»¹³.

Ту же историю позже мы находим в *Фусо рьякки*¹⁴ и в *Гэнко сякусё*¹⁵. Во всех трех источниках нам сообщается, что непосредственно после инцидента в тот же год произошло восстание варваров. Однако, лишь третий автор говорит о связи между этими фактами. По его описанию, служитель сказал: «Эта звезда зовется 'Небесной Собакой'. Вероятно, на востоке произойдет восстание». «И, действительно,- замечает автор,- произошло выступление варваров».

Из сказанного в *Нихонги* мы легко можем сделать вывод, что Небесная Собака была совершенно незнакома японцам того времени. Настоятель Бин (Мин) являлся китайцем, учившим тому, что он слышал и читал в своей стране. Тот факт, что демон не упоминается нигде в старых исторических трудах, хотя там часто писали о падающих звездах и кометах, ясно показывает, что это китайское верование не перешло к японцам.

Однако, мы можем узнать гораздо больше из этих простых слов в *Нихонги*. Справа от иероглифов , «Небесная Собака», мы находим *кана*, читаемую, как *ама цу кицунэ*, или «Небесная Лиса». Это – еще один хорошо известный китайский демон. Профессор де Гроот (*Religious System of China*, v.p. 587) приводит цитату из *Сюань чжун цзи*¹⁶: «И когда лиса

¹³ *Нихон Сёки* (Анналы Японии). СПб, «Гиперион», 1997, т.2, с.121.

¹⁴ Написано монахом Коэном в 12-м веке.

¹⁵ Написано монахом Сирэном, 1277-1346.

¹⁶ Написано до 6-го века.

доживает до тысячи лет, она проникает на небеса и становится небесной лисой». Японские авторы цитирует еще труд У цза цзы, где мы читаем: «Когда лисица доживает до тысячи лет, она поднимается на небо и больше не является (людям)».

Другое описание дано в *Гуан и цзи*¹⁷, где говорится: «Небесные Лисы – самые старые (из всех лис). Они – чистый дух, без формы. Поэтому они овладевают людьми, совершают всяческие колдовские поступки и исчезают в одно мгновение, быстрые, как ветер, перемещаясь то вперед, то назад на тысячи миль». В той же книге рассказывается занимательная история о небесной лисице, посетившей одного человека в облике бодхисаттвы, сидящего на спине льва посреди пятицветного облака, и заставившей этого человека семь дней сидеть в медитации (*дхьяна*). По совету даосского доктора, ее удалось прогнать, бросив в колодец амулет, и дав другой проглотить пациенту, однако много лет спустя лисица вернулась в облике великого повелителя с огромной свитой. Она принудила человека отдать в жены его дочь, но вновь потерпела поражение от того же даосского доктора, хотя на этот раз все было не так просто. В своем истинном обличье старого лиса он был посажен доктором в мешок и принесен императору, который, по совету и с помощью заговора даоса, сослал его в Корею. Лис улетел и с тех пор почитался жителями Сираги (Силла), одного из древнейших корейских царств.

Похоже, внимания всех японских авторов, писавших об этом предмете, избежал тот факт, что о Небесной Лисице говорится в *Сёку Нихон коки*, датируемой 869 г. Там мы читаем, как в один из вечеров 834 г. «над Дворцом раздалось хлопанье крыльев и крики. Это была стая из нескольких сотен существ, голоса которых напоминали крики морских птиц, называемых *камомэ* (чайки). Некоторые люди говорили, что это были не птицы, а Небесные Лисы. Солдаты охраны вглядывались в небо, однако ночь была столь темной, что они могли лишь слышать, но не видеть».

В *Аиносё*, работе энциклопедического толка, датируемой 1446 г., говорится, что на письме часто путают Небесных Собак и Небесных Лис. Хирата (1.1.) указывает на большое сходство китайских легенд о Небесной Лисице и того, что японцы рассказывают о Тэнгу. Более того, Асакава Дзэнан упоминает в своей *Дзэнан дзуйхицу* (1850) три изображения Малого Тэнгу, сидящего на лисице: Дорё Гонгэн из Одавара, Идзуна Гонгэн в храме на вершине Идзуна, или Горы-лисиных-чар в провинции Синано,

¹⁷ Работа, написанная Дай Цзюньцзы во времена династии Тан, цитируется Хирата, 1.1., гл. 1, сс.6 и далее.

и третьего божества в провинции Симоса; все это говорит о связи между Тэнгу и лисами.

Действительно, интересно, как много характеристик японские Тэнгу разделяют с китайской лисицей. И те, и другие являются людям в облике Будды, или поджигают дома, или овладевают людьми, или узнают то, что происходит на расстоянии более, чем в 1000 миль. Китайские лисы-оборотни обладают волшебной жемчужиной, а по *Сясэкисю*, японской работе, датируемой началом 14-го века, «тот, кто становится Великим Тэнгу, получает жемчужину, красную, как агат. Если подержать эту жемчужину перед глазами, или возле ушей, можно увидеть, или услышать то, что происходит в трех тысячах миров». Хотя сила, приписываемая этой жемчужине, отличается от той, что обладает жемчужина по китайским верованиям, их сходство весьма примечательно.

Если мы объединим эти факты с нечетким термином, использованным Фудзивара-но Ёринага (1120-1156), который писал в своем дневнике *Тайки* (охватывавшем период 1142-1155) об образе «Небесного Повелителя Атаго-яма», знаменитой горы Тэнгу, то мы придем к выводу, что у японцев не было ясного разделения между Небесной Собакой и Небесной Лисицей, что они путали их до такой степени, что название первой прилагалось к характеристикам последней.

§ 2. Десятый и одиннадцатый века

Первая работа, в которой появляются японские Тэнгу, — *Уцубо Моногатари*, самое старое собрание японских легенд. Его цитируют в *Гэндзи Моногатари* (1004) и в *Макура-дзоси* (1000), а написание датируют концом десятого века. В главе 1 с названием Тосикагэ (№ 16, 2) мы читаем следующую историю: «В тот день император отправился в Китано, чтобы осмотреть тамошние горы. Его сопровождающий на тот день, Удаисё-но Отодо (Командир Правой Императорской Гвардии), повернул свою лошадь и сказал: 'Слушайте! Кто-то играет на кото'. Его старший брат, Миги-но Отодо (Удайдзин, Министр Правой Стороны) ответил: 'Как красиво отдается звук в Китаема! Похоже, что играет целый оркестр. Это кото походит на Сэакадзэ во Дворце. Давайте подъедем поближе и послушаем!' Его брат сказал: 'Кто бы стал играть для своего удовольствия в столь отдаленных горах? Я уверен, что это — Тэнгу; не стоит туда идти!' Однако его брат возразил: 'Так играют сэннин; что ж, тогда я пойду один'...» Войдя в лес, он обнаружил прекрасную

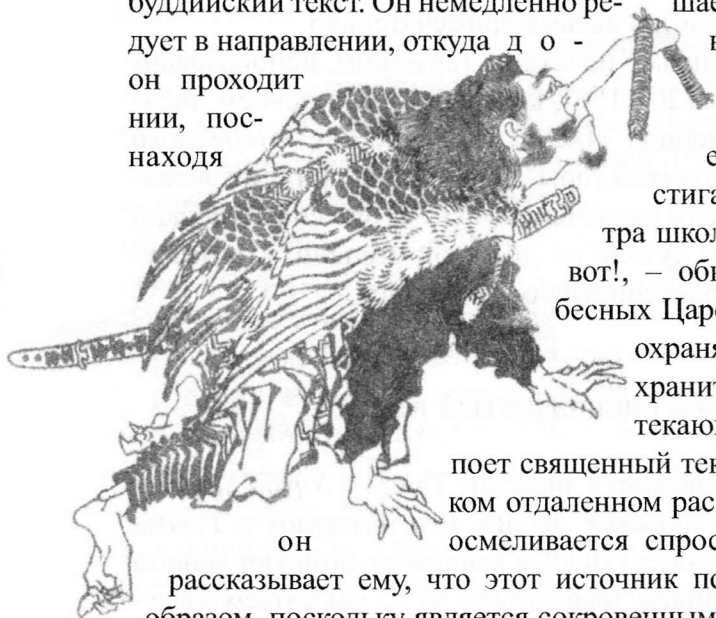
девушку, играющую на кото, но, вернувшись, сказал, что никого не нашел. Его спутники были уверены, что то было дело рук Тэнгу.

Эта история ясно показывает, что в те ранние времена Тэнгу считался горным демоном, обманывавшим людей и заманивавшим их в лесную чащобу.

Следующий источник – *Кондзяку Моногатари*¹⁸, написанный до 1077 г. Эта в высшей степени интересная работа содержит огромное количество легенд из Индии, Китая и Японии. Глава 20-я, пропущенная в *Кокуси тайкэй*, т. 16, помещена отдельно, вместе с главами 17 и 19 в т. 23 другого современного собрания старых книг, *Сисэки сюран*. В этой главе содержатся следующие истории о Тэнгу.

№ 1 (с.134). Тэнгу, на пути из Индии в Китай, слышит, как море (!) поет буддийский текст. Он немедленно решает положить этому конец и следует в направлении, откуда доносится звук. Таким образом, он проходит через Китай и достигает Японии, постоянно слыша голос, но не его источника. Наконец, он достигает подножия горы Хиэй, центра школы Тэндай рядом с г. Киото, и вот!, – обнаруживает там Четырех Небесных Царей с их служителями, которые охраняют Закон Будды, сидя, как хранители, у маленькой реки, вытекающей из горы. Вода этой реки поет священный текст, который он услышал на таком отдаленном расстоянии. Через какое-то время он осмеливается спросить о причине, и служитель рассказывает ему, что этот источник поет текст и охраняется таким образом, поскольку является сокровенным местом для большого количества ученых монахов с Хиэйдзан. У Тэнгу немедленно пропадает желание заставить пение прекратиться, он дает клятву стать монахом на Хиэйдзан и исчезает. И, действительно, он перерождается в облике человека и обретает положение настоятеля.

№ 2 (с.135). Сильный Тэнгу прибывает из Китая в Японию, чтобы выяснить, так же легко ли ладить с японскими монахами, как и с китайскими. Вместе с японскими сотоварищами он летит на Хиэйдзан и испытывает свою удачу, однако с позором проигрывает настоятелю, который с помощью тантры появляется наверху своего паланкина посреди высоко-

¹⁸ Написан Минамото-но Такакуни, умершим в 1077 г.

кого языка пламени. Две последующие попытки также окончились неудачей, и наконец он ложится на землю, пинаемый и избиваемый мальчишками. Затем его японский сотоварищ, наблюдавший за всем происходящим издали, со смехом спрашивает, многого ли тот добился, смазывает его бедра умашениями и отправляет обратно в Китай.

№ 3 (с.139). В эру Энги (901-922) в большом дереве-*каки* в предместье Киото объявился Будда, окруженный бриллиантовым сиянием и осыпaeмый дождем цветов. На протяжении более семи дней высокопоставленные лица и простолюдины приходили из столицы, чтобы поклониться ему. Наконец, очень умный министр, подозревавший, что все это – уловка Тэнгу, сам решил пойти туда и посмотреть. Он рассуждал так: «Злое колдовство (*гэдзюцу*) не длится более семи дней; сегодня я увижу, что это на самом деле». Прибыв на место, он отослал толпу прочь и в течении часа смотрел на Будду из своего паланкина, а на того все это время продолжал сыпаться дождь из цветов. Но вот! Под пристальным взглядом министра его сила иссякла. Он прекратился в большого коршуна (*кусотоби*, пустельга), свалился с дерева со сломанными крыльями и был убит маленьким мальчиком.

№ 4 (с.140). Буддийский монах, считавшийся весьма святым человеком, жил отшельником на Такаяма. Своими возгласениями он мог сбивать зверей с их троп и заставлять птиц падать на землю. В один из дней император (Энью, 969-984) заболел, и придворные служители безрезультатно пытались вылечить его своими молитвами. Тогда позвали святого с Такаяма, который очень быстро излечил больного. Это возбудило подозрения у других служителей. Со всем рвением они принялись читать тексты перед пологом, за которым находился святой. Внезапно раздался громкий крик, и комната императора наполнилась зловонием от собачьей мочи. Служитель спотыкаясь выбрался из-за полога и был избит до полусмерти. Умоляя сохранить ему жизнь, он признался, что поклонялся Тэнгу с Такаяма, дабы ему поклонялись все люди, и именно поэтому его призвали во дворец для излечения императора. Тогда его с позором изгнали из дворца. Автор замечает: «Так, хотя лицо, поклоняющееся подобному существу, и приобретает сверхъестественные силы (*рэйкэн*), в конце концов все выходит на свет. Никто не знал, что случилось с монахом. Даже сегодня на Такаяма остались следы его пребывания в том месте, где он молился Тэнгу».

№ 5 (с.142). Пока настоятель молился перед образом Будды, Тэнгу в облике монахини украл коробку со священными одеяниями. Будучи обнаружен и преследуем настоятелем, он взобрался на дерево, однако

свалился вниз под воздействием сокровенных молитв последнего, и настоятель получил свою коробку обратно.

№ 6 (с.142). На протяжении двух лет Тэнгу безрезультатно пытался соблазнить монаха с помощью женщины, душой которой он овладел. Наконец, та стала столь назойливой, что монах помолился Фудо Мёо о помощи, и божество обездвижило Тэнгу. Женщина закружилась на месте, стала биться головой о столб в храме и громко звать на помощь. Демон, говоря ее устами, сказал, что совершенно обессилел от божественного воздействия, и что его крылья сломаны. Он молит монаха отпустить его, и тот вновь возносит молитвы, в результате чего Тэнгу позволяет покинуть тело женщины. Она приходит в себя, убегает и больше никогда не досаждала монаху.

№ 9 (с.147). Бонза, практиковавший зловредное колдовство (*гэдзю-цу*) (точно то же, что в истории № 4), превращал деревянные и кожаные сандалии в маленьких собак, делал так, что из его живота выскакивала воющая лисица, входил в лошадь, или корову сзади и выходил у них изо рта и т.д. Занимаясь этим много лет, он в один из дней взял с собой молодого соседа, который хотел научиться этому искусству, к старому монаху в горах. По его совету юноша семь дней очищал себя суровым постом и воздержанием, а с собой захватил лишь немножко риса в новой, чистой корзинке, однако, не послушавшись запрета наставника, спрятал под одеждой короткий меч. Как только они пришли в дом к монаху, расположенный в глубине гор, таинственный отшельник сразу сказал, что его гость держит при себе меч, и приказал слуге вынести его прочь. Однако, юноша, подумав, что настал его последний час, решил продать свою жизнь как можно дороже и прыгнул на старика, выхватив оружие. Внезапно и гора, и дом, и монах пропали, и они очутились в одном из столичных храмов. Колдун ушел прочь, плача и горюя о том, что годы его трудов прошли впустую. Несколько дней спустя он внезапно умер. Автор добавляет: «Мы не знаем точной причины, однако, вероятно, он был почитателем Тэнгу. Молодой человек исчез; вероятно, он также умер. Человек, умелый в подобного рода искусствах, несомненно, несет в себе глубокую вину. Поэтому никто из верующих в Триратна не возжелает обучаться этому. Тот же, кто захочет этого, зовется человеком-собакой и, по преданию, не является человеком».

№ 11 (с.153). Дракон, принявший облик маленькой змейки, нежился на солнце на берегу озера, в котором жил. Внезапно с неба упал коршун и унес его в горы, где птица бросила свою добычу в глубокую расщели-

ну скалы. Это был Тэнгу, сыгравший с драконом плохую шутку, так как хорошо знал, что тот не в состоянии ни принять свою истинную форму, ни взлететь в воздух без хотя бы единой капли воды. Расщелина была совершенно суха и дракон уже приготовился к бесславной смерти, когда через четыре-пять дней к нему бросают вторую жертву. Это — монах, который вышел посреди ночи на веранду своего дома с кувшином в руках и был схвачен Тэнгу, ожидавшим его в засаде на верхушке дерева. Дракон, укрепленный каплей воды, остававшейся в кувшине, немедленно превращается в маленького мальчика, взлетает в воздух посреди грома и молний с монахом на спине и переносит его к дому на Хиэйдзан. А в это время Тэнгу, принявший облик монаха, обретает мудрость в Киото, но дракон бросается на своего врага и забивает его насмерть.

№ 12 (с.155). Совершенно неграмотный, но благочестивый священнослужитель распростерся в молитве перед изображением Будды посреди ночи, как вдруг он слышит голос из воздуха, говорящий ему: «Поскольку твоя вера в меня столь сильна, и ты возносишь мне столько молений, завтра я приду и заберу тебя во сне. Не уменьшай ревностность своих молитв». На следующий день служитель и его ученики, обернувшись к Западу, были погружены в молитву. В назначенный час ослепительный свет возник по соседству, на ели, стоявшей в западной стороне на вершине горы. Наблюдая со сложенными ладонями, они увидели голову Амида Буцу, окруженную золотым нимбом. Несколько бодхисаттв играли на музыкальных инструментах, а сверху шел дождь из цветов. Каннон, в середине пурпурного облака, поднесла золотой трон для ревностного монаха, и Амида, восседавший на лотосе, забрал его с собой на Запад. Ученики, уверенные, что тот удалился в Западный Рай, низко склонились в благодарной молитве. Однако, когда семь дней спустя один монах пришел в отдаленную долину, то услышал у себя над головой стоны. И вот! Это был тот самый служитель, совершенно голый, привязанный к верхушке дерева. Монах отвязал его, но несчастный вскричал: «Зачем ты это сделал? Будда сказал мне, что надо немного подождать, и тогда он придет и заберет меня». Затем он воскликнул: «Амида Буцу! Вот человек, убивающий меня!» Обманутый служитель сошел с ума и умер через несколько дней. Тэнгу обманул его из-за недостатка знаний; тот не понимал разницы между делом рук демонов и миром Триратна.

В других главах того же труда Тэнгу упоминаются лишь дважды. В гл.10, № 35, среди легенд, которые все начинаются словами «Однажды в

Китае...», мы читаем историю об отшельнике, который, будучи изгнан царем за то, что оскорбил царицу, умер в ссылке от горя и стал царем Тэнгу. Собрав их в количестве 10000, он перебрался в другую страну, так как некоторые Тэнгу не хотели иметь дела с тем, кто умер при подобных обстоятельствах. В гл. 28, № 28, буддийские монахини, опьяневшие от съеденных грибов и танцующие в горах, представляются лесорубам, как Тэнгу.

Рассмотрев указанные истории, мы увидим, что Тэнгу везде, кроме китайских легенд, играет роль заклятого врага буддизма. В борьбе с буддийским Законом они являются в облике Будды, монаха, или монахини. Их истинным обликом может быть коршун, так как именно в таком виде они падают с неба и уносят с собой дракона, или монаха. Они пытаются соблазнить служителей с помощью женщин, которыми овладели, а также направить бонз на ложный путь, даруя сверхъестественные силы тем, кто им поклоняется. Однако горе тому, кто должным образом не чтит силы, полученные от них, ибо в этом случае он умрет через несколько дней. Все же, Закон Будды сильнее этих демонов. Их можно подчинить возгласениями, при условии, что они читаются правильным образом. Одним из их самых любимых занятий уже в те дни было уносить прочь людей, в особенности – монахов, которых позже находили в состоянии сумасшествия, или помутнения разума.

Если можно верить Мабути¹⁹, одному из самых эрудированных исследователей древней Японии, то *Кудзики*, или *Сэндай кудзи хонги* были написаны за 700, или 800 лет до его времени, т.е. в десятом-одиннадцатом веке. Бакин, напротив, утверждает в *Нимадзэ-но кидзэнсю*, что они были составлены позже²⁰ буддийским настоятелем Тёном, который использовал несколько старинных книг для подделки утерянного труда *Кудзи хонги*, принадлежавшего Сётоку тайси (572-621). Мне кажется, что Мабути и Бакин говорят о разных книгах. Первый, вероятно, имеет в виду *Кудзи хонги*, которую мы находим в К.Т.К., т. 7; второй – другую, более позднюю работу под тем же заголовком, однако обе они представляют собой подделку утерянного труда Сётоку тайси. В более древней из двух Тэнгу не упоминается, однако во второй о нем идет речь однажды. Однако, ценность данного отрывка представляется довольно низкой, поскольку в японской литературе он остается в полном одиночестве. В нем говорится следующее:

¹⁹ 1697-1769; цитируется у Иноуэ в *Ёкайгаку коги*, ii., с.236.

²⁰ По *Нихон кодай мондзихо*, принадлежащей Отиай Наодзуми (1839-1891), Тёон написал эту книгу в эру Тэнва (1681-1683). Еще до публикации, эта книга была признана подделкой, плодом его собственного воображения. Издатель был сослан, и Тёона постигла бы та же участь, если бы не заступничество матери Сёгуна.

«Яростный дух Сусаноо-но Микото переполнял его грудь и живот. Его излишек обратился слюной, обратившейся божествами – Небесными Собаками (чтение кана – ама-но дзаго ками), женского рода, но очень сильными. Тела у них, как у людей, но с головами животных, с длинным носом, вытянутыми ушами и удлинёнными зубами».

Далее автор заявляет, что они легко выходят из себя и становятся тогда особенно яростными. Когда они толкают человека, или бога, каким бы сильным он ни был, вперед своим носом, тот отлетает на тысячу миль. Их зубы столь крепки, что они могут прокусывать мечи. Они беременеют, вдыхая миазмы.

Вероятно, это – чистая выдумка. Автор, без сомнений, обнаружил в китайских книгах, упоминавшихся выше, отрывки о Тэнгу, как женщинах-сэннин, как четвероногих животных в горах, и хотел перенести эти данные на синтоистскую почву. Упоминание о длинных носах представляется мне свидетельством того, что эта работа – не особенно древнего происхождения, так как мы не обнаруживаем подобного описания Тэнгу в работах до Ёсино сюи (см. ниже), датируемой второй половиной четырнадцатого века.

§ 3. Двенадцатый и тринадцатый века

В Эгива моногатари, написанной около 1100 г., говорится о величественном буддийском храме, который построил император Сиракава (1072-1086) в 1077 г. На том месте, где, как предполагали, жил Тэнгу. Автор пишет: «Хотя я слышал, что Тэнгу будет мешать строительству храма, так как это ему не нравилось, все же освящение произошло в весьма торжественной обстановке».

Здесь Тэнгу опять изображается врагом буддизма, намеревающимся мешать благочестивым намерениям императора.

В *Окагами*, работе, датируемой первой половиной двенадцатого столетия, мы читаем о болезни императора Сандзё (1011-1016). Вскоре после своего вступления на трон он ослеп, однако время от времени зрение возвращалось к нему. В его глазах не было ничего особенного, за исключением очень чистых зрачков. Через некоторое время явился призрак (*моно-но кэ*) монаха Кансэна и сказал: «Я езжу на шее императора и закрываю крыльями его глаза; когда я хлопаю крыльями, он может немного видеть». После этого император отрекся от престола и отправился на Хиэйдзан, однако

его молитвы о выздоровлении не были услышаны. После этого люди сказали: «Теперь его болезнь должна ослабнуть, а молитвы – подействовать. Это, безусловно, дело рук Тэнгу с Хиэйдзан».

В этом отрывке мы обнаруживаем, что Тэнгу не только строит козни служителям, дабы принизить Закон Будды, но даже мучает императора, безусловно с целью возбуждения придворных интриг и смущения в мире. Как и в китайской истории из *Кондзяку Моногатари*, этот Тэнгу является озлобленным духом служителя, вероятно павшим жертвой несправедливости близких к Трону, умершим в состоянии ярости.

*Тайки*²¹, дневник Фудзивара-но Ёринага, утверждает, что в 1155 г. Человек вбил гвоздь в глаз изображения «Небесного Повелителя» Атаго-яма. Ёринага пишет: «Я знал только, что Небесный Повелитель Атаго-яма летает, но не знал, что на Атаго есть его изображение».

В *Хоссинсю*²² Тэнгу упоминается три раза.

В первой истории²³ мы читаем, как на протяжении тысячи ночей монах в храме возносил одну и ту же молитву: «Овладей мною», и что другой монах, слышавший эти слова, стал подозревать его в призывании Тэнгу, который должен был им овладеть²⁴.

Во втором отрывке²⁵ говорится о благочестивом монахе, пообещавшем своему учителю на его смертном одре служить ему и в будущей жизни. Однако учитель стал на путь Тэнгу (Тэнгу-до) и, соответственно, его ученик, связанный обещанием, умер, сойдя с ума, и также превратился в Тэнгу. При ином исходе он должен был попасть в рай. Чтобы сообщить об этом, он вошел в свою мать и, говоря ее устами, умолял ее молиться о его душе. Она так и поступила, и через некоторое время он снова вошел в нее и сказал, что благодаря ее молитвам он теперь следует в рай. В доказательство того, что он сбрасывает с себя нечистое тело Тэнгу, ужасающее зловоние, заполнившее дом, сменилось на изысканное благоухание.

В третьем отрывке²⁶ служитель, считавшийся весьма благочестивым, построил храм, чтобы ублажить свое тщеславие. Соответствующим образом, после смерти он был наказан и превращен в Тэнгу, который овладел

²¹ Дневник, ведшийся на протяжении с 1142 по 1155 год; цитируется Андо Тамэаки в его *Нэнсан кибун*, написанном в 1702 г.; *Хякка сэцурун*, т. 1, с. 140, гл. 6.

²² Буддийский труд Камо-но Тёмэя, 1154-1216.

²³ Сисэки сюрэн, т. 23, № 22, 1, с. 14.

²⁴ Ср. *Кодзидан*, гл. 3, К.Т.К. 25, с. 89.

²⁵ Гл. 2, с. 41.

²⁶ Гл. 8, с. 168.

одним из живущих и рассказал его устами, как он обманывал людей при жизни своей ложной благочестивостью, и как жестоко оказалось его наказание. В дни праздников в храме его страдания были особо невыносимыми. В этих легендах мы впервые встречаемся с путем-Тэнгу, как одним из наказаний в аду для тщеславных и ханжеских служителей.

В *Кодзидан* (написано в 1210-1220 гг.) мы находим следующие легенды. В 865 г. императрицей овладевший Тэнгу, жестоко мучивший ее. Ее устами он говорил монахам оскорбительные слова, а они на протяжении нескольких месяцев безрезультатно пытались изгнать его своими возгласаниями. Наконец, Фудо-Мёо, который несколько раз отворачивал свое лицо от достопочтенного настоятеля Со-о²⁷, долго молившего его о помощи в этом деле, открыл ему во сне, что Тэнгу являлся духом настоятеля, который при жизни обладал тантрой Фудо, но после из-за своих неверных взглядов попал на путь Тэнгу. Хотя теперь он и являлся Тэнгу, но все еще оставался под защитой Фудо по причине своего исходного обета (*хонсэй*), поэтому невозможно было преодолеть его с помощью возгласаний, направленных к этому божеству. Однако, если монах воспользуется другой тантрой, которую божество тут же передало ему, то с демоном можно будет справиться. Настоятель последовал совету и, действительно, смог победить Тэнгу. Получив от демона обещание никогда более не возвращаться, он отпустил его, а императрица немедленно выздоровела.

В другом рассказе²⁸ повествуется, как однажды с Хиэйдзан исчез монах. Его ученики предположили, что он был унесен Тэнгу, однако, как выяснилось позже, это было не так.

На стр. 87 и далее мы читаем о маленькой девочке двенадцати лет, внезапно потерявшей сознание. Овладевший ей Тэнгу говорил ее устами. Когда настоятель спросил его имя, демон ответил, что стыдится произнести его вслух, но лучше запишет его. После этого девочка, которая в нормальном состоянии не знала даже азбуки-кана, написала китайскими иероглифами имя почившего настоятеля. Тэнгу обещал выйти из девочки, которая немедленно поправилась.

В этих легендах Тэнгу опять-таки являются не более, чем призраками монахов, овладевающими людьми и говорящими их устами, либо — похищающими своих прежних коллег.

В *Хэйдзи моногатари*²⁹ мы читаем: «Рассказывают, что Ёсицунэ

²⁷ Этот же настоятель в 888 г. вылечил императрицу Рокудзё, изгнав овладевшую ей лисицу-колдунью (*Фусо рьякки*, гл. 22, К.Т.К., т. 6, с. 634).

²⁸ Гл. 3, с. 74.

²⁹ Написана в 1200-1225 гг.; издание с объяснительными заметками, гл. 3, с. 262.

ночь за ночью учился военному искусству у Тэнгу в Содзё-га тани, Долине Настоятеля у Курама-яма. Вот почему он был способен бегать и прыгать так как не мог никто из людей».

В *Гикэйки* (написано около 1220 г.), повествующей историю о Ёсицунэ, также говорится об этой долине. Прежде тамошний храм посещали тысячи паломников, и днем и ночью можно было слышать молитвенные колокольчики и барабаны-кагура. Однако теперь на этом месте живут лишь Тэнгу. Когда вечернее солнце склоняется к западу, раздаются громкие крики духов (*моно-но кэ*, т.е. Тэнгу). Кто бы из паломников ни осмелился приблизиться к этому месту, его хватают и мучают Тэнгу. Поэтому там совершенно пустынно. Однако, Усивака (юношеское имя Ёсицунэ) тайно ходил туда.»

Хаяси Радзан посвящает этой легенде главу в своем *Хонтё дзиндзяко*. Младший сын Ёситомо, Миямото-но Усивака, в последствии названный Ёсицунэ, был пощажен Тайра-но Киёмори после войны Хэйдзи (1159) при условии, что он станет монахом и будет обучаться в храме в Курама (Курама-дэра). Однако, молодой человек бежал оттуда и выступил против Тайра, которых и разбил в сражении при Дан-но ура (1185). По народному поверью, он приписывал свой успех Тэнгу, которого однажды встретил в облике странного человека, или *ямабуси* в Долине Настоятеля, и который научил его владению оружием.

Здесь мы впервые читаем о способности Тэнгу управляться с мечом. Причина того, что он наставлял Усивака, заключалась, разумеется, в желании разжечь войну.

В *Хогэн моногатари*³⁰ говорится следующее: - В 1141 году император Сутоку был принужден своим отцом, императором Тоба, отречься от престола в пользу своего младшего брата, императора Коноэ, который умер в 1155 году, и которому наследовал другой его брат, император Го Сиракава (1156-1158). Однако Сутоку, поддерживаемый Фудзивара-но Ёринага, восстал против последнего, и началась война годов Хогэн (1156). Сутоку потерпел поражение и был сослан в провинцию Сануки. Там он переписал пять томов [трудов] Махаяны, после чего отослал прошение императору поднести их от себя одному киотосскому храму, однако Го Сиракава ему в этом отказал. Тогда Сутоку объявил, что станет врагом своего брата даже в будущей жизни. Он укусил себя за язык и кровью, вытекавшей из него, написал на каждом из скопированном им свитке следующую клятву: «Я бросил пять томов [трудов] Махаяны на три Пути Зла (сан акудо,

³⁰ Написана между 1200 и 1225 гг.; издание с объяснительными замечками, последний свиток, с. 243.

т.е. Ад, Путь Претов и Путь Животных, дзигоку-до, гаки-до и тикусё-до). Этим своим знаменательным деянием я стану Великим Демоном Японии. Я погружу мир в смуту и буду преследовать народ.» С тех пор он больше никогда не стриг себе ногти и волосы, и еще при жизни стал похож на Тэнгу. После своей смерти (1164) он превратился в демона, и все войны того кровавого времени народное верование приписывало его влиянию. Го Сиракава так боялся злых духов своего брата и его союзника Ёринага, что построил синтоистский храм в их честь на поле битвы.

По *Гукансё*³¹, в 1184 г. в том храме появилась таинственная змея, а один из чиновников, надзиравших за храмом, увидел чудесный сон. Люди верили, что все это было делом рук Тэнгу, в частности – злого духа Сутоку. Женщина, с которой он состоял в любовной связи, построила в своем доме в Киото часовню для его духа, и понемногу распространился слух, что там происходили чудеса.

В *Гэмпэй сэйсуйки*³² мы читаем ту же историю, а в главе 12 (с. 312) дух появляется во сне Норимори. Хотя Го Сиракава поднял Сутоку до уровня Бога Сануки, а Ёринага присвоил высокий посмертный титул, злые духи не успокоились. Это было очевидно из содержания сна Тани-но Норимори, который увидел Сутоку со своими генералами и сотнями солдат на перевале у Кохата-яма. Покойный император имел длинные ногти на руках и ногах. Его волосы стояли дыбом, как серебряные гвозди, а глаза были как у коршуна. Они решили войти в столицу и стали раздумывать, в каком из домов остановиться Сутоку? Поскольку для них было невозможным войти во дворец Го Сиракава, так как именно в тот момент там присутствовал глава школы Тэндай, и Фудо с Дай Итоку охраняли все ворота, группа проследовала к дому Дадзё Нюдо.

В *Гукансё*³³ есть следующая история: - В 1196 году дух императора Го Сиракава, умершего за четыре года до этого, овладел двумя женщинами и монахом, посредством которых он стал говорить с людьми, приказывая поклоняться себе. Император Го Тоба отправил их в ссылку, посчитав, что те пытаются обмануть его. Однако, когда то же самое повторилось, он поверил, что именно призрак Го Сиракава говорил устами этих людей, и уже был готов исполнить его приказание. Тогда настоятель Дзиэн (вероятно – автор *Гукансё*) написал ему письмо, в котором рассматривал все происходящее, как дело рук лисиц, или Тэнгу, которые с древних вре-

³¹ Гл. 5, К.Т.К., 14, с. 531.

³² Написано около 1250 г., *Тэйкоку бунко*, т. 5, гл. 8, с. 195.

³³ Написано в 1220-1225 гг., приписывается настоятелю Дзитину, также называвшемуся Дзиэном, который умер в 1225 г. Гл. 6, К.Т.К., 14, с. 555 и далее.

мен любили, чтобы им поклонялись, и приводили мир в замешательство. «Уже,- говорил он,- многие в столице воздвигли храмы духу Го Сиракава, так как узнали, что вы намереваетесь поклоняться ему. Таким образом, усопший император входит в сношение со всяким низким человеком и пользуется такими дураками, как *мико*, *каннаги* (гадалки) и танцовщики *сару-гаку* (обезьяньих танцев). Если такое случится, мир придет к краху.» Император, следуя совету настоятеля, послал последнюю из несчастных женщин в монастырь и больше не обращал внимания на слова духа. Женщина понемногу выздоровела. «Было бы прискорбно, если бы император принес вред стране, прислушавшись к подобным словам. Что касается прочих лиц, которыми овладел Тэнгу и которых император отправил в ссылку, то они позже были прощены и здравствуют до сих пор».

На стр. 597 (гл. 7) автор говорит о Ёрицунэ (сыне Фудзивара-но Мити-из), ставшем сёгуном Камакура на второй год (1219). Такого прецедента в истории еще не было. Всегда существовала пропасть между кугэ и букэ, между придворной аристократией и военной кастой. Он был первым, кто сочетал в себе оба класса. Неудивительно, что среди прочих членов фамилии Фудзивара возникло сильное раздражение, поскольку они сочли это пятном на своем имени. Автор замечает: «Неясно, было ли это идеей Хатимана, Великого Бодхисаттвы, или работой Небесной, или Земной Собаки. С древних времен злые демоны разрушали землю и губили людей. Поэтому сперва следует молиться Будде и богам».

В гл. 6 на стр. 549 мы читаем о монахе без знаний, о котором люди говорили, что он злословит о других и «почитает лишь Тэнгу», а в гл. 5 на стр. 529 восстание Минамото (Кисо)-но Ёсианака против императора Го Сиракава, чей дворец он сжег в 1184, приписывается козням Тэнгу, а именно – Сутоку и его последователям.

В этих легендах Тэнгу предстают злыми духами мертвых, однако, с другой стороны, теперь они ставятся в один ряд с лисами, а также с «Небесными Собаками». Из этого факта Бакин делает вывод, что последние являются тем же, что и лисы. Точно так же, как лисы, Тэнгу овладевают людьми, чтобы принести вред миру и ввергнуть его в хаос. Желание Тэнгу быть почитаемыми людьми, отмеченное нами уже в ранних источниках, ясно вырисовывается из совета, который Дзиэн дал императору.

В *Гэмпэй сэйсуйки* (гл. 8, стр. 206) божество Сумиёси является отошедшему от дел императору Го Сиракава и говорит ему, что, хотя монахи на Хиэйдзан ведут себя очень плохо, препятствуя его миссионерской деятельности в Миидэра, в действительности это не их вина, но дело рук

небесных демонов (Тэмма) Японии, собравшихся вместе и овладевших монахами. Когда император спросил его, что за существа эти Тэмму, божество ответило, что это животные с небольшой сверхъестественной силой, и что они бывают трех разновидностей: Тэмма, Хадзюн (те же, что и Махадзюн) и Маэн. Что касается первого вида, продолжило божество, то все гордые отшельники и ученые, а также все люди с плохими наклонностями, плутающие в темноте глупости, не любят оказываться в лучах святых и становятся Тэмма. У них голова Тэнгу и человеческое тело с крыльями по бокам. Они обладают сверхъестественными силами и знают, что случилось сто лет назад, и что произойдет через сто лет. Они летают по небу, как соколы. Будучи буддистами, они не попадают в ад, но из-за дурных наклонностей они не могут войти в рай. Тот, кто мешает благочестивым верующим и высмеивает их молитвы, после смерти встанет на путь Тэнгу. Восемь, или девять из десяти нынешних монахов движутся в этом направлении и нарушают Закон Будды.

Приведем далее полную цитату: «Гордые монахини становятся монахинями-Тэнгу, монахи – монахами-Тэнгу. Хотя у них лица Тэнгу, но головы – как у монахинь и монахов; хотя рядом с руками у них крылья, они носят что-то наподобие платья, а на плечах – накидку (*кэса*). Когда обычные люди, обуянные гордостью, обращаются Тэнгу, у них – лица Тэнгу, но на головах – *эбоси* (шапка, первоначально носимая лишь представителями аристократии); хотя у обеих их рук – крылья, все же их тела покрывает что-то вроде *суйкан-бакама* (шелковое одеяние, которое в древности носили придворные), *хитатарэ* (одежда древних простолюдинов), или *каригину* (разновидность шелкового одеяния, надевавшегося аристократами при выходе на соколиную охоту). Когда обычные возгордившиеся женщины превращались в Тэнгу, они начинали носить на головах парики, а лица свои покрывали чем-то вроде красно-белой краски; они удлиняли себе брови и чернили зубы. Надев красные *хакама* (свободные штаны-юбку) и *усагину* (тонкое шерстяное платье), они летали по воздуху. Когда Тэнгу прекращает быть самим собой и готовится обрести тело человека, он углубляется в абстрактное созерцание (*самадхи*, *нюдзё*) на вершине горы, или в удаленной на тысячу миль долине, куда не заходит никто. Тогда его называют Хадзюн, и считается, что он обретает человеческое тело через десять тысяч лет. Хотя те, кто возгордился, или придерживается неверных принципов, несомненно станут Тэнгу, их называют Маэн (связь с демоном), покуда мир еще об этом не знает, а они продолжают считать себя выше других. Их зовут Маэн, так как все Тэнгу (демоны, *ма*) пользуются этой гордыней, чтобы устано-

вить связь (эн) (между ними и теми, кого обуяла гордыня), дабы слиться с ними³⁴. Поэтому, если служить Будде без гордости, не будет *маэн*, и ни один Тэмма (небесный демон) не сможет чинить им препятствия. Хотя в мире есть большое количество Тэмма, они никогда не смогут войти в дом, где отсутствуют всяческие связи, посредством которых они в состоянии принести ущерб (его обитателям). Поэтому как только ты (император) возгордился и тем самым предоставил демонам (*мао*) возможность нападения, Тэнгу со всей Японии овладели монахами с Хиэйдзан и помешали твоим молитвам (в Миидэра). В действительности вина заключена в твоей гордыне. Ты думал: 'Среди тех сорока императоров, кто предшествовал мне, никто не был столь ревностным буддистом, как я; даже среди монахов благочестие, подобное моему, редко. Я никогда не пропускал двойной ночной молитвы перед мандалой'. Поэтому *маэн* была с тобой. Собралось много Великих Тэнгу, и твоя молитва не могла осуществиться».

Далее, божество наставляет императора, что высокоученые монахи становятся Великими Тэнгу, а малознающие – Малыми Тэнгу. «Если они полностью лишены знаний – ибо такие также обуреваемы гордыней – они попадают на Путь Скотов (*тикусёдо*) и, перерождаясь лошадьми, или волами, претерпевают избиения и мучения с утра до вечера. В средневековье в Японии жил настоятель по имени Какимото-но Ки, ученик Кобо Дайси. Он был также его близким другом и почти равным по способностям. Однако, он возгордился, сочтя себя обладателем Великого Закона, и стал первым Великим Тэнгу Японии, Таробо с Атаго-сан. Поскольку в мире много гордецов, многие становятся Тэнгу, и на всех горных пиках страны их собирается по двадцать, тридцать, пятьдесят, а то и по сто и по двести.»

После этих слов божества император признался, что, действительно, хвалил себя, как самого благочестивого из императоров, и сказал, что его переполняет раскаяние.

В ночь кремации тела Киёмори (1181, гл. 26, с. 668) самураи устроили вакханалию, во время которой смеялись, пели и танцевали. Когда двоих из них арестовали, они сказали, что всего лишь собирались утопить свою грусть в вине, но эти отговорки сочли ложью, и их немедленно прогнали прочь. Однако, автор *Гэмпэй сэйсуйки* уверен, что ими овладел Тэнгу, поскольку трудно было представить, что кто-то дебоширил бы по своей воле в столь грустную минуту. Такой же рассказ мы находим и в *Хэйкэ моногатари*.

Автор *Гэмпэй сэйсуйки* приписывает также поджог дворца в Киото (гл. 26, с. 669) Тэнгу и злым демонам, целью которых, очевидно, было падение Дома Тайра.

³⁴ Гордыня является, так сказать, ключом, которым Тэнгу отпирают двери.

Рассматривая эти легенды, мы видим, что Тэнгу описываются глубоко по-буддийски и считаются понесшими наказание духами возгордившихся монахов, или мирян. Помимо борьбы с буддизмом, они вызывают смятение в мире. Здесь впервые мы находим упоминание об их склонности к поджогам и об их способности знать прошлое и будущее на период в сто лет, что, как мы увидим ниже, открывается во время их сборищ, как это описано в более поздних источниках.

В *Дзиккансё*³⁵ говорится, что во времена правления императора Го Рэйдзэй (1045-1068) дела в мире были расстроены Тэнгу. Старых монахов спас коршуна из рук мальчишек, собиравшихся его убить. Этот коршун пришел к нему в облике служителя и предложил вознаграждение за спасение своей жизни. «Будучи знаком с низшей формой колдовства, – сказал он, – я способен многое для тебя сделать». Старик ответил, что в мире для него не осталось ничего привлекательного, однако он хотел бы увидеть Сяка Нёрай, излагающего Закон на Священной Горе. Тогда Тэнгу – хотя имя не указано, это был именно он – перенес его на вершину горы и приказал закрыть глаза и не открывать их, покуда тот не услышит голос Будды. Но он не позволил ему ощутить никакой набожности. Шакьямуни появился, окруженный бодхисаттвами и святыми. С неба падали цветы, дул мягкий благоухающий ветер, а небожители, сидя в ряд на облаках, образовывали небесный хор. Шакьямуни, восседавший на лотосе, проповедовал с чрезвычайно серьезным видом, демонстрируя глубочайшую мудрость. Зрелище было величественным, превосходя все описания. Через некоторое время старый монах, преисполнившись набожности, склонил голову и заплакал. Однако вдруг видение исчезло, как если бы он проснулся ото сна. Он обнаружил, что лежит в глубокой траве на том же месте, где встретил Тэнгу. Тот появился вновь и сказал: «Поскольку ты, не послушав моего совета, проявил свою веру, явился небожитель и сказал: 'Как смеешь ты обманывать столь набожного человека?', после чего ударил нас, и все монахи (т.е. Тэнгу), которых я призвал на помощь, бежали прочь. Меня били по обоим крыльям, и мое умение тут мне помогло». С этими словами он исчез.

В следующей истории³⁶ говорится о Тэмма в Индии, который также показал Будду архату с тем условием, что он не станет ему поклоняться. Однако архат не последовал совету демона и, когда он почтительно поклонился, Тэмма немедленно появился перед ним в своей исходной фор-

³⁵ Написано вскоре после 1252 г.; К.Т.К., 15. гл. 1, № 7, с. 630.

³⁶ Гл. 1, № 8, с. 632.

ме, с ожерельем из костей вокруг головы, вместо нимба. «Это было,- пишет автор, точно так же, как превращаются нынешние Тэнгу».

Здесь мы ясно видим, что в древней Японии характер буддийского демона был перенесен на Тэнгу.

В *Коконтёмонсю*³⁷ приводятся следующие истории: - В период Кэм-по (1213-1218) благочестивому монаху постоянно мешал в его религиозной деятельности Тэнгу в облике *ямабуси* (буддийский монах-пилигрим, бродящий по горам), который наконец отнес его по поздуху к своей хижине и предложил странную рыбу и сакэ, принять которые он мудро отказался. Поскольку он непрестанно молился, явились два небожителя, одетые в белое, с париками на головах. Немедленно все Тэнгу убежали прочь и спрятались, став вдруг маленькими, как крысы, за стропилами. Небожители отнесли монаха обратно в его дом по воздуху. «Столь велика сила веры даже в нынешние нечестивые дни», — заключает автор.

В то же время (гл. 17, с. 548) был украден маленький мальчик семи лет от роду. Три дня спустя посреди ночи кто-то постучал в ворота и позвал: «Откройте! Вот ваш пропавший сын!» Не последовало никакого ответа, тогда снаружи раздался какой-то шум и смех, и в дом что-то влетело. Это, действительно, был ребенок, близкий к смерти. Мать созвала всех и всяческих колдунов (кэнся, ёримаси и мико) молиться о нем, с чьей помощью он смог освободиться от огромного количества лошадиного навоза, который Тэнгу давали ему под видом сладостей. Сперва он не мог говорить, но понемногу пришел в себя.

На стр. 553 мы читаем о Тэнгу, который в монашеском облике вел другого монаха от монастыря к монастырю. Убедив его продать свой меч, чтобы купить вина, он привел беднягу с собой на вершину колокольни Киёмидзу-дэра в Киото и привязал там беднягу побегами лозы между крышей и перекрытиями. В конце концов кто-то пришедший бить в колокол услышал стоны монаха и развязал его. Другой Тэнгу (гл. 17 с. 541), также превративший себя в монаха, принес бонзу по воздуху на незнакомую гору, где собралось большое количество его сотоварищей Тэнгу, все в облике служителей. По приказу старшего из них его отнесли домой тем же способом.

В 1242 г. (гл. 17, с. 553) во время большого праздника в Киото одного монаха нашли лежащим на ветвях сосны. Его волосы были уложены странным образом, и сам он был полумертвый. Это была, без сомнений, проделка Тэнгу.

Эти истории открывают новую страницу в череде легенд о Тэнгу.

³⁷ Написано в 1254 г.; К.Т.К. 15, гл. 17, с. 545.

Хотя основным и главным мотивом их поступков продолжает оставаться враждебность Закону Будды, выражающаяся в осознании препятствий и помех служителям в их благочестивой деятельности, в унесении их прочь, в привязывании их к верушкам деревьев, или башен, теперь же, с другой стороны, они крадут детей с единственной целью привести в отчаяние родителей, а затем возвращают в ужасном состоянии и с помутненным рассудком. В основном они являются в облике *ямабуси*, а пища, предлагаемая ими своим невольным гостям, оказывается впоследствии не чем иным, как навозом.

В *Хякурэнсё*³⁸ говорится, что в 21-й день 12-го месяца 1089 года отошедший от дел император (Сиракава) посетил Хиконэ-дэра, храм в горах Хиконэ, который был широко известен, как место обитания Тэнгу. В те времена и благородные, и простолюдины предпринимали паломничество в этот храм, так как считалось, что только до конца того года можно обрести защиту Будды, помолившись ему в том месте. Уже через несколько дней паломничество будет безрезультатным. Молва же, однако, приписывала это Тэнгу (хитростью принуждавшим поклоняться им и помогавшим тем, кто туда приходил). На следующий год паломничество прекратилось.

В *Адзума кагами*³⁹ мы читаем: «В 1234 году в Нара появился Тэнгу, за одну ночь написавший на более, чем тысяче домов иероглифы *ми-рай-фу*. Значение этих знаков необъяснимо. Это очень странно».

В 1252 году⁴⁰ в Камакура Тэнгу говорил устами одной девочки, которой он овладел, и рассказал историю времен эры Дзёкю (1219-1221). В те времена император Го Тоба был побежден Ходзё и сослан в Амагори в провинции Оки, где и умер в 1239 году. Теперь этот Тэнгу объявил, что пришел в Камакура, как посланник усопшего императора и что он прожил долгое время в доме сёгуна, до тех пор, пока монах не причел там сутры, а охраняющие Закон небожители не выгнали его из дома. После этого он овладел девочкой. Настоятель, к которому она прибежала, попытался изгнать его возгласениями, и в конце концов это ему удалось. Несколько часов она лежала без сознания, но, придя в себя, она все еще не могла собраться с мыслями. Сёгун, услышав об этом, послал за матерью девочки и приказал ей рассказать всю историю. Изложенное еще более убедило его в силе буддизма (так как Тэнгу был изгнан из его дома и из девочки настоятелем).

В *Сясэкисю*⁴¹ содержатся следующие легенды о Тэнгу: — Монах намере-

³⁸ Написано после 1259 г.; К.Т.К., 14, гл. 5, с. 54.

³⁹ Написано вскоре после 1266 г.; гл. 29, т. 6, с. 107.

⁴⁰ Гл. 41, т. 8, с. 1.

⁴¹ Написано монахом Мудзю, умершим в 1312 году. Гл. 8, сс. 15 и далее.

вался провести ночь в старой часовне, расположенной в горах. Поскольку деревенские люди сказали ему, что там живут Тэнгу, он спрятался за изображением Будды. Среди ночи он увидел процессию из двадцати, или тридцати маленьких монахов, выходящую из вершины горы. Они сопровождали высокого, статного служителя, ехавшего в паланкине, и все вошли в часовню. Испуганный монах за изображением немедленно сделал знак, с помощью которого становишься невидимым, однако высокий служитель сразу же его обнаружил. Сперва он отослал своих сопровождавших, чтобы те поиграли снаружи, а затем дружелюбно пригласил дрожащего монаха подойти поближе и научиться у него, как надо правильно делать знак, чтобы становиться невидимым. Открыв ему этот секрет, высокий служитель сказал, что приказал своим маленьким прислужникам уйти, так как не желал объяснять важные вещи в присутствии подобных недостойных. После этого монах попробовал сделать знак еще раз, и на этот раз действительно стал невидимым. Высокий служитель позвал своих спутников, и они принялись плясать там, что продолжалось до рассвета. После этого они вышли из часовни и вернулись обратно в вершину горы.

Во второй истории⁴² излагается следующее: — Из горного монастыря был похищен маленький мальчик. Через несколько дней его нашли без сознания на крыше. Когда с помощью тантры его привели в чувство, он рассказал о своих приключениях. *Ямабуси* привели его в место посреди гор, называвшееся Амакудзи. Главный из всех собравшихся *ямабуси*, очень старый и достойный монах, призвал к себе мальчика и сказал: «Все они — ничего не стоящий сброд; не бойся их, просто спокойно смотри перед собой». *Ямабуси* принялись плясать, но через некоторое время с неба спустилось что-то наподобие сети и пало на танцующих. Безуспешно они пытались бежать. Из ячеек сети вырвались языки пламени, постепенно сжегшие их до пепла. Однако, через какое-то время они вновь стали теми же *ямабуси* и развлекались, как если бы ничего не произошло. По команде старого монаха они отнесли ребенка обратно в монастырь.

В третьей легенде усопшего монаха, обладавшего большими знаниями, который, как все предполагали, возродился в раю, встретил в горах один из его учеников, и тот отвел его к своему новому месту пребывания. Это был старый монастырь во внутренней части Касуга-яма. В зале проповедей рядом сидели монахи в полном одеянии, проводя встречу с обычными вопросами и ответами. Однако, внезапно с неба спустился большой кувшин с вином, черпак и чашки, а также демоны ада, которые

⁴² Гл. 8, с. 15 b, 16 a.

наливали из кувшина в чашки расплавленную медь и предлагали монахам, которые сгорали и превращались в пепел. Через некоторое время они возникали вновь и занимали свои места в кельях. Монах, приведший ученика в это место, сказал ему: «Мы получаем столь жестокое наказание, так как при жизни изучали и практиковали Закон Будды с сердцем, исполненным амбиций и страстей».

Относительно этих историй Мудзю замечает следующее: «Тэнгу не упоминаются в классических буддийских писаниях. Они могут быть теми, кого прежние буддийские ученые называли маки (злые дьяволы). Это слово распространилось только в Японии. Вероятно, это название разновидности демонов. Те среди буддистов, кто нарушает предписания и бесстыдны, будут, вероятно, наказаны указанным образом. Служащие Будде, но не отрешившиеся от самомнения, гордости, амбиций, скрытности и лживости, получают такое наказание».

Немного ниже он заявляет: «Хотя мир демонов в принципе един, все же различаются демоны хорошие и плохие. Те из людей, кто в своей жизни верили Учению Будды, но были гордецами, практикуют также (и после смерти) в качестве демонов буддийского Закона, не мешая другим в их практиках; они становятся даже защитниками буддизма. Однако неверующие, думающие лишь о славе и обретениях, очень гордые (в виде демонов) мешают расти 'Корням Добра'. Поэтому спасение от них далеко. И среди монахов школы Сингон есть некоторые, кто идет этим путем (т.е. павшие на путь Тэнгу). Говорят, что недавно известный монах Сингон с Коя-сан стал Тэнгу и наставлял своих учеников в тайных знаниях устами человека, которым он овладел. Мудрый и благонамеренный станет везде (даже на пути Тэнгу) практиковать буддийские ритуалы и (наконец) покинет мир демонов. Поэтому есть хорошие и плохие Тэнгу».

В этой работе Тэнгу описываются, как этого и следовало ожидать от автора, буддийского монаха, с позиций чисто буддийских; это просто адское наказание для гордых и амбициозных монахов. Здесь мы впервые узнаем, как наказываются такие люди, а именно – что их принуждают глотать раскаленную медь и сжигают горячей сетью. Теперь мы видим Тэнгу с иной точки зрения, поскольку проводятся различия между плохими и хорошими. В первой легенде высокий настоятель – хороший Тэнгу, а его маленькие последователи – плохие. Во второй истории мы замечаем то же различие между старым монахом и *ямабуси*, а главный монах в третьей истории также, очевидно, хороший Тэнгу.

§ 4. Четырнадцатый век

В *Ёсино сюи*⁴³ изложены следующие истории: - Молодая женщина скрылась со своим возлюбленным – человеком высокого ранга. Люди отправились на ее поиски в горы по всем направлениям, но тщетно. Они предположили, что ее увез Тэнгу, который, как они говорили, всегда живет в глубине гор.

Другая история⁴⁴ повествует о министре, который облачился в полную церемониальную форму и пошел из дома во дворец, но встретил нескольких самураев из провинции Кии. Самураи, впервые в жизни попавшие в столицу, чрезвычайно поразились столь величественным зрелищем, а, поскольку у министра был чрезвычайно большой нос, стали говорить друг другу: «Это наверняка Тэнгу». Услыхав эти слова, он ответил шутивным стихотворением:

«Если считаете меня Тэнгу, можете продолжать так думать;

Хоть я и не Тэнгу, мой нос достаточно велик».

Если считать датировку *Кудзики* более поздней, то здесь мы впервые находим упоминание о длинном носе Тэнгу. Ранее их всегда описывали, как имевших клювы коршунов. Без сомнения, длинный нос есть всего лишь очеловеченный птичий клюв. Как очень часто случается с богами и демонами в облике животных, общая их тенденция – принятие человеческого тела. Сперва Тэнгу были коршунами, затем превратились в людей с головами коршунов, затем у них остался лишь клюв коршунов, который, наконец, трансформировался в длинный нос.

*Тайхэйки*⁴⁵ – важная работа в отношении данного предмета. В ней мы находим следующие легенды: - Ходзё Такатоки, последний Сиккэн из Камакура, называвшийся Ньюдо из Сагами, танцевал *дэнгаку*, или левой танец, выпив большое количество *сакэ*. Внезапно в комнате появились десять, или более странных танцоров – он не заметил, откуда они появились – плясавших и певших необычайно хорошо. Он разобрал такие слова: «О, да увидим мы призрак-звезду Тэннодзи». Придворная дама, услышав голоса, с любопытством заглянула в щелку раздвижных дверей в комнату и увидела, что эти певцы – не люди. Некоторые из них имели когти, как у коршунов, у других по бокам были крылья. Обликом они напоминали *ямабуси*. Очевидно, это были духи различных видов

⁴³ История Южного Двора, 1336-1358, написанная Инси Сёо. *Гунсё руйдзю*, 2-е издание, т. 17, № 485, с. 548.

⁴⁴ С. 549 и далее.

⁴⁵ Написана около 1382 года. Издание с комментариями, т. 1, гл. 5, с. 2 а.

и типов, превратившиеся в людей. По просьбе дамы другой Ньюдо появился на сцене, однако, как только те неземные существа услышали, как он проходит сквозь ворота, они исчезли, как будто испарились. Сам Такатоки лежал мертвецки пьяный на полу, а, проснувшись, не помнил ничего, что произошло. Однако циновки были истоптаны и грязные, и на них можно было наблюдать много птичьих следов. Ньюдо, увидев это, стал совершенно уверен в том, что в комнате были Тэнгу. На следующий день другой чиновник дал следующее объяснение: «Говорят, что, когда мир приходит в смятение, плохая звезда, именуемая 'звезда-призрак' (*ёрёй-боси*) опускается и приносит беспорядок. Однако, Тэ-

ннодзи (известный монастырь, построенный Сётоку Тайси в 593 году на месте настоящего Осака) – наиболее священное буддийское место. Там сам Сётоку Тайси написал *Нихон иссю-но мирайки* ('Будущее всей Японии'). Странно, что те существа пели о 'призраке-звезде Тэннодзи'. Поэтому я уверен в том, что в окрестностях монастыря зародится восстание, которое приведет к гибели страны».

Как верно замечает Бакин, звезда-призрак явно напоминает нам китайскую звезду-Тэнгу, которая, падая на землю, выпивает кровь человечества и приводит к войнам. В одной истории здесь причудливо сплетаются японские Тэнгу с птичьими клювами и предвестник войны, китайский метеор. Вся легенда, вероятно, есть предсказание близившегося падения Такатоки (1333).

В гл. 10 на с. 2 мы читаем о том, как Тэнгу в облике *ямабуси* однажды призвал к оружию людей из провинции Этиго, чтобы помочь Нитта Ёсисада в выступлении против Ходзё (1333). Ёсисада весьма удивился, когда они прибыли, так как даже не имел времени самому их позвать.

В гл. 18, с. 2 нам говорится о причинах старинной вражды между монастырями в Нэгоро и Коя-сан. В средние века на Коя жил благочестивый и ученый монах по имени Какубан, в сердце которого тщетно пытался проникнуть Тэнгу. Однако, в один из дней, когда он принимал ванну, но на мгновение погрузился в состояние умственного и телесного удовольствия. Демоны немедленно воспользовались случаем, овладели им, вселив в него 'демона делания чего-то', (т.е. желание совершить нечто великое). Он стал обуреваем идеей построить монастырь и собрать вокруг него огромную толпу монахов. И, действительно, он построил на Коя с помощью отрешившегося императора Тоба (1107-1123) монастырь под названием Дэмбо-ин.

«Затем Какубан внезапно захлопнул ворота смерти (т.е. погрузился в абстрактное созерцание, самадхи, в неподвижной сидячей позе), ожидая прихода Майтрейи.» Это вызвало недовольство остальных монахов на Коя, которые не хотели позволить, чтобы этот гордец, как они говорили, последовал примеру Кобо Дайси. Когда они пришли, чтобы разрушить монастырь, и уже начали поджигать строения, то обнаружили Какубана, сидящего в облике Фудо Мёо, окруженного языками пламени. Один из них осмелился попробовать поднять его, но тот был тяжел, как жернов, и совершенно неподвижен, подтверждая истинность своего имени – Фудо (Недвижимый); его алмазный скипетр (ваджра) казался несломимым.

Однако, те плохие монахи не испугались, так как сочли это разновидностью колдовства, которое способны практиковать лисы и барсуки. Они

ннодзи (известный монастырь, построенный Сётоку Тайси в 593 году на месте настоящего Осака) – наиболее священное буддийское место. Там сам Сётоку Тайси написал *Нихон иссю-но мирайки* ('Будущее всей Японии'). Странно, что те существа пели о 'призраке-звезде Тэннодзи'. Поэтому я уверен в том, что в окрестностях монастыря зародится восстание, которое приведет к гибели страны».

Как верно замечает Бакин, звезда-призрак явно напоминает нам китайскую звезду-Тэнгу, которая, падая на землю, выпивает кровь человечества и приводит к войнам. В одной истории здесь причудливо сплетаются японские Тэнгу с птичьими клювами и предвестник войны, китайский метеор. Вся легенда, вероятно, есть предсказание близившегося падения Такатоки (1333).

В гл. 10 на с. 2 мы читаем о том, как Тэнгу в облике *ямабуси* однажды призвал к оружию людей из провинции Этиго, чтобы помочь Нитта Ёсисада в выступлении против Ходзё (1333). Ёсисада весьма удивился, когда они прибыли, так как даже не имел времени самому их позвать.

В гл. 18, с. 2 нам говорится о причинах старинной вражды между монастырями в Нэгоро и Коя-сан. В средние века на Коя жил благочестивый и ученый монах по имени Какубан, в сердце которого тщетно пытался проникнуть Тэнгу. Однако, в один из дней, когда он принимал ванну, но на мгновение погрузился в состояние умственного и телесного удовольствия. Демоны немедленно воспользовались случаем, овладели им, вселив в него 'демона делания чего-то', (т.е. желание совершить нечто великое). Он стал обуреваем идеей построить монастырь и собрать вокруг него огромную толпу монахов. И, действительно, он построил на Коя с помощью отрешившегося императора Тоба (1107-1123) монастырь под названием Дэмбо-ин.

«Затем Какубан внезапно захлопнул врата смерти (т.е. погрузился в абстрактное созерцание, самадхи, в неподвижной сидячей позе), ожидая прихода Майтрейи.» Это вызвало недовольство остальных монахов на Коя, которые не хотели позволить, чтобы этот гордец, как они говорили, последовал примеру Кобо Дайси. Когда они пришли, чтобы разрушить монастырь, и уже начали поджигать строения, то обнаружили Какубана, сидящего в облике Фудо Мёо, окруженного языками пламени. Один из них осмелился попробовать поднять его, но тот был тяжел, как жернов, и совершенно неподвижен, подтверждая истинность своего имени – Фудо (Недвижимый); его алмазный скипетр (ваджра) казался несломимым.

Однако, те плохие монахи не испугались, так как сочли это разнообразностью колдовства, которое способны практиковать лисы и барсуки. Они

принялись бросать в него большие камни, чтобы выяснить, действительно ли это – Фудо Мёо, или просто личина Какубана. Но те не касались его, а рассыпались на куски. От этого в сердце Какубана возникло небольшое чувство гордости, и немедленно один из камней повредил его лоб. Когда монахи увидели кровь, толпа глумливо захохотала и завопила: «Вот ты где!», и все разошлись по своим монастырям.

Однако пятьсот последователей Какубана не хотели больше там оставаться, и они построили монастырь в Нэгоро. С тех пор между Коя и Нэгоро существует вражда.

Позже дух Какубана овладел монахом и говорил его устами, рассказывая, что он стал Тэнгу, и что их – около трех сотен, и все обладают божественными силами и повергают мир в беспорядок, возбуждая в головах людей всевозможные мысли.

В гл. 21 на с. 2 b описывается пожар великого храма Ходзёдзи. Пламя началось с верхушки пагоды и быстро распространилось на остальные строения комплекса. Над дымом можно было видеть демонов, надувающих огонь на крыши, и Тэнгу, размахивающих факелами и поджигающих пагоду. «Когда они увидели, как балки ‘золотого зала’ (кондо) падают вниз, то захлопали в ладоши и, разразившись громовым хохотом, удалились в направлении Атаго, Отакэ и Кимпусэн (трех хорошо известных гор, где обитали Тэнгу)». Через некоторое время две другие храмовые пагоды также сгорели.

В эру Тэйва (1345-1349) путешествовавший дзэнский монах нашел прибежище от внезапного проливного дождя под «Шестью Кедами» в монастыре Нинва. Там, посреди ночи, он видел, как в свете луны приходят люди из Атаго и Хиэйдзан. Они прилетали по воздуху в паланкинах, собирались и рассаживались среди ветвей Шести Кедров.

На почетном месте восседал во всех священных одеждах усопший верховный настоятель, родственник императора Дайго. У него были сверкающие глаза, длинный нос, как у коршуна, и он перебирал хрустальные бусинки своих четок. По обеим от него сторонам сидели хорошо известные настоятели. Их облик был таким же, как прежде, только глаза необычайно ярко сверкали, и у каждого было по два длинных крыла. Затем прибыл императорский принц в прекрасном паланкине, так же по воздуху, при этом все собрание встало и склонилось в почтительном поклоне.

Через некоторое время человек, выглядевший, как храмовый служитель, предложил им, одному за другим, золотую чашку, которую каждый опорожнил с серьезным видом. Однако, вскоре после этого они разрази-

лись громким ревом, вытягивая вперед руки и соединяя ноги, а из их голов стал подниматься черный дым. Где-то полчасика они неимоверно страдали, после этого все они пали на пол и сгорели, как мотыльки в пламени.

Монах подумал: «О, как ужасно! Таковы должны быть страдания на Пути Тэнгу; они принуждаемы трижды в день глотать по раскаленному докрасна железному шарик». Где-то через два часа все собрание вновь ожило и стало размышлять, как бы привести мир в смятение. Императорскому принцу, рассуждали они, следует возродиться, как сыну гордого Асикага-но Тадаёси (1307-1352), чья гордость сделала его доступным влиянию Тэнгу. Других предназначили для проникновения в сердца гордых монахов, или высших чиновников, чтобы они возбуждали трения, которые привели бы к войне. Строя такие планы, они пришли в совершеннейшее возбуждение.

Дзэнский монах пошел в Киото и рассказал обо всем другу, который воспользовался этим для собственной выгоды. Через несколько дней жена Асикага-но Тадаёси заболела и ни один доктор не мог определить природы ее болезни. Тут появился друг дзэнского монаха, пощупал ее пульс и объявил о своем твердом убеждении в том, что она беременна и родит сына. Все посмеялись над ним, не веря, так как той было более сорока лет, однако после, когда все оказалось именно так, его по-царски наградили⁴⁶.

В 1350 году Тэнгу в облике *ямабуси* прилетел вместе с монахом в ложу сёгуна в киотосском театре. Пораженный бонза очутился в окружении наиболее значительных лиц в столице. Он с Тэнгу сидели напротив сёгуна, ели и пили великолепную еду и напитки.

На сцене появился некто (несомненно – Тэнгу) в маске обезьяны, танцующий полевой танец (*дэнгаку*) таким комическим образом и так лихо, что публика разразилась продолжительными рукоплесканиями. Полчасика в зале творилось неописуемое веселье.

Затем *ямабуси* прошептал на ухо бонзе: «Я больше не могу терпеть это дурацкое поведение; охлаждаю-ка их радость слегка». С этими словами он толкнул столб палатки и вот! Все строение рухнуло, погребя под собой зрителей.

Относительно этого автор замечает: «Вероятно, Хиёси (синтоистское божество с Хиэйдзан) прогневался на эту палатку (т.е. на представление) (и послал с Хиэйдзан Тэнгу, разрушить ее). Действительно, в тот год, на одиннадцатый день шестого месяца рухнула палатка, и много людей погибло. Их тела унесла река, разбухшая от обильных дождей⁴⁷.

⁴⁶ Гл. 25, с. 2 б.

⁴⁷ Гл. 27, с. 2 б.

В то же время *ямабуси* по имени Ункэй записал предсказание о грядущих событиях. Это был отчет о том, что он слышал на собрании Тэнгу. В 1350 году он пошел посмотреть храм Тэнрю, однако по пути встретил другого *ямабуси*, который привел его на Атаго-яма и показал величественный буддийский храм, вымощенный драгоценными камнями и с позолоченными стенами. В доме настоятеля собралось много людей, каждый в церемониальных одеждах и с золотым *сяку* (жезлом) в руках, либо – в одеждах служителей высшего ранга. На почетном месте восседал коршун золотого цвета, по разъяснениям сопровождавшего Ункэя – император Сутоку. Были и другие значительные персоны из дальнего и ближнего прошлого, например императоры Го Тоба и Го Дайго, императрица Иноками, а также прославленные монахи. Все они стали великими демонами (*дай мао*); императоров отличали скипетры, которые они держали в руках. Они сошлись вместе, чтобы решить, как им следует вносить смуту в мир. Глава *ямабуси* спросил Ункэя о последних новостях из столицы, и Ункэй рассказал о разрушении театра, что сочли делом рук Тэнгу, а также о размолвках между сёгуном и его братом. В ходе разговора Ункэй спросил, был ли благочестивый и влиятельный монах Муракумо действительно Тэнгу, как считало большинство населения Киото. Тэнгу отвечали утвердительно и сказали, что этот монах был выбран для того, чтобы смущать мир, и что после удачного завершения своей миссии он вернется к месту своего пребывания. После долгого объяснения политического состояния в настоящем и в ближайшем будущем, изложенного Таробо с Атаго-яма, который, по словам провожатого, управлял миром, внезапно из ниоткуда возникло яростное пламя, и все собравшиеся пришли в неопиcуемый страх. Ункэй выбежал из ворот и обнаружил себя, пробудившись ото сна, под деревом в большом саду старого дворца. Поскольку он хотел предупредить мир о необходимости быть бдительными, то решил записать все, что видел и слышал. Рискав быть наказанным, он послал свой отчет императору⁴⁸.

Во время войны между сёгуном Асикага-но Такаудзи и его братом Тадаёси (1351), несколько раз посреди ночи появлялся отряд приблизительно в 500 вооруженных всадников, выстраивавшихся в боевые порядки. Каждый раз обе армии приходили в смятение, думая, что это – противник. Это, однако, были Тэнгу, которые, собственно, и возбудили военные действия, ибо Тэмма и Хадзюн всегда таятся в таких местах⁴⁹.

Во всех этих легендах больше не присутствует борьба с буддизмом,

⁴⁸ Гл. 27, с. 3 а.

⁴⁹ Гл. 30, с. 1 б.

но лишь желание привести весь мир в беспорядок, что так вдохновляет Тэнгу. Война – их стихия, так же, как и у китайских Тэнгу. О них говорили даже, как о «звезде-призраке Тэннодзи». Своей цели они добивались, проникая в виде демонов гордости в человеческие сердца. Помимо войны, они вызывали пожары, в особенности в монастырях, что выдает их застарелую ненависть к буддизму. Все они – призраки умерших, которых наказали таким образом. У них человеческий облик, в основном похожий на *ямабуси*, но зачастую у них есть клюв, крылья и когти коршуна; иногда, как и встарь, они предстают, как цельные коршуны золотого цвета.

§ 5. Пятнадцатый век

*Аиносё*⁵⁰ пытается опровергнуть утверждение *Сясэкисю*, что Тэнгу водятся только в Японии. Автор цитирует некоторые из вышеупомянутых китайских отрывков, а также кое-что из *Нихонги*, говоря, что все высокопоставленные чиновники и монахи становятся Тэнгу по причине гордыни их сердец.

В *Дзоку Кодзидан*⁵¹ мы читаем следующую легенду: – В один из дней Досё, знаменитый физиогномист (сонин, человек, предсказывающий судьбу по линиям лица), сказал повелителю Тамба, предпринявшему паломничество в буддийский храм: «Цвет твоего лица плохой; не осаждают ли тебя демоны?» Ками (повелитель) ответил, что чувствует себя совершенно нормально, однако провидец посоветовал ему немедленно отправляться домой. В тот же миг ками упал на землю без сознания. Прийдя в себя он вернулся домой. Затем появился *моно-но кэ* (дух) и сказал: «Ничего особенного. Когда ты проходил мимо нас, мы как раз развлекались и ударили тебя в грудь». Это была шутка Тэнгу. Ками умер три дня спустя. Досё в своем искусстве был равен богам.

В *Аки-но ё-но нагамоногатари*⁵² мы находим следующую историю: – В конце 12-го века Умэвака, сын Ханадзоно Садайдзин (Левого Министра), убежал из Миидэра с другим мальчиком и направился на Хиэйдзан, где

⁵⁰ Работа энциклопедического толка, написанная монахом Гёё в 1446 году.

⁵¹ Автор и дата написания этой работы неизвестны. Поскольку изложенные в ней легенды говорят о событиях 10, 11 и 12 веков, а *Кодзидан* относится к началу 13 века, вполне возможно, что написана она была уже в конце 13 – начале 14 века. *Гунсё руйдзю*, 2 изд., т. 17, № 487, гл. 5, с. 693.

⁵² «Долгие рассказы осенними ночами». Автор этой книги неизвестен, но, по Курокава Харумура, он жил в эру Оэй (1394-1427).

заболел его друг монах. Но, так как он не привык к пешей ходьбе, вскоре он так устал, что не мог идти дальше. Другой мальчик сказал: «Эх, если бы кто-нибудь перенес нас на Хиэйдзан, пусть это даже будет Тэнгу, или дух!» И вот, когда они сидели под сосной, они вдруг увидели приближавшегося очень старого *ямабуси*, которого несли на стуле. Он остановился и спросил, куда они направляются. Получив ответ, он встал со стула и сказал: «Я иду в место очень близкое к тому, где находится ваш монах, так что садитесь на мой стул, а я пойду пешком». С этими словами он посадил их на стул и двенадцать носильщиков понесли их с головокружительной скоростью. Они летели сквозь облака, как птицы, и в мгновение ока прибыли на Сяка га дакэ, вершину на Хиэйдзан. Их тут же заперли в темнице из поставленных вертикально камней, где они не могли видеть ни солнца, ни луны, и не отличали дня от ночи.

А в это время монахи из Миидэра решили, что мальчиков увели люди с Хиэйдзан. Все монахи сперва пошли к дому министра Ханадзоно, отца ребенка, и сожгли его (так как подозревали, что это был его коварный замысел), а затем атаковали Хиэйдзан. Но монахи с Хиэйдзан прогнали их прочь, штурмом взяли Миидэра и сожгли более 360 храмовых строений. Бедный Умэвака, рыдая в своей темной тюрьме, слышал, как собравшиеся Тэнгу с удовольствием разговаривали о сражении в Миидэра. Один из них сочинил стихотворение, где насмеялся над жалким видом убежавших монахов. Когда он прочел его, все разразились хохотом. Наконец, в клетку бросили старика, который оказался драконом. Как мы уже видели в истории № 11 из *Кондзяку Моногатари*, превратившемуся дракону требуется всего лишь капля воды, чтобы принять свою исходную форму и летать по воздуху. Поэтому старик поймал в ладонь несколько слезинок Умэвака, немного потряс их, и вот! Он превратился в дракона, который разметал Тэнгу и отнес детей по воздуху в столицу.

§ 6. Семнадцатый век

В *Отоги дзоси*⁵³ мы не находим упоминаний о Тэнгу. Однако, в Симпэн *Отоги дзоси*⁵⁴ мы встречаем Тэнгу, опьяневшего от съеден-

⁵³ Книга различных историй для тех, кто сидит ночью у мертвого тела, или тех, кто развлекает хозяина, или хозяйку; 23 рассказа пятнадцатого и шестнадцатого веков (Florenz, *Geschichte der Japanischen Literatur*, p. 357 seq.), собранных и опубликованных в двух изданиях (1891 и 1901) Имаидзуми Тэйскэ.

⁵⁴ Двадцать историй приблизительно того же периода, собранных и опубликованных в 1901 году Хагино Ёсиюки.

ных грибов, упоминаемого в т. 2 в *Моттомо-но соси*⁵⁵ среди «вещей, достойных осмеивания»⁵⁶. Далее, среди «страшных вещей» (с. 56) мы читаем историю об охотнике, который увидел, как змея убила и проглотила фазана. Появился дикий кабан и сожрал змею. Охотник уже собирался в свою очередь убить кабана, но передумал из страха стать звеном в цепи причин и следствий и самому быть убитым другим существом. По пути домой кто-то позвал его с верхушки высокого дерева, говоря: «счастлив ты, что не убил того кабана, так как, поступи ты именно так, и я забил бы тебя до смерти». Говоривший был Тэнгу. Охотник, на которого случившееся произвело очень сильное впечатление, оставил свою профессию и стал отшельником.

В *Хонтё дзиндзяко*⁵⁷ мы находим в главе под названием «Содзё-гати» (Долина Настоятеля) помимо вышеизложенных легенд о Ёсицунэ и Какубане следующие истории: – Хосокава-но Кацумото (1430-1473), у которого не было детей, молился на Атаго-яма Великому Тэнгу Таробо о ниспослании ему сына. Его молитвы были услышаны, и родился сын Масамото (1466-1507). Этот сын, бывший Тэнгу, стал *канрё* (первым министром сёгуна) в 1494 году, а после того, как его убили в 1507 году, стал насылать проклятья из загробного мира. Чтобы умиротворить дух Тэнгу в его честь был построен храм.

В 1614 году монах с Хиэйдзан рассказал людям в Киото, что раб одного монаха, отсутствовав несколько дней, вернулся домой и так объяснил свое таинственное исчезновение. Некий человек перенес его на гору Тайсэн (где жили Тэнгу) в провинции Хоки. Когда этот человек ругал людей, они начинали убивать друг друга. Он поднимал храмы на воздух и бросал их, а те внезапно охватывало пламя, и несколько строений сгорело дотла. Затем они поднялись на Хико-яма (еще одно знаменитое место проживания Тэнгу) и участвовали в их собрании. Демоны пришли туда с Атаго, Курама, Хира и Хиэйдзан. Обсудив приближавшуюся войну между Востоком и Западом (Иэясу и Хидэёси, 1614-1615) и решив, что победит Восток, они разошлись по домам.

Поскольку никто не поверил рабу, тот стал демонстрировать чудесные способности, (чтобы доказать, что им овладел Тэнгу). Он поднимался на неприступные вершины, или на крыши храмов, как если бы это было парой пустяков, разбивал огромные камни и ворота и пел неизвест-

⁵⁵ Написано около 1620 года.

⁵⁶ *Варау моно-но синадзина*, с. 43.

⁵⁷ Написал Хаяси Радзан (1584-1657) в промежутке между 1614 и 1657 годами.

ные никому песни. Вскоре после этого рассказа монаха по всей стране с быстротой раздуваемого пламени распространилась мода на танец Исэ. Люди надевали свои лучшие одежды, привязывали к концам бамбуковых шестов куски шелка, пели и танцевали. Они думали, что им явится сама Великая Богиня Исэ. Однако, власти положили этому конец из опасений колдовских чар. После разразилась война в Осака (1614-1615). Все эти странные события и песни были делом рук Тэнгу, предвестников войны.

Радзан замечает (1.1.), что Тэнгу явно представляют собой духи умерших, ставшие демонами. Он перечисляет главных из них, ставя на первое место «Настоятеля из Курама» (наставлявшего Ёсицунэ), Таро с Атаго и Дзиро с Хира-яма. Что касается их облика, то он замечает: «Иногда они становятся лисами, или мальчиками, иногда летают в виде голубей, или появляются среди людей, как буддийские монахи, или *ямабуси*; иногда обращиваются в демонов, или будд, или бодхисаттв. Удачу они превращают в несчастье, порядок – в смятение. То они вызывают пожар, то – войну».

В *Камакура Ходзё кудайки*⁵⁸ мы читаем следующую историю: – У монаха по имени Гэнсё были влиятельные позиции при дворе сёгуна Миnamото-но Ёриэ в Камакура (1182-1204). Он очень гордился своими исключительными способностями в арифметике. Однажды сёгун послал его расследовать одно дело, касавшееся границ в провинцию Осю. По пути он провел ночь в одинокой хижине отшельника, который был очень гостеприимен и всю ночь говорил с ним о буддизме. На следующее утро хозяин сказал: «Я – первый математик в мире. Я легко могу сосчитать все деревья ююба по верхушкам, или капли воды в колодце. Даже расчеты Рюмё Дайси, когда тот скрывал свое тело, совершенно ясны для меня». При этих словах гордость Гэнсё была уязвлена, и он подумал с негодованием: «Пустые слова лягушки из колодца. Никто в мире не может превзойти меня в арифметике. Но старый монах заговорил снова: «Не нарушая порядка в комнате я дам тебе подтверждение моего искусства». Он взял «счетные палочки» (*санги*, образующие восемь китайских диаграмм *ка*) и разложил их вокруг сидения Гэнсё. Внезапно все чувства гордого монаха притупились, как если бы он сидел в густом тумане. Стало совершенно темно, а хижина вдруг превратилась в море. Возник яростный смерч; громадные валы разбивались с громоподобным шумом. Гэнсё почувствовал себя беспомощным, и не знал, жив он, или уже умер. Через некоторое время он услышал голос хозяина, говорившего: «Касешься ли

⁵⁸ «История девяти поколений Ходзё из Камакура», написанная Асаи Рёи (1639-1709) и напечатанная в 1675 году. *Тэйкоку бунко*, т. 17, гл. 2, с. 682 и далее.

ты в своей гордыне?» Когда он смиренно ответил: «Да, со всем сердцем», то как бы пробудился ото сна. Солнце светило сквозь окно, все было мирно и спокойно, как и прежде. Он попросил отшельника научить его такому искусству, но получил отказ и был отослан прочь. Когда он рассказал о происшедшем сёгуну, тот предположил, что его могла околдовать лисица. Он послал человека в Мацусима, где жил таинственный отшельник, чтобы разузнать, не было ли случившееся проделкой лисицы, или Тэнгу, но никто не мог сказать, куда девался старик.

В *Синтёмонсю*⁵⁹ содержатся следующие легенды: – Тэнгу три года служил в монастыре на Коя-сан, а затем снова превратился в Тэнгу. «Я, – сказал он, – тот Тэнгу, что живет в деревьях криптомерии и магнолии у ворот. Отныне в монастыре не будет пожаров.» С этими словами он исчез⁶⁰.

Ученый монах школы Нитирэн, заболев, внезапно поднялся с постели и улетел в облике Тэнгу, с сияющими глазами, большим носом и крыльями⁶¹.

Монастырь в провинции Кии неоднократно сгорал в пожарах. Наконец от него осталось лишь одно бедное строение. Однажды появился монах и сказал настоятелю, что желает построить новый монастырь, но что он сгорит вновь, и лишь *гамадо* (зал, в котором сжигались подношения гома) останется нетронутым. Настоятель с благодарностью принял предложение, после чего монах сказал, что является «бонзой криптомерии» (*сугино бо*) с Акаги-яма. После его ухода настоятель послал на эту гору двух монахов. Когда те спросили деревенских жителей, где живет Суги-но бо, то с удивлением узнали, что это не кто иной, как сам Великий Тэнгу. Хотя они и были напуганы, но все же решили исполнить полностью свою миссию и с большим трудом и опасностью для жизни поднялись на крутую горную вершину. Наконец двое *ямабуси*, посланные Тэнгу, вышли из вершины к ним навстречу и провели их по коралловому мосту и яшмовым ступеням во дворец своего хозяина – величественное здание, построенное из золота, серебра и драгоценных камней. Там они увидели Великого Тэнгу, глаза которого горели золотым светом, а нос был огромен. Тот обещал спуститься следующим летом и построить монастырь при условии, что все деревенские жители вечером погасят огни и останутся в своих домах. После этого два *ямабуси* поднимали посланников к себе на плечи и отнесли их

⁵⁹ Написано в 1683 году; *Дзоку Тэйкоку бунко*, т. 47, *Кинсэй кидан дзэнсю*.

⁶⁰ Гл. 10, с. 143.

⁶¹ Гл. 14, с. 198.

по воздуху в монастырь. В назначенный день указание Тэнгу строго исполнялось деревенскими жителями, и ночью они слышали звуки от работы миллиона трудившихся изо всех сил. На следующее утро на том месте стоял величественный монастырь из семи строений, сияющий золотом, серебром и драгоценными камнями. Хотя вскоре он сгорел, *гомадо* все еще (при жизни автора) стоял во всем своем великолепии.

§ 7. Восемнадцатый век

В *Роо тьява*⁶² описываются следующие происшествия: – Два Тэнгу, обратившись *ямабуси*, украли мальчика одиннадцати лет. Когда по просьбе родителей двадцать монахов стали читать сутры и возглашать молитвы, на безоблачном небе появился маленький объект, привлечший внимание всей толпы. С востока прилетел большой коршун и несколько раз пробовал поймать этот объект. Однако птица золотого цвета – никто не видел, откуда она прилетела – защитила его от коршуна. Понемногу объект спустился вниз и наконец упал на алтарь Тридцати Защитников (*сандзю бандзин*, божества школы Нитирэн); это был похищенный мальчик! Всю остальную свою жизнь он оставался недоразвитым и неспособным ни к какой работе (с. 294).

В этой истории Тэнгу появляется в своем исходном облике коршуна, а птица золотого цвета – вероятно, божество-охранитель, чья сила больше, чем у демона. Это – первый случай падения с неба людей, унесенных Тэнгу; в позднейших источниках мы часто встречаем подобные описания.

На стр. 325 и далее излагается история о Тэнгу, который в образе слепого бродячего певца (*дзато*) путешествовал в компании очень сильного человека. Когда певец раз споткнулся о большой камень на дороге, он поднял его, как перышко и отбросил прочь вниз в долину на глазах у своего изумленного спутника. Последний, очень гордившийся своей силой, предложил состязание. Певец немедленно принял предложение, и они решили по очереди ударить друг друга по голове. Тэнгу получил удар первым, но, похоже, даже не почувствовал его. Теперь была его очередь, но его спутник, заметив дьявольскую усмешку, быстро взял один из хомутов и подставил его под удар. Тот разлетелся вдребезги. Тогда тот не мешкая вскочил на своего коня и помчался прочь, преследуемый разъяренным певцом, выра-

⁶² «Рассказы старухи за чаем», написаны в 1742 г. Дзоку Тэйкоку бунко, т. 47, Кинсэй кидан дзэнсю.

жавшим свою ярость ужасными криками. Внезапно облака затянули небо, стало непроглядно темно и плотными струями полил дождь. В раскатах грома, вспышках молнии и в реве бури певец исчез. Все, кто слышал эту историю, говорили, что певец точно был Тэнгу.

В *Кайдан тосиотоко*⁶³ мы находим следующие легенды: – Вскоре после основания одного дзэнского монастыря к настоятелю пришел *ямабуси* и преданно служил ему днем и ночью. Настоятель подозревал, что этим *ямабуси* был Тэнгу и спросил его, может ли он летать в облаках. Как только он произнес эти слова, нос у *ямабуси* вырос до огромных размеров, а по бокам возникли крылья; глубоко поклонившись, он сказал: «Дай мне одно наставление (*иссоку*, именно – как правильно жить), чтобы я в дальнейшем охранял этот монастырь». Настоятель дал ему то, о чем он просил, после чего Тэнгу почтительно поклонился и исчез. С тех пор монастырь стал обладать так называемыми семью чудесами. После смерти каждого настоятеля – а ко время жизни автора их перебивало уже двадцать – ручей, протекавший мимо ворот, приносил в монастырь прекрасный надгробный камень. Все двери и ворота никогда не закрывались, ибо вор, единожды войдя, уже не мог найти выхода. Пыли не было вообще, так как невидимая рука постоянно все вытирала. В саду деревья и камни образовывали прекрасную картину, хотя никто ими не занимался. У подножия горы была круглая дыра, из которой зимой дул теплый, а летом прохладный ветер, так что монахи могли летом сохранять там пищу, а зимой обогреться. Перед воротами располагался небольшой мостик, и настоятель немедленно узнавал о каждом, кто приближался к мосту, по его шагам, как будто он явственно видел посетителя. Таковы были чудесные дары Тэнгу⁶⁴.

В эру Камбун (1661-1672) люди однажды увидели, как маленький мальчик идет прямо по полю вместо того, чтобы идти по дороге. В конце концов деревенские жители потеряли его из виду. Поскольку он не вернулся, они каждую ночь били в тарелки и барабаны, призывая: «Верните его! Верните его!», так как были уверены, что мальчика увел Тэнгу. Но все было напрасно. Внезапно ребенка нашли лежащим на крыше ближайшего храма Каннон. На протяжении четырех, или пяти дней он не говорил ни слова, пребывая в полностью бессознательном состоянии. Наконец понемногу он пришел в себя и рассказал, что двое *ямабуси* взяли его за руки и побежали с ним так быстро, что вскоре он стал задыхаться. Они шли очень долго

⁶³ Написал Дзансэцуся Соку в 1749 г.

⁶⁴ Гл. 1, с. 8.

и, взобравшись на горную вершину, очутились наконец на крыше храма. Один из *ямабуси* пел, а другие играли с мальчиком, как с мячом. Затем пришел старый монах и сказал им, чтобы они отдали ему мальчика. Сперва они не замечали его, но затем оставили ребенка в покое⁶⁵.

Из этих историй мы легко можем увидеть, как изменилась природа Тэнгу. Мы снова видим их слугами в монастырях и защитниками таковых. Их основным занятием стало похищение мальчиков, что сохранилось вплоть до наших времен. Даже сегодня деревенский люд бьет в барабаны, когда пропадает ребенок, и призывает Тэнгу отдать его назад.

В *Сансю кидан*⁶⁶ содержатся следующие легенды о Тэнгу: — В 1735 году исчез семнадцатилетний юноша. Безрезультатно люди били в гонги и барабаны, пока через два дня его не обнаружили в порванной одежде, спящего, с руками и ногами, исколотыми колючками. Это сочли происками демонов, или диких лис. Однако, оказалось, что им овладел Тэнгу. Проспав пару дней, он выказал замечательные способности, хотя ранее всеми считался глуповатым парнем. Он стал читать и писать по-китайски, а также рассказывал о Тэнгу, которые, как он объявил, являлись конденсированными духами тьмы (элемент *инь*, яп. *ин*, или *он*, противоположный *ян*, яп. *ё*, свет) с гор. Он рассказал, что Тэнгу часто принимают облик обычных крестьян и носят камни и деревья. Поскольку оказалось невозможным изгнать Тэнгу возгласением молитв, родственники уже собирались убить несчастного юношу, когда демон объявил, что покинет его сам и овладеет другим человеком. И снова юноша заснул на два, или три дня, а, проснувшись, остался слабоумным до конца своих дней⁶⁷.

Человек, собиравший листья в глубине леса, забрел в глубокую долину. Внезапно небо покрылось облаками и стало совершенно темно. Гремел гром и непрерывно сверкала молния, а дождь не переставал лить ни на мгновение. Он срубил ветку дерева своим топором и, шаря перед собой, с огромным трудом где-то за полчаса смог добраться до вершины скалы, возвышавшейся над долиной. И вдруг небо прояснилось, облака рассеялись, а гром перестал греметь. Когда он рассказал о случившемся попавшимся навстречу крестьянам, те посмотрели на него с ужасом и воскликнули: «Ах, ты ведь был в долине Тэнгу, где живут гости-собаки (*кухин*, т.е. Тэнгу). Говорят, никто еще не выходил оттуда живой. Если даже сорвать там всего один листок с дерева, на

⁶⁵ Гл. 5, с. 12.

⁶⁶ Написано Хотта Бакусуй в 1764 году. *Дзоку Тэйкоку бунко*, т. 47, *Кинсэй кидан дзэнсю*.

⁶⁷ Гл. 2, с. 725.

человека непременно обрушатся несчастья. Ни божества, ни будды не смогут спасти его жизнь⁶⁸».

В *Сансю кидан кохэн*⁶⁹ говорится, что по соседству с одной деревней жили Тэнгу, старые лисы и горные выдры. Божества гор и рек, Великие и Малые *Ямабуси* (наверняка – Тэнгу) сеяли раздоры между деревенскими жителями и оскорбляли их своим грубым поведением в лесах и на водах.

Один мужчина заснул, сидя на камне в лесу. Когда он проснулся, уже спускался вечер. Он увидел перед собой широкую просеку, по которой и пошел. Однако, вместо того, чтобы выйти из леса, он все более углублялся в него, покуда наконец не пришел к жилищу двух *ямабуси*. Его принял старый человек, а вскоре пришли и хозяева дома в сопровождении большого количества слуг. Начался пышный праздник с музыкой и танцами, который длился глубоко за полночь. *Ямабуси* сделали гостю ценные подарки. После их ухода он узнал от старика, что они – жизненные духи⁷⁰ горной саламандры и дыхание⁷¹ кадзика, или рыбы «бычья голова». На рассвете дом с его обитателями исчез, а жемчужины, которые гость получил, превратились в капли воды; другой подарок, большая драконья голова, превратился в маленькую поделку⁷².

§ 8. Девятнадцатый век

В *Тоэн сёсэцу*⁷³ говорится, как в 1810 году голый человек свалился с неба в Асакуса, хорошо известном районе Эдо. Придя в себя, он рассказал, что покинул Киото двумя днями ранее, направляясь в паломничество на Атаго-яма, и что его унес Тэнгу, явившийся в облике старого монаха.

В *Сёсан тёмон кисю*⁷⁴ мы читаем следующее:

Во времена автора среди лесорубов провинции Мино существовал обычай подносить Тэнгу так называемые *кухин-моти*, или «пирожки гостей-собак», перед тем, как начать работу. Без этого демоны принимались вытворять с ними всяческие проделки. Например, топор

⁶⁸ Гл. 4, с. 825

⁶⁹ Написано в 1779 г. Дзоку Тэйкоку бунко, т. 47, *Кинсэй кидан дзэнсю*.

⁷⁰ Cp. de Groot, *Religious System of China*, 4, с. 10.

⁷¹ Cp. *Rel. Syst.*, 4, с. 4.

⁷² Гл. 4, с. 921 и далее.

⁷³ Написал Бакин и несколько других авторов в 1825 году.

⁷⁴ Написал Сёсан сай сюдзин в 1849 г. Дзоку Тэйкоку бунко, т. 47, *Кинсэй кидан дзэнсю*.

слетал с топорича в самый момент размаха и не находился, пока не делали подношение. В горах раздавался шум перекатывавшихся деревьев и камней, и рушились скалы. Пирожки готовились и подносились в горах в присутствии большого количества деревенских жителей. К рису добавлялось некоторое количество древесных листьев и, после подношения, они ели сами столько, сколько хотели. Пирожки никогда не готовили в деревне из страха, что Тэнгу сможет прийти туда, а этого жители совсем не хотели, и так проживая в опасной близости от этих нежелательных существ.

В других провинциях перед началом работы лесорубы отсекали ветку и втыкали ее в землю где-нибудь поотдаль, либо приносили за пазухой специальную рыбу, называемую *окодзэ* (*anema inerte*). Когда возникали какие-либо затруднения в работе, эта рыба предлагалась в виде подношения, и все шло хорошо. Охотники также носили с собой эту рыбу и, если им не улыбалась удача, то показывали (Тэнгу) голову этой рыбы, говоря: «Пришли мне добычу, и я поднесу тебе всю рыбу». И эта молитва вскоре оказывала свое действие⁷⁵.

В 1801 году была построена пагода в честь Каннон и Нио. Тэнгу, разгневавшийся за то, что для этой цели были срублены его деревья, наказал дровосеков, устроив так, что на всех четверых наехала большая повозка. Однако Каннон и Нио, будучи сильнее, спасли их жизни; на них не осталось ни одной царапины⁷⁶.

Четырнадцатилетнего мальчика унес Тэнгу и привел его к своим празднующим товарищам на верхушке высокой сосны. Пробыв с Тэнгу три года, он вернулся домой, принес с собой волшебное ружье, которое никогда не давало промаха⁷⁷.

Ясно, что в те дни Тэнгу превратился в обычного демона деревьев, который наказывал дровосеков, как и во всех других странах мира, если те не делали ему подобных подношений.

Д-р Иноуэ⁷⁸ приводит легенду провинции Инаба о девушке, которая в обычной жизни не могла хорошо владеть своими руками, однако выказала замечательные способности, когда ею овладел Тэнгу. Однажды она проснулась посреди ночи и сказала: «Я – Тэнгу. Я буду учить мир владению мечом, поскольку в наши дни это искусство приходит в упадок. Завтра придет молодой самурай с деревянным мечом и бритвой; его я и стану наставлять».

⁷⁵ Гл. 1, с. 405.

⁷⁶ Гл. 2, с. 492.

⁷⁷ Гл. 5, с. 603.

⁷⁸ Ёкайгаку коги, «Лекции по фольклору» (2-е изд., 1896) 3-е изд., 1897, т. 4, с. 257 и далее.

Самурай действительно пришел, так как ему внушил это Тэнгу во сне. Девушка же демонстрировала самые сложные приемы фехтования, и, когда об этом стало известно в округе, любопытные стали собираться к их дому со всех кварталов. По просьбе родителей, которым это совершенно не нравилось, Тэнгу наконец ушел прочь, и девушка выздоровела. Она ничего не помнила из случившегося и сильно стыдилась, когда ей все рассказали. В книге Бринкли⁷⁹ мы читаем:

«По случаю планировавшегося визита сёгуна в Никко в эру Ансэй (1854-1860), чиновники эдосского правительства приказали разместить в окрестностях мавзолея следующую записку:

‘Вниманию Тэнгу и прочих демонов.

Поскольку наш сёгун намеревается в следующем апреле посетить мавзолей Никко, вы, Тэнгу, и прочие демоны, населяющие эти горы, должны покинуть эти места и не показываться до окончания визита сёгуна.

Датировано июлем 1860. (Подписано) Мидзуно, повелитель Дэва’.

На другой доске объявлений местные чиновники обращались к сверхъестественным существам так:

‘Великим и Малым Тэнгу и демонам.

Получив приказ от верховных чиновников выставить настоящую табличку в связи с прибытием Его Высочества в Никко, мы с должным почтением подчиняемся. Соответственно, вам, Тэнгу и демонам, следует отправиться в горы Курама и Атаго у Киото, на гору Акибу в провинции Тотоми и на гору Хико в провинцию Будзэн’».

§ 9. Мнения японских ученых XVII, XVIII и XIX столетий

В 17, 18 и 19 веках выходило много трудов, в которых описывались, или просто упоминались Тэнгу. Первый из них – *Дзиндзяко* Радзана (1615-1657); за ним следует *Вакан тинсёко*⁸⁰ Нобутака и *Нэнсан кибун*⁸¹ Андо Тамэаки. Далее мы находим работы Мори Сёкэна, цитированные выше, который заявляет, что в Дзидзёкё четыре разновидности демонов упоминаются в следующем порядке: Небесные Драконы, Якшасы, Тэнгу и «Земляные Царевны».

Кодзима Фуку в своем труде *Хэйсёку вакумонтин*⁸² пишет, что Тэн-

⁷⁹ Brinkley, *Japan*, vol. V, ch. Vi (Superstitions), с. 211.

⁸⁰ Написано около 1700 г.

⁸¹ Написано в 1702 г.; *Хякка сэцурун*, т. 1, с. 140.

⁸² Написано в 1710 г.; цитируется Иноуэ, 1.1., 4, с. 248.

гу хватают людей, которые совершают неправильные поступки (в лесу) и разрывают их на куски, и что это – лесные демоны, происходящие из мест, где аккумулируется много духа *инь* (*инки*).

В энциклопедии *Вакан сансайдзюэ*⁸³ предполагается связь между Тэнгу и китайской птицей *чжи няо*, которая иногда превращается в человека и поджигает дома.

Известный историк Арай Хакусэки, подобно Хирата и Сорай, называет Тэнгу горными демонами в своей *Тэнгусэцу*.

В *Тэнгусэцу* Сорай, в главе Сорайсю⁸⁴ мы находим следующее описание Тэнгу: «Напоминает божество грома, нос как клюв у коршуна, на голове повязка (как у *ямабуси*), с тигриными клыками, сверкающими глазами и мясистыми крыльями». Сорай, пытаясь объяснить природу Тэнгу, возвращается к И-цзин, где одна из восьми диаграмм (*ка*) объясняется, как составленная из гор, собак и существ с черными клювами. «Вероятно, - говорит он, - образ Тэнгу составлен по этой диаграмме» (!) В заключении он пишет, что буддийский монах из храма Эйдзюцу Таро (Великий Тэнгу) на Атаго-яма просил его написать о Тэнгу. И, если демон, получив из рук монаха подношение в виде этой книги, вызовет ветер, это будет знаком одобрения и подтверждения (цитируется Иноуэ, 1.1., 4, с. 259).

Тэйнин (1704-1786) приводит в своем *Тэнгу Мэйгико* следующее перечисление Великих Тэнгу Японии (цитируется Иноуэ, *Тэнгурон*, с. 44): Содзёбо с Курама, Таробо с Атаго, Дзиробо с Хира, Сандзякубо с Акиба, Рихобо с Комё, Будзэмбо с Хико, Хокибо с Дайсэн, Мёгибо с Кодзукэ, Санкидзин с Ицукусима, Дзэнкигоки кимпэйроку с Оминэ, Кокэмбо с Кацураги, Цукуба хоин из провинции Хитати, Таробо с Фудзи, Найгубу с Такао, Сагамибо с Сираминэ, Дзиро с Идзуна и Адзари с Хиго. Слово бо в конце большинства этих имен означает «буддийский монах», а *хоин* – главный настоятель, однако в разговорном языке употребляется в том же значении, что и *ямабуси*.

Мурасэ Котэй пишет в своих *Гэйэн ниссё*⁸⁵, что Тэнгу нападают в основном на женщин и нечистых людей, которые осмеливаются заходить на их территорию, разрывают их на куски и бросают тела в лесах и долинах. Они также вызывают дождь и ветер с кусками черепицы и камешками, а также крадут недоразвитых мальчиков, возвращая их через несколько

⁸³ «Японско-китайская книга с картинками и Трех Силах (Небе, Земле и Людях)» (1713), переделанная в Японии китайская энциклопедия *Сань цай ту хуэй*. Гл. 44, горные птицы, с. 665.

⁸⁴ Напечатано около 1736 г., после смерти Сорай (1665-1728).

⁸⁵ Написано в 1807 г.; цитируется Иноуэ, 1.1., 4, с. 246.

дней, или через месяц в бессознательном состоянии, похожих на деревянные куклы. Он называет Кимпусэн, Коясан, Юдоносан, Хакусан, хийдзан и Курамаяма основными горами, населенными Тэнгу в его время.

Такаи Сайга предполагает в своем *Куммо тэнтибэн*⁸⁶, что название Тэнгу было неверно дано блуждающим духам тьмы (*инки*) гор и лесов.

Кёкутэй Бакин в своем *Нимадзэ-но кидзэнсю* разделяет китайских и японских Тэнгу на пять категорий: звезды, якшасы (*яся хитэн*), четвероногие, горные демоны (*кодама*, древесные духи) и души мертвых. Он правильно замечает, что неверно прилагать одно объяснение ко всем различным Тэнгу. На стр. 1052 и далее мы находим картинки типов, описанных в китайских и японских книгах. «Художники, - говорит он, - изображают их людьми с птичьими клювами и крыльями по обоим бокам. Это - имитирование образа Якшаса. Далее, они пририсовывают им шапку и пеньковую одежду, ваджру и меч *сюгэндзя* (т.е. *ямабуси*). Поскольку все это имеет тесное отношение к горам, они считаются связанными с демонами леса.» На стр. 1055 он пишет: «В наши дни Тэнгу считают божествами, подобно лисицам, и называют посланниками Фудо и Компира. В древние времена всех духов называли *они* (демоны), а позже (после времени написания *Сандай дзицуроку*⁸⁷) - *хэнгэ*, или *моно-но кэ*».

В собрании *Хякка сэцуруин* есть четыре другие работы, где упоминаются Тэнгу. В *Кэйрин манроку*⁸⁸ есть несколько отрывков из китайских и японских книг. В *Сёкандзакки*⁸⁹ мы читаем, что Таробо с Атаго-яма был настоятелем, безуспешно пытавшимся с помощью возгласаний излечить императора Монтоку (850-858) и так горевавшем по этому поводу, что он умер и стал Тэнгу (860); либо, по другой легенде, он попал на путь Тэнгу из-за своей страстной привязанности к императрице.

В *Мацу-но отиба*⁹⁰ и в *Дзэнан дзуйхицу* Тэнгу считаются существами, тесно связанными с Небесной Лисицей.

Наиболее пространным из всех трудов того времени является *Кокон ёмико*⁹¹ Хирата. Среди огромного количества цитат, собранных ученым, есть несколько легенд об орлах золотого цвета, уносивших детей, помещавших их в дупла деревьев, а после относивших обратно; все такие дети в дальнейшем становились великими учеными, или

⁸⁶ Написано в 1791 г. Т. 2, с. 76, цитируется Иноуэ, 1.1., 4, с. 261.

⁸⁷ Написано в 901 г.

⁸⁸ Написал Кацурагава Тюрё в 1800 г., т. 1, с. 696.

⁸⁹ Написано в 1824 г. Оканиси Итё., т. 2, с. 1045.

⁹⁰ Написано в 1827 г., т. 3, с. 768.

⁹¹ Написан в 1831 г.

ямабуси, обладавшими чудесными силами. Поскольку орлы в принципе схожи с коршунами, все эти истории – не что иное, как легенды о Тэнгу. На стр. 30 он цитирует старую пословицу: «Ястреб – повозка Тэнгу». «Невежественные монахины, монахи и *ямабуси*, – пишет он, – становились в основном ястребами, которые, служа Тэнгу гонцами, искали места и моменты, в которых божества не защищают людей, с целью дать Тэнгу возможность овладеть ими».

Иноуэ⁹² разделяет Тэнгу Китая и Японии на звезды, сэннин, птиц или четвероногих, горных божеств или духов, живущих в горах, души мертвых или демонов и буддийских демонов (*маруи*). Он считает Тэнгу существами исходно японского происхождения, ничего общего не имеющими с китайскими Небесными Собаками. Последние, по его мнению, – животные грома, название которых, появляющееся в китайских трудах и в *Нихонги*, было неверно приписано длинноносому японскому демону гор. Есть два вида Тэнгу (стр. 44): Великие Тэнгу, перечисленные Тэннином (см. выше), и так называемые Тэнгу древесных листьев (Коппа Тэнгу), напоминающие птиц и живущие на деревьях. На стр. 45 он цитирует работу Сикогуса, где сказано, что с течением времени количество Тэнгу все росло и росло. Соответственно, их статус все понижался, и они стали Тэнгу древесных листьев. Поскольку их количество выросло до такой степени, что перестало хватать криптомерий, в которых они проживали, они стали часто поселяться в азалиях и *сикими* (*illicium religiosum*). На той же странице он упоминает *Сёкоку ридзин дан*⁹³, где говорится о разновидности речной птицы, напоминающей коршуна, которая по ночам ловит рыбу в реке, протекающей между провинциями Суруга и Тотоми. Ее называют Тэнгу. «Люди называют их, – добавляет Кикуюка, – ‘безыскусными Тэнгу древесных листьев’». Из этого выражения мы узнаем, что Коппа Тэнгу считались весьма безвредными и не обладали никаким магическим искусством. Однако, упоминаний об этой разновидности Тэнгу мы не находим более нигде.

На стр. 46 и далее Иноуэ говорит о так называемых черепах Тэнгу и когтях Тэнгу, которые считаются в народе принадлежащими именно Тэнгу. О первом типе в 1776 году была написана работа под названием *Тэнгу докуро кантэй энги*; второй рассматривается в *Тэнгу-но цумаиси сэкко*⁹⁴, а также Хаяси Радзаном (в его *Тэнгурон*, стр. 47). Черепа, которые находят

⁹² *Тэнгурон*, с. 24.

⁹³ Написано в 1746 г. Кикуюка Сэнрё.

⁹⁴ Написано в 1818 г.

на морском побережье, принадлежали, очевидно, рыбьим головам; когти (иногда обнаруживаемые в горных ущельях) – не что иное, как так называемые каменные орудия, или каменные топоры, предметы из каменного века, считающиеся таковыми во всем мире. В вышеупомянутом *Сёсан тёмон кисю* о когтях Тэнгу говорится именно в этом смысле.

На стр. 49 Иноуэ описывает некоторые поступки Тэнгу:

(1) Так называемые *Тэнгу-цубутэ*, или «песчинки Тэнгу»; бросание по ночам в дома песка и обломков черепицы для устрашения обитателей. На стр. 61 мы читаем историю о *ямабуси*, которого заметили за этим занятием; он делал это, чтобы проживавшие в доме решили, что дом оказался под влиянием некоего проклятия и призвали его для изгнания демонов с помощью мантр и молитв.

Уже в *Сёку Нихонги* мы находим упоминание о дожде из песка, обломков черепицы и комьев земли, который «проливался» в 778 г. на протяжении двадцати ночей на различные дома в столице. Вину за него возложить было не на кого. Тэнгу, однако, в те давние времена не упоминался.

(2) *Тэнгу-отоси*: звуки в горах, напоминающие те, что возникают при землетрясении. Это напоминает нам о громоподобном шуме, производимом китайским Тэнгу-метеором.

(3) *Тэнгу-кадзэ*: вихрь, поднимающий людей на воздух. В вышецитированной работе *Сансю кидан* мы находим пример этому. Дровосек был поднят вверх и оставался висеть в воздухе. Кровь текла у него из глаз и изо рта. Понадобилась вся сила другого человека, чтобы первого не унесло прочь; это продолжалось несколько часов, пока демоны не отпустили и не бросили его на землю. По мнению автора, это не было делом рук Тэнгу, или лесных божеств, но – духов диких животных, в особенности бабуинов (*хихи*).

(4) *Тэнгу-би*: таинственные огни в горах, похожие на так называемые драконьи фонари (*рюто*), или лисьи огни (*кишунэ-би*). Это – либо зарницы, либо светлячки.

(5) Искусство владения мечом у Тэнгу отмечалось нами в легенде о Ёсидзунэ и в истории об одержимой девушке, наставлявшей молодого самурая.

(6) Меткий стрелок Тэнгу подарил своему ученику волшебное ружье, не дававшее промаха.

(7) Ученость Тэнгу также хорошо известна людям. Уже в *Адзума кагами* и многих более поздних трудах неграмотные мальчики и девушки, одержимые Тэнгу, мгновенно становятся способны писать китайские

иероглифы. Иноуэ на последней странице 4-го тома своих *Ёкайгаку коги* приводит три образчика так называемого письма Тэнгу. Это санскритские литеры, кривовато написанные монахами Сингон.

(8) Одержимость Тэнгу (*Тэнгу-гакари*), как мы видели – очень частое явление, как в древности, так и в настоящее время. Иногда одержимый даже принимает облик Тэнгу, и у него чудовищно увеличиваются рот и нос.

(9) Пожары, вызванные Тэнгу, не поддаются подсчетам. Крупные, труднотушимые пожары, в первую очередь – в буддийских храмах, а также и в обычных домах, есть результат их происков. Все странное и таинственное приписывается им.

(10) Их сборища произвели на свет выражение празднества Тэнгу, а их умение обманывать людей привело к тому, что лживый отчет называется «болтовней Тэнгу» (*тэнгу-сана*).

Что касается их гордыни, то и сегодня гордецов называют «Тэнгу».

ГЛАВА III. ТЭНГУ И ГАРУДА

Уже в *Кондзяку Моногатари* (11 век) мы находим чисто буддийское описание Тэнгу. В свете этого факта немедленно возникает вопрос: не есть ли это буддийский демон, привнесенный в Японию из Индии через Китай? По этому предмету мнения японских ученых разделились.

Основной довод сторонников буддийского происхождения – то, что Тэнгу упоминается в двух сутрах: *Саддхарма смритьюнастхана-сутра*⁹⁵ и *Эммё Дзидзокё*.

Первая из этих работ была переведена с санскрита на китайский язык в 539 году и говорит о различных адах, о претах и о перерождении в облике животных. Вторая, однако, не упоминаемая в Каталоге Нандзё, была, по мнению Хирата⁹⁶, написана в Японии, и от здравствующего знатока я узнал, что ее составили в период Токугава. Эдкинс в «Китайском Буддизме»⁹⁷ упоминает Сутру Дицзана в связи с буддийскими адами и цитирует оттуда историю о девушке из семьи брахмана, посетившей свою мать в аду и ставшей Бодхисаттвой Дицзан (Дзидзо). Профессор Нандзё указал мне две сутры, №№ 64 и 1003 в своем Каталоге, в названиях которых упоминается Дзидзо, однако ни в одной из них я не нашел упоминаний Тэнгу.

Автор *Сясэкисю* (до 1312 г.) утверждает, что об этом демоне никогда не говорились в классических буддийских писаниях⁹⁸. Бакин⁹⁹ говорит, что отсутствуют какие бы то ни было доказательства того, что Тэнгу действительно был выведен из Дзидзокё за пять столетий до него.

Что касается *Сэйбо нэнсё кё*, то, по Иноуэ, мы читаем там в гл. 18/5: «Все говорили, что Урука (в другом варианте – Тэнгу) спустился с небес»; а в гл. 40/6: «В воздухе разлился яркий свет, как Тэнгу» и «говорили, что показался большой Тэнгу». Из этих коротких упоминаний становится ясно, что перед нами не японский демон, но китайский Тэнгу-метеор, о котором и говорится в подобающем ключе. Поскольку переводы буддийских текстов на китайский часто были весьма вольными, то демон, упоминавшийся в оригинальном тексте, вероятно, весьма сильно отличался от «Небесной Собаки».

В *Эммё Дзидзокё* различные буддийские демоны перечисляются в сле-

⁹⁵ *Сэйбо нэнсё кё*; Bunyu Nanjo's Catalogue of the Tripitaka, № 679.

⁹⁶ *Кокон ёмиго*, гл. 1.

⁹⁷ Edkins, *Chinese Buddhism*, с. 225 и далее.

⁹⁸ Гл. 8, с. 16 а.

⁹⁹ 50.1., с. 1049.

дующем порядке: Небесные Драконы, Якшасы, Тэнгу и «Земляные Царевны». Когда мы сравниваем это с перечислением высших существ Южного Буддизма, приводимым в книге Kern'a *Manual Of Indian Buddhism*, то там Наги и Якшасы упомянуты после Гаруда, «крылатых существ, летающих по небу, как молнии». Без сомнения, существует связь между этими Гаруда и Тэнгу. В книге Грюнведеля *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei* Гаруда описаны, как представляемые в Ламаизме с толстым (человеческим) телом, человеческими руками, к которым прикреплены крылья и с рогатой птичьей головой. Они – смертельные враги Нагов (змеев, идентифицируемых с китайскими драконами) и принадлежат к числу прислужников ужасных божеств. В аллегорическом смысле они являются символом победы; на горе Адун Целон в Монголии стоит большая деревянная статуя Гаруда; он сидит на камне и, вероятно, знаменует собой какое-то историческое событие. Они также представляются ламаистами, как птицы с человеческими лицами и руками¹⁰⁰. На стр. 188 мы видим Гаруда, представленного в обычной культовой позе стоящим над умирающей Наги, или женщиной-змеей, пронзая ее тело огромными когтями. Он простирает свои руки-крылья в обе стороны. Ноги его – птичьи ноги с опереньем, у него человечесьё тело и рогатая птичья голова с большим изогнутым клювом. На стр. 26 мы видим Гаруда в облике орла, или коршуна с чем-то похожим на головной убор и серьги, уносящего Наги, и на той же странице другую фигуру того же персонажа, совершенно человеческую, но с длинными крыльями по бокам. На стр. 121 Гаруда изображен, как орнамент трона Майтрейи; рогатый демон с птичьей головой и крыльями убивает Нага. На стр. 25 мы читаем, что и Нага, и Гаруда способны обращаться людьми.

Когда мы рассматриваем эти данные, нам немедленно бросается в глаза несколько моментов сходства между Тэнгу из *Кондзяку моногатари* и Гаруда. Оба имеют облик орла, или коршуна, оба могут принимать человеческий облик, оба являются врагами драконов и уносят их прочь. Гаруда также представлялись, как и в более поздних японских источниках, как полулюди, или люди с крыльями; вероятно, это лишь поздние вариации его исходно птичьего облика. Однако мы ничего не читаем о его противостоянии буддизму и буддийским монахам и о появлении в облике будды, монаха, или монахини. Мне кажется, что Тэнгу из *Кондзяку моногатари* является смесью Гаруда с прочими буддийскими демонами, Тэмма, или Небесными Демонами, упоминания которых мы так часто находим в япон-

¹⁰⁰ С. 191. Ср. Gruenwedel, *Buddhistische Kunst in Indien* (2nd ed., 1900), pp. 47 seqq.

ских источниках. Что касается китайского Тэнгу-метеора, то он, наверняка, совершенно отличается от Гаруда и не имеет ничего общего с буддизмом¹⁰¹, однако его имя было позаимствовано японцами и применено к собственному демону. По-моему, задолго до того, как буддизм пришел в Японию, там существовало оригинальное поверье о демоне гор и лесов в форме птицы. Позже японские буддийские монахи, любившие переодевать синтоистских божков и демонов в буддийские одежды, просто идентифицировали этого демона с Гаруда, придав ему, одновременно, несколько особенностей других индийских демонов и присвоив имя китайской «Небесной Собаки». Однако, из Китая все шел поток легенд и концепций, и с течением времени китайские элементы продолжали проникать в японские легенды о Тэнгу.

Книга школы Син Сисисю идентифицирует Тэнгу с Ганеша из-за его человеческого облика и слоновьего хобота, однако эта теория не заслуживает рассмотрения, так как облик Тэнгу, без сомнения, птичий.

Флоренц в своей «Японской мифологии»¹⁰² пишет, что, по мнению Цубои, Тэнгу пришли из Индии и безусловно известны на Тибете, где играют роль демонов ада в религиозных комедиях ламаизма. Возможно, здесь подразумеваются Гаруда, так как ни в Ламаизме Уодделя, ни в цитированной выше работе Грюнведеля Небесные Собаки не упоминаются в этом смысле. Уже в книге Сиболда *Nippon* мы обнаруживаем Тэнгу, идентифицированного с Гарудой, так же как и у Грюнведеля в *Buddhistische Kunst in Indien*.

На стр. 142 (прим. 16) той же книги Флоренц замечает, что народное верование объясняет *така цу каму-но васахахи* в Охо-харахи, или Великом Очищении, т.е. «бедствия, ниспосланные Божествами Высот», как исходящие от Тэнгу и Бога Грома. Хотя Гаруда и имя Тэнгу были импортированы много времени спустя, после того, как создалась формула очищения, вполне возможно, что эти Божества Высот в действительности являлись японскими горными демонами в облике птиц, к которым позже было применено имя Тэнгу.

¹⁰¹ Что касается китайского горного демона, то единственное упоминание, имеющее хоть какое-то сходство с Гаруда, есть заявление И Шичжэня о том, что Тэнгу приходят с вершины Феникса. По мнению Waddell'я (*Lamaism*, p. 367), термин «феникс» эквивалентен «гаруда», так что вершина Феникса может быть Гаруда-кута, как любезно указал мне профессор Шпейер.

¹⁰² Florenz, *Japanische Mythologie*, pg. 6, note 9.

ГЛАВА IV. ВЫВОДЫ

Сведя воедино вышеуказанные данные, мы сможем проследить трансформацию Тэнгу в ходе японской истории.

В восьмом веке мы находим лишь китайских Тэнгу-метеоров, совершенно неизвестных японскому народу и упоминавшихся лишь китайским монахом. Запись каной *Ама-цу-кицунэ* и тот факт, что проделки японских Тэнгу более поздних дней весьма напоминают нам действия китайских небесных лисиц, приводят нас к выводу, что в Японии два этих демона слились воедино.

В девятом веке японские Тэнгу еще не упоминаются, но в десятом появляются, как демоны лесов и горных ущелий, обманывающие людей и заманивающие их музыкой.

В одиннадцатом веке мы получаем обильные сведения из *Кондзяку моногатари*. То, что столь большое количество легенд посвящено Тэнгу, доказывает немалую популярность этой фигуры. Он имел облик коршуна, однако мог превращаться в будду, монаха, или монахиню, чтобы обманывать людей, в особенности — священников, и вредить буддийскому Закону. Но его силу можно было превозмочь могущественными заклинаниями. Считалось, что он пришел из Индии (так как его идентифицировали с Гарудой) и был способен перерождаться в человеческом облике. Он жил в горах, где ему поклонялись те, кто желал обрести магические силы. Он овладевал людьми и говорил их устами, либо уносил их по воздуху прочь в своем исходном облике коршуна. Все его проделки имели цель принесение вреда буддийскому учению.

В двенадцатом веке Тэнгу считали наказанным духом умерших. Впервые в это время мы читаем о пути Тэнгу, как о наказании в аду для гордых монахов, благочестивость у которых была лишь внешняя; также впервые — о храме и об изображении Тэнгу, «Повелителе Небес», с Атаго-яма и о Тэнгу с Хиэйдзан. Они уже не только враги буддизма, но также вредят самому императору, которого ослепляют, вероятно, чтобы вызвать хаос в мире. Овладение людьми и общение через их посредство были частым явлением, но отсутствовали примеры, когда монахов, или кого-то еще уносили прочь.

В тринадцатом веке перед нами предстает уже иная картина. Рядом с высокопоставленными монахами, попавшими после смерти на путь Тэнгу из-за своей гордыни, или еретических взглядов и околдовывавшими императриц и маленьких девочек, мы находим упоминание о злом духе

императору Сутоку, ставшим Тэнгу по причине ненависти к своему брату, и о другом Тэнгу, который, околдовав несколько людей, открыл, что является духом императора Го Сиракава, и потребовал поклонения своей особе. Получать почести от людей являлось целью Тэнгу, равной приведению мира в беспорядок и противостоянию буддизму. Впервые их называют *моно-но кэ* (духи, или души существ) и считают принадлежащими тому же классу существ, что и лисы с «небесными собаками».

В это же время они начали появляться в облике *ямабуси*, а также мастеров фехтования. Они вызывали войны и пожары, в первом случае напоминая китайских Тэнгу-метеоров, вызывавших начало войны в том месте, где они падали на землю, а во втором – китайскую птицу *чжи-няо*, мстившую людям, поджигая их дома.

Дзиккинсё более архаично в том, что представляет демона в его старом облике коршуна, проявляющегося буддой; *Кокон тёмонсю* также описывает его вредящим монахам в их религиозной деятельности, уносящим их прочь и привязывающим на высоких деревьях, или башнях. Однако, в этих старых легендах проглядывают и новые нотки. Например, Тэнгу похищают детей лишь с намерением доставить неприятности родителям, а затем возвращают их в недоразвитом состоянии после того, как наполняли их всяческой дрянью под видом деликатесов. Существует большое сходство между этими деталями и китайскими легендами, которые мы цитировали выше. Очевидно, различные китайские элементы, в особенности касающиеся горных демонов и бесов, все более и более воплощались в нашем японском демоне. Его грамотность, появившаяся к тому времени, должна объясняться тем, что он считался духом монаха, знания которого остались с ним после смерти.

Четырнадцатый век дает нам новый материал в описании мест встреч Тэнгу и способов их наказания в аду. Они сжигались либо пылающей сетью, или расплавленным свинцом, а через некоторое время снова оживали. Характер их сборищ был различным. В *Сясэкисю* это были лишь собрания монахов в монастырях, или встречи танцующих *ямабуси*, однако в *Тайхэй-ки* Великие Тэнгу собирались вместе для обсуждения способов развязывания войны, показывая свое знание событий прошлого и будущего.

Теперь также проводятся различия между хорошими и плохими Тэнгу, тогда как до этого все они были плохими. Хорошие командовали плохими и наставляли монахов в священных ритуалах и учениях. В то время стала достаточно общей фигура Тэнгу, танцующего ночью. Уже в *Кондзяку моногатари* мы читаем о танцующих в горах монахинях, которых счи-

тали Тэнгу; самураи, танцевавшие, смеявшиеся и певшие после смерти Киёмори, считались околдованными Тэнгу. Пьянство, танцы и пение все более и более становились характерными развлечениями этих демонов.

Поджоги не ограничивались монастырскими постройками, хотя и оставались их главной целью, но распространялись, также, и на обычные жилища. Иногда они похищали детей, а затем клали их в бессознательном состоянии на какую-либо крышу. Мы обнаруживаем их в старом облике коршунов, или *ямабуси*, с клювом и когтями, сверкающими глазами и крыльями хищной птицы. Это были духи гордецов, амбициозных, двуличных, или подобострастных монахов, либо – таких императоров, как Сутоку, Го Тоба и Го Дайго, которые все умерли в состоянии ярости, первые два – по причине своей ссылки, а второй из-за того, что его выгнали из Киото (1336).

Что касается гор, населенных Тэнгу, то упоминаются Атаго, Отакэ, Хиэйдзан и Кимпусэн, и Таробо с Атаго поставлен в первый ранг, после императоров. Примечательно, что автор *Тайхэйки* считал Тэнгу с Хиэйдзан исполнителями, руками которых Хиёси, синтоистское божество этой горы, разрушило театр в столице.

В это время мы видим демонов не только вовлекающих людей в войну путем овладения ими, или перерождаясь людьми, но также принимающих участие в их войнах либо отзывая воинов, либо появляясь в боевых порядках, чтобы сбить с толку воюющие стороны. Это напоминает нам о Гарудах, которые не только являлись символами победы, но чей образ был даже выбран Абхаякара в битве против армии Турушка (мохамединцев).

Однако, в *Ёсино сюи* это были просто горные демоны, похищавшие людей, чьи длинные носы – безусловно, наследие птичьих клювов – мы видим упомянутыми здесь впервые.

Пятнадцатый и шестнадцатый века не принесли новой информации. Странно, что Тэнгу не появляются в столь популярных рассказах *Ототогоси*, по крайней мере – их нет в самых ранних из них, так как *Моттомо-но соси* относятся уже к 17-му веку (1620). Там есть обычный демон лесов, живущий на верхушках деревьев, приходящий в опьянение от съеденных грибов и опасный для людей.

Семнадцатый век показывает Тэнгу, как это представлено в книге Радзана, как и ранее – духами умерших, которые превратились в демонов и собираются на своих особых горах решать дела возбуждения войн. Убийства и поджоги все еще остаются их ключевыми целями. Они проявляются, как лисы, голуби, мальчики, монахи, или *ямабуси*,

будды и бодхисаттвы, или одержимые люди, они поют странные песни и пляшут среди людей, предвещая войну.

Впервые мы читаем об их необычайной силе, с помощью которой одержимые ими люди способны бросать огромные камни и другие тяжелые предметы, как перышки. Необычные способности во взбирании они показывают, заставляя одержимых исполнять захватывающие дух пируэты на вершинах скал, крышах домов и храмов.

Однако, добрые по натуре Тэнгу, охранявшие буддизм вместо того, чтобы нападать на него, описаны в *Синтёмонсю*. Они служили в монастырях, а после охраняли их от пожаров, живя в криптомериях у ворот; либо они спускались из своих бриллиантовых дворцов на неприступные горные вершины, чтобы за ночь построить прекрасный монастырь. Великий Тэнгу, являвшийся повелителем такого дворца, имел сверкающие глаза и большой нос; его последователями были *ямабуси*. Иногда ученый монах в течение своей жизни превращался в Тэнгу и улетал прочь.

Восемнадцатый век количеством литературы, посвященной этому предмету, доказал, сколь важными представлялись Тэнгу в то время. Они являлись не только героями большого количества легенд, но даже весьма авторитетные ученые посвящали им отдельные главы в своих трудах. Они жили на горных вершинах и хватали людей, совершавших в лесах неподобающие действия и разрывали их на части. Это были демоны, происходившие из аккумуляированных продуктов тьмы (инь). В облике *ямабуси* они похищали детей и приводили их обратно в идиотическом, или в крайне рассеянном состоянии. Они опускали их на крыши храмов, или роняли на землю с небес, иногда проявляясь, как и в древности, в образе коршунов. Деревенские жители днем и ночью били в гонги и барабаны, призывая их криками: «Отдай! Отдай!» С другой стороны, мы видим их, как слуг в монастыре, который они в дальнейшем охраняли и одаривали всевозможными чудодейственными подарками. Они показывали свои силы, бросая огромные камни и вырывая деревья, и были опасны для тех, кто осмеливался бросить им вызов. Когда они разъярялись, собирались облака и становилось темным-темно, дождь лил не переставая, а гром и буря разражались над головами несчастных жертв. В особенности часто это происходило в их долинах, куда осмеливались забрести люди. Они действовали совершенно как духи деревьев (*кодама*). Горе тому, кто повреждал их деревья, пусть даже он срывал всего один лист! Эти гости-собаки (*кухин*) старались убить его, либо сеяли раздоры среди деревенских жителей, которые творили беспорядок в их лесах.

Они веселились и плясали ночью в своем прекрасном дворце глубоко в горах и исчезали вместе с дворцом на рассвете. Те драгоценные подарки, что они делали посещавшим их людям, в действительности оказывались не имеющими никакой ценности. По Сокаю, их нос походил на клюв ястреба.

Во всех этих деталях мы обнаруживаем смешение старых элементов с новыми. Лесной демон, вызывавший ветер, дождь и гром, не появляется; других персонажей мы уже знаем.

В девятнадцатом веке популярность Тэнгу не снизилась. Напротив, они поднялись до ранга божеств леса, которым для умиротворения делались подношения, что является общим для всех примитивных народов в мире¹⁰³. Если лесорубы пренебрегали этим, то сталкивались с массой мелких неприятностей, или с большими несчастьями. Тэнгу бросали деревья, камни и валуны с такой яростью, что тряслись горы. Когда женщины или нечистые люди заходили в их владения, они разрывали их на куски и разбрасывали их тела в лесах и горных ущельях. Они вызывали дождь и ветер, бросали песок и куски черепицы. Они возмущали вихри, поднимавшие людей на воздух, и мистические огоньки, блуждавшие в горах.

Они приносили удачу охотникам, которые обещали им подношение рыбой и передавали свое искусство в стрельбе и фехтовании мальчикам, которых похищали, и девочкам, становившимся одержимыми. Верхушки деревьев были их любимыми местами пребывания, а празднества – любимым развлечением. Они были столь могучими, что даже сёгун открыто опасался их, а его чиновники убеждали их уйти прочь перед приходом их повелителя. Помимо этих могущественных божеств лесов были и другие, являвшиеся простыми посланниками Фудо, или Компира, затем – *коппа*, или Тэнгу древесных листьев, не обладавшие никакими магическими силами и мирно существующие на своих особых деревьях. Эти последние имели облик больших коршунов, точно такой же, как и их далекие предки.

Даже сегодня эти поверья живы среди деревенского люда. Они все еще бьют в барабаны и призывают Тэнгу вернуть украденных детей, а также подносят Тэнгу пирожки перед тем, как срубить дерево. Они все еще почитают демонов в храмах на вершинах гор, как, например, на Атаго-яма. Каждый год проходит интересный праздник в храме под названием Ками-но кура в Кумано, построенном на вершине высокой скалы и посвященный Тэнгу Такагами. По крутым ступенькам, ведущим от подножия скалы к храму, стар и млад спешит вверх и вниз с зажжен-

¹⁰³ Ср. Frazer, *Golden Bough*, second edition, i, p. 187.

ными факелами, и тот, кто спустится первым, получает аплодисменты толпы, а раньше получал мешок риса от повелителя замка. Вершина над храмом является местом игрищ Тэнгу¹⁰⁴.

Вполне естественно, что эти старинные обычаи поддерживаются людьми. Повсеместно примитивные верования отмирают с трудом, а в такой горной стране, как Япония, демоны гор и лесов играют, разумеется, большую роль в формировании воображения сельского населения. Если ребенок теряется в лесу, для них самоочевидно, что его похитили демоны, а если через какое-то время он находится в истощенном состоянии, вывод ясен – похитители вернули его. Мы находим подобные представления не только в Японии, но и среди других народов¹⁰⁵. Можно быть уверенным, что они существовали здесь задолго до прихода китайской цивилизации и буддизма. Однако после, без сомнения, и то, и другое оказали сильное влияние на примитивные верования.

Богатый китайский фольклор принес огромное количество нового материала, обогатившего воображение народа, и китайские названия были приданы японским идеям. О том, как людей наставляли буддийские монахи, мы узнаем из отрывка в *Нихонги*. Неудивительно, что люди, услышав о таких неизвестных им вещах, путали и смешивали их, например – Божественных Собак и Божественных Лисиц так, что поступки последних приписывались первым. Оригинальный японский демон гор, имевший птичий облик, но способный превращаться в человека и играть с людьми всевозможные шутки, получил имя китайской Небесной Собаки. Это стало возможным оттого, что последняя являлась не просто метеором, но также и горным демоном. Примечательно, как с течением времени японский демон приобретал черты китайского метеора, получив его имя и такие черты, как, например, способность возбуждать войну, гром и яркий слепящий свет; тогда как, с другой стороны, ему приписывалось большое количество проделок, относящихся к ведению китайских Небесных Лисиц и всех видов китайских демонов гор и лесов.

Был и еще один могучий фактор, усиливавший его влияние: буддизм. Монахи, исключительно умелые пропагандисты, немедленно заметили сходство этих демонов с их Гарудами, а также с прочими буддийскими демонами и демоническими духами мертвых. Теперь для них было пара пустяков вычленив их и обрмить в буддийскую рамку, точно так же, как они поступили с синтоистскими божествами. Они даже изобрели путь

¹⁰⁴ Murray, *Handbook for travellers in Japan*, 7th ed., p. 392.

¹⁰⁵ Cp. Frazer, *Golden Bough*, second edition, i, p. 185.

ными факелами, и тот, кто спустится первым, получает аплодисменты толпы, а раньше получал мешок риса от повелителя замка. Вершина над храмом является местом игрищ Тэнгу¹⁰⁴.

Вполне естественно, что эти старинные обычаи поддерживаются людьми. Повсеместно примитивные верования отмирают с трудом, а в такой горной стране, как Япония, демоны гор и лесов играют, разумеется, большую роль в формировании воображения сельского населения. Если ребенок теряется в лесу, для них самоочевидно, что его похитили демоны, а если через какое-то время он находится в истощенном состоянии, вывод ясен – похитители вернули его. Мы находим подобные представления не только в Японии, но и среди других народов¹⁰⁵. Можно быть уверенным, что они существовали здесь задолго до прихода китайской цивилизации и буддизма. Однако после, без сомнения, и то, и другое оказали сильное влияние на примитивные верования.

Богатый китайский фольклор принес огромное количество нового материала, обогатившего воображение народа, и китайские названия были приданы японским идеям. О том, как людей наставляли буддийские монахи, мы узнаем из отрывка в *Нихонги*. Неудивительно, что люди, услышав о таких неизвестных им вещах, путали и смешивали их, например – Божественных Собак и Божественных Лисиц так, что поступки последних приписывались первым. Оригинальный японский демон гор, имевший птичий облик, но способный превращаться в человека и играть с людьми всевозможные шутки, получил имя китайской Небесной Собаки. Это стало возможным оттого, что последняя являлась не просто метеором, но также и горным демоном. Примечательно, как с течением времени японский демон приобретал черты китайского метеора, получив его имя и такие черты, как, например, способность возбуждать войну, гром и яркий слепящий свет; тогда как, с другой стороны, ему приписывалось большое количество проделок, относящихся к ведению китайских Небесных Лисиц и всех видов китайских демонов гор и лесов.

Был и еще один могучий фактор, усиливавший его влияние: буддизм. Монахи, исключительно умелые пропагандисты, немедленно заметили сходство этих демонов с их Гарудами, а также с прочими буддийскими демонами и демоническими духами мертвых. Теперь для них было пара пустяков вычленив их и обрмить в буддийскую рамку, точно так же, как они поступили с синтоистскими божествами. Они даже изобрели путь

¹⁰⁴ Murray, *Handbook for travellers in Japan*, 7th ed., p. 392.

¹⁰⁵ Cp. Frazer, *Golden Bough*, second edition, i, p. 185.

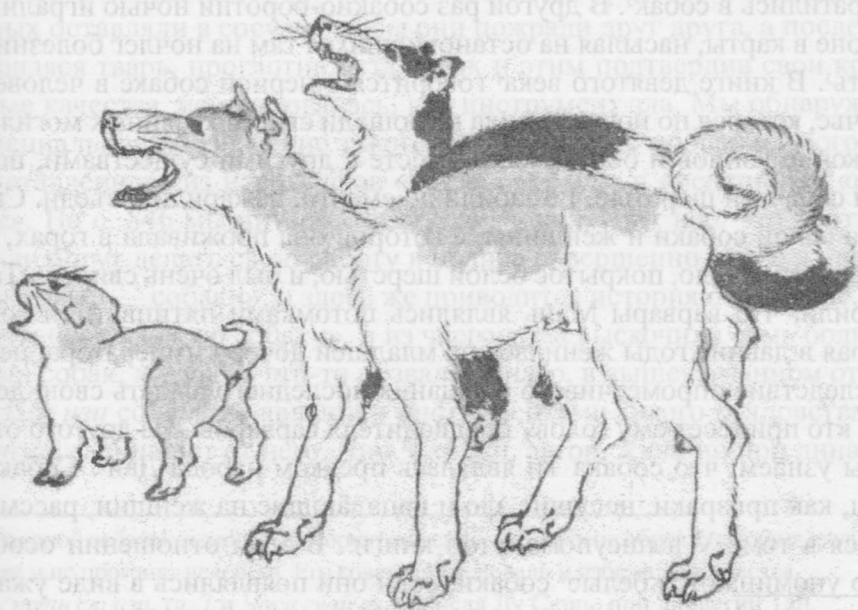
Тэнгу, как одну из специфических разновидностей наказаний в аду, воздвигли храмы и образы для умиротворения злобных духов.

Однако японско-китайское смешение идей не умерло под этим экзотическим напором. Напротив, веселый, сильный демон гор, обманывающий людей всяческими образами, убивавший и преследовавший их при проникновении в свои владения, все более и более освобождался от буддийского влияния в ходе веков, и в настоящее время предстает в своем истинном обличье демона гор и лесов.

СОБАКА И КОШКА В ЯПОНСКИХ ПРЕДРАССУДКАХ

1909

Существуют большие различия в тех ролях, которые играют собаки и кошки в японских легендах и предрассудках. Первые предстают защитниками человечества, а вторые, как правило, его смертельными врагами. Однако, в некоторых историях мы встречаем прямо противоположное: злых демонов-собак и сверхъестественных кошек-защитников, хотя число таковых историй невелико.

ГЛАВА I. СОБАКА И КОШКА В КИТАЕ

Поскольку основная часть японского фольклора и связанных с ним предрассудков была привнесена из Китая, нам прежде всего следует рассмотреть воззрения на кошек и собак, превалировавшие в этой стране с древних времен. По этому предмету, как и по другим областям такого рода, мы можем черпать исчерпывающие сведения из книги профессора де Гроота «Религиозная система Китая». В Разделе 3 главы по Зооантропологии¹ приводятся замечательные старые легенды о собаках, обратившихся людьми. В одной из них такую собаку обнаружили в комнате и били до тех пор, пока та не приняла свою исходную форму и не убежала прочь. После этого несколько мужчин в доспехах, вооруженные копьями и луками, атаковали дом, но все были убиты, или ранены, после чего превратились в собак². В другой раз собаки-оборотни ночью играли в павильоне в карты, насылая на остановившихся там на ночлег болезни, или смерть³. В книге девятого века⁴ говорится о черной собаке в человеческом обличье, которая по ночам ездила на лошади своего хозяина к могиле, где ее в конце концов и обнаружили вместе с другими существами, покрытыми собачьей шерстью. Ее забили до смерти, изжарили и съели. Сын от союза белой собаки и женщины, с которой она проживала в горах, имел человеческое тело, покрытое белой шерстью, и был очень свиреп⁵. Также, говорили, что варвары Мань являлись потомками пятицветной собаки, которая в давние годы женилась на младшей дочери императора, неудачное следствие опрометчивого обещания последнего выдать свою дочь за того, кто принесет ему голову предводителя варваров⁶. Из другого отрывка мы узнаем, что собака Ти являлась предком народа Дай⁷. Собаки-демоны, как призраки, несущие зло и нападающие на женщин, рассматриваются в томе V вышеупомянутой книги⁸. В этом отношении особенно часто упоминаются белые⁹ собаки; если они появлялись в виде ужасных

¹ Том IV, сс. 156 и далее; посвященные Синантропологии сс. 184187.

² Книги ранней династии Хань, гл. 27, II, 1, 32.

³ *Шоу шэнь сю цзи*, написал Тао Цянь, 365-427 (см.: том IV, с. 96, прим. 1); гл. 9.

⁴ *Сюаньши чжи*, написал Чжан Ду, см.: том IV, с. 135, прим. 1.

⁵ Том IV, сс. 256 и далее, *Сяо сян лу*, написана в конце династии Тан, см. том IV, с. 200, прим.

⁶ Том IV, с. 263 и далее, *Книги поздней династии Хань*, гл. 116, II, 1 seq.

⁷ Том IV, с. 115.

⁸ Сс. 571 и далее.

⁹ Черный также являлся обычным цветом демонических собак. В *Фун су тун и* (написал Ин Шао, во II в.) мы читаем о мудром прорицателе, предсказавшем прибытие человека со

людей, или призраков, поющих и размахивающих платком своего хозяина, то считались предвестниками скорой смерти последнего¹⁰. Иногда они даже принимали облик умершего, чтобы обмануть живых¹¹. Далее, упоминаются духи деревьев в облике бесхвостых черных собак, называемых пэнсю, или собаки с человеческими лицами¹², или голубые собаки, духи тысячелетних пихт¹³. Наконец, собаки известны своими способностями по отношению к лисам-оборотням, которые при их виде принимают свой исходный облик и немедленно обращаются в бегство¹⁴.

Японские авторы цитируют некоторые другие отрывки из китайских произведений, проливающие свет на источник японских верований в магическую силу собак противостоять всевозможным злым демонам. Тада Ёситоси¹⁵ ссылается на *Ши цзи*¹⁶, где мы читаем следующее: «При помощи собак оберегаются от колдовства гу». Подробности о колдовстве гу мы также можем найти в «Религиозных системах»¹⁷ профессора де Гроота. Это есть «колдовство при помощи небольших рептилий и насекомых, которых оставляли в сосуде, чтобы они пожрали друг друга, а последняя оставшаяся тварь, проглотив остальных и этим подтвердив свои кровожадные качества, использовалась, как инструмент зла. Мы обнаруживаем специальное обозначение такого сосуда, теперь произносимого, как гу, составленного из иероглифов «чаша», «сосуд» и «рептилия», «насекомое». На с. 846 мы читаем: «Юй Бао¹⁸ также учит нас, что рептилии этого гу могут делать свою работу в облике совершенно иного животного, например — собаки», и здесь же приводится история о человеке, державшем «колдовскую собаку», и из чьего дома выскочили семь больших желтых собак, когда его кто-то позвал. Однако, в вышеуказанном отрывке из *Ши цзи* собаки не являются инструментами такого колдовства, но, напротив, защищают от него. Лин Чжилун, автор, живший при династии

старой черной собакой-демоном, которую он использует против обитателей дома, если те не убьют ее и не прогонят человека. Его совету последовали и избежали несчастья.

¹⁰ *Шоу шэнь сю цзи*, гл. 7 и *Чжи гуай лу*, написал Лу Сюнь, при династии Тан.

¹¹ Том V, с. 574, *Фун су тун и*, гл. 9.

¹² Т. IV, с. 282, *Шоу шэнь цзи*, (написал Юй Бао в начале 4 века), гл. 18.

¹³ Т. IV, с. 287, *Бао Пуцзы* (написал в 4 веке Гэ Хун, см. т. I, с. 56), § 3.

¹⁴ Т. IV, сс. 188 и далее, 191; ср. мою работу: "The Fox and the Badger in Japanese Folklore", *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, Vol. XXXVI.

¹⁵ 1697-1750, в своей книге *Симмэй хёдан*, цит. в: *Комаину ко, Онти сёсё*, т. VIII.

¹⁶ Написал Сыма цянь, при династии Хань, гл. V.

¹⁷ Т. V, гл. III, с. 826869.

¹⁸ *Шоу шэнь цзи*, гл. 12.

Мин¹⁹, дает следующее объяснение этому отрывку. «В *Фун су тун* и сказано: ‘Собак помещали у четверех ворот (столицы), чтобы отпугнуть грабителей, так как, по массовым верованиям, они могут отличать чужих (от своих, проживающих здесь) и охранять дома’. По той же причине в наши дни убивают белую собаку и мажут ее кровью ворота, дабы устранить неприятности»²⁰. Другой комментатор Сюй Гуан²¹, цитирует *Нянь бяо*²², где мы читаем: «На второй год правления Дэ Гуна²³ из Цинь впервые был воздвигнут храм для собак, которых убивали [намеренно, давая их повозками]. На четырех воротах столицы распинали собак, [дабы отогнать злых духов]». А Чжан Шоуцзе²⁴ замечает: «*Гу* это злой дух лихорадки, приносящий вред людям. Поэтому распинают собак, чтобы устранить гу». Далее следует та же цитата из *Нянь бяо*, и автор добавляет: «По моему мнению (распятие) означает «изгнание». Собака есть животное Ян (элемент света). Поэтому, когда на четырех воротах распинают собак, они отгоняют злых духов лихорадки». В связи с этими отрывками мы можем упомянуть Тан ли цзи и²⁵, где читаем: «Две собаки²⁶, нарисованные на внутренних стенах Дворца есть подражание древнему обычаю династии Цинь», [а именно — распятия собак на воротах для того, чтобы отогнать злых духов]. Как мы увидим ниже, это чрезвычайно важные факты для изучающих японский фольклор, поскольку они ясно показывают, что идеи об охранительной магии собак пришли из Китая. Считалось, что их лай также отгоняет злых птиц, угрожавших жизни китайских младенцев, а также считались защитниками японских новорожденных. Напротив, плохая, демоническая сторона собак никогда не была популярна в Японии, так как легенды, в которых они играют эту роль, чрезвычайно редки в стране Восходящего Солнца.

Другое дело кошки, которые плохи как в Китае, так и в Японии. Хотя мы ничего не читаем о кошачьем колдовстве в первой стране, но японская *некомата* — чрезвычайно опасный демон. Я не обнаружил этого чудовища-антропофага с раздвоенным хвостом в китайских кни-

¹⁹ В эру Ваньли, 1573–1619.

²⁰ По Brinkley, *Japan*, Vol. V, p. 239, такой же обычай распространен в Японии, однако я не нашел упоминания о нем ни в одной японской работе.

²¹ Живший во времена старшей династии Сун (420–479).

²² Гл. XIV

²³ Ср. также де Гроот, I.1., т. V, гл. II, с. 826.

²⁴ В *Цзин и*, написано при династии Тан.

²⁵ Книга о церемониях при династии Тан (автор и дата написания неизвестны).

²⁶ Волкоподобная собака.

гах, однако идея о старости, придающей силы для того, чтобы превращаться в старуху, вполне китайская. По мнению жителей Срединного Царства, живительный дух (цзин) всех существ с годами понемногу укрепляется, так что становится способным принимать человеческий облик и может преследовать людей²⁷. Далее, кошка связывается с образом старухи в Японии, точно так же, как и в Китае, хотя и иным способом; в первой стране старая женщина является жертвой, а во второй нанимательницей. И вновь профессор де Гроот сообщает нам детали о китайском колдовстве с кошками. В главе о животных-демонах²⁸ он заявляет, что «рассказы о кошках-демонах в китайской литературе редки, так что почти очевидно, что этот класс существ никогда не занимал значительного места в подобных предрассудках». Далее он приводит интересный отрывок из Истории Севера²⁹, где рассказывается о кошачьем колдовстве 598 года при династии Суй. В тот год император собирался приказать своему двоюродному брату по имени Духу То и его жене совершить самоубийство за использование кошек-духов против императрицы и другой дамы, которые одновременно заболели. Однако, из-за личного вмешательства самой императрицы и ее младшего брата им была оставлена жизнь; однако мужчину лишили всех чинов и отличий, а его жену обратили в буддийскую монахиню. Во время суда рабыня рассказала судьям, что мать То часто приносила жертвы кошкам-духам по ночам, в каждый день крысы, а когда эти духи кого-то убивали, собственность погибшего таинственным образом оказывалась в доме, где содержалось животное. То приказал ей, рабыне, следовать так, чтобы кошка проникла во дворец, дабы побудить императрицу наградить его многими ценными подарками. Когда судьи выслушали эту исповедь, они приказали женщине отозвать дух прочь, после чего та поставила горшок пахучей рисовой каши и, постукивая по нему ложкой, воскликнула: «Прийди, кошечка, не оставайся во дворце». Через некоторое время ее лицо посинело и, шевелясь, как если бы ею двигала какая-то невидимая сила, она громко сказала: «Вот кошка-дух». В тот же год император приказал выслать на самые отдаленные границы все семьи, в которых были кошки-духи³⁰.

²⁷ Ср. де Гроот, *Религиозная Система*, т. IV, сс. 162, 287.

²⁸ Т. V, гл. V, № 6, сс. 609 и далее.

²⁹ Гл 61, II 10 и далее, а также *Книги династии Суй*, гл. 79, II 4 и далее. Последнее слово также цитируется Мурасэ Котэй, в его *Гэйэн ниссё*, написанной в 1807 году, гл. XII, с. 36 b; ср. Иноуэ, *Ёкайгаку коги*, т. IV, с. 233.

³⁰ Т. V, с. 825.

Другой случай кошачьего колдовства упоминается на с. 819 того же тома³¹. Старуха мучила ребенка, заставляя его непрестанно плакать по ночам; она делала это, приезжая на кошке, на ее душе, как на лошади-привидении, однако была обнаружена и прогнана изгонителем. Кошку забили до смерти и старуху уморили голодом, после чего ребенок больше не плакал. Это — единственные случаи кошачьего колдовства, обнаруженные де Гротом; японские авторы также не цитируют других источников. Что касается верования в то, что в кошку превращаются после смерти, то оно заставило даже могущественную императрицу У запретить держать во дворце любых кошек, так как одна придворная дама, которую жестоко казнили по ее приказу, сказала, что после смерти превратится в кошку и превратит У в крысу, чтобы в отместку разорвать ее на части³².

Наконец, мы должны упомянуть китайское верование в то, что если кошка перепрыгнет, или перейдет через кровать с покойником, то тело немедленно подымется. Если кто-то будет схвачен трупом в этом состоянии, то он (или она) немедленно погибнет; поэтому необходим длинный шест, или палка, чтобы опрокинуть его вновь. Причина состоит в том, что на кончике тигриного хвоста есть магический волосок, который может заставить душу вернуться обратно в тело, а кошка, будучи тигром в миниатюре, также должна иметь такой волосок. Кошки считаются особо опасными вблизи трупов в день тигра. Неудивительно, что китайцы отдают кошек соседям, или привязывают их, покуда тело еще не положено в гроб».

Но довольно о китайских представлениях о собаках и кошках; теперь мы переходим к японским легендам.

³¹ Цитата из *Цзы бу юй*, составил Суй Юань., во второй половине 18 века (ср. т. IV, с. 106, прим. 1).

³² Т. V, сс. 612 и далее, *Новые книги династии Тан*, гл. 76, II 6 и далее.

ГЛАВА II. СОБАКА И КОШКА В ЯПОНСКИХ ЛЕГЕНДАХ

В *Кодзики* (712) собака упоминается лишь один раз³³. Когда Юряку Тэнно (457–479) находился в пути к своей невесте, он увидел дом, построенный точно так же, как дворец. Разгневанный от такой дерзости, он приказал немедленно сжечь дом, однако тут вышел хозяин и с тысячью извинений поднес императору белую собаку. Поскольку это была большая редкость, Его Величество принял подарок с радостью и передал своей невесте; приказ сжечь дом был отменен.

Кошка не появляется в *Кодзики*, равно как и в прочих старых исторических работах. Исходно в Японии были только дикie кошки, однако во времена императора Итидзё (986–1011) несколько особей небольших домашних кошек были привезены из Китая³⁴. Из-за их редкости цена на них была весьма высока, и лишь император, да несколько вельмож могли себе позволить их иметь. О том, насколько Его Величество любил этих так называемых *кара нэко*, или «китайских кошек», мы читаем в *Оуки*³⁵ и в *Макура-но соси*³⁶. В первой книге говорится, что «на 19-й день 9-го месяца 999 года кошка навела во Дворце котят. Левому и Правому министрам поручили вырастить их, подготовить для них коробки (со сладостями) и рисом, а также одежду, (как для новорожденных). Придворная дама Умано мёбу была назначена к котятam нянькой. Люди смеялись над происходящим и были сильно удивлены». Другой забавный случай описан в *Макура-но соси*, а именно, когда император Итидзё наградил пятым рангом (придворной дамы) дворцовую кошку, дав ей имя Мёбуно Омото, т.е. «фрейлина Мёбу». Однажды эту кошку покусала собака, натравленная одной из фрейлин, обязанностью которой было нянчить котят. Когда император узнал об этом, он сильно рассердился и угрожал даме ссылкой. Собаку избили и прогнали из дворца, но она вернулась через несколько дней такая худая и несчастная, что ее почти нельзя было узнать.

Хотя с кошками во дворце обращались очень хорошо, позже, когда они стали обычными домашними животными, их, очевидно, стали считать до-

³³ Гл. XLI, К.Т.К. VII, с. 148 (К.Т.К. = *Кокуси тайкэй*).

³⁴ *Сэдзуригуса*, написано Като Дзякуан, в 1859; гл. XXI, с. 3.

³⁵ Дневник Фудзиварано Санэскэ, жившего 956–1046.

³⁶ Написала Сэй Сёнагон в 1000 году.

вольно опасными тварями и привязывали веревками, чтобы те не натворили зла. Вероятно, это делалось из страха, что они могут убежать, или их украдут, так как они все еще считались ценными животными. Об этом мы узнаем из *Нэко-но соси*³⁷, где сказано, что в 1602 году киотосские власти расклеили на перекрестках в Итидзё объявления со следующим приказом: «Во-первых, веревки для кошек в Киото должны быть развязаны, а кошки — отпущены. Во-вторых, более не разрешается покупать, или продавать кошек. Нарушивший этот приказ подвергнется серьезному штрафу».

В *Нихонги* мы находим пять отрывков, где говорится о собаках, первый из которых³⁸ содержит историю о двух братьях — Хосусорино Микото и Хикохоходэмино Микото — и слова первого из них: «С этих пор и до 80-го поколения мои потомки будут служить тебе, как людисобаки (*инубито*)». Этот отрывок будет рассмотрен ниже в связи с *хаяхито*. В другом отрывке говорится следующее.

«Ямато Дакэно Микото вступил в провинцию Синано и пересек весьма крутые и труднодоступные горы в этой стране, после чего достиг вершины горы Ояма. Будучи очень голоден, он взял с собой в горы пищу. Однако, божество горы, дабы досадить принцу, обратилось белым оленем и появилось перед ним. Однако принц бросил в оленя кусок *хиру*³⁹, попал в глаз и убил его. После этого он заблудился и не знал, как выбраться из гор. Однако, перед ним появилась белая собака и повела принца за собой; последовав за ней, он вышел в провинцию Мино»⁴⁰.

«На 13-м году правления императора Юряку (469) в Миикума, провинции Харима, появился человек по имени Аясино Омаро, сильный и отважный, поведение которого было буйным. Он нападал на людей на дорогах и не позволял им проходить; он остановил лодки торговцев и ограбил их, забрав все товары. Более того, он нарушил Закон Империи и не платил налогов. Тогда император послал Касугано Ононо Оми Оки с пятьюстами бесстрашными воинами, которые окружили дом грабителя и подожгли его. Немедленно из пламени выскочила белая собака и бросилась на Окино Оми. Размером она была с лошадь, однако Оми, даже не побледнев, выхватил меч и зарубил животное, которое немедленно обратилось в Аясино

³⁷ *Отюгидзоси*, т. II, № 166 с. 1.

³⁸ Гл. II, К.Т.К., т. I, с. 68.

³⁹ Чеснок — это магическое растение, которое даже сегодня вывешивают перед входом в жилище в случае продолжительной болезни обитателей, дабы прогнать от дома демонов болезни. Очевидно, даже в древности он считался действенным средством для изгнания демонов.

⁴⁰ Гл. VII, с. 147.

Омаро». В гл. XXI (с. 368) мы лишь читаем о преданности двух собак, без каких-либо связей с предрассудками. Одна из них, собака побежденного бунтовщика, убившего себя, тело которого было разрублено на восемь частей и послано в восемь провинций по приказу императора, взяла в зубы голову хозяина и положила ее на старую могилу. Затем собака легла рядом и издохла. Когда император узнал об этом, он был глубоко тронут и приказал, чтобы человека и собаку похоронили рядом. Другая собака распознала части тела своего хозяина среди сотен других, погибших в сражении, собрала их вместе и следила за ними, покуда их не положили в гроб⁴¹.

В 659 году собака появилась с рукой покойника в зубах и положила ее в храме Ифуя. Это было предвестием смерти императора Саймэй (655–661)⁴².

В *Нихон коки*⁴³ упоминается собака, которая в 809 году поднялась на западную башню в Тайкёкудэн, одном из строений дворца; это, вероятно, сочли мистическим предзнаменованием.

В *Сандай дзицуроку*⁴⁴ мы читаем, как в 886 году смерть собаки в пределах дворца сделала его территорию нечистой, однако церемония *кайдзё* (изгнание причин дурных воздействий) была отложена до благоприятного дня, названного прорицателем. Тот же случай, а именно, смерть собаки в пределах дворца, часто упоминается в *Нихон кираку*⁴⁵ и однажды в *Фусо рикаки*⁴⁶. Это часто делало дворец нечистым и вынуждало откладывать церемонии и праздники. В 904 году императорский посланник, находившийся на пути в Исэ, где он должен был сделать подношения Дайдзингу, вернулся, не достигнув места назначения, поскольку увидел мертвую собаку, вид которой сделал его нечистым⁴⁷. Не только смерть, но и рождение собак во дворце считалось серьезным происшествием, достойным упоминания в анналах, как оскверняющее дворец⁴⁸. В 927 году собака укусила маленького мальчика за ноги и бедра, после чего во дворце возник спор: возникла ли вследствие этого нечистота? Прецедент 877 года был выдвинут на первый план, дабы показать, что это было не загрязнение, поэтому можно отправлять все религиозные празднества, и такое происшествие не долж-

⁴¹ В соответствии с текстом, помещенным в *Кокуси тайкэй*, собака знала все тела, однако это явная ошибка, которую можно исправить, заменив иероглиф (третья *abigne*), как это дается в других текстах.

⁴² Гл. XXVI, с. 465.

⁴³ Написано в 841 г., К.Т.К., т. III, гл. XVII, с. 94.

⁴⁴ Написано в 901 г., К.Т.К., т. VI, гл. XLIX, с. 698.

⁴⁵ Написано после 1036 г., К.Т.К., т. V, вторая часть, гл. IV, сс. 889, 895, 901 и т.д.

⁴⁶ Написано около 1150 г., К.Т.К., т. VI, гл. XXIII, с. 673.

⁴⁷ *Нихон кираку*, вторая часть, гл. I, с. 783.

⁴⁸ Там же, гл. III, сс. 854, 856, 858, 877.

но считаться вызывающим нечистоту⁴⁹. В 1348 году, когда император Суко (1348–1351), 16-тилетний мальчик, взошел на трон, странная пятнистая собака появилась во дворце с головой мальчика двух-трех лет в пасти и положила ее на пол в южном здании (Нандэн). Когда рано утром самурай, чьей обязанностью было убирать помещение, ударил собаку палкой, животное взобралось по свесу на конек крыши, повернулось к западу, трижды провыло и исчезло, как будто его и не было. По этому поводу император сказал прорицателям и другим советникам: «Поскольку такое происшествие делает дворец нечистым, нам не следует проводить церемонию коронации (*дайджэ*) в этом году. Далее, вам следует сравнить прецеденты, следовать предписаниям Закона в этом отношении и хорошенько все обдумать». Тогда все они сказали, что случившееся сделало дворец нечистым на один год. Однако Акикиё, бывший главный судья, имел отличное мнение. Он процитировал слова Закона, говоря: «Синто следует путям, выбираемым императором», и потому заключил, что все зависит от мнения императора о происшедшем. Эти слова привели Урабэно Канэтоё, помощника министра по Департаменту религиозных дел, в такую ярость, что он заявил, что, если сказанное Акикиё верно, то Синто более не существует, и он, Канэтоё, сожжет синтоистские книги и станет буддийским монахом. Однако, прочие рассмеялись и сказали, что все не так серьезно, как он себе представляет. Затем император похвалил Акикиё, и празднество было проведено в тот же год, на горе бедняков, которые сперва лишились своей собственности в ходе войны, а теперь были вынуждены платить большие подати на проведение церемонии коронации⁵⁰.

Среди самых отчетливых предвестников *Энгисики*⁵¹ упоминает *хёкэн*, пятнистую, пантерообразную собаку, чья пасть крепка, как железо, тело красное, четыре лапы и три глаза, а также *рокэн*, или «собака росы», описываемая, как животное, которое умеет летать и пожирает тигров и леопардов. В *Нитюрэки*⁵² собака упоминается, как одно из шести домашних животных [делающих нечистым место, где они рождаются, или умирают]; среди 36 животных она вместе с рысью и волком объединена под зодиакальным знаком *ину*, собака. В той же книге мы находим оставление собакой помета в списке «странных вещей» и читаем о следующих подробностях. Если собака оставит помет в день крысы, официальным лицом будет вчинен иск [против

⁴⁹ *Фусо рьяки*, гл. XXIV, с. 694.

⁵⁰ *Тайхэйки*, написано около 1382 г., гл. XXV, с. 1.

⁵¹ Написано в 927 г., К.Т.К., т. XIII, с. 653.

⁵² Календарь, начало которого датируется второй половиной XIV в., *Сисэки сюран*, т. XXIII, № XIX, № 9, с. 151.

но считаться вызывающим нечистоту⁴⁹. В 1348 году, когда император Суко (1348–1351), 16-тилетний мальчик, взошел на трон, странная пятнистая собака появилась во дворце с головой мальчика двух-трех лет в пасти и положила ее на пол в южном здании (Нандэн). Когда рано утром самурай, чьей обязанностью было убирать помещение, ударил собаку палкой, животное взобралось по свесу на конек крыши, повернулось к западу, трижды провыло и исчезло, как будто его и не было. По этому поводу император сказал прорицателям и другим советникам: «Поскольку такое происшествие делает дворец нечистым, нам не следует проводить церемонию коронации (*дайdzэ*) в этом году. Далее, вам следует сравнить прецеденты, следовать предписаниям Закона в этом отношении и хорошенько все обдумать». Тогда все они сказали, что случившееся сделало дворец нечистым на один год. Однако Аикиё, бывший главный судья, имел отличное мнение. Он процитировал слова Закона, говоря: «Синто следует путям, выбираемым императором», и потому заключил, что все зависит от мнения императора о происшедшем. Эти слова привели Урабэно Канэтоё, помощника министра по Департаменту религиозных дел, в такую ярость, что он заявил, что, если сказанное Аикиё верно, то Синто более не существует, и он, Канэтоё, сожжет синтоистские книги и станет буддийским монахом. Однако, прочие рассмеялись и сказали, что все не так серьезно, как он себе представляет. Затем император похвалил Аикиё, и празднество было проведено в тот же год, на горе бедняков, которые сперва лишились своей собственности в ходе войны, а теперь были вынуждены платить большие подати на проведение церемонии коронации⁵⁰.

Среди самых отчетливых предвестников *Энгисики*⁵¹ упоминает *хёкэн*, пятнистую, пантерообразную собаку, чья пасть крепка, как железо, тело красное, четыре лапы и три глаза, а также *рокэн*, или «собака росы», описываемая, как животное, которое умеет летать и пожирает тигров и леопардов. В *Нитюрэки*⁵² собака упоминается, как одно из шести домашних животных [делающих нечистым место, где они рождаются, или умирают]; среди 36 животных она вместе с рысью и волком объединена под зодиакальным знаком *ину*, собака. В той же книге мы находим оставление собакой помета в списке «странных вещей» и читаем о следующих подробностях. Если собака оставит помет в день крысы, официальным лицом будет вчинен иск [против

⁴⁹ *Фусо рякки*, гл. XXIV, с. 694.

⁵⁰ *Тайхэйки*, написано около 1382 г., гл. XXV, с. 1.

⁵¹ Написано в 927 г., К.Т.К., т. XIII, с. 653.

⁵² Календарь, начало которого датируется второй половиной XIV в., *Сисэки сюрэн*, т. XXIII, № XIX, № 9, с. 151.

того, в чьем доме все произошло]. В день быка это означает смерть больного; в день тигра — происшествие с ворами; в день козы — обвинение, либо смерть коровы, или лошади. В день дракона это предвещает болезнь, однако в день змеи — знак великой удачи, а именно, грядущего богатства. В день лошади это предвещает появление гостей, однако в день овцы это предполагает строгий пост во всем доме. В день обезьяны кто-то из-за этого покинет дом, либо умрет ребенок⁵³. Наконец, если это произойдет в день свиньи, то предвещает смерть маленького ребенка, мужчины, или женщины». Далее, если собака воет долгое время, то это означает следующее, по дням, соответствующим вышеуказанным: несчастье, вызванное появлением некоего демона, смерть больного, несчастье, вызванное мужчинами (?), строгий пост, болезнь, большое несчастье, обвинение и, в три последних дня, большое несчастье. Мы можем сравнить это с отрывком из *Фусо рякки*⁵⁴, где читаем, что в 1092 году «случилось сильное землетрясение, стаи собак перепугались и принялись лаять», что, вероятно, считалось дурным предзнаменованием. Итак, мы видим, что собака была зловещим животным, которое почти всегда (если оставляла помет в доме), или всегда (если раздражалась долгим воем) предвещало несчастье, а ее смерть, или рождение делало место, где это произошло, нечистым (в особенности — императорский дворец).

Относительно собачьих драк, как плохих предзнаменований, мы можем процитировать другой отрывок из *Тайхэйки*⁵⁵, где они упоминаются, как знак близкого падения Ходзё Такатори, прозванного Ньюдо из Сагами, последнего Сиккэна из Камакура (1303–1333). Это продолжение отрывка, процитированного мной в работе о Тэнгу⁵⁶, где описывается другой плохой знак, а именно, пляски и песни Тэнгу в комнате Такатоки, истолкованные, как предрекавшие восстание и дальнейшее разрушение страны. Этот Такатоки был дураком, так как не только любил танцы дэнгаку, что совсем не сочеталось с занимаемым им высоким постом, но был экстравагантен и в прочих отношениях. Там говорится: «Такатоки совсем не испугался этим неожиданным появлением (Тэнгу), нет, он все более и более любил странные вещи. Однажды, увидев, как собаки кусают друг друга в саду, он счел это зрелище столь интересным, что немедленно приказал своим подчиненным вместо налоговых взносов выращивать собак⁵⁷. По-

⁵³ Относительно дней птицы и собаки текст непереводим и явно испорчен.

⁵⁴ Гл. XXX, с. 844.

⁵⁵ Гл. V, с. 2.

⁵⁶ Transactions of this Society, Vol. XXXVI.

⁵⁷ За сто лет до этого (1222) Камакура стала ареной охоты на собак верхом на лошадях; впервые это произошло в саду Сиккэна. После в обычай вошло практикование стрелять

скольку все основные семейства были обязаны посылать собак Сиккэну, все губернаторы провинций и великие даймё стали выращивать 1020 собак и привозили их в Камакура [в качестве подарка Сиккэну]. Там животных помещали в тщательно изготовленные дорогие конуры и кормили рыбой и дичью. Результат был вовсе не утешителен, так как, когда этих собак несли по дорогам в паланкинах, встречные спешили и приветствовали их, стоя на коленях. Специально нанимали крестьян, чтобы носить такие паланкины, настолько важными являлись собаки, по мнению Сиккэна. Камакура наполнилась разнообразнейшими собаками, которых кормили мясом и одевали в парчу, а их число выросло до неимоверного — четырех, или пяти тысяч. Двенадцать раз в месяц наступали так называемые «дни великого сражения», когда великие даймё, члены семейства Сиккэна, а также их прислужники рядами сидели в саду и смотрели на зрелище. Затем с двух сторон выпускалось по сто, или двести собак, и начиналась яростная схватка. Животные катались по земле, выли и кусали друг друга, производя такой ужасный шум, что он отдавался в небе и сотрясал землю. Видевшие это дураки говорили: «Как интересно! Действительно, прямо как настоящее сражение!» Однако люди умные, прослышав об этом, приходили в расстройство и считали это весьма плохим делом, так как оно напоминало кровавую схватку [между людьми]. Мнения были довольно различны, но в любом случае поведение Сиккэна было очень плохим, поскольку все это предвещало войну и смерть⁵⁸.

в них из луков, но через некоторое время такое увлечение прошло. Однако, в 1342 г. Огасавара Садамунэ просил сёгуна Асикагано Тадаёси начать это вновь, однако таковое предприятие вновь не прижилось. В 1646 г. Симадзу Мицухиса, даймё из провинции Сацума, сделал копии старых картин про охоту на собак в своем ясики в Эдо и показал их в 1646 г. сёгуну Иэмицу в деревне Кита Одзи. В эру Кёхо (1716–1735) сёгун Иэсигэ самолично охотился на собак, и даже в 1881 г. потомок вышеуказанного даймё Симадзу провел такую охоту в своем ясики в Асабу, районе Эдо. (*Нихон хякка дайджитэн*, т. 1, 1908, s.v. *Ину оу моно*, с. 654). Относительно легендарного происхождения охоты на собак см. мою работу «Лиса и барсук в японском фольклоре», *Transactions*, Vol. XXXVI.

⁵⁸ Такая особая любовь к собакам этого Сиккэна, пятого сёгуна семейства Токугава — Цунаёси (1646–1709) имела и еще одну особую причину. Буддийский монах Рюко сказал Цунаёси, что его бездетность объяснялась убийством живых существ в прежних существованиях, поэтому, если сёгун желал иметь детей, то ему следовало прощать все живое, и в особенности любить собак, поскольку он родился в год собаки. Сёгун последовал совету и в 1695 году издал указ, которым населению приказывалось разводить собак и запрещалось убивать живых существ. Нарушившие это правило подвергались наказанию, не исключая членов его семьи, что и происходило по нескольку раз в году. К собакам стали относиться с повышенным вниманием; когда они заболевали, к ним приглашали особых врачей, сидели рядом с ними до выздоровления. Затем их постепенно учили ходить, одним словом,

После этого отступления, сделанного для того, чтобы пролить свет на предвестнический характер собак и их способность делать нечистым даже дворец, заставляя, таким образом, откладывать даже важнейшие государственные церемонии и религиозные празднества, вернемся к изложению в хронологическом порядке.

В *Кондзяку моногатари*⁵⁹ мы находим следующие легенды о собаках. У женщины, зарабатывавшей на жизнь выращиванием шелковичных червей, на беду умерли все черви, за исключением одного, но и этого последнего сожрала белая домашняя собака. Но вдруг из носа животного вылезли две шелковые ниточки, и, когда женщина потянула за них, они стали тянуться и тянуться, покуда не образовалось громадное количество снежно-белого шелка. После этого собака умерла, а хозяйка похоронила ее под тутовником, убежденная, что это было переродившееся тело Будды, или синтоистского божества, помогшего ей таким образом⁶⁰.

Молодой человек их столицы заблудился в лесу на Китаёма. Уже темнело, когда он дошел до маленькой одинокой избушки. Дверь ему открыла женщина около 20 лет и после нескольких фраз позволила войти с тем условием, что он скажется ее братом. Она сказала, что является дочерью человека, живущего в столице, а существо, с которым она проживает в горах вот уже несколько лет, убежало вместе с ней. Через некоторое время пришло это существо, оказавшееся огромной белой собакой. Когда женщина рассказала ей, что прибыл ее брат и просит оставить его на ночь, собака поверила и согласилась. На следующее утро гость вернулся в столицу и рассказал о своем приключении. Было решено, что много людей соберутся и пойдут, чтобы освободить бедную женщину, и вскоре молодой человек направлялся к избушке во главе отряда человек в двести. Однако, собака, увидев их приближение, вытолкала жену за дверь и убежала с ней в горы, быстрая, как ветер. Бесплезно было посылать в нее стрелы; неуязвимая, она исчезла с женщиной в глубоких лесах, и вскоре пресле-

к собакам относились лучше, чем к детям (*Мацуро я хикки*, написал Оямада (или Такада) Томокиё (1782–1847), гл. 62, с. 41, цит. Гококу *Тайхэйки*, гл. 3). Мы можем упомянуть также императора Го Сандзё (1068–1072), который, напротив, не любил собак. Однажды, когда во дворце появилась злобная и грязная псина, он приказал придворным поймать ее и вышвырнуть вон. Люди, заключившие из этого, что император собак недолюбливает, принялись повсюду убивать этих животных, сперва в Киото, а потом и по стране. Однако, преемник Го Сандзё, с негодованием узнавший об этом, приказал прекратить избиение, и собак больше не трогали (*Кодзидан*, К.Т.К., т. XV, с. 22, гл. I).

⁵⁹ Написал Минамотоно Такакуни, прозванный Удзи Дайнагон, живший 1004–1077. К.Т.К., т. XVI.

⁶⁰ Гл. XXVI, № 11, с. 1089.

дователи потеряли их следы. Это явно было божество, так как молодой человек заболел и через несколько дней умер, будучи поражен проклятием этого сверхъестественного существа⁶¹.

Ревностный буддийский монах увидел во сне, как его труп пожирают бесчисленные собаки и услышал голос, говоривший ему: «Это не настоящие собаки, но временно трансформировавшиеся существа. В древние времена они слышали проповедь Будды в парке Джетавана; теперь они обратились собаками, чтобы вступить в связь с тобой»⁶².

Кошки в *Кондзяку моногатари* не упоминаются, за исключением истории о человеке, панически их боявшемся, вероятно оттого, что в прежней жизни он был крысой⁶³.

В *Кодзидан*⁶⁴ есть две следующие легенды о собаках. «Когда Наричунэ⁶⁵ серьезно заболел, он стал жаловаться Фугэн (бодхисаттве Самантабхадры). Через некоторое время он увидел рядом с подушкой большую белую собаку; тогда он встал и вырвал из ее шерсти пригоршню волосков. Немедленно он почувствовал себя лучше. Эта шерсть все еще сохраняется в Ходоин (буддийском храме в Киото)»⁶⁶. Возможно, сам Кигэн явился Наричунэ в облике белой собаки, как и в процитированном выше отрывке из *Кондзяку моногатари*, где белая собака считалась трансформацией Будды, или божества.

Другая сверхъестественная собака упоминается в очень интересной и популярной легенде, которую мы находим в *Удзи сюи моногатари*⁶⁷ и в *Дзиккинсё*⁶⁸. В ней говорится следующее. «В то время, когда Нюдодано (Фудзиванано Митинага, 966–1027) строил храм Хосё, он ежедневно ходил поглядеть на строительство и брал с собой любимую красную собаку. Однажды, когда он только собирался войти в красные ворота, шедшая впереди собака обернулась и залаяла. Митинага на минуту остановился и огляделся, но, поскольку ничего особенного не происходило, двинулся вперед и вошел в храмовые ворота. Однако, собака удержала хозяина, потянув за край одежды, после чего он приказал принести подставку (для шестов переносной повозки) и сел в ней. Он немедленно

⁶¹ Гл. XXXI, № 15, с. 1518.

⁶² Гл. XIII, № 9, с. 700.

⁶³ Гл. XXVIII, № 31, с. 1343.

⁶⁴ Написано в 1210–20 гг. К.Т.К., т. XV.

⁶⁵ Фудзиванано Наричунэ, умер в 1202 г.

⁶⁶ Гл. III, с. 92.

⁶⁷ Гл. XIV, с. 293.

⁶⁸ Гл. VII, № 21, с. 760.

послал за Сэймэй Асон, [прославленным *сонин*, физиогномистом, предсказывавшим судьбу по выражению лица, однако известного также и прочими способами колдовства], и попросил его объяснить случившееся. Прорицатель закрыл глаза и погрузился на некоторое время в созерцание, после чего сказал так: 'Некто, намеревавшийся убить тебя с помощью чар, зарыл здесь магический предмет, думая, что ты пройдешь поверх него. Однако, благодаря счастливному случаю, твоя собака предупредила, что тебе не следует двигаться дальше. Эта собака обладает небольшой магической силой'. Услышав эти слова, Митинага приказал копать землю, и вскоре были обнаружены два глиняных черепка, связанные вместе накрест, в желтой бумаге, завернутой в форме веревки. Тогда прорицатель сказал: 'Это колдовство очень тайное; в наше время его не знает никто, кроме меня. Однако, может быть это работа буддийского монаха Дома; вероятно, он обладает такой способностью'. С этими словами он вынул из-за пазухи кусок бумаги, разрезал его в форме птицы и бросил эту бумажную птицу в воздух. Она превратилась в снежную цаплю, полетевшую к югу. Затем Сэймэй сказал: 'Там, где сядет эта птица, и проживает колдун'. И слуги побежали за птицей, покуда та не села за старыми деревянными воротами Кавараин в Мадэно Кодзи, рядом с воротами Рокудзёбо. Войдя и осмотревшись, они обнаружили буддийского монаха, которого немедленно схватили и допросили на предмет причин, по которым он предпринял такие действия против Митинага. Тот отвечал, что практиковал свое искусство по просьбе Левого министра Хорикава. Однако, его не наказали, а лишь сослали в собственную провинцию (Харима); говорили, однако, что он подписал письменную клятву никогда не заниматься более колдовством»⁶⁹.

В *Дзиккинсё*⁷⁰ собаки упоминаются дважды, а именно, в вышеизложенной легенде и как предсказание рождения наследного принца. Во втором отрывке говорится следующее. «В это время [правление императора Итидзё, 986–1011] случилось странное происшествие. За императорскими занавесками Дзётомонин [императрица, Фудзиварано Акико, наложница императора Итидзё] собака вывела щенят, чье необычное, чудесное появление вызвало такое удивление, что обратились к доктору (*хакасэ*) Оэно Масахира. Тот сказал: 'Это очень счастливое предзнаменование, так как иероглиф «собака» составлен из иероглифа «большой» с точкой сбоку; если эту точку поместить сверху, получится «небо»; если снизу —

⁶⁹ Гл. VI, с. 148.

⁷⁰ Написано в 1252 г.; К.Т.К., т. XV.

«великий» Если написать иероглиф «ребенок» (о щенятах *инуно ко*) под иероглифами, то можно прочесть *тэнси* «император» и *тайси* «наследный принц»; это означает, что родится наследный принц, который после станет императором'. И действительно, родился наследный принц, вскоре восшедший на трон и ставший императором Го Итидзё (1016–1036)»⁷¹.

Мы находим ту же историю, рассказанную несколько по-иному, в *Кодансё*. Там мы читаем, что, когда Дзётомонин стала второй наложницей императора Итидзё, щенок зашел на занавешенную территорию. Возмущенная и испуганная дама рассказала о происшествии своему отцу Фудзиварано Митинага, который послал за Масахира, тайно посоветовался с ним и получил вышеизложенный ответ. Его дочь забеременела и родила императора Го Судзюку. Масахира приватным образом записал о происшедшем, а его внук Масафуса обнародовал это для всех.

В *Коконтёмонсю*⁷² мы читаем историю о Хёэ Ясутада, дворцовом офицере, который был убит во время ночного восстания в Киото во времена императора Го Сиракава (1155–1158). Десять лет спустя, в эру Нинъан (1166–1168) во дворце заметили странную собаку с черными пятнами, и кому-то приснилось, что это Ясутада, обратившийся собакой из-за своей великой преданности императорскому делу⁷³.

В доме Томотоки Асон, повелителя Тотоми, жил человек, имевший маленькую собаку с синей шерстью, отказывавшуюся есть рыбу и дичь по 15-м, 18-м и 27-м дням месяца. По первым двум датам проходили празднества Амида и Каннон, в 27-е было памятным днем смерти маленького мальчика, вырастившего собаку⁷⁴.

У буддийского настоятеля была прекрасная китайская кошка, появившаяся в его доме и оставшаяся там, хотя никто не знал, откуда появилось это животное. Кошка любила играть с мячиком и делала это весьма умело. Однажды настоятель шутки ради дал ей вместо мячика драгоценный меч—*мамори* (священный меч с охранительной магической силой). Кошка схватила его в пасть, убежала и больше не появлялась; она была, пишет автор, вероятно, обратившимся демоном, который, завладев охранительным мечом, получил возможность более успешно нападать на людей⁷⁵.

Наконец, мы читаем о необычайно сильной кошке, одного сяку в

⁷¹ Гл. 1, № 20, с. 640.

⁷² Написано в 1254 г.; К.Т.К., т. XV.

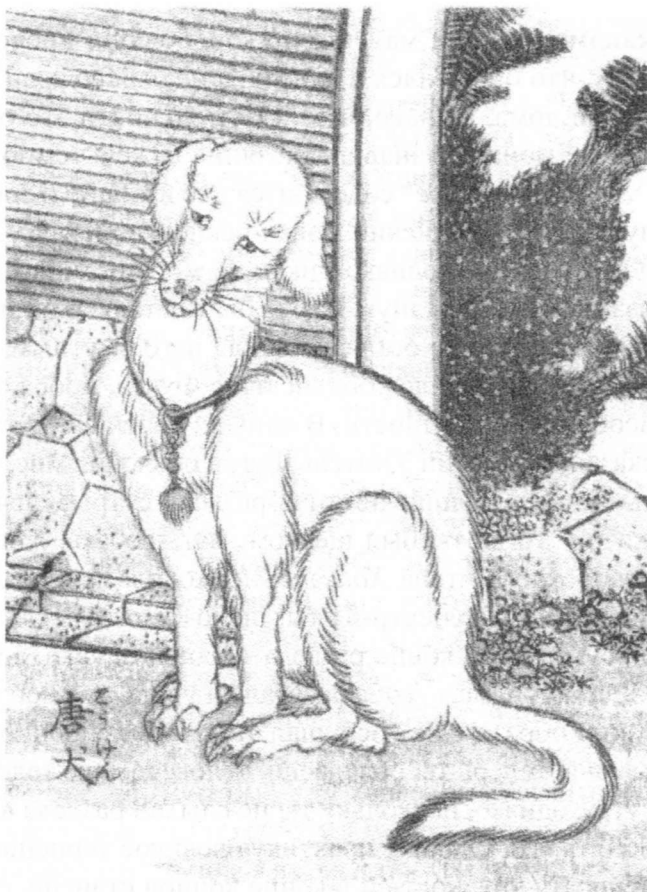
⁷³ Гл. XX, с. 593.

⁷⁴ Гл. XX, с. 607.

⁷⁵ Гл. XVII, с. 552.

длину, которая, достигнув возраста в десять лет, стала светиться по ночам. Когда ей исполнилось 17, она исчезла⁷⁶.

Слово *нэкомата* впервые упоминается в *Цурэдзурэгуса*⁷⁷, где мы читаем следующее. «Хотя люди говорят, что в глубинах гор живут существа под названием *нэкомата*, пожирающие людей, есть и другие, кто утверждает, что не только в горах, но даже в этой области [Киото] старые кошки становятся *нэкомата* и убивают людей. Некий буддийский монах, живший по соседству

от храма Гёган [в Киото] и писавший рэнга [поэмы, составляемые в компании, когда каждый из присутствующих пишет продолжение], услышал об этом и подумал: 'Тогда следует быть особо осторожным, когда идешь один поздно ночью'. Но как раз в то время он составлял где-то *рэнга* допоздна и возвращался домой один. На берегу ручья какое-то существо, наверняка – зловещая *нэкомата*, внезапно приблизилось к нему и бросилось, стараясь вцепиться в горло и сожрать его. До смерти перепуганный монах не имел сил, чтобы защитить себя, и даже не мог стоять. Он свалился в ручей, крича: 'Помогите! Помогите! *Нэкомата!*' Тогда из соседних домов повыбегали с факелами люди посмотреть – что случилось. Узнав монаха, они помогли ему выбраться из ручья, однако он уже успел растерять все призы, полученные за составление *рэнга*:

⁷⁶ Гл. XX, с. 593.

⁷⁷ Написано между 1334 и 1339 гг. буддийским монахом Кэнко Хоси; ср. Florenz, *Geschichte der Japanischen Literatur*, сс. 329 и далее; издание Китамура Кигин с комментариями, с. 173.

какэмоно, всер, маленькую коробочку и прочее. Люди были удивлены тому, что он остался в живых, а не был сожран, и в страхе поспешили к себе в дома. Однако, в действительности это оказалась не *нэкомата*, а собака монаха, узнавшая хозяина даже в темноте».

В *Гэнко сякусё*⁷⁸ содержится две истории о собаках. Первая из них следующая⁷⁹. Буддийский монах ревностно изучал *Хоккэкё* (*Саддхарма пундарики сутра*), однако никак не мог постичь одного из ее разделов под названием «Канхацу». Сколь бы тщательно он ни прочитывал его, содержание все равно оставалось для него смутным. Поэтому на протяжении 90 дней он молился бодхисаттве Фугэн, прося объяснить причину такой необоримой трудности. В одну из ночей ему во сне явился небожитель и сказал: «Великий Учитель Фугэн объяснил мне, что причина, (по которой ты не в состоянии постичь раздела сутры), лежит в твоей предыдущей жизни. Тогда ты был щенком; мать-собака, жившая под полом комнаты ревностного чтеца *Хоккэкё*, приходила к тебе давать молоко, когда монах читал Царя сутр. И ты, щенок, мог слышать, как он читает от начала сутры и до конца раздела «Гоон», однако, когда он дошел до раздела «Канхацу», мать-собака встала и ушла, а за ней пошел и щенок, который, таким образом, не дослушал эту часть священного текста. Благодаря силе Закона, теперь ты обладаешь человеческим телом и вновь читаешь ту же сутру, однако, поскольку ты не слышал раздела «Канхацу», ты не можешь понять его. Однако, практикуя великое терпение, ты наверняка превзойдешь эту трудность и в конце концов станешь способным прочесть весь текст». Затем монах проснулся и с утроенными силами стал читать вновь, покуда наконец не сладил с этим трудным разделом.

Во второй истории говорится об охотнике из провинции Харима, чья жена в его отсутствие втайне вступила в связь со слугой. Когда хозяин вернулся, любовнику чуть было не удалось предательским образом убить его, если бы не две собаки, спасшие хозяина и загрызшие слугу. Вернувшись из леса, куда его отправили обманным путем, охотник отослал прочь жену и объявил, что с этих пор считает собак своими детьми, и что вся его собственность теперь принадлежит им. После их смерти он чувствовал себя обязанным держать слово и потратил все свои средства на построение буддийского храма, который назвал Инудэра («Храм собак»). Он посвятил этот храм тысячерукой Каннон, а сам до конца дней молился и медитировал на предмет своей будущей жизни. Для тех двух собак он

⁷⁸ Написана буддийским монахом Сирэном, умершим в 1346 г.

⁷⁹ К.Т.К., т. XIV, с. 957, гл. XIX.

специально построил синтоистское святилище и сделал их основными божествами-охранителями той области. Изображение (Каннон) творило чудеса и трижды спасало храм от пожара, когда огонь уже окружал его со всех сторон. Затем император Камму (781–806), прослышавший об этом, приказал поднять статус храма до общегосударственного и приписал к нему в собственность большую территорию рисовых полей.

В *Сэнсюси*⁸⁰ мы читаем следующее объяснение названия Кэммэйдзан, «Монастыря собачьего лая», второго названия Ситихорюдзи в провинции Идзуми, посвященного Фудо Мёо. Собака охотника, от лая которой удалось скрыться оленю, была убита разгневанным хозяином. Однако — о, чудо! отрубленная мечом голова животного взлетела на ветку дерева, под которым стоял охотник, и впилась в большую змею, собиравшуюся броситься на человека. Охотник был столь глубоко тронут случившимся, что постригся в монахи в близлежащий монастырь, посвященный Фудо Мёо. Все люди в провинции сочли собаку посланником этого бодхисаттвы, спасшего охотнику жизнь, и по этой причине монастырь получил название Кэммэйдзан, «Монастырь собачьего лая».

Подобные истории в японской литературе встречаются довольно часто. В *Вакан сансай дзуэ*⁸¹, например, говорится о Кэндзуно ся и Кэмбино ся, «Синтоистских святилищах собачьей головы и хвоста» в Камивада и Симовада, построенных в эру Тэнсё (1573–1591) Уцу Тадасигэ, повелителем тех мест, который в гневе убил свою белую собаку. Охотясь в горах, он заснул под деревом, но его собака не переставая лаяла и тянула его за одежду, пока он не рассердился, вынул меч и отсек ей голову. После этого он понял причину поднимавшегося ею шума, так как голова подпрыгнула вверх и убила змею на дереве. Повелитель похоронил голову и хвост собаки в Камивада и Симовада, построил вышеупомянутые синтоистские святилища и стал поклоняться собаке. Поскольку культ этих святилищ оказался весьма действенен, Иэясу, услышавший о происшедшем, пожаловал их дополнительными землями. По *Сёкоку риндзиндан*⁸², удача непременно улыбнется тому, кто сможет проползти на четвереньках посреди ночи со связкой из ста мелких монет в зубах от *тории* перед Кэндзуно ся до самого храма. Если же божество не желает слышать его молений, то человек не сможет доползти до храма, так как его что-то оттаскивает за ноги.

В *Хонтё кайдан кодзи*⁸³ излагается совершенно такая же история

⁸⁰ Написано в 1700 г. Исибаси Наююки, гл. V, с. 24, под заголовком «Кэммэйдзан».

⁸¹ Написано в 1713 г.; гл. LXIX, с. 1128, провинция Микава.

⁸² *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XX, с. 881, написал Кикуюка Сэйрё в 1746 г.

⁸³ Написано в 1711 г. буддийским монахом Коё, гл. IV, с. 39.

об охотнике из Оми, который позже построил маленькое синтоистское святилище для белой собаки, которую назвал *Инугами* Мёдзин («Сияющее божество собака»). Во времена жизни автора храм еще существовал. Подобная же легенда рассказана в *Кагэцу соси*⁸⁴ о кошке, голова которой убила змею, спасая девочку.

В *Синтёмонсю*⁸⁵ среди «бедствий, обрушивающихся на преступников» мы находим три легенды, касающиеся собак. В первой⁸⁶ двое слуг, убивших и съевших любимую собаку хозяина, через два дня сошли с ума весьма странным образом. Они стали вести себя совершенно как собаки, спали под лавками, ели в саду и лаяли на прохожих. Один из них умер, а второй очнулся после того, как над ним произнесли много молитв. То же проклятье постигло молодую чету, которая грубейшим образом отказала в пище и ночлеге странствующему буддийскому монаху. Его гостеприимно принял младший брат мужчины, которому монах сказал: «Сегодня твой старший брат и его жена пали на путь животных». Он сказал правду, так как те потеряли свои человеческие голоса и могли лишь лаять по собачьи. Когда слух об этом распространился, из окрестностей и издалека стали приходить люди, чтобы послушать у их ворот по ночам, как они лают⁸⁷. Жестоким было так же наказание человеку, избравшему своей профессией убийство собак, так как, ошибшись в темноте, он убил свою собственную дочь⁸⁸.

Что касается кошек, то о них говорится в нескольких легендах, которые мы находим в главе X (*Кикайхэн*). Неизвестно откуда появилась старая кошка у кровати больной служанки, которой было более пятидесяти лет, и сколько бы собравшиеся ни били ее и ни пытались прогнать, она не уходила, пока больная не умерла; одновременно с этим, кошка исчезла⁸⁹. На следующей странице мы читаем о двух кошках, которые в 1683 году говорили человеческими голосами. Домашнюю кошку настоятеля монастыря в один из вечеров позвали снаружи; она открыла дверь и впустила другую, крупную кошку, после чего заперла дверь на ключ. Когда обе они уселись на *котацу* (разновидность домашнего очага, покрытого стеганым одеялом), странная кошка сказала: «Сегодня в Наямати вечеринка, не хочешь сходить?» Домашняя кошка ответила:

⁸⁴ Написал Мацудайра Саданобу, живший 1757-1829. *Хякка сэцурин*, т. 2, с. 867.

⁸⁵ Написано около 1700 г. *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XLVII, гл. XIV, *Оока хэн*.

⁸⁶ С. 200.

⁸⁷ С. 202.

⁸⁸ С. 207.

⁸⁹ С. 134.

«Это трудно, мне надо прислуживать больному хозяину». «Тогда одолжи мне полотенце (*тэнугуй*)», — сказала другая, но и в этом ей было отказано, так как настоятель всегда им пользовался. После этого кошка-хозяйка проводила кошку-гостью. И закрыла за ней дверь, как ранее ее открыла. Настоятель, слышавший этот разговор, погладил кошку и сказал: «Тебе нет нужды быть со мной; быстро иди туда, куда тебя приглашали и возьми с собой полотенце». После этого кошка убежала, но так и не вернулась. Другую кошку, принявшую облик женщины, узнали во сне, потому что ее рот стал таким широким, что доставал до ушей. Когда женщину убили, она превратилась в старую кошку⁹⁰. В эру Гэнроку (1688–1703) красная кошка, которую долгое время держали в боковом храме Дзодзёдзи в Эдо, однажды упала с крыши, когда преследовала крысу. «Наму Самбо!» («О, Три Сокровища!»), — крикнула она громким голосом. Слышавшие это заметили: «Должно быть, это — *нэкомата*; как опрометчиво с ее стороны открывать себя!» После этого кошка исчезла и больше никогда не появлялась⁹¹. Была также кошка, которую в 1670 году похоронил ее хозяин, дзэнский монах из Осака, долгое время державший ее, пока ту не убила собака. Он оплакивал ее смерть, говоря: «Поскольку ты животное, то не сможешь стать Буддой; однако, так как тигр высшее из животных, ты переродишься, как тигр». Тринадцать лет спустя, в тот же день и в тот же месяц кошка явилась ему во сне и сказала, что она переродилась в облике тигра. Ямаока Гэнрин⁹² говорит, что в его время ходило много слухов об ужасных деяниях *нэкомата*. «Это, пишет он, животные Тьмы⁹³, считающиеся тиграми; поэтому кошек называют также *тэгайно тора*, 'тиграми, кормимыми с руки'. В китайских книгах мы находим много рассказов о кошках, принимавших человеческий облик и убивавших своих хозяев».

В *Ямато кайи ки*⁹⁴ мы читаем следующую историю. В провинции Этиго в доме одного самурая стали происходить странные вещи. По ночам светлые шары летали в трех дюймах от пола, и никто не мог их поймать. Однажды большое количество этих таинственных предметов видели на дереве в соседнем саду. Слухи быстро разнеслись по провинции, млад и

⁹⁰ Гл. X, с. 138.

⁹¹ Гл. XVIII, с. 258.

⁹² Умер в 1672 г.; в своем труде *Кокон хяку моногатари хёбан*, продолженным его сыном и опубликованном в 1686 г.

⁹³ *Индзю*, антоним *ёдзю*, «животные света».

⁹⁴ Опубликовано в 1708 г., автор неизвестен; гл. III, цит. у Иноуэ, *Ёкайгаку коги*, т. II, с. 232.

стар собирались, когда начинало темнеть, чтобы поглазеть на эти странные явления. Одновременно, служанку во сне испугал дух; в особенности он преследовал одну из них. Колесо от ее прялки поворачивалось само собой, а во время сна ее подушка двигалась во всех направлениях. Безрезультатно обращалась она за помощью к колдунам, синтоистским служителям, ямабуси и буддийским монахам; ни ее молитвы, ни их заклинания не оказывали никакого воздействия. Наконец, хозяин дома увидел на крыше дома очень старую кошку, идущую на подгибающихся лапах с полотенцем (*тэнугуй*) служанки на голове и злобно поглядывавшую вокруг сквозь свои когти. Они убили животное стрелой, и с тех пор в доме прекратились всякие преследования. Это была громадная кошка, пяти сяку в длину и с раздвоенным хвостом (*нэкомата*).

В *Тайхэй хяку моногатари*⁹⁵ содержатся следующие истории. В буддийском храме в Киото, называвшемся Хонгёин, один из посетителей, ожидавший отсутствовавшего монаха, увидел сквозь дверную щель, что в соседней комнате сидят и разговаривают три молодые женщины. Ему показалось странным, что в доме монаха собралась такая компания, однако он еще более поразился, когда монах вернулся и пригласил его войти в ту самую комнату, где вместо женщин теперь были три кошки. Очевидно, животные ранее обратились женщинами, а, когда хозяин вернулся, приняли свой исходный облик. Посетитель шепотом, на ухо предупредил монаха, после чего тот в испуге приказал кошкам немедленно убираться, так как они являлись *нэкомата*. Те ушли, бросая злые взгляды на посетителя, который вскоре заболел и умер. Люди говорилим, что это было следствие проклятья, насланного на него кошками⁹⁶.

В провинции Битю самурай убил кошку, которую подозревал в том, что она преследует людей. Дух этой кошки овладел его женой и сказал ее устами следующие слова: «Я — кошка такая-то, убитая тобой без причины». Однако, когда самурай пригрозил убить всех ее котят, если та убьет его жену, она взмолилась, чтобы он пощадил их. Тогда самурай пообещал молиться о спасении ее души, и кошка вышла из женщины, которая немедленно выздоровела. Люди видели, как огненный шар (душа кошки) перелетел из дома в бамбуковую рощу, где через некоторое время погас. Самурай сдержал свое обещание, и блестящая карьера, сделанная им впоследствии, приписывалась людьми помощи кошки, чью душу он спас своими молитвами, и которая так его вознаградила⁹⁷.

⁹⁵ Написал Юскэ в 1732 г.

⁹⁶ Гл. II, с. 32.

⁹⁷ Гл. II, с. 4.

Самурай, проводивший ночь в доме приятеля, пошел в уборную, однако, когда стал выходить, то увидел, что дверь превратилась в стену, так что он не мог выбраться. Затем над его головой появилось светящееся создание, которое схватило его за волосы и потянуло вверх. Не теряя присутствия духа, он вытащил меч и нанес существу такой сильный удар, что оно выпустило его. Самурай грохнулся вниз с шумом, разбудившим домочадцев, которые выскочили посмотреть, что происходит. Они нашли гостя лежавшего без сознания на полу уборной, а, когда его привели в чувство, он рассказал о случившемся. На следующее утро следы крови показали, куда ушло чудовище, и под полом гостиной было обнаружено мертвое тело кошки. Она принадлежала соседу и явно была *нэкомата*⁹⁸.

В *Роо тьява*⁹⁹ мы читаем о собаках, поймавших и убивших лис, которые приняли облик чиновников и их слуг, после чего среди ночи приказали одному человеку совершить харакири¹⁰⁰. В другой раз бесчисленные щенки не давали заснуть гостю в монастыре; как выяснилось, это была проделка *тануки*¹⁰¹. Эти собаки умело распознавали и убивали как лис, так и кошек-оборотней, что мы узнаем из следующей легенды. «Одной старой женщине очень нравились кошки, и она любила их даже больше своих детей и внуков. Однажды, совершая паломничество в храм Сува, она подобрала красного котенка на «Равнине с соснами» (Мацубара) рядом с часовней Эмма. Она принесла его домой, но он исчез неизвестно куда. Через некоторое время у женщины начались проблемы с глазами; яркий свет стал для нее настолько невыносимым, что она почти все время оставалась в темной комнате. Ее сын хотел послать за окулистом, но женщина отказалась обследоваться. Две ее служанки исчезли одна за другой, и их нигде не могли найти. Однажды слуга, работавший за домом, откопал какую-то одежду; копнув глубже, он обнаружил не только окровавленную одежду исчезнувших служанок, но и их кости. До смерти перепуганный, он взял одежду и собирался обо всем рассказать хозяину, однако, когда он хотел войти в дом, на него внезапно набросилась старая мать, схватила одежду и сказала ему, с ужасно злобным лицом, большими глазами и широким ртом: 'Если ты расскажешь об этих одеждах и костях моему сыну, я немедленно сожру тебя!' Слуга задрожал от страха и, под предлогом болезни, немедленно уволился. После этого разнесся слух, что старуха

⁹⁸ Гл. V, с. 7.

⁹⁹ Написал Мисака Дайята в 1742 г., *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XXXVI.

¹⁰⁰ С. 367, ср. мою работу "Fox and Badger in Japanese Folklore", *Transactions*, Vol. XXXVI.

¹⁰¹ С. 386.

— *нэкомата*. Однажды утром, до того, как отперли ворота, сосед увидел, как она быстро перепрыгнула через забор и принялась смывать кровь с лица в ручейке у ворот. В этот момент к ней подбежала черная собака и укусила за левую руку, но та стряхнула животное и вновь перепрыгнула через забор в сад. Видевший это сосед теперь был уверен, что кошка обернулась старой матерью, и рассказал обо всем ее сыну. Услышав это, тот сказал: 'Без сомнений, кошка сожрала мою мать и приняла ее облик. Мать всегда думала о будущей жизни и молилась Будде с утра до вечера, однако, начиная с прошлого лета она ни разу не поднесла Будде ни цветов, ни благовоний. Она говорит, что ее беспокоят глаза и прячется в темных местах; она не встречается со мной лицом к лицу, так как кошачьи зрачки все время меняются. Давайте пустим к ней собак и посмотрим, что произойдет!' И он одолжил четыре, или пять хороших собак и выпустил их в комнату к матери. Как только животные увидели старуху, они яростно залаяли, бросились и разорвали ее мгновенно на куски. Тогда она приняла свой истинный облик, превратившись в красную кошку, ту самую, которую бедная старая мать подобрала рядом с часовней Эмма. Животное, действительно, сожрало ее и приняло ее облик. Поэтому никому не следует держать красных кошек, называемых *кинканэко* («кошки золотого цветка») даже самое короткое время.»

Другая легенда о кошкахоборотнях излагается на с. 295. В замке Ёсида в Сансю был дух, который украл уже несколько женщин, что вызвало у людей сильный страх. Однако, они перепугались еще больше, когда нашли свежие человеческие кости, показывающие, что дух пожирал свои жертвы в самом замке. Однажды ночью одна очень сильная женщина, в чьей комнате нашли кости, увидела, что к ней вошла женщина, постоянно приносящая своим большим носом и издающая звуки, похожие на лошадиное дыхание. Ее вид был ужасен, глаза сверкали, а рот был до ушей. Она подбежала к сильной женщине, прикинувшейся спящей, обернула ее в одежду и собралась вынести наружу, как вдруг ее жертва протянула руки и крепко схватила нападавшую за голову. Замычав, как корова, испуганное существо упало на пол и оказалось громадной кошкой, более пяти сакю в длину и с раздвоенным хвостом.

Другая кошка в облике женщины упоминается на с. 361. Смотритель замка Кога в провинции Симоса был предупрежден во сне неким стариком, сказавшим: «Завтра на тебя нападет призрак, так как я не всегда могу находиться рядом. Я дух меча Кунимицу, [т.е. самого хранителя]». Затем он исчез. На следующий день Кунимицу взял меч и стал ждать. Посреди ночи в его комнату

вошла ужасно выглядевшая высокая женщина и подбежала к нему, оскалив зубы и дико блестя глазами. Он вытащил меч и нанес ей удар, после чего она скрылась. На следующее утро неподалеку нашли тело большой кошки.

Красивая наложница одного самурая была отослана прочь его матерью, так как он должен был жениться на богатой девушке. Однако, наложница продолжала приходить к нему каждую ночь из своей деревни, пересекая две широкие реки, и спала с ним, как и прежде. Одной зимней ночью, когда разразилась сильная снежная буря, она пришла, как всегда, и мягко отодвинула раздвижную дверь, но вдруг превратилась в большую кошку с шерстью, как у тигра, и бросилась на любовника, стоявшего у кровати. Тот выхватил меч, догнал метнувшееся прочь животное и убил его, после чего увидел, что это — старая кошка его соседа¹⁰².

Янагивара Мотомицу, знаменитый даймё, живший с 1746 по 1800 год, пишет следующее в своей книге *Кансо дзиго*¹⁰³: «Не помню когда, но в моем доме случилась целая череда несчастных случаев, приписанных кошке-оборотню. Так как один из молодых самураев у меня на службе убил старую кошку, мой дед приказал изгонителям-кэнся построить святилище для духа этого животного за храмом божестваохранителя дома. Это святилище было названо 'Храмом духа кошки', и по этой причине, как гласит предание, в моем доме запрещено убивать кошек».

В *Сансю кидан*¹⁰⁴ содержатся следующие отрывки, где говорится о собаках. В 1752 году таинственное существо, очевидно — призрак, постоянно открывало дверь в дом ночью и задувало свет. Когда обитатели установили наблюдение, чтобы поймать назойливого посетителя, они увидели мальчика, который легко открыл дверь и задул свет; однако, они не смогли понять, что он предпринял после этого. Испуганный их голосами, он скрылся под верандой и был забит до смерти. Оказалось, что это собака странной формы, с очень короткими ногами, треугольной головой и серой шерстью. Животное напоминало барсука (*тануки*), и некоторые называли его *митануки*; однако, оно жило не в поле, но на земле под верандой. Это была собака, передняя часть которой напоминала крота (*угоромоти*). Некоторые называли его «собакой-драконом», а его щенков — *сякёти*. Говорили, что такие молодые животные умирают, если выходят на дневной свет, но состарившись крепнут и больше не боятся яркого освещения. Такие животные загрызли старую жен-

¹⁰² С. 271.

¹⁰³ *Хякка сэцурин*, т. 2, с. 430, под заголовком «призрак кошки, как божество в моем доме».

¹⁰⁴ Написал Хотта Бакусуй в 1764 г., *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XLVII.

щину в Осака, которая исчезла таинственным образом. В один вечер хозяин дома, сидя на веранде, обнаружил в земле странное отверстие, которое расширилось вниз, когда стали копать. Когда дошли до дна, то из него вырвалась струя воды где-то четыре сяку в длину, а рядом лежали останки бедной старой женщины, которую, очевидно, растерзало какое-то чудовище. Там было еще одно углубление, которое не стали расширять по приказу властей, а животное убили палкой, просунутой внутрь. «Трудно понять, добавляет автор, отличалось ли это животное от того, о котором говорится в другой истории. Даже в большом городе (Киото) полным-полно странных чудовищ. Кроты, земляные собаки, собаки-крысы и прочие все изменяются, попадая под солнечный свет; возможно, и это животное было такой разновидностью»¹⁰⁵.

В гл. IV на с. 797 мы читаем, что «хорошая собака общается с богами и превращается в дракона». Рядом с одним домом нашли белую собаку, которая вывела щенков. Жители дома взяли ее внутрь и бережно с ней обращались. Однажды ночью мужчина в белом явился во сне хозяйке дома и сказал: «Через несколько дней здесь случится оползень и все окрестности превратятся в грязевое озеро. Вы должны немедленно уходить; я говорю это, поскольку вы хорошо ко мне относились». На следующее утро на рассвете муж этой женщины, самурай, спешно прибыл из ясики своего хозяина, где он был на службе, и стал искать собаку. Когда жена спросила его — зачем он это делает, тот ответил: «Хотя эта собака никогда не приходила в ясики ранее, прошлой ночью она появилась там и стала лаять. Когда я вышел, она потянула меня за полу платья, как бы говоря: 'Выйди из дома'. Поэтому я поспешил сюда». Женщина рассказала ему свой сон, и они ушли оттуда вдвоем. Это произошло 22-го числа 12-го месяца 1699 года, а на следующий день гора упала в реку Асано, раздавив 85 домов и убив более тридцати человек. То место действительно превратилось в грязевой пруд, как и предсказала собака.

В другой истории, которую я упоминал в работе о Лисах и Барсуках, показывается, что собаки не только умело распознавали и убивали *мудзина* (барсуков), обернувшихся людьми, но и лис, являвшихся в мужском, или женском обличье.

Мы также находим в этой книге историю о двух белых *кома-ину*¹⁰⁶, обладавших, как выяснилось, магическими силами. В начале эры Гэнроку (1688/1703) в окрестностях буддийского монастыря Дэнтодзи

¹⁰⁵ Гл. II, с. 732.

¹⁰⁶ Гл. IV, с. 796; о *кома-ину* см. следующий текст.

развелось большое количество волков. Эти животные разоряли поля и нападали на людей; они даже проникли в дом и ранили маленького мальчика. Его дед привел мальчика в монастырь и просил настоятеля помочь ему и прочим деревенским жителям; хотя толпа собравшихся крестьян и могла прогнать волков, они обязательно возвращались и убивали людей. Настоятель велел положить ребенка в «Зале божества-охранителя» (*тиндзюдо*), зажег благовония и сел в религиозном сосредоточении. Стемнело, снаружи слушался долгий вой волков и дерущихся собак, но больше ничего не происходило. Наутро, когда старик и другие деревенские жители пришли узнать, что случилось, совершенно выздоровевший ребенок сказал им: «По воле божества произошла странная вещь. Вчера вечером, когда приблизилась огромная стая волков, а крестьяне заперли двери, из монастыря выбежали две белые собаки и убили большое количество волков, а оставшиеся в живых в стране бежали прочь». Настоятель был поражен и предложил сделать подношения Залу охранителя, после чего они все зашли в него и осмотрелись. Они сразу заметили, что статуи двух собак, помещенные в зале, имели грязь на лапах, а их бока и морды были покрыты кровью. Стало ясно, что именно эти *кома-ину* убивали волков прошлой ночью. Люди терялись в догадках, покуда вперед не выступил один старик и не предложил следующее объяснение. В древности один бодхисаттва, а именно, Гёги Босацу, пришел в соседнюю деревню и вырезал два изображения Каннон; из остатков дерева он сделал двух этих *комаину*. Затем для двух статуй Каннон был построен храм, а в нем — Зал охранителя, посвященный Хакусангу, синтоистскому божеству горы Хакусан, где поместили этих двух собак. Позже, когда храм был разрушен, два изображения Каннон остались талисманами деревни и были помещены в темную часовню на перекрестке, вместе с собаками. В эру Тэнсё (1573–1591) в этой области появилось много диких кабанов, которые уничтожали посевы, к большому горю крестьян. Затем *кома-ину* во сне объявили одному из селян, что ее хозяин (божество Хакусан) находится в пределах монастыря Дэнтто, и что, если собаку поместят туда, то она сообщит о кабанах этому божеству и немедленно прогонит их. Следуя указаниям, полученным во сне, две *комаину* были перенесены в Зал охранителя Дэнттодзи, и более никто не видел ни одного кабана. Так что, вне сомнений, дело было в сверхъестественной силе этих *кома-ину*. Все деревенские жители были глубоко тронуты и испытывали огромное чувство благодарности.

Рассказ о кошке помещен в гл. II (с. 728). Дом, в котором долгое вре-

мя никто не жил, стал известен в округе, как место, в котором окрестные жители каждую ночь, и даже днем, когда шел дождь, слышали звуки разговора четырех-пяти человек, а также могли поклясться, что нянька ухаживает за ребенком, хотя сторож и уверял, что так никто не живет. Неудивительно, что вскоре распространились слухи, что дом населили духи. Этого было достаточно для одного храброго молодого самурая, решившего исследовать дело подробнее. В первую ночь, которую он провел в доме, сам в гостиной, а его слуга — на кухне, ничего не произошло. Однако, во вторую ночь, около четырех часов утра его разбудил громкий крик слуги, который изо всей силы стучал палкой по полу на кухне. Когда самурай вскочил на ноги, на стене гостиной танцевал странный желтый свет, и это было единственное, что он увидел. Однако, слуга рассказал, что в предыдущую ночь он видел, как что-то появилось на дне таза, в котором выносили грязную воду (*хасири*), а в эту ночь это «что-то» стало приближаться к нему все ближе, тогда он ударил его палкой, но, похоже, не попал. В это время желтый свет осветил самые темные углы в доме, однако, не было слышно ни звука. Затем он исчез, и все стало, как прежде. Люди говорили, что это проделки кошки-оборотня.

В *Кэнкадо дзацуроку*¹⁰⁷ мы читаем две истории о собаках, ранее бывших людьми. В начале эры Канъэй (1624–1643) у настоятеля была собака, которую он собирался оставить, перебираясь в другой монастырь. Однако, из-за того, что собака дважды являлась ему во сне со словами: «Я твой отец; ты должен взять меня с собой и заботиться обо мне», он забрал собаку и обращался с ней весьма предупредительно. Она всегда находилась рядом с ним, даже на религиозных мероприятиях, к недовольству других служителей, которые однажды даже пригрозили прервать церемонию, если он не прогонит собаку. Однако, они перестали возражать, когда он сказал, что это его отец. После смерти собаки настоятель распорядился построить маленькое деревянное святилище для ее поминальной таблички (*ихай*); на ее гроб была накинута ткань, а перед ним выставлены стяги; короче говоря, похороны были устроены самые пышные; на протяжении трех дней шли заупокойные службы. Одновременно, с другим настоятелем приключилось нечто подобное. В его храм пришла собака и родила трех щенков. Судя по всему, мать не взлюбила одного из них и не кормила его в достаточной степени, отчего он стал худой и несчастный. В одну из ночей она явилась настоятелю во сне и сказала: «В своей прежней жизни у меня

¹⁰⁷ Написал Кимура Сонсай (1792–1860) в 1856 г.; гл. II, сс. 25 и далее.

было двое детей и один пасынок; все мы умерли и стали собаками: я, мать, и мои сыновья. Отец же все еще жив; он придет сюда и попросит у тебя щенка. Пожалуйста, дай ему одного сразу же». На следующее утро, действительно, пришел мужчина, осмотрелся и обнаружил щенков. По его просьбе, настоятель позволил ему взять одного; он выбрал самого худого и ушел обрадованный.

Обратный случай, т.е. когда собака перерождалась человеком, описан в истории из *Сёкоку ридзиндан*¹⁰⁸. У настоятеля умерла белая собака, поперхнувшись куском рисового колобка, слишком большого для ее горла. В одну из ночей она явилась настоятелю и сказала, что переродится в облике сына привратника. Когда жена этого человека родила мальчика, настоятель дал ребенку воспитание, и тот оказался очень сообразительным, однако имел одну особенность, а именно, сильное отвращение к рисовым колобкам. Люди, слышавшие о случае с собакой, связывали это с ее смертью, а его называли «белой собакой». Чтобы положить конец этим разговорам, настоятель посоветовал ему попробовать съесть рисовый колобок, но он был так ему противен, что мальчик убежал прочь и больше не возвращался¹⁰⁹.

В *Сёсан тёмон кисю*¹¹⁰ рассказывается о говорящих кошках, которых слышали в 1835 году. Помимо вышеупомянутой истории из Синтёмонсю, автор цитирует записки на различные темы (*дзуйхицу*), озаглавленные Мимибукуро¹¹¹, где мы читаем, как в 1795 году кошка сказала: «Как жаль!» когда ее хозяин, настоятель монастыря, распугал голубей, которых она поджидала в засаде. Услышав это, настоятель схватил животное и угрожал убить его, если оно немедленно не заговорит. «Очень странно, сказал он, что ты, животное, умеешь говорить. Ты наверняка можешь превращаться и преследовать людей. Раз заговорила один раз, говори снова, иначе я нарушу завет не убивать ничего живого и убью тебя». Тогда кошка ответила: «Мы, кошки, не единственные животные, способные говорить; все существа могут это, достигнув десяти лет от роду. Когда им исполнится 24, или 25, они также становятся способны превращаться самым чудесным способом, но кошки до таких лет не живут. Однако,

¹⁰⁸ Написал Кикиуока Сэнрё в 1746 г.; *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XX, с. 952.

¹⁰⁹ Поскольку литературные произведения являются продуктом писателей, а не народа, я уделю произведениям о собаках и кошках всего несколько слов. В 1809 г. появилась повесть *Ину нэко кайва Сиппэйтаро*, написанная Кираном, а в промежутке между 1815 и 1841 гг. была написана известная повесть Бакина *Нансо Сатоми Хаккэндэн*.

¹¹⁰ Написал Миёси Сёсан в 1849 г.; *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XLVII.

¹¹¹ Написал Фудзиварано Моринобу в 1815 г.

помесь кошки с лисой может говорить еще не достигнув десяти лет». Настоятель был удовлетворен и сказал, что кошка может оставаться в монастыре, однако та трижды поклонилась и исчезла навсегда.

В другой истории, похожей на ту, что мы читаем в *Роо тява*, говорится о старой женщине, которая внезапно стала очень непонятной и раздражительной, поселилась в темной комнате и выпивала все вино, какое только могла достать. Однажды, когда она лежала в постели мертвецки пьяная, ее сын с ужасом заметил, что это не его мать, но огромная кошка, на которой надето материнское платье. Он отнес животное к управляющему, и тот разрешил ему делать с ним все, что угодно, после чего он убил зверя, разрубив его на куски. Он похоронил кошку у входа в деревню, поставив там большой камень и назвав это место «Могилой *нэкомата*»¹¹².

Постоялец гостиницы увидел, как милая девушка, с которой он проводил ночь, выпила масло из лампы, и ее лицо стало ужасным и уродливым, после чего в страхе бежал, подумав, что она *нэкомата*, или старый барсук¹¹³.

В *Тоэн сёсэцу*¹¹⁴ мы находим упоминание об иллюстрированном сборнике рассказов под заголовком *Нэкоматадзукуси*, напечатанном в эру Дзёкё (1684-1687) и о старой музыкальной драме (*дзёрурибон*), озаглавленной *Имагава хонрё нэкомата ясики*, или «Особняк кошки-оборотня на территории, (принадлежащей семейству даймё) Имагава»¹¹⁵. Далее, в этой работе содержится рассказ о старой кошке, сожравшей старуху и закопавшей ее кости под полом. Затем она приняла облик старухи, но была замечена, когда ела, стоя на четвереньках, и убита сыном ее жертвы. Только через долгое время тело приобрело свой исходный, кошачий облик, так что сын уже подумал, что убил собственную мать и собирався сделать себе харакири.

Не всегда, однако, кошки навлекали бедствия на своих хозяев, или тех, кто имел с ними какие-то отношения. Так, мы читаем в *Осюбанаси*¹¹⁶ о кошке настоятеля Токуандзи в Эдо, которая укусила вора (испытывавше-

¹¹² Гл. V, с. 636.

¹¹³ Гл. III, с. 512.

¹¹⁴ Написали в 1825 г. Бакин и 7 других писателей; *Хякка сэйурин*, т. 2, с. 476.

¹¹⁵ Другая знаменитая повесть — *Набэсимано нэко содо*, («Переполох, вызванный кошкой в доме Набэсима»), так называемый кодан, или рассказ, изложенный рассказчиком Мацубаяси Хакуэном; он также озаглавляется Сагано Ёдзакура. Существуют и другие истории такого же рода, например *Аримано нэко содо*. В периоды Гэнроку и Хозэй (1688–1710) появилась *Яманэко моногатари* и другие повести о кошках, а также «кошачьи комедии», выступая в которых в 1671 г. в Эдо прославился актер Мидзуки Тацуноскэ.

¹¹⁶ *Онти сосё*, т. XI, написано Тадано Аяко, т.е. Кудо Макудзуко, знаменитым писателем, умершим в 1825 г.

го судьбу во время отсутствия настоятеля) за язык¹¹⁷, да так сильно, что тот взревел от боли и безуспешно попытался оторвать от себя животное; когда вошел один служитель, то обнаружил обоих умирающими. Настоятель, глубоко тронутый самоотверженностью кошки, похоронил ее и поставил над могилой каменный памятник. Так же поступил и другой буддийский монах для кошки, спасшей ему жизнь. За десять лет до этого он снял эту кошку с плывущей по воде дощечки, и с тех пор она жила в его доме. Однажды слуга служителя, задремавший на веранде, услышал, как соседская кошка разговаривает с кошкой его хозяина. Первая сказала: «Пойдем в Исэ, сейчас такая хорошая погода», однако хозяйская кошка отвечала: «Нет, не могу, ведь мой хозяин в опасности». Слуга не понимал, снится ему это, или нет. Той же ночью на крыше главного строения храма послышался сильнейший шум, и на следующее утро там нашли двух окровавленных кошек; хозяйская была уже мертва, а другая умирала. Неподалеку от них лежала также полумертвая огромная крыса, около двух сажу в длину, шерсть которой была, как иголки; ее немедленно добили палкой. На этом чудовище была одежда странствующего монаха, оставившегося в храме на несколько дней и исчезнувшего той же ночью таинственным образом. Очевидно, крыса приняла облик этого человека, чтобы пожрать настоятеля, а кошка, зная это, пожертвовала своей жизнью ради хозяина. Последний воздвиг каменный памятник обоим кошкам и провел заупокойные службы по ним, а также по крысе, и еще много лет спустя люди вспоминали о самопожертвовании кошки¹¹⁸.

В другой раз кошка приняла человеческий облик, чтобы принести две золотые монеты рыбаку, который долгое время болел и пришел в полную нищету, причем об этом никто не знал. Кошка поступила так из благодарности, так как этот человек, ранее ежедневно приходивший в дом ее хозяина, всегда давал ей немного рыбы. Когда рыбак выздоровел, то пошел в тот дом, чтобы попросить немного денег взаймы — вновь начать свое дело. Там он узнал, что кошку убили, поскольку она украла две золотые монеты. Два раза до этого ее застигали в момент, когда она собиралась убежать с монетами во рту, так что ее вина не требовала доказательств. Рыбак сразу понял, кто был тот незнакомец, который принес ему деньги, и он показал хозяину кошки бумагу, в которую были завернуты монеты. Поскольку тот узнал свой подчerk, не осталось сомнений в том, что кош-

¹¹⁷ Он проделывал дырочку в бумажной раздвижной двери языком.

¹¹⁸ *Кансо садан*, написал Кёкун Родзин в 1814 г., «Старик наставник», т.е. Сасаки Садатака, гл. 1, с. 22, № 7.

ка таким образом спасла жизнь рыбаку. Последний позаботился о том, чтобы ее похоронили в буддийском храме Экоин в Хондзё, районе Эдо, и по ней была прочитана заупокойная служба¹¹⁹.

Легенды, приведенные выше в хронологическом порядке, говорят о собаках и кошках совершенно по-разному. Далее я остановлюсь отдельно на веровании в охранительную силу собак, превалировавшем с древности и до наших дней.

¹¹⁹ Миякавася мампицу, написал Миякава Сэйун в 1858 г., гл. IV, с. 6.

ГЛАВА III. ОХРАНИТЕЛЬНАЯ СИЛА СОБАК

Существует верование в то, что собака обладает силой охранять людей от всех разновидностей злых демонов. Она немедленно распознает оборотней: кошек, лис, барсуков, или других животных, и немедленно их убивает. Более того, этот зверь известен своими легкими родами и поэтому весьма популярен у беременных женщин. Однако, не только само животное является столь действенным защитником и помощником молодых и старых, мужчин и женщин, но также и его изображение; даже китайский иероглиф, которым записывается слово «собака», считается действенным средством для изгнания демонов и легкого разрешения от бремени.

А. Иероглиф «собака», записываемый на лбу младенцев

Об иероглифе *ину* («собака»), записываемом на лбу младенцев, чтобы защитить их от лис, барсуков и прочих демонов-оборотней, мы читаем следующее в дневнике Фудзиварано Тамэфуса, озаглавленном Тайфуки, в месте, датированном 27-м днем 8-го месяца 5-го года эры Кова (1103): «Наследный принц переехал во дворец Такамацу. Когда он появился в 8:30 вечера, (Фудзиварано) Мунэмита написал на его лбу иероглиф. За несколько дней до этого то же самое сделала придворная дама». А в дневнике Акитака, старшего сына Тамэфуса, мы читаем: «Наследный принц появился в час собаки, и я был послан сказать Мунэмита, чтобы тот написал аяцукодо»¹²⁰». Это доказывает, что начертание иероглифа на лбу младенца называлось аяцукодо, словом, этимологию которого я не могу объяснить. То же самое говорится о другом наследном принце в дневнике Фудзиварано Митииэ (1192–1252), озаглавленном Гёкудзуй под датировками 16, 23 и 26 4-го месяца 1220 года. На рассвете, до того, как принц покинул дворец, Удайсё, Правый Генерал стражи каждый раз писал у него на лбу иероглиф. Чтобы доказать, что это магический способ защитить ребенка от злых демонов, Кита Сингэн, автор *Байэн никки* (с. 306) цитирует Цукубасю¹²¹, где мы читаем, что стихотворная строка

¹²⁰ См. работу Нэнсанкибун, гл. 1, (*Хякка сэцурун*, т. 1, с. 8), написанную Андо Тамэаки в 1702 г.

¹²¹ Собрание «продолженных хайкай», хайкай рэнга, юмористических поэм, составлявшихся в компании, когда каждый из присутствовавших писал свое продолжение (ср. Florenz, *Geschichte der Japanischen Literatur*, с. 440), написанное Нидзё Ёсимото (1319–1388).

«Собака – существо, охраняющее людей» продолжена монахом Рёва следующим образом: «Это становится очевидным, когда видишь иероглиф ‘собака’ на лбу младенца».

По мнению Кита, иероглиф «собака» пишется на лбу детей прежде всего, чтобы отогнать птицу, называемую *кисятё*, или «Птица – повозка демонов», китайскую сказочную птицу, влетающую в дома и крадущую людские души. Это та самая «колесница света», о которой пишет де Грот¹²², как о птице с десятью головами, одна из которых отъедена собаками. В *Бэньцао шии*, работе восьмого века, говорится: «Из места, где была эта голова, непрерывно капает кровь, и, если капля попадет на какой-либо дом, ему грозит несчастье. Когда жители Цзин и Чу слышали, как в ночи летает и кричит эта птица, они задували лампы, а чтобы отогнать ее барабанили в свои двери и дергали за уши собак, поскольку, как они говорили, она боится собак, [которые когда-то отгрызли одну из ее голов]». В *Тай пин гуан цзи*¹²³, цитируемой Кита, мы читаем следующее о другой птице, ду цзюань, аналоге японской хототогису, или кукушки: «Крик этой птицы, услышанный вверху, есть плохое предзнаменование; способ противодействовать ему – лаять по собачьи». А Фан Ичжи, автор династии Мин, пишет в своем труде, озаглавленном *Тун я*, следующее: «Цан лу имеет девять голов. Я сам слышал эту птицу, когда останавливался в Сун цзян. Люди этого города пытались перекрычать друг друга, лая по собачьи, чтобы отогнать эту птицу. Как передают, кровь капает из одной из ее голов, и, если попадает на дом, то бедствие неизбежно». В соответствии с трудом времен династии Тан¹²⁴, так называемая *цзю хуо* (в Японии — *убумэдори*, или «птица-женщина в детской кроватке») относится к тому же классу, что и «колесница света» и филин, тогда как в *Хуань чжун цзи*¹²⁵ говорится, что «эта птица любит улетать с маленькими детьми и пожирать их. Именно по этой причине люди в наши дни не любят оставлять одежду детей снаружи дома в ночное время, так как эта птица метит их кровью и уносит ребенка [на следующий день]». По другой работе¹²⁶, она роняет свои перья в саду и, если они упадут на детскую одежду, ребенок немедленно падает в конвульсиях и умирает. Следует опасаться за детей в особенности в 7-м и 8-м месяце. С этим отрывком Кита сравнивает вышепротити-

¹²² *Rel. Sys.*, Vol. V, pp. 642 seq.

¹²³ Написал Ли Фан и другие во второй половине 10го века, гл. 463, цит. *Юань цзацзы*, написанное Дуань Чинши в девятом веке (ср. de Groot, IV, p. 74, note 1; V, p. 642).

¹²⁴ *Бо ху лу*, написана Дуань Гунлу около 860 г

¹²⁵ Слово возникло до 6-го века.

¹²⁶ *Цянь цзинь фан*, медицинский трактат, написанный Сунь Сымо (550–630); гл. V, с. 20.

рованные слова Тамэфуса из его Тайфуки относительно сообщения о том, что в 8-м месяце придворная дама уже писала иероглиф «собака» на лбу наследного принца за несколько дней до того, как то же сделал Мунэмити. Возможно, китайское верование в то, что эти птицы особенно часто нападали на людей именно по 7-м и 8-м месяцам, превалировало и среди японских придворных, так что они отправляли этот защитительный магический акт в это время года чаще, чем в другие периоды. Возможно, однако, это случилось вполне произвольно, так как в Гёкудзуй мы видим, что то же самое произошло в 16-й, 23-й и 26-й день 4-го месяца, что доказывает, что и в другие месяцы это также имело место, вероятно – как только появлялся ребенок. Однако, в Китае восьмой месяц в гораздо большей степени, нежели остальные, посвящался магической защите младенцев, поскольку в нескольких книгах¹²⁷ мы читаем о том, как в 10-й день 8-го месяца люди из всех социальных слоев ставили точки красной тушью на блу своих детей, что называлось *тянь цзю* («небесная мокса») и делалось ради отвращения болезней. Наконец, мы можем упомянуть две другие китайские книги¹²⁸, где собаки упоминаются, как магические защитники детей. В них говорится, что «если ребенок плачет по ночам, следует немедленно взять собачий волос из-под горла, положить его в красный мешочек и привязать к рукам ребенка, после чего тот немедленно перестанет плакать». Это напоминает нам одно из заявлений Бринкли¹²⁹ о том, что в Японии детский плач останавливают, привязывая к их спинам красные хлопковые мешочки с собачьей шерстью; однако, поскольку я не читал, и не слыхал ничего подобного нигде, то не уверен, есть ли это японская имитация китайского обычая.

Сопоставив процитированные выше китайские отрывки с японским обычаем магической защиты детей с помощью написания иероглифа «собака» на лбу, мы приходим к выводу, что это чисто китайская идея, заимствованная и трансформированная японцами. Имитаторы усиливали эффективность точек красной тушью, ставившихся китайцами, заменяя их иероглифом, подразумевавшим собаку, а это животное сами китайцы объявили лучшим защитником детей от злых духов. Японцы также пи-

¹²⁷ *Цзин Чу суйши цзи*, написана в шестом веке Цзун Ланем; *Тай пин юй лань*, энциклопедия, составленная в 983 г. Ли Фаном и другими; *Суй ши гуан цзи*, написана Чань Юаньцзю в тринадцатом веке; *Ю чжу бао дянь*, написана Ду Тайцин при династии Суй (581–618); *Цянь цзюй лу*, работа неизвестного автора.

¹²⁸ Медицинские труды *Вай тай би яо* (гл. 35), написана Ван Дао в 752 г. и *Син цзи сы лу* (гл. 170), написана в 1111–1117.

¹²⁹ Brinkley, *Japan*, Vol. V, p. 237.

сали иероглиф красной тушью, как об этом говорится в *Синто мёмоку руйдзю сё*¹³⁰, где мы читаем следующее: «Монахи киотосского храма Гион писали красной землей иероглиф «собака» на лбу младенцев. Это называлось *инно ко*¹³¹; это тайный талисман одного только храма Гион¹³²». А Исэ Тэйдзё¹³³ говорит: «Если ребенка выносят ночью за дверь, ему пишут на лбу пастой (*бэни*) иероглиф собака. Это называется *инно ко*, то есть *инуно ко*, 'щенок'. Если сделать так, то злые духи не подступятся, и ребенку не повредят лисы, барсуки и прочие». Наконец, мы можем процитировать *Кокуси дайджитэн*¹³⁴, где об *инуно ко* сказано «магическое средство чародеев¹³⁵, практикуемое в случаях, когда ребенок плачет от страха». Процитировав приведенные выше слова Тэйдзё, Танака пишет: «Что касается термина *инуно ко*, то это означает, именно, приложение печати, содержащей иероглифы *фуба хосю*, 'драгоценное сокровище старого колдуна', к ребенку, когда предпринимают паломничество в храм Гион. Это объясняется также, как *инуно ко*, 'прибытие собаки', а именно, заговор, в соответствии с которым собака приходит и отгоняет 'зло', защищает 'справедливость' (*сэй*); этот заговор состоит из написания красным иероглифа 'собака' на лбу ребенка».

Б. Инухарико

Еще одна разновидность «собачьей магии» — так называемые *инухарико*, или «собаки из папье-маше». Ее основная цель — легкое разрешение от родов, учитывая защитительную силу этого животного; комбинация этих двух моментов делала собаку животным для роженицы *par excellence*. В работе 1686 года¹³⁶ говорится следующее: «Так называемые *инухарико* есть предметы, используемые в родильной комнате. Эту собаку-коробку заранее обряжают в первые одежды новорожденного (*убуги*), в которые затем переодевают родившегося младенца. В коробку помеща-

¹³⁰ Написано в 1699 г. Нодоно; гл. IV, с. 19.

¹³¹ «Печать ребенка».

¹³² Примечательно, что слуги настоятеля храма назывались *инугамбито*, «люди божеств-собак» (см. ниже).

¹³³ 1715-1784 в своей работе *Тэйдзё дзакки*, гл. XVI, 1, с. 14.

¹³⁴ «Большой словарь национальной истории», написан Танака Ёсиари в 1908 г.; с. 213 s.v. *инуно ко*.

¹³⁵ *Онъёка*.

¹³⁶ *Фудзин ясинагуса*, автор Байу сандзин, гл. V, с. 1.

ют амулеты (*маморифуда*), а также белую пудру и бумагу (*татогами*, «сложенная бумага»), используемую в родильной комнате, а также кисть, которой пудру счищают с бровей (*маюхарай*). Эти *инухарико* продаются в яслях под названием Хоккэйдзи в Нара, где их делают монахини¹³⁷. В цитированном выше словаре, «*Кокуси дайджитэн*», мы читаем в главе «*Инухарико*» (с. 213) следующее: «Это коробка в форме собаки, также именуемая *инубако*, «коробка-собака». Ее помещают рядом с ребенком, чтобы отгонять демонов. В *Тэйдзё дзакки* говорится: «При рождении ребенка делают коробку-собаку ставят рядом с ним, потому что у собаки честный характер, и она устраняет «демонический вред» (*мосё*). Если ребенок плачет во сне, люди говорят: «щенок, щенок (*инуно ко*, *инуно ко*)»; это разновидность заговора». В новой «Японской энциклопедии»¹³⁸ дается следующее объяснение: «*Инухарико*. Раньше называлось *инубако* («коробка-собака»), отогино *инубако* («прислуживающая коробка-собака»), *тоношину* («сторожевая собака») и *отогиину* («собака-прислужник»). В древности использовалось, как свадебный прибор¹³⁹, а также при рождении ребенка. В наши дни оно используется при *миямаири* (посещении храма *удзигами*, титульного божества данной местности, через месяц после рождения ребенка) и превратилось в детскую игрушку. Сперва его лицо напоминало маленького ребенка, а тело было как у спящей собаки. Были мужские и женские «коробки-собаки»; мужские глядели налево, а внутрь их клали детские амулеты, тогда как женские глядели направо и содержали женские туалетные принадлежности и игрушки. Сегодня *инухарико* имеют полный облик собаки; у представителей высших классов это все еще коробка с отдельным покрытием». В тексте этого отрывка помещены картинки старых и современных *инухарико*. Для *миямаири* обычно выбирается день собаки; настоятель храма взмахивает священным *гохэй*, на который, как считается, нисходит божество, над головой ребенка, говоря: «Да отринется от ребенка все зло и да даруется ему счастье»; одновременно, ребенку дается имя. Покидая храм, родители пла-

¹³⁷ И сегодня монахини, в стремлении загладить собственные грехи, делают таких глиняных собак с красными воротниками. По легенде этого монастыря, изначально их сделала императрица Комё из горной глины, и они даруют *легкие роды*, а также успокаивают плачущих по ночам детей. *Японская Энциклопедия*, т. 1, с. 662, s.v. *инумамори*.

¹³⁸ *Нихон хякка дайджитэн*, т. 1 (опубликован в 1908 г.), s.v. *инухарико*, с. 660.

¹³⁹ Это была в основном деревянная собака, раскрашенная в белый цвет, посылавшаяся родителями невесты в дом жениха. Ее помещали у постели молодой четы, а посредник на следующий день забирал ее обратно в дом родителей невесты, которые хранили ее, как гарантию счастья и гармонии их детей.

тят священнику пятьдесят сэн и покупают так называемое *эммэйамэ*, или «желе долгожительства», которым торгуют перед храмом и которое они подносят, как *миягэ*, или «подарок по возвращении», родственникам, которых навещают перед тем, как направиться домой. Родственники, в свою очередь, подносят собаку из папье-маше ребенку, как отличную защиту ото всех злых духов. У этой собаки постоянная форма, различается только размер; ее цвет всегда белый с черными точками, она часто имеет одежду — золотую и красную, с синим и красным орнаментом, представляющим солнце (впереди) и *томоэ*, три фигуры в форме запятых в круге, представляющие китайскую идею Тай-Цзи, Ян и Инь, первоначальную движущую силу, мужской и женский принципы вселенной¹⁴⁰. Чем больше родственников приглашается в день первого визита ребенка в храм, тем больше *инухарико* он получает. Очень мило выглядят эти забавные собачки из папье-маше, висящие сзади повозки рикши, на которой едут домой мать с ребенком. Считается, что *инухарико* имеют очень тесную связь с ребенком, поэтому позже, когда он простужается и у него бывает заложен нос, нос собаки протыкают буравчиком, чтобы вылечить ребенка. Если же он плачет по ночам, то *инухарико* с маленькой бамбуковой корзинкой на голове вешают над ребенком, чтобы тот перестал плакать. На празднике девочек третьего марта собака помещается между куклами (*хина*) на *хинадан*, или «кукольных полках».

В. Собака, как дарователь легких родов

Относительно собаки, дарующей легкое разрешение от бремени, мы можем упомянуть тот факт, что *ивада обино иваи*¹⁴¹ («празднество пояса *ивада*»), когда японские женщины надевают пояс с таким названием на пятый месяц беременности, всегда происходит в день собаки. А, когда праздник храма Суйтэнгу в Токио, отправляемый дважды в месяц, а именно — по пятым и пятнадцатым числам, совпадает с днем собаки, амулеты, приносимые туда, должны, как считается, даровать легкие роды. Относи-

¹⁴⁰ *Футацу томоэ* с двумя запятыми — белой и черной (мужской и женский принципы) обнаруживается рядом с фигурой из трех запятых; вторая также стала семейным гербом. Название *томоэ* означает «рисунок на *томо*» (кожаный щит, носимый на левом локте лучниками). Ср. Florenz, *Geschichte der Japanischen Mythologie*, p. 77, note 7.

¹⁴¹ Также называется *ивата оби*.

тельно особой силы собак мы можем привести следующую историю¹⁴². В 1783 году жена мужчины по имени Окада Ко забеременела, после чего пара предприняла паломничество в Великое Святилище в Исэ и в знаменитый храм Инари в Фусими. Когда перед самым возвращением домой они обедали на постоялом дворе, их слуга обнаружил маленькую собачку размером с кошку, спавшую в женском паланкине. Он прогнал животное прочь и не говорил о случившемся, пока они не вернулись домой. Когда же он об этом рассказал, мать его хозяйки сильно рассердилась, потому что он, вместо того, чтобы оставить собаку, прогнал ее. Дело в том, что, поскольку собаки очень легко рожают, спящая собака в паланкине беременной женщины была идеальным для нее предвестием. Поэтому слуге приказали немедленно возвращаться в Фусими и привести собаку. Он так и сделал, однако оказалось, что в том году собака убила лису и сошла с ума (от ее проклятья), после чего укусила несколько человек, которые умерли¹⁴³. После этого ее хозяин приказал завернуть ее в бамбуковые циновки и бросить в реку. Вскоре после этого его жена родила сына, однако не могла его кормить и через четыре-пять месяцев ребенок заболел. Никакие лекарства не помогали, и родители пришли уже в полное отчаяние, когда внимание Окада были привлечено к утопленной собаке из-за того, что та неоднократно являлась ему во снах, и от слов божества, говорившего: «Болезнь твоего сына вызвана проклятьем мертвой собаки; тебе следует прочесть «Ханья-сутру за упокой ее души». После этого он попросил буддийского священника прочесть за него сутру, и результат был чудесным, так как мальчик немедленно выздоровел.

Г. Собачьи заговоры

Помимо иероглифа «собака» и *инухарики*, собачьи заговоры также считались эффективными при изгнании лис и прочих злых духов. Где-то двадцать лет назад в провинции Кадзуса было принято подниматься на Мицуминэ, гору в Мусаси, чтобы получить заговор от одержимости лисами,

¹⁴² *Тэйсэй кидан*, написал Ямадзакэ Бисэй (1796–1856) в 1850 г.; гл. 2, с. 21, под заголовком *кудзино кай*, «охотничий щенок».

¹⁴³ Миякава Сэйун говорит в своей работе *Миякава-ся* (или *Кюсэн-ся*) *мамтцу*, написанной в 1858 г., гл. 4, с. 13, что укус сумасшедшей собаки может быть быстро излечен приложением листьев *illicium religiosum* (*сикими*) к ране и сжигании мохы на ее листьях. Сикими хорошо известна своей способностью отгонять дурные воздействия; см. мою работу "The Fox and the Badger in Japanese Folklore", *Transactions*, Vol. XXXVI.

когда кого-то в семье поражала эта напасть. Такое паломничество называлось «пойти одолжить собаку» (*ину о кари ни ику*). Очевидно, значение этого термина состояло в том, что, по поверью, невидимая сверхъестественная собака следовала за заговором и изгоняла лису. А священные собаки действительно содержались в специальных строениях храма Мицуминэ Гонгэн. «Проявлении Мицуминэ» (буддийское имя горного божества). Мы читаем об этом храме в «Географическом словаре» Ёсида Того¹⁴⁴; большое количество паломников посещало этот храм и молилось там, или покупало за деньги так называемую горную собаку (*ямаину*), или «достопочтенную собаку» (*оину*). По 19-м числам каждого месяца специальное подношение из очищенного риса приносилось из храма на место, где содержались собаки; вино и красный рис давались суке молодого возраста, и всех их обхаживали с величайшим вниманием. Эти собаки были «слугами (*кэнроку*, «членами семейства») Мицуминэ Гонгэн». Вероятно, считалось, что само горное божество исходно имело облик собаки, как, например, божество, проводившее принца Яматодакэ через горы Синано, жившее с обычной женщиной.

Д. Хаято

Говоря о магической силе собак, мы не должны проходить мимо так называемых *хаябито*, или *хайто*, или *хаято*, отряда императорских охранников, которые по особым случаям лаяли по собачьи, чтобы отгонять злые воздействия. *Хаяутоно ками* (или «глава *хаяуто*») упоминается уже среди чиновников эры Дайхо (701/703), перечисленных в *Рёно гигэ*¹⁴⁵. В *Нихонги*¹⁴⁶ мы читаем, что, когда Хико хоходэми, младший сын Ниниги-но Макото, победил своего старшего брата Хосусэри с помощью драгоценного камня, полученного от Морского божества, Хосусэри сказал: «С этого момента, на протяжении восьмидесяти поколений мои потомки будут твоими исполнителями (актерами)» или, по другой версии, «твоими людьми-собаками» (*инубито*). «По этой причине, говорит автор, до нынешних времен все *хаяхито* потомки Хосусэри, не оставляют пределов императорского дворца и служат императору лающими собаками». В *Энгисики*¹⁴⁷ описываются «Церемонии главы *хаято*» следующим образом: «Обычно в день Нового года, при вступлении импера-

¹⁴⁴ Дай Нихон дзимэй дзисё, т. II, с. 3054, s.v. мицуминэ.

¹⁴⁵ Написал в 833 г. Киёвара Нацуно; К.Т.К., т. XII, с. 12, гл. I. Глава *хаябито* упоминается там, как чиновник шестого ранга второго разряда.

¹⁴⁶ К.Т.К., т. I, гл. II, с. 68.

¹⁴⁷ Опубликовано в 927 г.; К.Т.К., т. XIII, с. 854 (*хаято-но цукасано сики*).

тора на трон и когда иноземцы наносят визит двору, двое *тайи*, 20 *бандзё-но хаято* («высшие хаято»), 20 *имаги-но хаято* («вновь прибывшие хаято»), и 132 *хакутё-но хаято* («хаято в белых одеждах», т.е. в одеждах, носимых низшими слугами придворных) под командой двух *кандзин* («чиновников») и двух *сисэй* рассаживаются рядами слева и справа снаружи [дворцовых] ворот Отэн. Когда чиновники входят в первый раз, они поднимаются с мест, и *имагино хаято* трижды лает. (Когда дворец посещают иностранцы нет фиксированного числа лаяний.) Обычно, когда наследник восходит на трон (*сэнсо*) и в день, когда новый император впервые пробует продукты нового урожая (*дайсёдзичу*), хаято призываются внутрь ворот Отэн и начинают лаять при первом вхождении внутрь чиновников. Обычно, когда император предпринимает путешествие, 2 *тайи*, 9 *бандзёно хаято* и 10 *имагино хаято* под командой 2 *кандзин* и 2 *сисэй*, сопровождают Его Величество. Когда его экипаж проезжает границы провинций, или повороты гор, рек, или дорог, *имагино хаято* лают. Также, обычно, когда император проводит где-либо ночь во время путешествия, хаято лают. Однако, если Его Величество следует лишь к близлежащему месту, они не лают. ... Обычно *имагино хаято* обучаются лаю у тайи; первыми лают те, кто слева, а затем все вместе десять раз, громко и один раз тихо». В *Оуки*¹⁴⁸ мы читаем следующее: «22 дня 11 месяца 1-го года Тёва (1012) хаято не лаяли на празднике Дайсё. Один, или двое придворных залаляли тихонько, но это совершенно отличалось от обычных звуков, [издававшихся самими хаято]».

Интересный отрывок про хаято мы находим в *Нико баэ*¹⁴⁹ Нобутомо (1773–1846), где упоминаются три поставленных вертикально камня, расположенных у могилы императора Гэммэй (707–715) в Наояма, района Соэгами провинции Ямато. Это — три так называемых «собачьих камня», на которых рельефно вырезаны фигуры обнаженных мужчин с песьими головами. На них сохранялись следы красной краски. Один из этих людей-собак был 2 *сяку*, 6 *сун* в длину и опирался обеими руками на палку¹⁵⁰, а над его головой читался иероглиф «север». Две другие фигуры сидят на корточках, их руки в том же положении, что и у первой, но без палок. В древности этих собачьих камней, фигур, приводимых автором на рисунке, было семь. Четыре из этих «семи лис из Онабэ», как их называли люди, были утеряны. В *Кондзяку моногатари*¹⁵¹ (до 1077 г.) они упоминаются, как «фигуры демонов»; очевидно, люди того вре-

¹⁴⁸ Дневник Фудзиварано Санэскэ (956–1046).

¹⁴⁹ Гл. III, *Хякка сэцурун*, т. 2, с. 52.

¹⁵⁰ По мнению автора, это напоминало *со*, палку, использовавшуюся, как ось верчения.

¹⁵¹ Гл. XXXI, № 35, К.Т.К., т. XVI, с. 1148.

мени не понимали их значения и считали их демонами, тогда как позднейшие поколения ложно принимали их за лис. По мнению Бан Нобутомо, исходно было 4 стоящих и 4 сидящих фигуры; иероглиф «север» над одной из стоящих явно указывал, что ее поместили на северной стороне гробницы, и что должны были быть и другие на южной, восточной и западной сторонах. Сидящие фигуры были, вероятно, помещены по углам, так что всего получалось восемь камней. Тот факт, что их называли «семью лисами» даже во времена автора, так как и раньше их было семь, указывает, пожалуй, на то, что одна была утрачена уже во времена древности, так что в традиции осталось всего семь фигур. Объяснение этих собак-людей у императорской гробницы, данное Бан Нобутомо, весьма изобретательно и, вероятно, верное. Он говорит, что прежде *хаято*, когда им надо было лаять на придворных церемониях, надевали маски собак, и по этой причине их изображения, представлявшие собой мужчин с песьими головами, ставились у императорской гробницы, символизируя тех, кто должен последовать за ним после смерти. Как живые оберегали живого императора, не допуская к нему злых духов, так и их изображения делали то же самое у гробниц. Все это напоминает нам о *ханива*¹⁵², или «глиняных кольцах», фигурках из глины, помещавшихся в могилах взамен живых людей; однако, если *ханива* предназначались лишь для комфортабельного существования усопшего императора, то люди-собаки продолжали служить его защитниками. Профессор Флоренц, дважды упоминающий *хаяхито*¹⁵³, говорит, что они были людьми из Сацума и Осуми (что, как я увидел, подтверждает и Китаёма Синсэцу¹⁵⁴), служившими в императорской гвардии, и что, по свидетельству профессора Цубои, в Нара есть скульптура, на которой *хаяхито* представлены, как люди с собачьими головами. Этот факт вполне совпадает с упоминавшимися выше людьми-собаками у гробницы императора Гэммэй.

Е. Комаину

Наконец, следует упомянуть так называемых *комаину*, или «корейских собак»¹⁵⁵, магических изгонителей всех злых воздействий, сперва использовавшихся только при дворе, но после и даже в наши дни часто устанавли-

¹⁵² См. Aston, *Shinto*, с. 57; *Нихонги*, гл. VI, 32-й год правления императора Суйнин, К.Т.К., т. I, с. 127.

¹⁵³ *Japanische Mythologie*, p. 176, note 23, and p. 237, note 48.

¹⁵⁴ 1783—1856; в *Интэй дзакко*, *Хякка сэцурин*, т. 2, с. 467.

¹⁵⁵ Люди называли их также *амаину*, «небесные собаки», по ложной этимологии.

ливаемых перед (или внутри) синтоистских святилищ. Это, однако, больше львы, чем собаки, и древние авторы часто называют их *сисикомуину*, «львы-корейские собаки». В первой работе, где они упоминаются, а именно, *Макура-но соси*¹⁵⁶, рассказано о *сиси комаину*, стоявших во дворце Нидзё в Киото у спальной комнаты Судако, второй наложницы императора Итидзё (986–1011), и о танцах *сиси комаину*, а также говорится, что *сисикомуину*, большие сидения и проч. были поставлены перед занавеской новой императрицы. В *Эйга моногатари*¹⁵⁷ описывается, как после смерти императрицы «*сиси комаину*, ранее стоявшие перед императорскими занавесями, строго глядя друг на друга, теперь были поставлены в пустой комнате лицом к стене» (потому что они более не могли охранять усопшую императрицу), и как одна из фрейлин составила стихотворение, в котором говорилось о *сиси комаину*, как об охранителях ее госпожи при жизни. В той же работе упоминаются танцы *сиси комаину*, исполнявшиеся при освящении храма, воздвигнутого в память усопшей императрицы Дзётомонин, наложницы императора Итидзё, умершей в 1074 году. Очевидно, это было то же, что и хорошо известные *сиси-май*, или «львиные танцы», исполняемые вплоть до наших дней в первом месяце года мужчинами в львиных масках ради изгнания злых духов и упоминаемых Оэно Масуфуса (1040–1111)¹⁵⁸, когда он описывает освящение буддийского храма Кофукудзи в Киото. Тот же автор называет *сиси комаину*, находившихся среди предметов обстановки покоев новой императрицы, *сиси-гата*, «львиными образами». Тот же собирательный термин использует Тайрано Нобунори¹⁵⁹, который пишет: [В 1166 году] я поставил императорский стул за шторой в Нандэн, Южном Дворце, одном из строений главного дворца, поднял свисавшие части со всех четырех сторон и задвинул *сиси-гата* внутрь на возвышение пола». А в одной очень интересной древней книге, автор и время написания которой неизвестны¹⁶⁰, мы читаем следующее: «Когда императрица использует *хама-доко* [букв. «пляжную постель», широкую кушетку], занавес и остальное остаются как прежде, что же касается *сиси-гата*, то их ставят напротив друг друга слева и справа от входа снаружи южных свесей перед занавесом; слева – лев, желтый, с открытой пастью, справа – *комаину*, бе-

¹⁵⁶ Написана в 1000 г. Сэй Сёнагон; гл. VII, X, XI.

¹⁵⁷ Написано около 1100 г., гл. *Нунобикино таки*.

¹⁵⁸ В его *Кокэ сидай*, гл. XIV.

¹⁵⁹ Родился в 1117 г., стал буддийским монахом в 1177 г.; написал *Дзинсяки*.

¹⁶⁰ *Руйдзю дзауёсё*, гл. IV, *Гунсё руйдзю*, № 470, т. XVI, с. 1280; она содержит иллюстрированное описание всех видов церемоний, подношений, мебели и прочего во дворце.

лая, с закрытой пастью и с рогом»¹⁶¹. Тот факт, что их называли «львиными образами», и что львиные танцы определялись словом «танцы *сиси-комаину*», ясно показывает, что *комаину* считались львами; с другой стороны, из последнего упомянутого отрывка мы можем вывести, что так называемые *сиси комаину* были не двумя львами, но львом и единорогом. Об этом говорится также в *Кимписё*¹⁶² – труде императора Дзюнтoku, правившего с 1211 до 1221 года и умершего в 1242 году, а также подтверждается картинками из другой работы¹⁶³, датируемой 1444 годом. У одной из двух *сисикомайну*, представленных в этой книге, собачья голова, но с рогом, повернутым назад, как рог *цзилиня*¹⁶⁴; однако, он отличается от китайского животного, поскольку вместо копыт у него когти, а также отсутствует чешуя. Он глядит налево, тогда как другое животное, глядящее направо, напоминает также собаку, но не имеет рога; очевидно, это лев, о котором говорится в *Руйдзю дзацуёсё* и в *Кимписё*. Между двумя животными расположено большое количество знамен и барабанов. По объяснительному комментарию автора на стр. 598, сбоку от изображения первого животного, это – *комаину-гата*, или «облик *комаину*», выполненный из меди и посаженный на медный пьедестал, напоминающий большой камень, а перед ним стоит медный столб, чуть более саяку в высоту. Далее он цитирует *Сазмонсики*, часть *Энгисики*, где с *комаину* сравнивается изображение носорога¹⁶⁵. Хотя я не нашел отрывка, о котором он пишет в *Сазмонсики*, но лишь место, где говорится о носороге, все же это достаточное основание для того, чтобы утверждать, что *комаину* исходно отличались от льва, а значит и от единорога.

¹⁶¹ Судя по этим иероглифам, значение должно быть: «стоящий в углу». Однако, поскольку ни о каком угле разговора не идет, так как оба стоят у входа перед занавесом, автор, вероятно, ошибочно употребил другой иероглиф, и значение должно быть: «Оно (*комаину*) имеет рог». Примечательно, что все японские авторы, цитирующие этот отрывок, опускали оба иероглифа, вероятно, дабы избежать трудности интерпретации.

¹⁶² Также называется *Кэнрякуно гёки*, «Императорские записки годов Кэнряку (1211–1212)».

¹⁶³ *Бунан госокуи тёдо дзу*, «Картины мебели, использовавшейся по случаям вступления на трон в эру Бунан (1444)», *Гунсё руйдзю*, № 92, т. 1, с. 598. Эти картины скопировал Фудзиварано Мицутада в 1444 г. и, поскольку в этой эре не было ни одного вступления на трон, люди позднейших времен могли подумать, что Мицутада привел картинки мебели, использованной в 1444 г.; однако, в тот год он всего лишь перерисовал старые картинки предметов, использовавшихся ранее.

¹⁶⁴ Мы находим изображение *цзилиня*, репродуцированное из китайского труда. Эти *цзилини* располагаются среди громадных каменных животных, поставленных вдоль дороги, ведущей к императорскому мавзолею династии Мин, вместе со львами, слонами и верблюдами. У них раздвоенные копыта, а тело покрыто чешуей.

¹⁶⁵ К.Т.К., т. XIII, с. 1119; упоминается изображение носорога, но без сравнения его с *комаину*.

Из *Кана сёдокусё*¹⁶⁶ мы узнаем, что *сиси-комаину* помещали на восточной стороне от императорского занавеса, а из процитированного выше *Кимписё* – что в Нандэн так называемые *кагэ-но ину*, или «собаки-тени» были нарисованы на двери комнаты императорских покоев. Как мы узнали выше из *Дзинсяки*, сисигата помещали внутри тех же покоев, так что мы приходим к выводу, что император охранялся не менее, чем четырьмя *сиси-комаину*: двумя, нарисованными на двери и двумя медными, поставленными внутри покоев. Название «собаки-тени», данное первым двум, обнаруживается в *Симмэй хёдан*¹⁶⁷, где они описываются, как изгонители злых духов и сравниваются с собаками, которых распинали на четырех воротах китайской столицы при династии Цинь, а также с собаками, нарисованными во дворце китайского императора в подражание тому же старому обычаю. Кроме того, в Нандэн, в двух других строениях дворца, а именно: *Сисиндэн* и *Сэйрёдэн*, *сиси-комаину* помещались внутри императорских покоев, как мы читаем в *Симин хондэн*¹⁶⁸; первое строение включало тронную комнату, второе – императорские апартаменты. Таким образом, *сиси-комаину* охраняли Его Величество как во время аудиенций, так и во время сна и домашних дел. В той же работе говорится, что они также помещались по обеим сторонам ворот Сёмэй, когда новый император вступал на трон. Такая Тикабуми, комментатор *Цурэдзурэгуса*, говорит, что *сиси-комаину* это золотые, или медные львы, а не собаки, помещавшиеся рядом с ширмами во дворце, дабы те не двигались с места, и перед воротами, чтобы те не закрывались сами собой. Однако, и он считает их охранителями дворца и синтоистских святилищ¹⁶⁹. Другой комментатор того же произведения, Китамура Кигин¹⁷⁰, утверждает, что в день Нового года, при вступлении на трон и т.п. случаях, *хаято* лаяли по собачьи, располагаясь за *сиси-комаину*, чтобы охранять императора. В *Энгисики* нам говорилось, что *хаято* ставились перед, или за воротами Отэн, тогда как *Симин хондэн* заявляет, что *сиси-комаину* располагались у ворот Сёмэй, когда новый император вступал на трон. Отсюда мы можем вывести, что в древности процессия вступала во дворец через первые ворота, а века спустя – через вторые. Помещение *сиси-комаину* перед воротами было также позднейшим обычаем, так как в

¹⁶⁶ Также озаглавливаемое *Масаскэ сёдокусё*, написано Минамотоно Масаскэ, жившим во второй половине двенадцатого века. *Гунсё руйдзю*, т. VI, № 112, с. 12.

¹⁶⁷ Написал Тада Ёситоси (1697–1750); цитируется в *Комаину ко*, *Оути сосё*, т. VIII, с. 5.

¹⁶⁸ Написал Самукава Тацукиё в 1730 г.; цитируется в *Комаину ко*, с. 6.

¹⁶⁹ В *Цурэдзурэгуса огисё*, написанном в 1716 г.

¹⁷⁰ В *Цурэдзурэгуса бундансё*, с. 395, гл. VII.

старых книгах о таком не упоминается. В *Масу кагами*¹⁷¹ рассказывается, как в 1290 году *сиси-комаину* в *Сисиндэн* разделились, что озаботило императора; он обратился к прорицателям и те объявили это предвестником кровопролития, т.е. войны.

Впервые мы находим упоминание о *сиси-комаину* в храме, а не во дворце, в *Гэмпэй сэйсуйки*, где после упоминания нарисованных феникса, кукушки и петуха и издаваемых ими звуков говорится: «*Сиси-комаину*, сделанные [буддийским монахом] Дзётё и поднесенные им Дзоо Гонгэн [со знаменитой горы Тэнгу] Кимпусэн, подрались [букв. «покусали друг друга»] в храмовом зале и упали со своих пьедесталов». Забавную историю рассказывает монах Кэнко Хоси в *Цурэдзурэгуса*¹⁷² о буддийском слуге Сэйкай, который, посещая отделение великого синтоистского святилища (*тайся*) в Идзуми с большой группой других паломников, увидел *сиси-комаину*, стоящих в позах, когда их головы были повернуты в направления, прямо противоположные обычному. Он счел это очень хорошим предзнаменованием и, переполняемый эмоциями, с глазами, полными слез, привлек внимание своих спутников к чуду. Все они были поражены и радовались, что смогут рассказать о таком значительном происшествии по возвращении в Киото. Однако, когда Сэйкай спросил настоятеля храма о возможной причине этого, тот ответил, что это всего лишь шутка детей. Так что слезы и эмоции доброго слуге оказались напрасными! В знаменитом храме Камо в Киото были не только *комаину*, но на двери за ними были также нарисованы «собаки-тени», как сообщает Сираи Соин¹⁷³, писатель эры Камбун (1661–1672), который добавляет, что такое встречалось не часто в синтоистских святилищах и что смысл этого был священной тайной. Относительно облика *комаину* он утверждает, что это не львы, но собаки из Кома. По этому поводу мнения японских ученых расходятся. Буддийский монах Рётэй¹⁷⁴ заявлял, что *комаину* — львы, принесенные из Кома и названные японцами собаками, так как те не знали львов. Однако, автор Вакунно сиори¹⁷⁵ основывает свое мнение о том, что *комаину* не являются львами, на вышепротитированном отрывке из *Руйдзи дзацуёсё*, где один из сисигата описан, как лев, а прочие как *комаину*. Он говорит: «Хотя люди считают, что *комаину*

¹⁷¹ Написано в 1340–1350 гг.; К.Т.К., т. XVII, с. 1157, гл. XIII.

¹⁷² Написано, вероятно, между 1334 и 1339 гг. (ср. Florenz, *Jap. Literaturgeschichte*, с. 329), гл. VII.

¹⁷³ Цитируется в *Комаину ко*, с. 9.

¹⁷⁴ 1543/1639; в своей работе *Дайкаку сёкисан*, гл. V, с. 17.

¹⁷⁵ Написал Таникава Котосуга (1706–1776).

есть изображения львов, исходно привезенные из Кома [одно из корейских царств], а теперь установленных у южных ворот Тодайдзи [знаменитого буддийского храма в Нара], это не львы, но *кан* (кит. *хань*)¹⁷⁶, которые пришли из земли Кома. Некоторые говорят, что они ведут свое начало к *инубито*, однако и это неверно... *Комаину* есть животное, подобное китайскому *цюань пу* (?), помещаемому перед императорской занавесью и называемому 'надавливающим на занавесь'. Те, что поставлены в синтоистских святилищах, относятся к этой же разновидности». По мнению Тада Ёситоси¹⁷⁷, животные, помещаемые перед синтоистскими храмами, есть разновидность львов, но еще более яростная. Китайская императрица Цзе Тянь из династии Тан приказала сделать этих львов и поставить их рядом с тронем; она также приказала изготовить все прочие виды *осаэ* (*тинси*, тяжелые предметы для сдавливания, «гнеты»), а, поскольку обычаи того времени были почти зеркально имитируемы в Японии, таких же львов поставили и в японском дворце, как мы читаем в *Санкайки*¹⁷⁸. Фудзии Косё (или Такахиса), автор *Мацуно отиба*¹⁷⁹, упоминает китайскую книгу *Ю сянь цю*¹⁸⁰, где мы читаем: «На полу стоят яшмовые львы», и следующий китайский комментарий: «Львы, вырезанные из драгоценного камня и поставленные на пол, дабы отгонять злых духов и удерживать ковер». С точно такой же целью *сиси-комаину* помещались у краев южных свесов императорского занавеса в киотосском дворце. Заявив, что в Японии нарского периода их еще не было, поскольку о них не упоминает ни один автор, Фудзии продолжает: «Эти львы были привезены из Кома, как подарок японскому двору и помещены во дворе. Сперва фрейлины не знали, что это львы, и называли их 'Собаки из Кома', поскольку они пришли из Кома и напоминали собак. Однако, так как некоторые все же знали, что это львы, то между собой о них говорили, как о 'львах', или 'собаках Кома', поэтому вошло в привычку смешивать два этих выражения в одно: *сиси-комаину*. Книги по истории и дневники, написанные

¹⁷⁶ Или объясняемые Wells Williams, с. 166, следующим образом: «Разновидность кошачьих черного цвета, проживающих на границах пустыни; описываются, как ужасные чудовища, покрытые чешуей и с рогом, вырастающим у них в преклонном возрасте. Некоторые описания связывают их с тибетским мастиффом, однако Пань Цзао считает их синонимом мадакского тапира, к которому их, вероятно, и следует относить (либо к носорогам)». Это напоминает нам приведенные выше слова Фудзиварано Мицутада относительно сравнения *комаину* с носорогом.

¹⁷⁷ Автор *Симмэй хёдан*.

¹⁷⁸ Написал Накаяма Тадатика, 1130–1195.

¹⁷⁹ «Опавшие иглы сосны», написана в 1827 г., *Хякка сэцурун*, т. 1, с. 776, гл. 1.

¹⁸⁰ Написал Чжан Ваньчин при династии Тан.

есть изображения львов, исходно привезенные из Кома [одно из корейских царств], а теперь установленных у южных ворот Тодайдзи [знаменитого буддийского храма в Нара], это не львы, но *кан* (кит. *хань*)¹⁷⁶, которые пришли из земли Кома. Некоторые говорят, что они ведут свое начало к *инубито*, однако и это неверно... *Комаину* есть животное, подобное китайскому *цюань пу* (?), помещаемому перед императорской занавесью и называемому 'надавливающим на занавесь'. Те, что поставлены в синтоистских святилищах, относятся к этой же разновидности». По мнению Тада Ёситоси¹⁷⁷, животные, помещаемые перед синтоистскими храмами, есть разновидность львов, но еще более яростная. Китайская императрица Цзе Тянь из династии Тан приказала сделать этих львов и поставить их рядом с тронем; она также приказала изготовить все прочие виды *осаэ* (*тинси*, тяжелые предметы для сдавливания, «гнеты»), а, поскольку обычаи того времени были почти зеркально имитируемы в Японии, таких же львов поставили и в японском дворце, как мы читаем в *Санкайки*¹⁷⁸. Фудзии Косё (или Такахиса), автор *Мацуно отиба*¹⁷⁹, упоминает китайскую книгу *Ю сянь цю*¹⁸⁰, где мы читаем: «На полу стоят яшмовые львы», и следующий китайский комментарий: «Львы, вырезанные из драгоценного камня и поставленные на пол, дабы отгонять злых духов и удерживать повер». С точно такой же целью *сиси-комаину* помещались у краев южных свесов императорского занавеса в киотосском дворце. Заявив, что в Японии нарского периода их еще не было, поскольку о них не упоминает ни один автор, Фудзии продолжает: «Эти львы были привезены из Кома, как подарок японскому двору и помещены во дворе. Сперва фрейлины не знали, что это львы, и называли их 'Собаки из Кома', поскольку они пришли из Кома и напоминали собак. Однако, так как некоторые все же знали, что это львы, то между собой о них говорили, как о 'львах', или 'собаках Кома', поэтому вошло в привычку смешивать два этих выражения в одно: *сиси-комаину*. Книги по истории и дневники, написанные

¹⁷⁶ Или объясняемые Wells Williams, с. 166, следующим образом: «Разновидность кошачьих черного цвета, проживающих на границах пустыни; описываются, как ужасные чудовища, покрытые чешуей и с рогом, вырастающим у них в преклонном возрасте. Некоторые описания связывают их с тибетским мастиффом, однако Пань Цзао считает их синонимом мадагаскарского тапира, к которому их, вероятно, и следует относить (либо к носорогам)». Это напоминает нам приведенные выше слова Фудзиварано Мицутада относительно сравнения *комаину* с носорогом.

¹⁷⁷ Автор *Симмэй хёдан*.

¹⁷⁸ Написал Накаяма Тадатика, 1130–1195.

¹⁷⁹ «Опавшие иглы сосны», написана в 1827 г., *Хякка сэцурин*, т. 1, с. 776, гл. 1.

¹⁸⁰ Написал Чжан Ваньчин при династии Тан.

на разговорном языке, называли их, поэтому, *сиси-комаину*, или *комаину*, тогда как в действительно исторических трудах приводилось лишь *сиси* («львы»), а не «Собаки Кома».

Выглядит вполне вероятно, хотя отчасти неверно, поскольку, как мы видели выше, лишь одно из двух животных было львом, а другое, исходно, единорогом, хотя позже и потеряло свой рог, приобретя тот же облик, что и у льва. Японцы, не знавшие ни львов, ни единорогов, ни каких-либо прочих чудесных животных с запада, называли их просто: «собаками Кома», либо общим термином «львиные облики» (*сиси-гата*), а позже объединили китайское слово *сиси* с *комаину* в единый термин. Для объяснения выражения «собаки Кома» позднейшие поколения изобрели легенду о том, что, когда императрица Дзинго (170-269) покорила Корею, царь Кома дал клятву, что его потомки будут слугами и собаками Японии; он приказал сделать изображение собаки, которое поднес императрице, как знак своей покорности¹⁸¹. Что касается иероглифа *кома*, который обозначает разновидность волкоподобной собаки, то его мы находим в старых названиях двух деревень в провинции Ямасиро, а именно: Окома и Симоцукома, «большая и Малая Кома»¹⁸². Жители этих мест, *комабито* являлись, по *Сандай дзицуроку*¹⁸³, потомками корейских военнопленных, подаренных императору Бидацу (572-585) Сатэхико после того, как последний наказал Кома за нападение на Кудара. Отсюда становится ясным, что иероглиф использовался для указания на землю Кома.

После этого долгого рассмотрения, необходимого для того, чтобы разобраться, являлись ли *комаину* в действительности собаками, мы приходим к выводу, что, хотя они и не собаки, их магическая способность прогонять злых духов идентична той, что обладают собаки. Обе эти разновидности — защитники человечества, однако *комаину* охраняют императора, дворец и синтоистские храмы, а собаки — женщин, детей и обычные дома.

¹⁸¹ См. *Мацуно отиба*, гл. 1, с. 774; ср. Хатиман гудокун, написанную в 1532 г. буддийским монахом Кайгэн, гл. 1, Гунсё руйдзю, № 13, т. 1, с. 456.

¹⁸² *Вамёсё*, цитируемая в *Мацуно отиба* 1.1.

¹⁸³ Написано в 901 г.; гл. V, К.Т.К., т. IV, с. 93.

ГЛАВА IV. КОЛДОВСТВО С ПОМОЩЬЮ БОЖЕСТВА-СОБАКИ

Судя по вышеизложенным фактам, нам следовало бы поверить в то, что сверхъестественная сила собак использовалась и используется в добрых целях, а именно — для защиты людей от злых воздействий. Существует, однако, другой предрассудок, превращающий это животное в ужасное орудие в руках злобных колдунов. Так называемых *инугами*, или «собак-богов» жители Сикоку боятся, как опаснейших врагов, приносящих болезни, сумасшествие и даже смерть. Первая работа, в которой я обнаружил упоминание об этих собаках-богах, *Дайго дзуйхицу*¹⁸⁴, датируемая 1670 годом. Там мы читаем следующее: «На Сикоку есть так называемые собаки-боги. Говорят, что, если человек, у которого живет такая собака-бог, возненавидит кого-либо, то эта собака-бог вселяется в него, после чего жертва заболевает, сходит с ума, или даже умирает. Живший на Сикоку врач рассказывал мне, что тамошние жители настолько привыкли выслушивать истории о собаках-богах, что страшно их боятся, и если кто-то простужается, заболевает малярией, или лихорадкой, то и сам больной, и его домашние считают это делом рук собаки-бога. Тогда они поднимают столько шума по этому поводу, в дом приходит некое количество *ямабуси*, или подобных лиц, начинают молиться и приносят с собой массу отсутствовавших ранее неприятностей, так что многие пациента умирают. Я думаю, врач был прав». Прочитав этот отрывок, автор *Кио сёран* сравнивает собаку-бога со змеями-богами в Китае, Саниндо, Санъёдо и Кюсю.

То же сравнение проводит Исэ Тэйдзё¹⁸⁵, приводящий следующие детали: «Существует злое колдовство, именуемое *инугами* («бог-собака»), которое даже теперь можно обнаружить в семьях, где таковое передавалось с древнейших времен. Люди из Тоса (на Сикоку) говорят, что, когда некто, обладающий «богом-собакой», видит человека, поедающего вкусную пищу и желает съесть ее сам, этот «бог-собака» внезапно овладевает евшим и говорит громким голосом: 'Дай мне эту еду!' Если тот посылает еду владельцу «бога-собаки», он выходит из него, и человек выздоравли-

¹⁸⁴ Написал Накаяма Тюги, цитируется Китакура Синсэцу (или Нобуё) в его *Кио сёран*, т. VIII.

¹⁸⁵ 1715–1784; в своей работе *Дзикурокун*, гл. III, с. 10.

ГЛАВА IV. КОЛДОВСТВО С ПОМОЩЬЮ

БОЖЕСТВА-СОБАКИ

Судя по вышеизложенным фактам, нам следовало бы поверить в то, что сверхъестественная сила собак использовалась и используется в добрых целях, а именно — для защиты людей от злых воздействий. Существует, однако, другой предрассудок, превращающий это животное в ужасное орудие в руках злобных колдунов. Так называемых *инугами*, или «собак-богов» жители Сикоку боятся, как опаснейших врагов, приносящих болезни, сумасшествие и даже смерть. Первая работа, в которой я обнаружил упоминание об этих собаках-богах, *Дайго дзуй-лицу*¹⁸⁴, датируемая 1670 годом. Там мы читаем следующее: «На Сикоку есть так называемые собаки-боги. Говорят, что, если человек, у которого живет такая собака-бог, возненавидит кого-либо, то эта собака-бог вселяется в него, после чего жертва заболевает, сходит с ума, или даже умирает. Живший на Сикоку врач рассказывал мне, что тамошние жители настолько привыкли выслушивать истории о собаках-богах, что страшно их бояться, и если кто-то простужается, заболевает малярией, или лихорадкой, то и сам больной, и его домашние считают это делом рук собаки-бога. Тогда они поднимают столько шума по этому поводу, в дом приходит некое количество *ямабуси*, или подобных лиц, начинают молиться и приносят с собой массу отсутствовавших ранее неприятностей, так что многие пациента умирают. Я думаю, врач был прав». Прочитав этот отрывок, автор *Кио сёран* сравнивает собаку-бога со змеями-богами в Китае, Саниндо, Санъёдо и Кюсю.

То же сравнение проводит Исэ Тэйдзё¹⁸⁵, приводящий следующие детали: «Существует злое колдовство, именуемое *инугами* («бог-собака»), которое даже теперь можно обнаружить в семьях, где таковое передавалось с древнейших времен. Люди из Тоса (на Сикоку) говорят, что, когда некто, обладающий «богом-собакой», видит человека, поедающего вкусную пищу и желает съесть ее сам, этот «бог-собака» внезапно овладевает евшим и говорит громким голосом: 'Дай мне эту еду!' Если тот посылает еду владельцу «бога-собаки», он выходит из него, и человек выздоравли-

¹⁸⁴ Написал Накаяма Тюги, цитируется Китамура Синсэцу (или Нобуё) в его *Кио сёран*, гл. VIII.

¹⁸⁵ 1715–1784; в своей работе *Дзикаурокун*, гл. III, с. 10.

вает. Это касается не только еды, но и одежды, и прочих вещей. Поэтому владельцы «богов-собак» не общаются с другими людьми, не женятся и не выходят за них замуж. Если кто-то носит в кармане лисий зуб, то «бог-собака» не в силах овладеть им; если прийти с лисьим зубом в кармане в дом к человеку, околдованному «богом-собакой», то тот немедленно выйдет из больного и покинет дом. Поскольку на Сикоку нет лис, говорят, что некоторые люди покупают их в других провинциях и держат при себе. Далее, говорят, что, если чей-то отец содержал «бога-собаку», то он переходит к его детям и внукам, и не покидает семью».

В *Кокон хяку моногатари хёбан*¹⁸⁶ описан способ получения такого «бога-собаки». «Собаку привязывают на средней длины веревке к столбу, а миску с едой ставят на таком расстоянии, чтобы та смогла дотянуться до нее лишь кончиком своего носа. Так она умирает от голода, а ее душе поклоняются. Иногда это похоже на китайский 'яд ку'». Описание у Мотоори, цитируемое Астоном¹⁸⁷, несколько отличается: «Голодную собаку привязывают рядом с пищей, которую не позволяют съесть. Когда ее голод доходит до предельного состояния, ей отрубают голову и немедленно подносят к еде, которую она хватает. Эту голову помещают в сосуд и поклоняются ей. То же делают со змеей, или с лаской». Астон добавляет: «Это заключает в себе большую колдовскую силу из-за остроты страданий животного. В *Фудзоку гахо* рассказывается история, вероятно изобретенная специально для иллюстрации этого момента. 'Старая женщина закопала в землю свою собаку, оставив сверху лишь ее голову. Затем она отрезала ее бамбуковой пилой, говоря: «Если у тебя есть душа, убей такого-то, и я сделаю тебя богом». Действительно, человек тот вскоре умер от невыясненных причин. С той поры бог-собака жил в доме старухи и произвел много колдовских действий»¹⁸⁸. В каждой деревне в Тоса есть несколько *инугамимоти* (владельцев богов-собак). Их сторонятся соседи. Сваха прежде всего спрашивается, нет ли в семье таковых».

Мурасэ Котэй¹⁸⁹ пишет следующее: «Я неоднократно слышал, как люди во всех провинциях в Нанкайдо¹⁹⁰ говорили о боге-собаке. По их словам, если некто злой усердно поклоняется таковому божеству, то навлекает на ненавидимых им проклятье еще более тяжкое, чем это могут сделать лисы и барсуки. Иногда, когда такие почитатели видят, что

¹⁸⁶ Опубликовано в 1686 г., цит. у Иноуэ, т. IV, с. 233.

¹⁸⁷ Aston, *Shinto*, p. 332.

¹⁸⁸ Ср. с: *Катэй ни окэру киккё хякудан*, 1908, с. 202.

¹⁸⁹ В своей *Гэйэн ниссё*, написанной в 1807 г.; гл. XII, с. 36 б.

¹⁹⁰ Сикоку, Кии и Авадзи.

кто-то обладает деньгами, одеждой, или прочими вещами, они заставляют божество овладевать такими людьми и навлекают на них проклятье. Божество переходит от отца к сыну и внуку, и даже если кому-то это не понравится, он не сможет от него избавиться. Поэтому никто из деревенских жителей не заключает браков с членами таких семей. К настоящему времени они почти вымерли, однако никто не осмеливается сломать старые дома, в которых они жили, так что они стоят повсюду. По-моему, это разновидность собачьего колдовства ку».

Хосокава Дзюндзиро¹⁹¹ пишет: «Люди с Сикоку часто страдают от разновидности сумасшествия, которую называют *ину-но татари*, «собачье проклятье». Где бы я ни наблюдал это, одержимой была либо женщина, либо лицо низкого положения. Так было и в старину. В китайской книге *Фун су тун* и¹⁹² говорится следующее: 'В целом, все странности случаются с женщинами, или с низкими людьми. Причина в том, что последние глупы и робки, склонны верить таким рассказам и многократно их увеличивают. Если ученые люди не размышляют над подобным, оно пугает и их, так что злые духи овладевают их пустыми душами и вскоре доставляют им много неприятностей'. Это верно».

Иноуэ Энрё¹⁹³ приводит некоторые подробности относительно богов-собак, о которых узнал от жителей провинций Ава и Ямагути. Помимо того, что мы уже читали в вышеприведенных отрывках, мы узнаем от жителя Ава, что все женщины в семье, где из поколения в поколение передается бог-собака, назывались людьми той провинции *инугами*, и никто не хотел общаться с ними. Эти *инугами* часто страдали от сумасшествия, однако мужчин болезнь посещала весьма редко. Все семьи *инугами* были бедными; причина нелюбви к ним заключалась прежде всего в еде, которую, как считалось, они получали от людей при помощи своих богов-собак. В последнее время они исчезли, однако до Реставрации большое количество одержимых богами-собаками, или лисами ходили в буддийский храм Дзидзодзи в деревне Таэхиз, чтобы молиться Дзидзо, знаменитому своими чудесными излечениями. Если монахи читали ради них сутры, то *инугами* принимались безостановочно танцевать, или говорить всякую чепуху, или прыгать приплясывая с веранды и падать на землю, после чего временно излечивались. Однако, вскоре после этого они снова принимались вести себя, как сумасшедшие, и было невозможно выгнать из них бога-

¹⁹¹ В своей работе *Гоэн дзуйхицу*, написанной в 1886 г., гл. II, с. 41.

¹⁹² Написал Ин Шао во второй половине второго века.

¹⁹³ *Ёкайгаку коги*, «Лекции по фольклору», т. IV, сс. 237 seqq.

кто-то обладает деньгами, одеждой, или прочими вещами, они заставляют божество овладевать такими людьми и навлекают на них проклятье. Божество переходит от отца к сыну и внуку, и даже если кому-то это не понравится, он не сможет от него избавиться. Поэтому никто из деревенских жителей не заключает браков с членами таких семей. К настоящему времени они почти вымерли, однако никто не осмеливается сломать старые дома, в которых они жили, так что они стоят повсюду. По-моему, это разновидность собачьего колдовства ку».

Хосокава Дзюндзиро¹⁹¹ пишет: «Люди с Сикоку часто страдают от разновидности сумасшествия, которую называют *ину-но татари*, «собачье проклятье». Где бы я ни наблюдал это, одержимой была либо женщина, либо лицо низкого положения. Так было и в старину. В китайской книге *Фун су тун* и¹⁹² говорится следующее: 'В целом, все странности случаются с женщинами, или с низкими людьми. Причина в том, что последние слупы и робки, склонны верить таким рассказам и многократно их увеличивают. Если ученые люди не размышляют над подобным, оно пугает и их, так что злые духи овладевают их пустыми душами и вскоре доставляют им много неприятностей'. Это верно».

Иноуэ Энрё¹⁹³ приводит некоторые подробности относительно богов-собак, о которых узнал от жителей провинций Ава и Ямагути. Помимо того, что мы уже читали в вышеприведенных отрывках, мы узнаем от жителя Ава, что все женщины в семье, где из поколения в поколение передается бог-собака, назывались людьми той провинции *инугами*, и никто не хотел общаться с ними. Эти *инугами* часто страдали от сумасшествия, однако мужчин болезнь посещала весьма редко. Все семьи *инугами* были бедными; причина нелюбви к ним заключалась прежде всего в еде, которую, как считалось, они получали от людей при помощи своих богов-собак. В последнее время они исчезли, однако до Реставрации большое количество одержимых богами-собаками, или лисами ходили в буддийский храм Дзидзодзи в деревне Таэхиз, чтобы молиться Дзидзо, знаменитому своими чудесными излечениями. Если монахи читали ради них сутры, то *инугами* принимались безостановочно танцевать, или говорить всякую чепуху, или прыгать приплясывая с веранды и падать на землю, после чего временно излечивались. Однако, вскоре после этого они снова принимались вести себя, как сумасшедшие, и было невозможно выгнать из них бога-

¹⁹¹ В своей работе *Гоэн дзуйхицу*, написанной в 1886 г., гл. II, с. 41.

¹⁹² Написал Ин Шао во второй половине второго века.

¹⁹³ *Ёкайгаку коги*, «Лекции по фольклору», т. IV, сс. 237 seqq.

собаку. Прыгая с веранды высотой около 2 *кэн* (12 *сяку*, почти 12 футов), они не наносили себе ни малейшего вреда. Автор видел старую женщину, одержимую богом-собакой, громко причитавшую и плакавшую в присутствии главного настоятеля храма; когда тот ушел, она постепенно прекратила плакать и попросила соседей подтолкнуть ее сзади, после чего, издав в животе звук, похожий на барабанную дробь, пришла в чувства. Если бы служитель отсутствовал, она не пришла бы в подобное состояние.

Человек из префектуры Ямагути рассказывает нам о случае гипнотизма, при котором создалось впечатление, что загипнотизированный мужчина был одержим богом-собакой, использованной гипнотизером. Полицейский испугал подопытного, вытащив меч и крикнув на него, после чего загипнотизированный упал на землю и заснул. Через некоторое время он проснулся в обычном состоянии, но очень усталый. Одержимые богом-собакой весьма восприимчивы к так называемому *камиуцури*, или «божественному перемещению», т.е. они часто входят в экстатический транс во время храмовых фестивалей, начинают дико танцевать, бросаясь в толпе то туда, то сюда. Горе тому, кто попытается остановить их, так как они сшибают его на землю с несвойственной их обычному состоянию силой.

Д-р Иноуэ¹⁹⁴ также цитирует следующее сообщение из газеты «Йомиури»: «В деревне района Такада провинции Аки одна невеста была так богата и красива, что лишь по этой причине семья жениха стала подозревать, что она *инугами*. Когда слух об этом распространился, все соседи стали так бояться несчастной девушки, что некоторые даже переехали, чтобы не подпасть под ее влияние. Наконец, один из родственников жениха, поговоривший с ней весьма грубо, стал одержим богом-собакой; такими же одержимыми стали постепенно все, кто дурно о ней отзывался. Все они говорили, как лунатики». Сам Иноуэ заявляет¹⁹⁵, что и в настоящее время браков с членами семей *инугами* избегают, а боги-собаки захватывают собственность людей, которую хотят получить их хозяева. В провинции Тоса такая одержимость называется «укусом бога-собаки» (*инугами-ни куицукарэтари*). Пострадавшие рассказывают каждому встречному, что их укусил бог-собака оттуда-то, и люди им верят. Также говорят, что если кто-то из семейства *инугами* захочет получить определенную пищу, и ему будет отказано, то эта пища немедленно испортится.

Наконец, следует упомянуть *инугами-бито*, или «людей бога-соба-

¹⁹⁴ Т. IV, с. 241

¹⁹⁵ Т. IV, с. 242.

ки» в Киото. В *Кандэн кохицу*¹⁹⁶ мы читаем об этих людях следующее: «В Атагодэра, к востоку от Годзё в Киото живут люди, продающие тетику для луков, которых называют *цурумэсо*. Возможно, это название пошло от уличных выкриков. Их имя записывается иероглифами (*ину-гами-бито*). Поскольку я не понимаю этого, Морикава Коин сказал, что причина может состоять в том, что они напоминают божественных людей, не являясь при этом таковыми. С древности и до наших дней они имеют отношение к празднику Дзинуси Гонгэн в Киёмидзу (Киото); далее, они приглашаются для сопровождения *микоси* (священных паланкинов) на празднестве Гион. Шесть человек с головами, повязанными белой материей и с палками в руках, идут впереди, а за ними несколько других в шлемах и доспехах. Являя собой яростный облик, они напоминают божественных людей, хотя и не есть таковые. Несмотря на то, что о них можно подумать, как о божьих слугах, они появляются, одетые совершенно таким же образом, как и на празднике Гион, на похоронах главных настоятелей Хигаси и Ниси Хонгандзи, а также Буккодзи (трех знаменитых буддийских храмов в Киото) и принимают участие в их кремации. Поскольку они гордятся занимаемым положением и своей славой, то не сочетаются браком с простыми людьми (*тэймин*)». Те же детали мы находим и в *Ансай дзуйхицу*¹⁹⁷ Исэ Тэйдзё.

В другой работе, озаглавленной *Сиодзири*¹⁹⁸, предполагается, что *ину-гами-бито* сперва были слугами настоятеля храма Гион (синтоистское святилище в Киото), а также цитируется письмо 1240 года, в котором настоятель Хиэйдзан пишет верховному священнику: «В наши дни появилось большое количество людей, которые лишь возносят молитвы, (но не совершают ничего доброго). Этот способ молений совершенно противоположен буддизму. Как и ранее, вам следует приказать *инугами-бито* положить этому конец».

Рассмотрев эти отрывки, мы приходим к выводу, что *инугами-бито* носили такое имя не потому только, что являлись «божественными людьми по облику, а в действительности собаками», как думал Морикава Коин, но были названы так древними японцами по более существенной причине. Читая о том, как они ходили во главе важных религиозных процессий в храме Гион¹⁹⁹, а также в похоронных процессиях

¹⁹⁶ Написал в 1799 г. Кандэнро Кокэй (псевдоним Бан Сукэёси), *Хякка сэцури*, т. 21, с. 54.

¹⁹⁷ Гл. XVII, с. 50.

¹⁹⁸ Написана Аmano Нобукагэ, жившим 1660/1733; гл. III, с. 32.

¹⁹⁹ Как было указано выше, служители того же храма писали иероглиф «собака» на лбу младших. Вероятно, существовала некая связь между этим «тайным знаком» и *инугами-бито*.

верховных настоятелей, играя к тому же роль на праздниках в знаменитом буддийском храме Киёмидзудэра и устраняя вредные религиозные привычки у людей, мы не можем не совместить их название с вышеописанной магической силой, присущей собакам, позволяющей отгонять прочь все виды злого воздействия. Вполне возможно, что эти люди делали для служителей и храмов то же, что *хаябито* — для императора и двorca, а именно: охраняли их от злых духов.

ГЛАВА V. ВЫВОДЫ

Оглядываясь на всевозможные легенды и верования, превалировавшие в Китае и в Японии, и упоминавшиеся в настоящей работе, мы находим, что почти ничего в них не является исходно японскими предрассудками; почти все это — китайские образы в японской одежде. Однако, тот способ, которым этот богатый материал, импортированный в Японию из Китая, был отобран и трансформирован японцами, ясно демонстрирует их исходные идеи. Очевидно, собака была одним из их любимых животных, тогда как в Китае, напротив, вперед выходит не ее охранительная сила, но плохой, демонический характер. Очень мало японских легенд о злобных собаках-демонах и очень много о собаках, помогавших людям и защищавших их. Единственный случай, когда в японской литературе описывается злая собака-человек, история о разбойнике с большой дороги Аясино Омаро, который, по *Нихонги*, выпрыгнул из своего горящего дома в образе белой собаки и напал на своего врага, но был им убит и после смерти снова обрел свою человеческую форму. Также, белая собака жила в горах с молодой женщиной, украденной ею в Киото, чье проклятье вызвало смерть мужчины, пытавшегося спасти эту женщину. Белый цвет очень часто появляется и в китайских, и в японских легендах; белый и красный, очевидно, цвета сверхъестественных собак. Животное в упомянутой истории было горным божеством, а также белой собакой, которая вывела принца Яматоакэ из гор Синано. Здесь мы, вероятно, имеем дело с оригинальным японским предрассудком, а именно, верованием в гору, по форме напоминающей собаку. До сегодняшнего дня единственным животным, допускаемым на Коясан, священную гору школы Сингон в провинции Кии, где паломники посещают могилы Кобо Дайси, Энко Дайси и многих других знаменитостей, это собаки, поскольку, когда Кобо Дайси впервые взобрался на эту гору (в эру Конин, 810-823), то встретил Кариба Мёдзин («Божество Охотничьих Угодий»), горного бога, охотившегося там с двумя собаками. Безусловно, причина лежит глубже, и сам Кабира исходно являлся горным божеством в облике собаки; иначе монахи Сингон не сделали бы такой уступки Синто. Говорили, что этот бог пообещал охранять монастырь²⁰⁰, и это обычный способ, которым умные буддийские пропагандисты связывали Синто с собственными доктринами, дабы воспользоваться старыми верованиями для собственной пользы

²⁰⁰ Murray, *Handbook of travellers in Japan*, 7th ed. (1906), p. 381.

вместо того, чтобы бороться с ними. По другой, немного отличной версии этой легенды²⁰¹, черно-белая собака вела Кобо Дайси, а сам бог показывал ему путь. Построив монастырь, он поклонялся этому богу под именем Кариба Мёдзин, «Светлое Божество Охотничьих Угодий». По этой причине на картине с изображением бога нарисована чернобелая собака, лежащая у его ног. В другой легенде²⁰² объясняется имя Ину мидо, «Почтенный Храм Собак», небольшого святилища, принадлежащего Осу симпукудзи школы Сингон, таким образом: «Основатель монастыря Микан, монах школы Сингон, совершая паломничество по всем провинциям, прибыл в эру Дзюэй (1182–1183) на это место, но так устал, что умер бы, если бы перед ним не появились черная и белая собаки, принесшие в пастях влажные листья, с помощью которых он смог утолить жажду. Он немедленно пришел в себя и был убежден, что эти собаки были посланниками Коя Мёдзин, синтоистского божества с Коясан. После этого во сне Амида приказал ему выстроить на том месте небольшую часовню и, следуя божественному повелению, он поместил в ней изображения Амида с черной и белой собаками и назвал часовню Ину мидо. Как мы видели выше, в горах провинции Харима был буддийский храм, называвшийся Инудэра, или «Храм Собак» с синтоистским святилищем, посвященным двум синтоистским божествам-охранителям той местности в облике собак. Культ этих собак был, похоже, гораздо старше самого буддийского храма. Позднейшие легенды часто объясняли поклонение богам-собакам в горах замечательной преданностью этих собак своим хозяевам, чьи жизни они спасали, даже убиваемые ими. Существование *Инугами* Мёдзин, белого бога-собаки в Оми, Кэндзуно ся и Кэмбино ся (синтоистских святилищ собачьей головы и собачьего хвоста) в Микава и название буддийского монастыря Кэммэйдзан («Монастырь собачьего лая») в провинции Идзуми, все объяснялись таким же образом. Однако, боги всех этих мест исходно являлись, вероятно, горными божествами в собачьем обличье.

Белые собаки часто считались инкарнациями, или посланниками будд, или бодхисаттв, как было, например, с собакой, из носа которой вышла нитка драгоценного шелка, с той, что появилась у подушки Наричунэ и вылечила его, вероятно, сам Фугэн Босацу; с собакой Фудо Мёо, чья голова, отрубленная ее хозяином, взлетела вверх и убила змею на ветке, все ради спасения жизни хозяина. Дело в том, что, по буддийским объяснениям, это была собака Фудо Мёо, а не послан-

²⁰¹ *Сиодзири*, гл. VII, с. 6.

²⁰² *Саэдзуригуса*, гл. CXIII.

ник, или инкарнация горного божества. Белые и красные собаки считались обладателями сверхъестественного знания будущего и тайного колдовства, как мы видим из рассказа в *Сансю кидан*, где белая собака предсказала оползень, а также из легенды о красной собаке Фудзиварано Митинага, предупредившей его, чтобы он не проходил через опасный магический предмет, зарытый в земле.

В старых книгах, почти до XIV века, мы часто встречаем упоминания о собаках, как о злобных животных; в большинстве случаев в плохом ключе. Вой, драки, взбирание на башню дворца, загрязнение разных мест, появление во дворце с частями человеческих тел в пасти, все эти действия считались несущими в себе зло. Их рождение и смерть делали дворец нечистым, так что приходилось откладывать религиозные и другие церемонии; даже если собака кусала ребенка, следовало то же самое. Поэтому большинство прорицателей заявляло, что рождение щенков в дворцовых покоях было очень плохим знаком для императрицы, однако Оэно Масахира, великий знаток колдовства, не был столь суеверен и с помощью искусного владения китайскими иероглифами предсказал рождение наследного принца (1016). Если бы провидец жил позже, он добавил бы, что собака была известна легкими родами, почему это было дополнительным добрым предзнаменованием для императрицы.

Буддизм часто говорил о мужчинах и женщинах, переродившихся в облике собак, или о человеческих реинкарнациях собак. Посредством связи, существующей между различными перерождениями, преданный человек становился собакой, которая охраняла императора во дворце, тогда как щенок, услышавший часть священного текста, перерождался служителем, который без труда мог прочесть эту часть. Однако, иногда те люди, которые убивали и съедали собак, либо грубо обращались с буддийскими монахами, еще в течение своей жизни попадали на путь животных, начинали вести себя, как собаки и лаять по собачьи.

Как мы говорили выше, в японских предрассудках относительно собак превалировала хорошая сторона. Животные оказывали максимальные услуги людям, узнавая и убивая оборотней – лис, барсуков и кошек, прогоняя все разновидности злых духов и даруя женщинам легкие роды. Все это приписывалось собакам не только в древней Японии, но сохранялось и до наших дней. Из китайских книг нам становится ясно, что вышеуказанные верования были заимствованы из Китая, однако японцы значительно расширили их. В Китае считалось, что собачий лай отпугивает опасных птиц, угрожающих жизням младенцев; в Японии собака

из папье-маше (*инухарико*) является постоянным защитником маленьких детей и, повешенная над их головами, заставляет их перестать плакать, точно так же, как и красный мешочек с собачьей шерстью, привязывавшийся к их рукам в Китае. Считается, что даже слова *инуно ко*, *инуно ко* («щенок, щенок») успокаивает ребенка, когда тот плачет во сне, так как злой дух, раздражающий его, пугается и убегает от одного имени своего врага. Красные точки тушью, ставившиеся в Китае на лбу младенцев, чтобы отпугнуть демонов болезни, были усовершенствованы японцами, которые заменили их на иероглиф «собака»; собачий же лай, практиковавшийся в Китае для отпугивания злых птиц, приносящих несчастье, в японском дворце практиковался *хаябито*, отрядом стражников, специально назначенных для этой цели, которые своим лаем защищали его величество. Иногда эти *хаябито* охраняли своего хозяина-императора даже после его смерти, так как их изображения в облике людей с собачьими головами, помещались у его гробницы. Помимо этого, император и его наложница охранялись «корейскими собаками», *сиси-комаину*, одна из которых была львом, а другая – единорогом. Эти изображения пришли из Китая через Корею и вскоре проделали путь от дворца до синтоистских храмов, которые охраняют и по сей день. Так называемые *инугами-бито*, или «люди собаки-боги» в Киото, следовавшие во главе религиозной процессии в храме Гион и в погребальных процессиях верховных настоятелей, были, вероятно, представителями магических собак, отгонявших прочь всех злых духов, как это делали *хаябито* во дворце и в тех местах, где император останавливался во время своих путешествий. Существует лишь одна вещь, которой мы не находим в китайских книгах, а именно: верование в собаку, как существо, приносящее легкие роды. Возможно, это оригинальная японская идея, так как в Китае мы не находим ни собачьих коробочек, используемых для детской одежды, ни особой важности, придававшейся беременными женщинами, или теми, кто только собирался стать матерью, дням собаки.

Наконец, в семнадцатом веке мы впервые обнаруживаем собачье колдовство, опятьтаки китайскую идею, с помощью которого душа собаки, обезглавленной, когда она почти уже умирала от голода, использовалась определенными людьми, чтобы завладеть пищей, или иными вещами тех, в кого вселялась эта душа, и кого она могла свести с ума и даже убить. Неудивительно, что на Сикоку, где этот предрассудок был особо распространен, сторонились и чурались семей, в которых, как считалось, занимались культивированием таких богов-собак. Хотя в Китае

мы не находим точно такой же магии, мы, однако, можем прочесть о колдовстве ку; китайское же кошачье колдовство ясно показывает, что здесь мы не имеем дела с чисто японским изобретением, поскольку демонстрирует, что использование духа животного для того, чтобы тот вселился в человека, представляет полностью китайскую идею. Единственный отрывок, где помимо этого бога-собаки мы находим злобного демона-пса, помещен в *Сансю кидан*, однако то явно был крот, а не настоящая собака. Что касается грабителя из *Нихонги*, выпрыгнувшего из горящего дома в облике собаки, то его, очевидно, не считали демоном-псом, так как убитый он вновь принял свою человеческую форму.

Относительно времени, в которое превалировали эти различные верования, мы можем наблюдать, что о собаке, как о предзнаменовании, говорится в самых старых книгах: с VIII по XIV век. *Хаябито* в основном начинают упоминаться в книгах, датируемых промежутком между VIII и XI веками; в трех последующих веках написание иероглифа «собака» на лбу младенцев практиковалось при дворе. *Сиси-комаину* использовались там со времени до 1000 года, и *Гэмпэй сэйсуйки* (написана в 1250) впервые упоминает их, помещенных в синтоистском святилище. Белые собаки, как горные демоны, обнаруживаются также в книгах VIII-го и XI-го веков, а также в написанных в восемнадцатом, если верно мое соображение относительно храмов собак в позднейшее время. В буддизме собака считалась реинкарнацией людей и манифестацией будд, или бодхисаттв с одиннадцатого века и далее, однако люди, ведшие себя по собачьи и лаявшие, как собаки в результате допущенных ими дурных поступков, не упоминаются до 1700 года (*Синтёмонсю*). Наконец, колдовство с помощью *инугами* и магия с помощью *инухарико* относятся к трем последним столетиям.

Но достаточно о собаках; подведем теперь итог тому, что мы узнали из вышеприведенных отрывков о кошках.

С кошками, привезенными из Китая в конце 10-го века, сперва обращались, как с драгоценными существами; о котятках заботились, как о человеческих младенцах, а одна из кошек получила от императора ранг фрейлины. Однако, постепенно она превратилась в обычное домашнее животное, и к XIII-му веку ее слава померкла, а репутация изменилась настолько, что она стала представляться опасным демоном, преследующим людей. Дожив до десяти лет, она иногда становилась способной излучать по ночам таинственный свет, или убегать прочь с ценными вещами. С XIV-го века и до наших дней старая *нэкомата* с раздвоенным хвостом считается ужасным

сверхъестественным существом, а в 17-м веке о ней говорили, как о животном тьмы, домашнем тигре (*тэгай-но тора*), как это было и в Китае, где очень боялись, что кошка может заставить труп ожить и превратиться в ужасного демона. Японцы, в которых жил подобный же страх, клали на мертвое тело заостренные предметы, либо рядом с ним меч, чтобы кошка не могла через него перейти²⁰³. В XVII-м, XVIII-м и XIX-м веках в ходу было большое количество рассказов о старых кошках-оборотнях, возникших из смеси китайских и японских предрассудков. Китайская часть — не только идея, что они обретают сверхъестественные силы с достижением преклонного возраста, но также сидение, хождение и танцы на задних лапах и с полотенцем на голове, что в китайских легендах делает собака, и их связь со старухами, хотя и в другом смысле, чем в Китае. В этой стране кошка представляет собой магический инструмент старых женщин, а в Японии она пожирает старух и обретает их облик. В этом случае обитатели дома с удивлением наблюдают, как старая мать внезапно превращается в невыносимое существо, сторонящееся людей, живущее в темных комнатах и потребляющее неимоверное количество вина.

Когда кошку убивают, ее проклятье падает не только на убийцу, но и на всех его потомков до седьмого колена. Иногда она убивает преступника; иногда ее дух овладевает женщиной в его доме и говорит ее устами, пока не покинет ее тела в виде светящегося шара. Чтобы успокоить этого разгневанного призрака читаются буддийские молитвы, либо выстраивается храм; отдавался также строжайший приказ более не убивать кошек в доме. Дожив до десяти лет, кошка становилась способной говорить, а помесь кошки и лисы могла говорить и до этого возраста.

Также нам следует упомянуть легенды девятнадцатого века, в которых кошка играет роль доброго существа, а не злого демона. В этих историях она жертвует своей жизнью ради хозяина, или того, кто был к ней добр, а в награду ее хоронили на буддийском кладбище, ставя над могилой камень и читая поминальные молитвы. И еще в одном отношении кошки считаются очень полезными животными. У японских моряков существует давнее предание, согласно которому трехцветная кошка (бело-черно-коричневая) является прекрасным средством от злых духов. Такое животное знает заранее, когда приближается шторм, и взбирается на мачту, откуда отпугивает демонов. Поэтому на борту необходимо иметь такую кошку, сколь бы редкой и дорогой она ни была²⁰⁴. Говорили, что Энсин.

²⁰³ *Киккё хякудан*, написано в 1908 г. Окумура Сигэзиро, с. 194.

²⁰⁴ *Киккё хякудан*, с. 196.

монах школы Тэндай, принес с собой кошку золотого цвета на борт корабля, которым возвращался из Китая с ценной коллекцией священных буддийских текстов. Он так боялся, что крысы могут повредить книги, что использовал эту магическую кошку против врагов. Годы спустя эта кошка была вырыта из земли человеком, чья семья по этой причине получила прозвище Нэкома²⁰⁵. Такая же магическая сила приписывается так называемой *нитта-но нэко*, т.е. картине с изображением кошки, написанной Нитта. Там, где вешают эту картину, не появляются крысы, поэтому ее весьма ценят выращивающие червей шелкопряда²⁰⁶. Итак, мы видим, что и у столь злобного демона, как кошка, есть свои положительные черты, и даже ее изображение востребовано в Японии, известной своими предрассудками.

²⁰⁵ *Сэдзуригуса*, написал в 1839 г. Като Дзякуан, гл. XX.

²⁰⁶ *Киккё хякудан*, с. 198. Таким же образом считается, что кошки, изготовленные знаменитым скульптором Хидари Дзингоро, жившим 1594–1634, отпугивают крыс.

ЛИСА И БАРСУК В ЯПОНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

1909

С древних времен и до сегодняшнего дня лиса играет одну из важнейших ролей в системе отношений японцев с животными. Это хитрое животное считается самым умным из зверей, способных принимать человеческий облик, мешать людям и очаровывать их. Более того, лиса – посланница Инари, Рисовой богини, которая, как мы увидим ниже, есть лишь позднейшее воплощение того воззрения, что Инари, Дух Риса, проявляется в лисьем облике. Очевидно, что это верование придавало лисице двойной характер в глазах японцев: с одной стороны – благодетельного божества, представляющего Рис, и, с другой, – хитрого демона, преследующего и очаровывающего людей.

Барсук не столь важен и сложен; из трех его разновидностей – *тануки* 狸, *мудзина* 貉 и *мами* 獺 – основным в фольклоре является первый, часто комбинируемый с лисицей в термине *кори* 狐狸, или «лисы и барсуки»¹.

Тануки, как и *мудзина*, способны превращаться в людей, преследовать и очаровать человека, но они не такие умелые и опасные, поскольку в них отсутствует божественность, придающая животному специфические черты в мире предрассудков.

Существует весьма логичная причина двойственного и противоречивого характера лисицы в Японии. Как указывалось в начале моей работы о Тэнгу, влияние Китая на японский фольклор колоссально. Мы вскоре увидим, что китайские представления о лисе были восприняты этими сообразительными людьми и сможем провести четкую грань между оригиналом и заимствованиями. Оригинал – божественный дух риса и, возможно, лисье колдовство; заимствованное – все остальное.

¹ В китайском языке два иероглифа часто совмещались, обретая значение только «лисы». Так мы находим в *Шэ шэнь цзи* 搜神記 Юй Бао 于寶, работе четвертого века, упоминаемой профессором де Гроотом (*Religious System of China*, Vol. IV, p. 191), комбинированный термин 狐狸 и даже единственный иероглиф, используемый в значении просто «лисы». Это объясняет то, отчего по Бакину (*Энсэки дзасси*, гл. 5, № 2, с. 11), та же легенда рассказывает о *тануки*, вместо лисы в китайской работе *Тай пин гуан цзи* 太平廣記, написанной в десятом веке. Примечательно, что Иноуэ Энрё, цитирующий рассказ Юй Бао (*Ёкайгаку* 妖怪, 4, с. 183 и далее) приводит совершенно иной текст, хотя история остается прежней. По его отрывку, это была единственная отмеченная лисица, превратившаяся в студента, и иероглиф не встречается в тексте. Зоологическое название *тануки* – *canis procynoides*, «енотовидная собака», но, поскольку он широко известен под названием «барсук», мы пользуемся этим термином как для *тануки*, так и для *мудзина*.

ГЛАВА I

ЛИСА В КИТАЕ

И вновь обширную информацию по этому вопросу мы находим у профессора де Гроота в его Религиозной системе Китая. Там² мы читаем: «Го Хун пишет в Бао Поцзы³: 'Лисы и волки все могут доживать до восьмисот лет; перевалив за пятьсот, они способны превращаться в существа, выглядящие, как люди'».

В главе, озаглавленной «Лисы—оборотни»⁴, де Гроот приводит четыре рассказа из *Шэ шэнь цзи* Юй Бао, работы, написанной в первые десятилетия четвертого века. В первой истории рассказывается об убежавшем человеке, которого нашли в пустой могиле. Цитирую далее по переводу де Гроота: «Его облик — почти совершенно лисий и ни в чем не напоминает человеческие формы; он не издает никаких звуков, кроме О—цзы (阿紫, красный), что является наименованием лисиц. Где-то через десять дней он понемногу пришел в сознание и рассказал следующее: 'Когда лиса пришла ко мне в первый раз, она приняла облик прекрасной женщины из птичника, стоявшего в дальнем углу моего жилища. Она сказала, что ее зовут О—цзы и позвала меня; спустя некоторое время я последовал за ней, и она стала моей женой. Ночью я часто сопровождал ее к ней домой, и ни одна встреченная собака не преследовала нас; удовольствие, которое я получал вместе с ней, было ни с чем не сравнимым'. Даосский доктор объявил, что эта самка лисицы — горный демон. В Описании Знаменитых Гор 名山記 сказано, что лисица — это похотливая жена, жившая в древности под именем О—цзы; она приняла лисий облик, и после этого духи часто называли себя О—цзы».

Вторая история, также цитированная Иноуэ⁵, но в отличной форме, рассказывает о двух лисах, которым было более тысячи лет и которые жили в гробнице царя. Они обратились молодыми студентами, миловидными и с необычайно высокими способностями, которые, сев на лошадь, поехали на диспут к известному своими талантами министру, презрев предостережения духа дерева прославления, которое росло возле гробницы. Когда за три дня дискуссии министр так и не смог победить их, в его сердце закрались подозрения, и он натравил на них собак, но они не выказали ни

2 *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 182.

3 抱朴子, труд четвертого века, гл. 1, разд. 3. Здесь мы вновь обнаруживаем комбинацию 狐狸.

4 *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 188–196

5 *Ёкайгаку коги*, 妖怪學講義. Т. 4. С. 183.

малейшего страха. «Несомненно, – воскликнул он, – это настоящие духи. Было бы им сто лет – они изменили бы облик перед волкодавами, а в тысячу лет они преобразятся, когда на них падет отблеск огня от одушевленного дерева такого же возраста». И вот, он послал нескольких слуг к гробнице срубить дерево прославления. Те встретили дух дерева – молодого мальчика в голубых одеждах – сидящего в дупле дерева, и, когда он узнал о цели их прихода, то заплакал, горюя о невежестве старых лисиц и о своей доле, после чего исчез. Затем, когда слуги срубили дерево, из него полилась кровь. Они принесли дерево домой и подожгли его, от чего лисы приняли свой исходный облик. Тогда министр поймал их и зажарил.

В третьей истории говорится следующее. Благочестивый монах, проводивший ночь в кладбищенской рощице, при лунном свете увидел, как дикая лисица кладет себе на голову истлевшие кости и череп; когда после некоторого времени ей удалось двигать головой, не роняя костей, она покрыла свое тело травой и листьями и превратилась в прекрасную женщину. Стоя у обочины, она плачем и грустной историей смутила проезжего всадника, который уже готов был взять ее с собой, когда монах вышел из рощицы и предупредил его, что это – лиса. Монах, составив магический знак (мудра) из пальцев, произнеся сокровенную формулу (*дхарани*) и взмахнув посохом принудил женщину пасть на землю, после чего она превратилась обратно в лисицу и исчезла. От нее не осталось ничего, кроме высохших костей и черепа, травы и листьев.

В четвертой легенде седовласый ученый по имени Ху⁶, который однажды вдруг исчез, был обнаружен учениками в облике старой лисы, объяснявшей какую-то книгу стае лис, рассеявшихся перед ним рядами на пустой могиле.

В т. 4 на стр. 194 де Гроот ссылается на *Инь-ян цза-цзу*⁷, где мы читаем: «По старой поговорке, дикий лис именуется Цзы, красный (紫). Ночью он высекает огонь из хвоста. Когда он хочет явиться в виде духа, то кладет на голову череп и поклоняется созвездию Большой Медведицы, после чего может превращаться, как только череп перестанет спадать».

На той же странице мы находим историю из *И юань*⁸ о человеке, распространявшем вокруг себя отвратительный запах и до самой смерти сильно боявшемся собак. Его тело исчезло из гроба, поэтому все говорили, что он был лисицей.

⁶胡, произносится так же, как 狐, лисица.

⁷酉陽雜俎, книга восьмого века, гл. 15.

⁸異苑, работа пятого века, написанная Лю Цзиншю, 劉敬叔.

В т. 4 на стр. 202 мы читаем: «Подобно лисе и оленю, обезьяна известна в китайской мифологии, как существо, которое иногда, приняв человеческий облик, ведет религиозную жизнь буддиста с аскетическими ограничениями».

В главе о демонологии в т. 5 той же работы де Гроот посвящает много страниц демонам-лисам. «Уже в древнем Китае, — пишет он, — лиса имела плохую репутацию существа, предвещавшего, или причинявшего зло, так как мы читаем в *Ши-цзин*⁹: ‘Здесь нет ничего красного, кроме злых лис, ничего черного, кроме злых ворон’. Чжу Си комментирует эти стихи следующими словами: ‘Лисица — жестокое животное, которое люди не любят видеть. Тот факт, что не было ничего, кроме животных, доказывал, что царство доживало последние дни и вот-вот должно было ввергнуться в хаос’. В третьем веке до нашей эры Чжуан-цзы дал свидетельство превалирования верований в жестоких лис. ‘В холмике размерами не более бу, или жэнь, — пишет он, — не прячутся крупные животные; там злые лисы творят свое колдовство’».

«Стандартные Истории третьего и четвертого веков нашей эры часто упоминают лис в качестве причин безумия, болезней и даже смерти». Они входят в людей, чтобы превратить их в яростных лунатиков, являясь в целом предвестниками беспорядков. Лисий вой предрекал что-то злое, например — падение дома, а сон о лисе, забравшейся под кровать и ставшей невидимой, когда ее схватили, заставил правителя шестого века построить семиэтажную пагоду, чтобы отвратить зло, однако, когда строительство закончилось, она внезапно сгорела с такой скоростью, что в пламени погибло много людей.

«Легенды о лисах-демонах показывают, что во все времена опасность этих существ заключалась прежде всего в том, что, среди всех прочих тварей именно они возбуждали болезни и сумасшествие, иногда действуя в виде духов мщения, и всего лишь из ничем не спровоцированной вредности».

Как в рассказах Юй Бао, так и во всех веках, вплоть до сегодняшнего дня, лисы считались чрезвычайно способными в превращениях в очаровательных девушек, имея целью искушать мужчин для интимных связей. В особенности во времена Танской династии укрепилось верование в колдовские чары лисиц-оборотней¹⁰.

9 詩經 «Канон Од», раздел 邶風, ода 16.

10 Ху-мэй, 狐媚. Т. 5. С. 587.

Далее, де Гроот цитирует *Хуань чжун цзи*¹¹, где говорится следующее: «Когда лисице исполняется пятьдесят лет, она способна обращаться женщиной; в сто лет – становиться прекрасной девушкой, или у, одержимой духом¹², или взрослым мужчиной, имеющим интимную связь с женщиной. Такие существа способны знать происходящее на расстоянии тысячи миль; они могут отравлять людей колдовством, либо околдовывать и сбивать их с пути, так что те теряют память и забывают все, что знали. Когда же лиса проживет тысячу лет, она возносится на небо и становится небесной лисицей (天狐)».

На стр. 590 и далее мы читаем о лисах, принимавших облик будд, или бодхисаттв, – точно так же, как поступали Тэнгу в древней Японии; на стр. 593 и далее упоминается таинственная жемчужина, которой, как считается, обладают лисы-оборотни, и которая, вероятно, представляла собой их душу. Они держат эту жемчужину во рту, и любой человек, который ею завладеет, становится исключительно удачливым в жизни.

Помимо обращения людьми, лисы поджигают жилища, разнося огонь своими лапами и лишают мужчин шевелюры. Что касается способов различения лис-оборотней, то это возможно, ранив, или убив их, либо – натравив на них собак, в случае чего они вынуждены принять свой истинный облик. Возглашения, диспутирование в случае, если они появляются в виде ученых, или святых, отравленная пища, написанные заговоры и обрезание хвоста, или того, что напоминает хвостовой отросток, что иногда выдает их происхождение, все это – средства заставить их вернуться к своему исходному облику.

Лисы превращаются в людей не только при помощи костей и черепов, но также проглатывая записанные заговоры, или произнося заклинания. Из-за из опасности они всегда активно преследовались в Китае, в особенности в связи с пожарами, поэтому в своде законов династий Мин и Цин запрещается нарушать могилы, выкуривая оттуда лис¹³.

Японские авторы ссылаются также на другие китайские книги, среди которых следующие предоставляют интересные сведения. *Шань хай цзин*¹⁴, цитируемая Бакином¹⁵, говорит: «В горах Цин цю (青丘) водятся девятихвостые лисы, которым нравится смущать людей. Те, кто ест этих лис,

11. 玄中記, работа, существовавшая до шестого века, цитируемая Иноуэ, 1.1., 4. С. 183.

12. Шэнь, 神巫; у – колдунья, спиритуальный медиум.

13. Подобное же запрещение мы находим в японском законе от 702 года, как будет показано ниже.

14. 山海經, очень старое классическое произведение.

15. Энсэки дзасси, 燕石雜誌, (1810), гл. 1. С. 26.

освобождаются от опасности преследования ими». А в другом отрывке из того же труда мы читаем: «В земле Цин цю живут девятихвостые лисы. Если император добродетелен, они немедленно появляются». Интересна китайская легенда о девятихвостой лисице, обратившейся женщиной по имени Да Фэй (妲己) и побуждавшей царя Чжоу (紂王) совершать преступления, что привело к краху династии Шань в 1122 г. до н.э. Она напоминает нам о похожей китайской легенде, по которой династия Западная Чжоу была уничтожена в 781 г. до н.э. лисой-оборотнем Бао Сы (褒姒), любимой наложницей царя Ю (幽王), что позже трансформировалось в известную японскую историю о Тамамо-но маэ¹⁶, наложнице императора Коноэ, или Тоба в двенадцатом веке нашей эры.

Чтобы доказать, что появление девятихвостой лисицы считалось китайцами добрым предзнаменованием, Бакин цитирует работу Люй ши чунь цю¹⁷. Там мы читаем следующее: Император Юй¹⁸ в тридцать лет еще не был женат. Однажды он пошел на Ту-шань (塗山); жители тех мест выразили опасение, что, не будучи женатым в такие годы, он может лишиться наследников. Однако Юй сказал: «Когда мне придет время жениться, обязательно будет соответствующее предзнаменование». И вдруг к нему приблизилась белая девятихвостая лиса, и император сказал: «Белый – мой цвет, а девять хвостов – признак многочисленных отпрысков». После этого человек с Ту-шань сложил такой стих: «Девятихвостая лиса – знак доброй жены и большого преуспевания в моей стране». В результате император взял себе жену из тех мест.

В *Цянь цзю-цзюй лэй шу*¹⁹ мы читаем похвалу Гуо По (郭璞) девятихвостым лисам, в которой говорится: «В Цин-цзю (青丘) живет странное животное, это – лисица с девятью хвостами. Если правительство хорошее, она появляется с книгой во рту. Во времена царя Вэнь (文王) династии Чжоу (1122–249 до н.э.) такая лисица с книгой появилась, как доброе предзнаменование». А Ван Бао говорит²⁰: «Во времена царя Вэнь появилась девятихвостая лиса; все восточные варвары подчинились».

В *Сёкан дзакки*²¹ цитируется отрывок из китайской работы Бао Поцзы, которую упоминает де Гроот в т. 4 на стр. 182. Там сказано: «Лиса живет

16 玉藻前. См. ниже Казакусю, 下學集, (1444), Никкэнроку, 日件録, (1453), и т.д.

17 呂氏春秋, написана 呂不韋食客, «Гостями Люй Бувэя» при династии Цинь, 249–206 до н.э. Wylie, *Notes on Chinese literature* и de Groot, 1.1.. Т. 2. Т. 685.

18 禹, основатель династии Ся (2205–1766 до н.э.).

19 潛確居類書, написана Чэнь Жэньши, 陳仁錫, получившим официальный ранг в 1921 г.

20 王褒, в *Сы цзы цян дэ лунь*, 四子講德論, части *Вэнь сюань*, 文選.

21 消閑雜記, написано в 1824 г. Оканиси Итё, 岡西惟中, *Хякка сэцурин*. Т. 2. С. 1046.

800 лет. Достигнув 300 лет, она принимает человеческий облик. Ночью она высекает огонь из хвоста, положив на голову череп кланяется Большой Медведице; если череп не падает, лиса обращается человеком».

Мы находим лису, играющую роль защитника, в *Шоу шэнь хоу цзи*²². Ей тысяча лет, ее спас управляющий, которого она намеревалась убить. После лиса предупредила управляющего, когда вот-вот должно было случиться вторжение грабителей и спасла ему жизнь, когда слуги намеревались с ним расправиться. Наконец она стала небесной лисой, поднялась на небо и уже никогда не возвращалась.

Сюй Шэнь²³ пишет: «Лисы – животные–духи, на которых ездят демоны. У них есть три хороших свойства [их мясо лечит язву; их печень возрождает внезапно умерших; их кровь освежает пьяных]»²⁴.

Се Чжаочжи²⁵ дает в *У цза цзы* (五雜俎) следующее объяснение: «Когда лисе исполняется тысяча лет, она впервые восходит на небо и больше не вредит людям. Цель преследования лисами людей – отобрать у них жизненный дух (精氣) и перевести его в свое тело. Но отчего они не преследуют женщин? Оттого, что лиса – животное Тьмы (陰類, принадлежащее элементу Инь), и тот, кто носит в себе Свет (陽, элемент Ян), подвержен ее нападкам. Даже лисы–самцы всегда принимают женский облик, чтобы соблазнять мужчин; однако прочего вреда они им не причиняют».

Цукада Ко 冢田虎, цитирующий этот отрывок в своей *Дзуй-и року*²⁶, замечает: «Это неверно. Японские лисицы часто принимают облик мужчины, чтобы дурачить людей; женщины также часто обманываемы ими. Однако они могут сделать это лишь с низшими, глуповатыми лицами и никогда – с мудрыми, или высокопоставленными».

В китайской энциклопедии *Сань цай ту хуэй*²⁷ сказано: «В Северных Горах водятся черные лисы; это – божественные животные. Когда император хорошо поддерживает мир, эти лисы появляются. Впервые их видели во времена правления императора Чин Вана династии Чжоу (1122–249 до н.э.), когда варвары, придя со всех сторон, принесли дань».

²² 搜神後記, работа династии Цзинь (265–420), также упоминаемая де Гроотом.

²³ 許慎, автор династии Хань.

²⁴ Ср. энциклопедию *Вакан сансай дзуэ*, 和漢三歳図会, гл. 38. С. 590.

²⁵ 謝肇湖, автор династии Мин, живший около 1592 г.

²⁶ 隨意錄, написана в 1811 г.

²⁷ 三歳図会, написал Ван Ци, 王圻, во времена династии Мин; цитируется в Рэйдзо 靈獸雜記, гл. 2, с. 9–b, так же, как и в *Вакан сансай дзуэ*, гл. 38. С. 591. Ср. Wylie, *Notes on Chinese Literature*, p. 187.

По Бакину²⁸, в *Тай пин гуан цзи*²⁹ есть легенда, рассказывающая о тысячелетнем барсуке (*тануки*), который принял облик студента и попытался заморочить голову человеку по имени Дун Чжуншу. Бакин считает, что это не что иное, как старая история про лису из *Шоу шэнь цзи*, переиначенная не новым лад. В других китайских рассказах иероглиф 狸 употребляется вперемешку с 狐 (лиса).

Тануки (狸) описан в китайской книге *Гуан я*³⁰, как «особый вид барсука с белой мордой и коровьим хвостом. Поэтому его называют 'жемчужное лицо' и 'коровий хвост'. Если люди ловят его и держат у себя, крысы пугаются и не показываются из своих нор».

Пока мы говорили о Китае; давайте посмотрим, что может нам рассказать Япония по этому занимательному поводу.

28 Энэки Дзасси, гл. 5, № 2. С. 11.

29 太平廣記, написана Ли Фаном (李昉) и многими другими учеными эры Тай пин (976–983).

30 廣雅, написана Чжан И, 張揖, во времена династии Вэй (386–557).

ГЛАВА II

ЛИСА И БАРСУК В ЯПОНСКИХ ЗАКОНАХ, ЗАКЛИНАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ

§ 1. Законы

В *Дзокуто рицу*³¹ содержится следующий закон относительно лис и *мудзина*.

«Все те, кто копает землю и вырывает тела людей, но не закапывает их вновь, и кто выкуривает лис, или *мудзина* (貉) из могил, или сжигает гробы (будет наказан) сотней ударов палкой. Сжигающие трупы – годичной ссылкой; однако, если они принадлежат к пятому рангу, или выше, то наказание для них определяется в два раза тяжелее, а если это люди из низкого сословия, или дети, то в два раза легче. Если молодые люди, или дети выкуривают лис, или *мудзина* из могил своих дедов, отцов, или матерей, если проживающие в доме делают то же с могилой хозяина дома, (то их наказанием будет) ссылка на год; если сжигают гроб – на два года; если сжигают труп – на три года».

Этот закон, несомненно заимствованный из Китайского свода, напоминает нам упоминавшееся выше описание де Гроота Законов династий Мин и Цин, запрещающих выкуривание лис из могил, и доказывает, что подобные законы существовали в Китае до восьмого века.

§ 2. Гадания

В *Нихонги* лисицы упоминаются всего дважды и оба раза – как предзнаменование. В 657 году³² так называемая *бякко*, или «белая лисица» (白狐), появилась в провинции Ивами, а в 659 году «Лисица откусила конец *лианы* у человека, находящегося на трудовой повинности в уезде Оу, и скрылась. Кроме того, собака принесла в пасти к храму родных божеств 31 賊盜律, «Законы касаемые грабителей», раздел 7, написанный в 702 г. Фудзивара-но Фухито во времена императора Момму (697–707) и пересмотренный в эру Ёро (717–723). *Гунсё руйдзю*, 群書類従, № 75. Т. 4. С. 785.

32 Гл. 25, К.Т.К. (*Кокуси тайкэй*, 国史大系). Т. 1. С. 459.

Ипуя руку мертвеца и оставила ее там». В примечании сказано: «Это было предзнаменование смерти государыни»³³ (Саймэй, усопшей в 661 году).

Когда мы сравниваем первый из этих отрывков со списком счастливых предзнаменований, приведенном в *Энгисики*, то приходим к выводу, что появление белой лисицы в Ивами было добрым предзнаменованием. Поскольку белый – счастливый цвет, это вполне логично. Вторая лисица, напротив, была дурным предзнаменованием, поскольку упоминается вместе с другой, приносившей чрезвычайно дурные вести, за чем последовала, хотя и не сразу, смерть императрицы.

Для вящей точности я приведу здесь три важных отрывка о лисицах и *тануки*, где они выступают, как предвестники, несмотря на то, что время написания книг, откуда они взяты, более позднее, чем у *Нихонги*. Их источники несомненно находились в Китае, где, как мы видели, лисица в особенности считалась предвестником зла, либо – приносящей удачу.

В *Энгисики*³⁴ приводится список знамений, среди которых девятихвостая, белая и черная лисицы отмечаются, как особенно счастливые. Добавлен следующий комментарий. «Девятихвостая лиса – божественное животное; ее тело красно, либо, как говорят некоторые, бело; голос у нее, как у младенца». «Белая лиса – жизненный дух (精) (китайской) горы Дай (岱). Черная лиса – божественное животное.» Среди «добрых знамений правой верхней части»³⁵ мы находим «красную лису» (赤狐). Этот факт не согласуется с цитированными выше словами из *Ши цзин* и комментария Чжу Си, где красная лиса описывается, как злое животное.

В *Нитю рэки*³⁶ *мудзина* (貉), заяц (или кролик) и лисица относятся к зодиакальному знаку зайца (卯), а тигр, леопард и *тануки* (狸) — к знаку тигра (寅). В начале списка календарных дней со странными явлениями³⁷ мы находим крики лисиц, разделенных по двенадцати зодиакальным дням следующим образом.

«Если лиса кричит в день крысы, и это – тридцатый день месяца, то, если крик будет услышан с севера, умрет проживающий в доме, либо

33 *Нихон сёки* (Анналы Японии). СПб, «Гиперион», 1997. Т. 2. С. 183.
34 延喜式, «Церемонии эры Энги» (901–922), написана в 927 г. Счастливые знаменения祥瑞 мы находим в гл. 21, разд. 治部省, К.Т.К. т. 13. С. 652, где лисы упоминаются под №№ 6, 7 и 8 в «Великих счастливых предзнаменованиях правой стороны» (右大瑞), как *кюби-но кицунэ* (九尾狐), *бякко* (白狐) и *гэнко* (玄狐).

35 右上瑞. С. 654.

36 二中歴, календарь, начинающийся со второй половины четырнадцатого века, *Сисэки сюрэн* (史籍集覽), т. 23, № 19–9, с. 151, где мы находим *мудзина*, лису и *тануки* среди 36 животных под заголовком *Тикусан-рэки*, 畜産歴, «Календарь животных».

37 恠異歴日. С. 162.

это предвещает судебное разбирательство, либо — пролитие крови».

«Если лиса кричит в день быка, в пятнадцатый день месяца, то умрет мальчик, если крик донесся с востока, либо это дурное знамение для чиновников этого района».

«Если лиса кричит в день тигра, в девятнадцатый день и услышана с северо-востока, то умрет младенец, либо — это плохое предзнаменование, предвещающее судебное разбирательство».

Таким же образом, лисий крик в день зайца на тринадцатый день, с востока означает смерть мальчика, либо — плохое предзнаменование относительно рабов; в день дракона, с юго-востока — плохое предзнаменование того, что что-то разобьется; в день змеи, на пятнадцатый день, с Запада предвещает смерть мужчины, а с севера, или запада — только болезнь. В день лошади, восьмой день месяца, означает ссору; либо, с северо-запада — смерть мужчины; в час обезьяны (15–17) — что-то ужасное. В день овцы, девятнадцатого числа, с юга, означает, что придет взрослый человек; на тринадцатый день — что придет вор. В день обезьяны, восемнадцатого числа, с юго-запада, — что умрет мужчина; с севера — что родится и умрет младенец мужского пола. В день птицы, тринадцатого числа, с востока, — что умрет мужчина, либо что утонет лошадь, или бык. Это также означает в день собаки, тринадцатого числа, с севера, смерть мужчины; с востока — смерть деревенского жителя. В день свиньи, тринадцатого числа, с севера, предсказывает смерть мужчины; с востока — смерть деревенского жителя. Наконец, в день свиньи, тринадцатого числа, с севера, оно предвещает смерть мужчины; с востока — смерть деревенской жительницы.

Далее следует упоминание выделения лисами помета. Если это случается в день крысы, умрет жительница деревни; в день быка умрет мать; в день тигра человека посетит удача; в день зайца означает ссору, или смерть мужчины; в день дракона, в западном направлении — болезнь, или смерть мужчины; в день змеи, пятнадцатого числа, на западе, смерть мужчины, а на севере — смерть быка, или лошади. В день лошади это означает несчастье и голод; в день овцы — кражу, или большее несчастье; в день обезьяны — смерть женщины; в день птицы — приезд посланника; в день собаки — смерть грабителя; в день свиньи — несчастье с родителями, или смерть.

На следующей странице мы находим комментарий к крику *тану-ки*. Таким же образом, как и вой лисицы, говорится в нем, он может возвещать в особые дни и доносящийся с определенного направления, болезнь, или смерть, ссору, или прибытие районных чиновни-

ков, что рассматривалось в одном ряду с прочими бедствиями.

Другой список хороших и плохих предзнаменований, связанных с воением лис в различные дни, мы находим в *Сюкайсё*³⁸. Если его услышать в день тигра, на севере, или на юге, умрет мужчина; по другой версии, если лиса воет на юге, человек обретет богатство; на западе – будет ссора, а на севере – придет гость. И так далее, для двенадцати различных дней: помимо уже указанных моментов, вой может означать некоторое количество удачи, питье *сакэ* и еду, грусть, ссору чиновников, смерть, которую можно предотвратить пятидневным постом в честь великого божества; либо – это предзнаменование получения денег, или болезни, смерти лошади, или быка, пожара, смерти ребенка, утопления.

После этого изложения становится ясно, почему следующие отрывки из древних исторических работ придавали такое значение появлению и вою лис во дворце.

В *Сёку Нихонги*³⁹ лисица упоминается девять раз. В седьмом месяце 712 года провинция Ига преподнесла императору черную лису⁴⁰, а два месяца спустя император выпустил следующее заявление: «Мы слышали, что, в соответствии со старой традицией, в год крысы урожай не бывает хорош; тем не менее, с помощью Неба и Земли в этом году мы получили очень хороший урожай. Мудрый царь древности говорил: ‘Обильный год лучше добрых предсказаний’. Более того, черная лиса, поднесенная мне губернатором провинции Ига и его чиновниками, отвечает ‘Добрым Предзнаменованиям’⁴¹. В этой книге сказано: ‘Черная лиса появляется, когда царь своим правлением создает крепкий мир’».

Другие провинции (Тотоми, Каи и Хида) поднесли императору белых лис в 715, 721 и 740 годах⁴², без сомнения – в качестве добрых предзнаменований. В 782 году белая лиса появилась у одних из дворцовых ворот⁴³.

Недобрыми знаками, очевидно, были дикие лисы, забредавшие во дворец. В 775 году такое животное уселось на официальное место Дайнагона Фудзивара-но Асон⁴⁴, а другого видели у внутренних ворот двор-

38 拾芥抄, написано Фудзивара-но Санэхиро, родившимся в 1408 г. и удалившимся на Хигасияма в 1457 г. Т. 1, с. 17.

39 続日本紀, написано в 797 г.

40 Гл. 5, К.Т.К. Т. 2, с. 73.

41 上瑞, глава из Книги Гаданий.

42 Гл. 6, с. 87; гл. 8, с. 126; гл. 13, с. 223.

43 Гл. 37, с. 676.

44 Гл. 33, с. 585.

ца⁴⁵. Несчастливой явилась также миграция из провинции Ямасиро в 774 году. «В двенадцатом месяце прошлого года большое количество волков и кабанов, а также около сотни диких лисиц были каждую ночь у храма Отокуни в районе Отокуни на нашей территории; это продолжалось семь дней, а затем прекратилось⁴⁶».

Однако, важнее этих предзнаменований представляется отрывок, относящийся к 741 году, в котором мы читаем о преследующей лисице⁴⁷. «На-нива-но Мия (божество) подчинило привидение (恠, кэ); в саду лежала голова лисы без туловища; рядом с головой валялась лишь шерсть и помет».

В *Нихон коки*⁴⁸ говорится только о дикой лисе, вырывшей нору во внутреннем дворе Тёдо-ин, административного здания во дворце, и жившей там, но через десять дней исчезнувшей⁴⁹.

В *Сёку Нихон коки*⁵⁰ лисы упоминаются трижды. В 833 году лисица убежала во дворец, но была убита императорскими стражниками, когда добралась до Сэйрёдэн⁵¹. В 849 году произошло то же, но за лисой погналась собака и загрызла ее⁵². В 834 году в один из вечеров над дворцом послышалось хлопанье крыльев и крики. Стражники вглядывались в небо, но в темноте не могли ничего разглядеть. Некоторые думали, что это была стая морских птиц, однако один человек заявил, что то пролетели Небесные Лисы (天狐, Тэнко)⁵³.

В *Нихон Монтоку тэнно дзицуроку*⁵⁴ мы читаем, что в 855 г. лисица появилась во дворце в дневное время. Служителям приказали выгнать ее вон, однако она стала бегать кругами перед императором, который и убил ее⁵⁵.

В *Нихон сандай дзицуроку*⁵⁶ описывается несколько случаев, когда лисы появлялись во дворце. В 871 году две лисы-самки в дневное время проникли в Котё, управление Дайдзёкан (Государственного Совета). Их поймали и выпустили на поле Канан («Юг речного берега»), как и другую лису,

45 Гл. 33, с. 587

46 Гл. 33, с. 574.

47 Гл. 14, с. 235.

48 日本後紀, написано в 841 г

49 Гл. 17, К.Т.К. Т. 3. С. 88

50 続日本後紀, написано в 869 г.

51 Гл. 2, К.Т.К. Т. 3, с. 182.

52 Гл. 19. С. 409.

53 Гл. 3. С. 192. Ср. описание в моей работе о Тэнгу.

54 日本文徳天皇実録, написано в 878 г.; император Монтоку правил 850–858 гг.

55 Гл. 7, К.Т.К. Т. 3, с. 524.

56 日本三代実録, написано в 901 г.

которая в том же году с воем вбежала в то же управление⁵⁷. В 875 году лисица оставила помет на деревянном полу перед Сисиндэн (во дворце), а несколько дней спустя другая лисица помочилась на том же месте⁵⁸. Все это были дурные предзнаменования, но то, что последовало, было еще хуже. В первом месяце 881 года произошло много странных событий в казармах дворцовой стражи. В помещениях Правой Стражи лиса постоянно оставляла помет на сидениях генерала и младших офицеров; она даже облила мочой человека, которых стерег эти сидения ночью. В помещенияхлевой Стражи крысы отгрызли шнуры чьего-то меча и убежали с ними. Лисица проделала то же с колчаном и, хотя человек вцепился в свою вещь, животное не отпускало ее, покуда не прокусила веревки; затем лиса убежала. Солдаты погнались за ней и поймали⁵⁹. В том же году лисица взобралась на восточные *тоби-но о* (鵝尾, «хвосты коршуна», вертикальные части крыши) ворот Бифуку (во дворце)⁶⁰, а в 887 году это животное при свете дня взбежало на крышу дворца наследного принца, но было убито одним очень храбрым человеком⁶¹. В 882 году лисица непрерывно выла в том же дворце с 7 часов утра до 6 вечера⁶². Лисья звезда (狐星) упоминается дважды: в 873 году белый метеор, а в 881 – красный появились и вошли в Лисью звезду⁶³.

В *Нихон кираку*⁶⁴ лисы упоминаются пять раз. В 905 году лисица умерла во дворце, но император не считал, что дворец осквернен этим⁶⁵. В 940 году лиса сжевала ключ к корейскому ящику, в котором хранилась императорская печать, и убежала в направлении ворот Сёмэй⁶⁶. В 944 году большое количество лис собралось у казарм телохранителей левой Страны⁶⁷, а в 972 году на новогоднем празднике рядом с казармами выло более ста лисиц⁶⁸. В 930 году женщина расчесывала волосы на южной хисаси (выдающаяся крыша) над комнатами придворных дам во дворце. Вероятно, это была преследующая лиса (狐妖)⁶⁹.

57 Гл. 20, К.Т.К. Т. 4, с. 335.

58 Гл. 27, с. 418.

59 Гл. 39, с. 557.

60 Там же.

61 Гл. 41, с. 722.

62 Гл. 41, с. 585.

63 Гл. 23, с. 369; гл. 38, с. 549.

64 日本紀略; исторические записки, кончающиеся 1036 г.

65 Ч. 2, гл. 1, К.Т.К. Т. 5, с. 783.

66 Гл. 2, с. 828.

67 Гл. 2, с. 833.

68 Гл. 6, с. 939.

69 Гл. 6, с. 933.

§ 3. Легенды

А. Восьмой, девятый и десятый века

Относительно *мудзина* мы находим в *Нихонги*⁷⁰ следующий отрывок: «В стародавние времена в деревне Кувада, что в провинции Тамба, жил человек по имени Микасо, в доме которого была собака, которую звали Аюки. Эта собака загрызла горное животное, называвшееся *мудзина* (牟士那). В животе зверя нашли *магатама*⁷¹ из драгоценного камня Ясака⁷². После камень был преподнесен императору. Теперь он в храме Исо-но ками 石上».

Бакин⁷³ считает, что идея драгоценности *мудзина*, хотя она и очень старая, была исходно заимствована из легенд о лисах. Как мы видели выше, китайцы говорят о магической жемчужине, которую лисы-оборотни носят в пасти, и которая делает человека, завладевшего ей, самым счастливым в мире. В Японии некоторые считают, что лисы носят светящуюся жемчужину в хвосте и с ее помощью производят так называемые лисьи огоньки, *Кичунэ-би*⁷⁴. Однако, нигде не сказано, что жемчужина находится у лис в животе; также мы не обнаруживаем других упоминаний о жемчужине *мудзина*.

В другом отрывке из *Нихонги* говорится следующее: «Во втором месяце 35-го года правления императрицы Суйко (627) в провинции Митиноку (Муцу) был *мудзина* (чтение *кана* – *удзина*), который обратился человеком и пел⁷⁵».

Первую японскую легенду о лисах мы находим в трех книгах, относящихся к восьмому и двенадцатому веку, а именно – в *Рё-и ки*, *Фусо рьякки* и *Мидзу кагами*⁷⁶.

⁷⁰ Гл. 6, К.Т.К. 1, с. 129.

⁷¹ *Магатама*, 勾玉, изогнутое драгоценное украшение, представляет собой «корнелин, или иной камень в форме запятой» (Aston, *Nihongi*, vol. I, p. 38).

⁷² 八尺復. Ср. Aston, *Nihongi*, vol. I, p. 184.

⁷³ *Энсэки дзасси*, гл. 5, № 2, с. 10b.

⁷⁴ Ср. с упоминаемым ниже Ункэн Сэkitэя, цитируемым в *Сёсан тёмон кисю*, 想山著聞奇集 (1849).

⁷⁵ Гл. 22, К.Т.Х. 1, с. 395.

⁷⁶ Полное название *Рё-и ки* — *Нихонкоку гэмпо дзэн-аку Рё-и ки*, 日本国現報善惡靈異記, «Записки о чудесных происшествиях в Японской Империи, в которых добро и зло вознаграждалось и наказывалось». В них описаны «вознаграждения и наказания» (инга охо, 因果応報, в буддийском смысле) от времен императора Юряку (457–479) до императора Конины (770–781), см. *Гунсё руйдзю*, Индекс, с. 352. Автор этой работы, буддийский монах Кэйкай (Кёкай) 景戒 жил во времена императора Кокэна (749–758). Хотя автор Кокусё кайдай (с. 1561) называет труд *Рэй-и ки*, а не *Рё-и ки*, последнее прочтение верно. Легенда обнаруживается в *Гунсё руйдзю*, № 447, т. 16, с. 24; далее, в *Фусо рьякки*,

В правление императора Киммэя (540-571) человек из района Оно, провинции Мино отправился на поиски хорошей жены. Прошло немало времени, и он встретил в поле красивую женщину, у которой спросил: «Ты станешь моей женой?» Та согласилась; он взял ее в свой дом и женился на ней. Через какое-то время она забеременела и родила сына. Тогда в доме жил щенок, который постоянно лаял на хозяйку. Она просила мужа убить животное, так как очень его боялась, но тот, хотя и любил ее сильно, не соглашался. В один из дней собака притворилась, как будто кусает ее, но с лаем отскочила. Внезапно испуганная женщина превратилась в лису (якан, 野干), которая взобралась на забор и сидела там; тогда муж, взглянув на свою превратившуюся жену, сказал: «У нас родился ребенок, поэтому я не смогу тебя забыть. Всегда приходи и спи со мной». Она поступила в соответствии со словами мужа и приходила спать с ним. Поэтому ее называли «Ки-цунэ» («всегда-приходящей», 岐都禰). В то время она носила одежду алого цвета. Ее ребенка называли Ки-цу-нэ, 伎都禰. Он вырос очень сильным человеком и бегал со скоростью летящей птицы.

Так говорится в *Рё-и ки*; автор *Фусо рьяки* добавляет: «Во времена императора Сёму (724-749) был человек по имени 'Мино-но кицунэ', 三野狐, 'Лис из Мино', вероятно, являвшийся его ребенком».

В *Кондзяку моногатари*⁷⁷ мы читаем историю об очень сильной женщине высокого роста, жившей в провинции Мино во времена императора Сёму и имевшей прозвище «Лиса из Мино»; говорили, что она была отпрыском в четвертом поколении лисицы из старой легенды в *Рё-и ки*.

В *Дзэнка хики*⁷⁸ мы обнаруживаем первую версию занятой старой легенды, цитированной в *Фусо рьяки*⁷⁹ и еще раз изложенной в *Кондзяку моногатари*⁸⁰ и *Гэнко сякусё*⁸¹. В ней говорится:

В пятом году эры Камбэй (893) автор *Дзэнка хики* стал губернатором провинции Битю. В то время в районе Кая жил человек по имени Кая Ёсифудзи, который был очень богат и с помощью денег добился поста сёмоку (小目, высокопоставленного чиновника) провинции Бидзэн. В восьмом году Камбэй (896) он ушел с поста и после этого жил в Хонго Асимори.

扶桑略記, гл. 3, К.Т.К. 6, с. 486 и далее, и в *Мидзу кагами*, 水鏡, написанном во второй половине двенадцатого века, гл. 1, К.Т.К. 17, с. 373.

77 今昔物語, написал Минамото-но Такакуни, 源他隆国, умерший в 1077 г.; гл. 23, № 17, К.Т.К. 14, с. 1005.

78 善家秘記, написана Миёси Киёцура, 三善清行, 844-916.

79 Гл. 22, К.Т.К. 6, с. 644, см. ниже.

80 Гл. 16, № 17, К.Т.К. т. 16, с. 930.

81 元亨釈書, написано до 1346 г., гл. 29, К.Т.К. т. 14, с. 1157.

Так как его жена, очень ветреная по характеру, убежала от него в столицу, жил он совершенно один. Внезапно он повредился в уме и стал писать и читать вслух любовные письма к воображаемой женщине. Это длилось 20, или 30 дней, покуда он не исчез, а обитатели дома безрезультатно искали его. Его родственники, все люди очень богатые и имевшие вес в обществе, были убеждены, что тот совершил самоубийство, и дали обет установить изображение одиннадцатиликой Каннон, если обнаружат тело несчастного. Они срубили дуб и сделали грубую болванку для изображения длиной ровно с тело Ёсифудзи. Затем они поклонились будущей статuae и повторили свой обет. Так они поступали на протяжении 13 дней, когда вдруг к их величайшему изумлению Ёсифудзи выполз из подпола, худой и бледный, как после тяжелой болезни. Высота подпола была всего 4–5 сун⁸², так что человеку было почти невозможно забраться туда. Тем не менее, он лежал там тринадцать дней. Придя в себя и обретя возможность рассказать о своих приключениях, тот поведал, как несколько раз девушка приносила ему любовные письма и стихи от принцессы, и как он отвечал на них в том же духе. «Наконец, – сказал он, – девушка пришла в сопровождении роскошного экипажа с четырьмя носильщиками, чтобы отвезти меня к принцессе. Проехав около десяти миль, мы прибыли в великолепный дворец, где утонченная еда и чрезвычайно сердечный прием, оказанный мне принцессой, позволил мне почувствовать себя, как дома. Там я жил с ней столь же нераздельно, как две ветви, растущие на одном дереве. Она родила сына, красивого и умного ребенка, которого я полюбил так, что стал подумывать, не поставить ли его вместо первого сына Тадасада, как ребенка старшей жены, – имея в виду высокий ранг принцессы. Однако, через три года внезапно в комнату Ее Высочества вошел буддийский служитель с посохом в руке. Эффект от его появления был поразительный. Слуги и придворные дамы разбежались направо и налево, даже принцесса где-то спряталась. Служитель подтолкнул меня сзади своим посохом и заставил выбраться из дома через очень узкий выход. Обернувшись, я обнаружил, что только что вылез из собственного подпола!»

Этот рассказ поверг всех в изумление. Они немедленно разобрали подпол и вот! Из него выбежало двадцать, или тридцать лис, помчавшихся в направлении гор. Ёсифудзи, очарованный этими лисами-колдуньями (*рико*, 靈狐), тринадцать дней лежал в подполе, воображая, что проводит три года во дворце. Что касается служителя, то это было превращение

⁸² 1 сун = 1,193 дюйма.

Каннон⁸³, которая из жалости разбила колдовские чары. После этого Ёсифуса полностью выздоровел и прожил еще более десяти лет.

Интересно сравнить изложенное с историей, которую мы находим в *Симпэн отогидзоси*⁸⁴. Очевидно, описанная легенда вдохновила автора *Кицунэ дзоси*. В ней любовное письмо получает буддийский монах, его привозят в дом к женщине на роскошной повозке, запряженной быком и в сопровождении трех слуг. Она очень красива, дом – богат, в нем много самураев и служанок, развлекающихся и пирующих. Монах, получивший сильное впечатление от окружающей роскоши, вскоре входит во вкус такой жизни рядом с очаровательной женщиной. Так проходили месяцы и годы, покуда в один из дней не раздался громкий шум у ворот, и вошли три, или четыре молодых буддийских монаха с посохами⁸⁵ в руках. Хозяйка дома и его слуги в панике бросились прочь, и пораженный монах увидел, как они превращаются в лис и разбегаются во всех направлениях.

Ошарашенный, он оглядывается вокруг и видит, что лежит под полом основного здания Конго-сёин, буддийского храма в Киото. То, что он считал занавесками и напольными циновками (татами), представляли собой всего лишь грубые маты из соломы и тростника. Музыкальные инструменты оказались лошадиными и коровьими костями, а тарелки и блюда – сломанными седлами и черепами. Одежда его состояла из кусков старой грязной бумаги, а весь облик столь абсурден, что несколько маленьких мальчиков, игравших неподалеку и видевших, как он выбирается из-под здания, разразились громким смехом, захлопали в ладоши и принялись весело плясать. Проходивший мимо самурай, знавший монаха, подошел, чтобы узнать, что означает этот смех. Он еле узнал своего почтенного знакомого, но на свои недоумевающие вопросы не получил ответа. Тогда он снял с него бумажные обрывки и дал монаху свою верхнюю одежду; однако, поскольку тот был очень высок, то продолжал выглядеть нелепо с высывающимися голыми ногами. В таком состоянии он прибыл в свою деревню. Хотя он думал, что провел в вол По Кондзяку моногатари, это был мирянин, метаморфоза изображения Каннон, приготовленного родственниками. Шебном доме своей возлюбленной семь лет, на самом деле он просидел под храмом всего семь дней. Спас его Дзидзо.

83 По *Кондзяку моногатари*, это был мирянин, метаморфоза изображения Каннон, приготовленного родственниками.

84 新編御伽草子, опубликовано Хагино Ёсиюки в 1901 г., т. 2, *Кицунэ дзоси*, 狐草子, датируется периодом Муромати (1378–1601).

85 錫杖, *сякудзэ*, на верхнем конце которых укреплены металлические кольца; такие посохи носят путешествующие монахи.

В. Одиннадцатый век

В *Гэндзи моногатари*⁸⁶ есть следующий рассказ: однажды путешествовавший настоятель провел ночь в заброшенном доме, настолько грязном и разоренном, что спутники попросили его прочесть сутру, дабы воспрепятствовать возможному злему воздействию. Когда двое из них с факелами зашли за дом, то увидели таинственное существо, большое и белое, являвшееся, по их предположению, обратившейся (*хэнгэ*, 変化) лисой. Они немедленно рассказали настоятелю об увиденном, и тот сказал: «Хотя я слыхал о лисах-оборотнях, но никогда их не видел; пойду посмотрю». С этими словами он вышел. Человек, в одиночестве проживавший в том доме, сказал им: «Здесь часто появляются лисы, но это — дрянные существа», и не выказал никакого страха. Позже оказалось, что таинственное существо — никакой не призрак, а обычная девушка.

В *О-ю-ки*⁸⁷ мы читаем следующее: «В четвертый день восьмого месяца четвертого года эры Тёгун (1031), Сайгу⁸⁸ закричала громким голосом, ничем не напоминавшим другие (человеческие голоса). Божество (а именно — лиса) говорило ее устами. Она повредила умом и построила два синтоистских святилища, которые посвятила божествам Найгу и Гэгу⁸⁹. После этого она призвала всяких никчемных людей и заставила их танцевать *кагура*⁹⁰ и исполнять всяческие вычурные танцы ночью и днем. Затем колдуньи из столицы стали поклоняться лисе, (подражая Сайгу) и объявили это животное великим божеством Исэ (太神宮). Это очень безнравственно».

Для исследования верований о лисах, а также Тэнгу *Кондзяку моногатари* представляет собой обширное поле деятельности. Помимо приведенной выше легенды, заимствованной из *Дзэнка хики*, в этой книге мы находим несколько легенд о лисах, которые приводим ниже, однако *тануки*, или *мудзина* там не упоминаются.

Фудзивара-но Тосихито, живший в эру Энги (901–922), однажды пой-

⁸⁶ 源氏物語, написана в 1004 г.

⁸⁷ 小右記, дневник Фудзивара-но Санэскэ, 実資, также звавшегося Оно-но Мия, 小野宮, 956–1046. Он был Удайдзин, «Министром Правой Стороны», отсюда и название книги — «Дневник Удайдзина Оно-но Мия».

⁸⁸ 斎宮, Ицуки-но Мия, принцесса-девственница, которую посылали в императорский храм в Исэ во время коронации, чтобы она оставалась там до смерти императора, или до его отречения.

⁸⁹ Внутренний и Внешний храмы в Исэ.

⁹⁰ Священный пантомимический танец под музыку.

мал лису и сказал ей: «Иди в мой дом в Цуруга, и скажи, что я прибуду с гостями, и что им надо выслать завтра несколько слуг с двумя оседланными лошадьми в час змеи (09–11) в окрестности Такасима». После этого он отпустил лису, и та убежала, несколько раз оглянувшись назад. На следующее утро тридцать человек верховых прибыли для встречи своего хозяина в условленное место и рассказали странную историю. «Прошлой ночью, в час собаки (19–21) наша хозяйка почувствовала себя плохо, у нее сильно заболело в груди. Позвали буддийского монаха, но больная сказала: 'Отчего вы так взволновались? Ничего особенного, я – просто лиса. Ваш хозяин по пути домой поймал меня и приказал передать вам, чтобы вы послали нескольких человек с двумя оседланными лошадьми в окрестности Такасима, так как он едет с гостями. Пожалуйста, сделайте так, чтобы мне не было вреда.' Мы решили выступить с лошадьми, и тут же госпожа выздоровела (лиса оставила ее)». Тосихито улыбнулся и приказал слуге ехать домой и огласить о его прибытии. Там были поражены, поняв, что лиса говорила правду. На следующий день, наслаждаясь утонченной пищей из крупных горных картофелин, они вдруг заметили лису, сидевшую на крыше и смотревшую на них. В качестве вознаграждения за доставленное послание, она получила немного еды, а затем ушла прочь⁹¹.

В один вечер милостивый молодой человек встретил у ворот Судзюку в Киото прекрасную женщину, в которую немедленно влюбился. Сперва она отказывалась уступать его предложениям, говоря, что спать с ней означает для него смерть, однако наконец уступила, сказав, что умрет вместо него. Одновременно она попросила похоронить ее и переписать часть «Саддхарма пундарика сутры» (*Хоккэкё*, 法花經) и поднести ее храму ради ее души. Тот посмеялся над столь пессимистическими прогнозами, однако пообещал все исполнить, после чего они провели ночь вместе. На рассвете она ушла, сказав: «Я беру с собой твой веер; если завтра ты придешь к Бутоку-дэн, он докажет тебе, что я говорила правду, и ты узнаешь меня». На следующий день он пошел в указанное место и увидел мертвую лису со своим веером у нее на морде. Глубоко тронутый, он похоронил животное и каждый седьмой день переписывал часть *Хоккэкё* и подносил ее храму. В ночь на 49-й день он во сне увидел ту женщину в виде небожительницы, окруженную бесчисленным количеством других небожителей. Она объяснила, что возродилась на небе Траястримшат⁹².

91 Гл. 26, № 17, К.Т.К. 16, сс. 1203 и далее. Ту же легенду мы находим в *Удзи сюи моно-гатари*, 宇治拾遺物語 гл. 1, К.Т.К. 17, сс. 22 и далее.

92 忉利天, Тори-тэн, также записывается 恒利天, «небо 33 (дэва)», где правит Индра.

благодаря добродетельной силе сутры. Произнеся эти слова, она поднялась вверх под аккомпанемент небесной музыки⁹³.

Во времена императора Сёму (724-749) в провинции Мино жила очень сильная высокая женщина, которую называли «Лисой из Мино». Она была отпрыском в четвертом поколении человека, женившегося на лисице из той же провинции. Сила ее равнялась силе ста мужчин; она занималась грабежом торговцев, входивших и выходивших с рынка. Однако в конце концов ее победила гораздо более скромная женщина из провинции Овари, принудившая ее прекратить навсегда такое поведение⁹⁴.

Во время, когда императрица Дзётомон-ин, наложница императора Итидзё (986–1011), проживала в Кёгоку-дэн, киотосском дворце, в двадцатый день третьего месяца, когда вишневые деревья стояли в полном цвету, она услышала божественный голос, читавший стародавнее стихотворение, в котором восхвалялся запах цветов вишни, однако вокруг не было никого, кто мог бы это произнести. Это встревожило императрицу, а люди пришли в смущение. Они посчитали, что то была не лисица, но — дух⁹⁵; хотя представлялось странным, что голос слышался в середине дня, тогда как духи как правило являются ночью⁹⁶.

Кормилица оказалась в одиночестве с двухлетним ребенком на руках с южной стороны дома хозяина, когда тот вдруг услышал, что она зовет на помощь. Он прибежал на место с обнаженным мечом и увидел к своему величайшему изумлению двух совершенно одинаковых кормилиц, каждая из которых тянула ребенка к себе. Которая из них была настоящей кормилицей, а которая — лисой, или чем-то в этом роде? Испуганный отец взмахнул мечом, после чего одна из женщин внезапно исчезла, а другая с ребенком повалилась на землю без сознания. К ней немедленно послали буддийского служителя, который и привел ее в чувство. Та рассказала, что появилась вторая женщина, схватила за ребенка, говоря: «Он мой!» но кормилица крепко вцепилась в него; так они и боролись, покуда не подоспел хозяин. Никто не мог сказать — была ли то лисица, или дух⁹⁷.

Служанка получила известие от своего хозяина, приказывавшего ей немедленно прибыть в снятый им дом. Она поспешила туда со своим ре-

⁹³ Гл. 14, № 5, с. 759. Та же легенда приводится в *Кокон тёмонсю*, 古今著聞週, гл. 20, К.Т.К. 15, сс. 589 и далее. В соответствии с примечанием, она содержится в *Хоккэдэн*, 法花傳.

⁹⁴ Гл. 23, № 17, с. 1005.

⁹⁵ *Моно-но рэй*, 物の霊.

⁹⁶ Гл. 27, № 28, с. 1259.

⁹⁷ Гл. 27, № 29, с. 1260.

бенком и встретила там его жену, которая дала ей много еды, а через четыре—пять дней отослала обратно. Она оставила там ребенка, так как вскоре должна была вернуться. Но, придя в старый дом, она к своему изумлению обнаружила тех, кого только что оставила во вновь снятом доме. Те спросили ее, где она была столь долгое время, и не поверили ее рассказу. Тогда она побежала обратно в таинственный дом, но обнаружила на том месте лишь пустошь, заросшую вереском, где в траве лежал одинокий, беспомощно плачущий ребенок. Вероятно, женщину заморочили лисы⁹⁸.

Человек, вышедший в середине темной зимней ночи, чтобы позвать монаха к больной матери, увидел на воротах светящееся существо, часто чихающее и громко смеющееся. Подумав, что это — лиса, он побежал прочь, чуть живой от страха. Немного поотдаля он обнаружил круглую мерцающую вещь, которая издавала громкие крики. Он выпустил в нее стрелу и попал, после чего она разлетелась на кусочки и пропала. Это, несомненно, была проделка лисицы⁹⁹.

При ярком лунном свете двое мужчин искали лошадь, потерявшуюся в горах. Внезапно они очутились перед высокой криптомерией, которую никогда не видели на том месте. Они пришли к выводу, что их пытается запутать какое-то божество и решили вернуться домой, но сперва пометить дерево двумя стрелами, чтобы найти его на следующий день. Но, как только стрелы вонзились в дерево, оно исчезло. Тогда они поняли, что это действительно был дух, и припустили во все лопатки. На следующий день они пришли на то место, но вместо дерева нашли тело мертвой старой лисы с веткой криптомерии в пасти и с двумя стрелами в животе. Вот, кто пытался сыграть с ними шутку¹⁰⁰!

Человек из императорской гвардии встретил при ярком лунном свете прекрасную женщину, с которой заговорил. Однако, она все время держала у своего лица веер. Когда они вместе вошли в ворота императорской гвардии, он внезапно вспомнил, что слышал о том, как обманывают людей лисы в Хораку-ин (во дворце), и решил проверить, не является ли та женщина животным такого сорта. Он вытащил меч, схватил ее за волосы и прижал к столбу, угрожая ее убить. Но она вывернулась самым диким способом, разбрызгивая вокруг мочу, вонявшую столь отвратительно, что он отпустил ее, после чего она обратилась лисой и выбежала из ворот, крича: «Ко! ко!» Мужчина очень сожалел, что сразу не убил женщину. Встречая в пустынном месте красивую женщину следует быть начеку¹⁰¹.

98 Гл. 27, № 32, с. 1265.

99 Гл. 27, № 33, с. 1267.

100 Гл. 27, № 37, с. 1273.

101 Гл. 27, № 38, с. 1275.

Дух¹⁰², овладевший человеком и вселивший в него (или в нее) болезнь, был передан *моноцуки-но онна*¹⁰³ (женщине, вызываемой для того, чтобы переселить в нее злого духа) и стал говорить ее устами следующее: «Я — лисица. Я явилась не для того, чтобы делать зло, но лишь чтобы оглядеться, так как подумала, что в таких местах много еды; в результате же я (то есть больная) оказалась запертой». С этими словами она вытащила из передника белый камень размером с небольшой мандарин (микан), подбросила и поймала его. Видевшие это говорили: «Это странный камень. Вероятно, 'одержимая женщина' уже имела его в кармане, чтобы заморочить всем головы». Затем молодой человек поймал камень, когда женщина вновь его подбросила, и положил себе в карман. Лиса, овладевшая женщиной, стала просить вернуть его, но он отказался, после чего лиса заплакала и сказала: «Для тебя этот камень бесполезен, так как ты не знаешь, как им пользоваться. Поэтому, если ты не отдашь мне его, я стану твоим врагом навеки; если же вернешь, я буду помогать и охранять тебя, как божество». Молодой человек заставил женщину повторить обещание, а затем вернул камень. После, когда изгонитель¹⁰⁴ выгнал лису, в кармане женщины камня не оказалось. Это явилось доказательством, что он действительно являлся собственностью существа (т.е. лисицы), которое вселилось в нее. Лиса сдержала обещание. Однажды, когда молодой человек возвращался домой темной ночью, он разволновался и позвал лису на помощь. Животное появилось немедленно и повело его вперед, осторожно и украдкой по узкой тропинке, в стороне от главной дороги. Со стороны он мог видеть причину такого ее поведения, так на дороге, по которой он пошел бы, если бы не лиса, находилось большое количество грабителей, вооруженных луками и палками. В конце тропинки лиса исчезла, а он в безопасности дошел до своего дома. Много раз животное помогало и выручало его, — доказательство того, говорит автор, что животные гораздо более благодарные существа, нежели люди¹⁰⁵.

У реки в окрестностях Киото часто случалось, что люди, проезжавшие верхом в направлении столицы, видели вечером грязную девушку, просившую подвезти ее позади себя. Если они соглашались, то она, проехав четыре-пять *тё*¹⁰⁶, спрыгивала и, обернувшись лисицей, с криком убегала. Однажды некий молодой человек решил положить конец

¹⁰² *Моно-но кэ*, 物の氣.

¹⁰³ 物託の女, «одержимая женщина».

¹⁰⁴ 験者, *кэнся*.

¹⁰⁵ Гл. 27, № 40, с. 1278.

¹⁰⁶ 1 *тё*, 町 = 119 ярдам 11 дюймам (109,09 м); 1/36 *ри* (里, 2 мили, 775 ярдов; 3,927 км).

проделкам животного и приехал на то место в одиночку, но не встретил ее. Однако, по пути обратно в столицу та девушка появилась со своей обычной просьбой. Он взял ее на лошадь и крепко привязал к седлу. Когда они подъехали к воротам, он передал ее в руки стражникам, но она каким-то образом убежала прочь. Одновременно ворота и стражники исчезли, как будто их и не было. Когда молодой человек осмотрелся вокруг, то обнаружил себя в чистом поле, а его коня рядом не было¹⁰⁷.

В других легендах рассказывается о лисах, которые заставляли людей блуждать по ночам, не находя дороги¹⁰⁸, либо о появляющихся ночью под потолком старой часовни странных лицах, причем считалось, что то место населено демонами. Однажды, когда трое мужчин проводили там ночь, появились эти лица, но исчезли, когда те начали размахивать мечами. Это положило конец страхам соседних жителей¹⁰⁹. Далее мы читаем, что «пугание людей есть происки лис, которых можно убить с помощью сокола, или собаки»¹¹⁰; еще в одной истории говорится о лисице – двойнике женщины, которая, когда на нее напал муж, убежала тем же способом, что и в других рассказах¹¹¹.

Наконец, мы читаем историю, датируемую временами императора Сандзё (1011–1016): в провинции Мино в реке была заводь, и люди, переходя ее вброд по ночам, часто слышали, как женщина рождает плачущего ребенка и говорит: «Возьми его на руки». Один бесстрашный человек взял ребенка и отказался вернуть его, но, придя домой, он обнаружил, что это – всего лишь листья дерева. Некоторые говорили, что это дело рук лисицы; другие предполагали, что женщина в реке являлась призраком умершей при родах¹¹².

Эти легенды ясно показывают различные взгляды на лис, превалировавшие в те времена. Хотя иногда они и помогали людям, но по большей части морочили их, причем не столько затем, чтобы причинить им вред, сколько чтобы пугать, или раздражать их. Для достижения своих целей они не только принимали человеческий (по большей части женский) облик, но превращались также в деревья, или в таинственные мерцающие существа. Широко распространена была одержимость, равно как и появление женских двойников. Вполне вероятно, что белый камень, исполь-

107 Гл. 27, № 41, с. 1280.

108 Гл. 27, № 42, с. 1284.

109 Гл. 27, № 44, с. 1287.

110 Гл. 27, № 31, с. 1262.

111 Гл. 27, № 39, с. 1276.

112 Гл. 27, № 43, с. 1285.

зованный лисой в одной из легенд, просто означал ее душу, которая, как считалось, имела форму белого светящегося шара; это напоминает нам о жемчужине, которую лисы держат во рту в китайских легендах.

С. Двенадцатый век

В *Коби-но ки*¹¹³ рассказывается следующее: «В третьем году эры Кова (1101) в столице было много случаев с проделками лис. Сперва они раздавали (людям) еду у ворот Судзюку, готовя рис из конского навоза и овощи из коровьих лепешек. После они совершали то же за Сикибусё (Департамент Ритуалов и Церемоний) и перед воротами домов кугэ (придворных аристократов) и самураев. Люди называли это 'Великими лисьими банкетам'».

«Минамото-но Такаясу, *дзусё-но сукэ* (библиотекарь), поехал к Сай-ин¹¹⁴ в Камо (*дзиндзя*). Его повозка стояла перед воротами. Когда наступила ночь, двое, или трое молодых придворных¹¹⁵ и две женщины сели в повозку и поехали прочь в лунном свете. Они переехали Камогава и выехали на берег реки в Ситидзё (Ситидзё кавара). По пути они встретили капитана императорской стражи Правой Стороны, Накахара-но Иэсуэ. В повозке их прекрасные красные одежды были отлично видны, хотя стояла ночь¹¹⁶. Капитан был очень изумлен, а мальчик, правивший быками, не смог этого вынести и упал лицом на землю посреди дороги. Тогда придворные дали ему красный веер и внезапно удалились. На поперечной стойке повозки¹¹⁷ остались следы лисьих когтей. Мальчик, правивший быками, пошел домой, а когда на следующий день посмотрел на веер, то увидел, что это кость. Он немедленно заболел и умер через несколько дней. Его хозяин, очень испуганный, собрался сжечь повозку, однако во сне ему явился человек и сказал: 'Пожалуйста, не сжигай ее; я вознагражу тебя (за это)'. При смене управляющих на следующий год он был назначен библиотекарем (— награда лисицы)».

¹¹³ 狐媚記, «Записки о преследовании лис», написаны Оэ-но Масафуса (大江匡房), 1040–1111, после 1101 года, так как этот год упоминается в легенде. Мы находим эту работу в *Гунсё руйдзю* под № 135, т. 6, с. 968.

¹¹⁴ 齋院, принцесса-девственница, того же ранга, что и Сайгу в Исэ, проживающая в храме Камо в Киото.

¹¹⁵ 雲客, *ун-каку*.

¹¹⁶ *Кичунэ-би*, или «лисицы огоньки» сделали их хорошо видимыми во тьме.

¹¹⁷ 軾, *сёку*, брусок, на который опирался седок в повозке, когда кланялся, или здоровался.

В следующей истории император Хорикава (1086–1107) был эскортирован таинственными всадниками, прикрывавшими лица рукавами, а, когда он спросил, кто они такие, они припустились галопом прочь, ничего не ответив. Они исчезли, проехав под воротами Судзяку — явно любимым местом лис. В другой раз настоятеля, известного своими объяснениями Закона Будды, старая женщина попросила придти к ней в дом и совершить церемонию. Он пообещал придти, но женщина в тот же вечер пришла еще раз и повторила свою просьбу. Тогда он пошел с ней по дороге Судзяку в Рокудзё (Киото), которая выглядела, как всегда, с величественными храмами и богатыми домами. В доме, куда они вошли, были готовы все приношения, но никто не прислуживал. За занавеской кто-то хлопнул в ладоши, и внезапно внесли вино. Пораженный настоятель не ел и не пил ничего, но прежде всего сел перед *буцудан* (переносным буддийским алтарем) и один раз ударил в молитвенный колокольчик. Внезапно свет стал красным, а блюда, приготовленные для служителя, превратились в нечто, сделанное из навоза. Все это так поразило его, что настоятель убежал прочь, полумертвый от страха. На следующий день он пошел посмотреть на тот дом, но от того не осталось и следа. Очевидно, лисы хотели, чтобы он заболел, наевшись такой неприглядной пищи, но их магическая сила внезапно исчезла при первом ударе в молитвенный колокольчик.

Один человек (т.е. обратившаяся лиса) купил дом в Кёгоку в районе Ситидзё (Киото). После он разрушил дом, пошел на поле Торибэ (место погребений) и использовал материалы от дома для погребальных нужд (как топливо для костра). За дом он платил золотом, серебром и шелком, однако позже все это оказалось всего лишь старыми соломенными сандалиями и башмаками на деревянной подошве, кусками черепицы и камешками, костями и рогами.

Масафуса добавляет: «В исторических записях есть много примеров превращений лисиц... Ранее я не верил тем (китайским) легендам, но теперь своими собственными глазами увидел, как то же самое происходит и в Японии. Хотя мир близится к своему концу, призраки остались такими же, как и в прежние времена; вот, что самое странное»¹¹⁸.

Помимо вышеприведенных историй, цитированных из *Дзэнка хики* и *Рё-и ки*, в *Фусо рякки*¹¹⁹ содержится следующая легенда.

¹¹⁸ Гунсё руйдзю, т. 6, с. 969.

¹¹⁹ 扶桑略記, «Сокращенная история Японии», написана в 12 веке монахом Коэном, 皇圓, учителем Гэнку, 源空 (1132–1212).

«В биографии настоятеля Соо¹²⁰ (相応) мы читаем: ‘В четвертом году эры Нинна (888) императрица Рокудзё заболела. В то время настоятелю было 60 лет. Его призвали (во дворец), чтобы сделать возгласия. Три дня и три ночи он не сходил со своего сидения, не думая ни о пище, ни о сне. Наутро четвертого дня императрица громко закричала, согнулась в поясе и стала кататься по полу столь дико, что спальня чуть не развалилась. В то же время из северо-западного угла комнаты из-за полога кровати появилась таинственная лисица (靈狐, *рэйко*), которая стала бросаться по комнате туда и сюда. Дадзёдайзин (государственный премьер-министр) и все остальные находившиеся в помещении затряслись от страха и потеряли присутствие духа. Тогда настоятель прочел ‘Мантру-спасения’¹²¹, после чего дом перестал трястись, а лиса убежала. Императрица поправилась, а император наградил настоятеля по-царски’».

Далее, некоторые нехорошие предзнаменования наблюдались во дворце, а именно: как лисы спаривались¹²², или выли¹²³, или взбирались на крышу¹²⁴, или метили мочой императорские покои¹²⁵, или сидели на местах высших должностных лиц¹²⁶. В 905 году лиса умерла в Главном Административном Департамента Бэнкан (во дворце). Поскольку оставались сомнения – не стала ли комната нечистой от этого происшествия, ее больше не использовали в официальных целях. Однако, император издал указ, где говорилось, что помещение не должно считаться нечистым¹²⁷. Такой же вопрос возник в 909 году, когда лисица издохла во Внутреннем Дворе дворца. Удайдзин (Министр Правой Стороны) приказал Секретарю (外記, *гэки*) изучить прецеденты, чтобы выяснить – становится ли дворец нечистым после такого происшествия; в случае положительного ответа на следующий день там нельзя было проводить религиозную церемонию. Секретарь отвечал, что такое всегда считалось загрязнением дворца, после чего Удайдзин доложил обо всем императору. Однако Его Величество сказал: «Поскольку лиса не относится к шести видам домашних животных, дворец не должен считаться нечистым; более того, об этом не упоминается в правилах относительно церемонии».

¹²⁰ Тот же настоятель изгнал в 865 г. Тэнгу, который мучил императрицу (*Кодзидан*, гл. 3, К.Т.К. 15, с. 66, ср. мою работу о Тэнгу, *Transactions*, Vol. XXXVI, Part II, p. 46).

¹²¹ *Гэдацу-но дзю*, 解脱咒.

¹²² Гл. 23, с. 650, в 898 г.

¹²³ Гл. 23, с. 669, в 902 г.

¹²⁴ Гл. 23, с. 671, в 909 г.

¹²⁵ Гл. 24, с. 684, в 927 г.

¹²⁶ Гл. 25, с. 722, в 932 г.

¹²⁷ Гл. 23, с. 670.

Фудзивара-но Ёринага¹²⁸ отмечает в своем дневнике, озаглавленном Тайки¹²⁹, как в 1144 году мальчика 16 лет соблазнила лисица в облике молодой женщины в Нодэн (здание во дворце), в результате чего он заболел плохой (венерической) болезнью. За несколько дней до этого лисица поднялась под свес крыши и глядела на него. «Я никогда ранее не слыхал о такой странной вещи», – пишет автор.

На той же странице он говорит следующее: «В старые времена в одном *ясики* (жилой комплекс аристократа) в Киото было много лис. Когда несколько лет назад эти лисы вновь появились, там были установлены лук и стрелы (магические символы), чтобы не дать им прийти вновь, однако это не произвело воздействия, те появлялись, как и прежде. Поэтому я положил пищу (приманку, вероятно отравленную) у лисьей двери¹³⁰, и с той поры ни одна лиса там больше не появлялась. Что убеждает меня в том, что те лисы были божественными духами (神靈), так это то, что их не прельстила наживка и не испугало колдовство с луком; совершенно очевидно, что никакого воздействия от этого не было. Но в пределах *ясики* есть маленький старый храм, и именно его божество побудило лис появиться. Более того, особняк неоднократно избегал опасности от пожаров, которые время от времени случались с обеих от него сторон, а один, вспыхнувший на его территории, не принес никакого вреда».

Здесь мы встречаем лис – соблазнительниц молодых людей, как это было и в Китае, но, одновременно, и как оберегающих от пожаров. Упомянутое божество из храма есть, вероятно, Инари, богиня риса.

В другом дневнике, *Санкайки*¹³¹ мы находим следующие детали. В пятый день шестого месяца второго года эры Дзидзё (1178) при дворе возник спор о лисице, убитой стрелой в окрестностях дворца Сайгу в Исэ. Когда император спросил о прецедентах, ему было доложено, что в 1072 году третий сын Нарисукэ, бывшего повелителя провинции Ямато, а именно – Фудзивара-но Накасуэ, убивший лисицу-духа (*рэйко*) в присутственном месте Сайгу в Исэ (белых лис в Исэ называли *сира-тоомэ*, 白専女), был сослан в провинцию Тоса. А в 1132 году лисица была убита перед дворцом Сайгу. Услыхав этот доклад, император приказал ученому законнику исследовать законодательство на этот предмет. Когда ученый представил результаты своего исследования, они соответствовали уже

128 Гл. 23, с. 670.

129 台記, дневник велся от 1142 до 1155 г.

130 *Киунэ-до*, решетчатая дверь, через которую можно видеть происходящее снаружи, оставаясь невидимым изнутри.

131 山槐記, дневник Накаяма Тадатика, 中山忠親, 1130–1195.

сделанному докладу (относительно ссылки, как наказания). По закону запрещалось выпускать стрелы в пределах дворцового комплекса, а убийство лисы было по тяжести приравнено к убийству божественного духа.

В *Хякурэнсё*¹³² мы находим упоминания об обоих случаях (1072 и 1178 годов); в *Гукансё*¹³³ и *Дзиккинсё*¹³⁴ говорится лишь о первом из них.

Д. Тринадцатый век

В *Кодзидан*¹³⁵ говорится об ученике настоятеля Эндзэна (延禪), который долго болел непроходившей лихорадкой. Настоятель, предполагая, что он одержим кем-то, вышел на улицу и смиренно просил подать ему еды, которую затем передал мальчику, надеясь, что этот самоуничижительный поступок пойдет ему на пользу. Мальчик сложил перед собой руки и сказал: «Я – божественная лисица; однако, встретив в твоей стороны столь сильное воздействие, я не знаю, что делать. Поэтому я больше не вернусь».

В *Удзи сюи моногатари*¹³⁶ мы читаем следующие легенды: Самурай, возвращавшийся вечером домой, встретил лису, стал ее преследовать и поразил стрелой в пах. Лиса свалилась на землю и громко завывала, а затем уковыляла в траву. Она шла перед самураем около двух тё в направлении его дома, до которого оставалось всего четыре, или пять тё. Когда самурай увидел, что у животного пламя во рту, он пришпорил лошадь, но было уже слишком поздно. Подойдя к его дому, лиса обратилась в человека и подожгла строение. Самурай, подумавший, что это было делом рук настоящего человека, стал преследовать его, однако лиса вновь приняла свой животный облик и исчезла в высокой траве. Дом сгорел дотла. Даже такие создания немедленно мстят за причиненное им зло; лучше не стрелять в них¹³⁷.

В старые времена *Моно-но кэ* (дух существа), овладевший неким лицом, из-за чего последний заболел, был переведен в женщину (возглашениями изгонителя) и ее устами¹³⁸ сказал следующее: «Я — тот дух, что не наводит порчу. Я – лиса, пробегавшая здесь в поисках пищи. Мои дети,

132 百鍊抄, написано после 1259 г., К.Т.К. т. 14, гл. 5, с. 44 и гл. 8, с. 127.

133 愚管抄, написано после 1225 г., гл. 4, К.Т.К. т. 14, с. 46.

134 十訓抄, написано в 1252 г., гл. 10, № 31, К.Т.К. т. 15, с. 809.

135 古事談, написано между 1210 и 1220 годами, гл. 3, К.Т.К. т. 15, с. 77.

136 Написана в 1210–1220 гг., но по Florenz, *Geschichte der Japanischen Literatur*, p. 244 — гораздо позже, незадолго до 1333 г.

137 Гл. 3, К.Т.К. 17, с. 85.

138 *Моно-цуки-но онна*, «женщина одержимости», ср. с приведенной выше легендой из *Кондзяку моногатари*, гл. 27, № 39.

нора которых находится в могиле, голодны, и я пришла сюда, так как подумала, что здесь можно найти еды; съев поднесенный мне рисовый колобок, я уйду прочь». После этого «женщине одержимости» дали такой колобок; съев его со зверским аппетитом, она попросила еще, чтобы отнести своим родителям и детям. Получив просимое, она спрятала его в передник и попросила изгонителя выгнать из нее лису, так как именно она говорила ее устами все это время. Затем женщина упала лицом вниз и через некоторое время поднялась; однако, как ни странно, рисовые колобки исчезли из ее передника! Очевидно, лиса забрала их с собой¹³⁹.

В той же работе¹⁴⁰ рассказывается о проделке *тануки*. К одному святому, жившему долгие годы в горах, часто приходил охотник, глубоко его уважавший и всегда приносивший с собой еду. Однажды святой сказал охотнику, что Фугэн Босацу (Самантабхадра) приходит к нему из ночи в ночь, как подтверждение действенности его (святого) молитв. Охотник, которому очень хотелось посмотреть на это чудо, остался, чтобы его увидеть; и вот, в середине ночи действительно появился бодхисаттва, сидя на белом слоне. Благочестивый отшельник заплакал и стал молиться, однако охотник, который считал странным, что такое чудесное явление видимо глазам столь простого человека, как он сам и молодой прислужник отшельника, решил проверить. Из-за молившегося святого он пустил стрелу в направлении Фугэна, и вот! Величественный бодхисаттва немедленно исчез, и лишь слышен был звук движения кого-то, быстро спускавшегося в долину. На следующий день они нашли большого *тануки* со стрелой в уже похолодевшем теле. Это животное морочило доброго отшельника, так как тому доставало знаний, а охотник, по размышлению, открыл уловку.

Это – первый пассаж в японской литературе, где *тануки* упоминается, как существо, морочащее людей. Ясно, что он появился в японском фольклоре гораздо позже лисы и *мудзина*. Ведь *Удзи сюи моногатари* датируется началом тринадцатого века (или более поздним временем), а вышеуказанный список предвестий, включающий крик *тануки* по различным зодиакальным дням, составлен во второй половине четырнадцатого века. Причина этого позднего появления в том, что важность *тануки* в китайском фольклоре несравнима с важностью лисы. Легенды о нем редки и поэтому не так быстро дошли до Японии, как те, что рассказывали о лисах.

В *Гукансё*¹⁴¹ мы читаем о том, как настоятель Дзиэн (вероятный автор

139 Гл. 4, с. 86.

140 Гл. 8, с. 170.

141 Написано до 1225 г., гл. 6, К.Т.К. 14, с. 556 и далее.

Гукансё) написал письмо премьер-министру императора Готоба (1183–1198), который верил, что призрак императора Го Сиракава говорил устами неких трех людей, приказывая поклоняться ему. Настоятель писал, что он считает это делом рук лис, или Тэнгу, которые с древности любили, когда им поклоняются, и приводили мир в смятение. Император последовал совету настоятеля и не придал значения приказаниям духа. Выказывая уважение женщине, одной из трех околдованных, настоятель сказал: «Если окажется, что она не одержима лисицей, или *тануки* (*кори*) и что говорит от себя, (т.е. что она пытается обмануть императора и людей) то, несомненно, она должна понести наказание. Однако, хотя люди и странные существа, мне кажется, что дело не в этом. Несомненно, так говорить заставляет ее лиса, или Тэнгу. Если женщину просто отослать в какое-то отдаленное место, то лиса, или *тануки* в конце концов выйдут из нее и успокоятся». И вот, император приказал перевести женщину в один горный монастырь, где она постепенно выздоровела.

Это первый раз, когда мы встречаем термин *кори* (лисы и *тануки*), ставший столь обыденным в позднейшее время. В другом отрывке из той же работы «Небесные собаки» и «Земные собаки» (天狗地狗) упоминаются писателем, как вероятные авторы беспрецедентного события, когда Фудзивара (а именно – Ёрицунэ) стал сёгуном Камакура (1219). Это событие вызвало большое негодование у других членов семейства Фудзивара. Из этого факта Бакин¹⁴² делает вывод, что Тэнгу ставят теперь в один ряд с «Небесными собаками», и что последние предстают такими же, как лисы.

В *Гэмпэй сэйсуйки*¹⁴³ мы читаем следующее: император Сиракава (1072–1086) однажды поздно вечером с несколькими сопровождающими поехал в киотосский храм Гион навестить женщину, для которой построил неподалеку оттуда дворец. Было еще совершенно темно, так как луна пока не встала. Внезапно возник свет, который в следующее мгновение исчез, но вдруг вспыхнул вновь, да еще в такой фантастической форме, что император затрясся от страха. Тадамори, которого послали вперед захватить таинственный свет и представить его императорскому величеству, думал, что это — демон, или старая лиса из гионского леса. Медленно и осторожно ехал он по направлению к таинственно светящемуся объекту и уже был готов яростно наброситься на него со своим длинным мечом, когда послышался голос, и он обнаружил, что это – всего лишь старый

¹⁴² Нимадзэ-но кидзэнсю, 烹雜の記前集 (написано в 1811 г.), с. 1054.

¹⁴³ 源平盛衰記, написано около 1250 г.; Тэйкоку Бунко, 帝国文庫, т. 5.

монах с факелом, посланный настоятелем на встречу императору¹⁴⁴.

Когда Цунэмаса, Повелитель Тамба, пришел паломником на остров Тикубу, то провел там целую ночь, моля Бэндзай-тэн о защите от врагов и о том, чтобы императорское величество сияло надо всей страной. На рассвете он услышал шум волн в озере и свист ветра в сосновых ветвях и, возрадовавшись сердцем, он несколько раз сыграл на *бива* (лютне), которую дал ему один из монахов, к радости всех присутствовавших, заплакавших от умиления. Бэнтэн принял музыкальное подношение; на верхних ступенях храмовой лестницы появилась белая лиса, которая спустилась в сад и пристально посмотрела в направлении Повелителя Тамба. Действительно, это было чудесное зрелище. Цунэмаса с благодарностью счел эту лису манифестацией богини и не сомневался, что его молитвы будут замечены. После того, как он дал выход своей радости в форме стихотворения, лиса прокричала: «Ко! ко!» и исчезла за храмом¹⁴⁵.

В один из дней Тайра-но Киёмори (1118–1181) погнался за большой лисой на равнине Рэндай и уже был готов застрелить ее, как та вдруг обернулась желтой женщиной, которая улыбнулась и сказала ему: «Если ты оставишь меня в живых, я исполню твое желание». Услышав такие слова, Киёмори снял стрелу с тетивы и спросил женщину, кто она такая. Та ответила: «Я — ‘Царь перекрестья 74-х дорог’ 七十四道中の王». «Тогда ты, вероятно, ‘Дэва-Царь Почтенная Лисица’»¹⁴⁶, — сказал Киёмори и, спешившись, почтительно поклонился ей. После этого женщина приняла свой первоначальный облик и исчезла, крикнув «ко! ко!». Киёмори так размышлял над происшедшим: «То, что я беден — дело рук Кухонной Богини¹⁴⁷. Для обретения богатства путем подавления Кухонной Богини не обойтись без ‘чудесных имен’¹⁴⁸ Бэнтэна. Одно из этих имен — сегодняшний ‘Дэва-Царь Почтенная Лисица’. Поэтому я должен полностью практиковать ‘Закон Датэн’»¹⁴⁹.

«Китайская императрица Бао Сы¹⁵⁰, уничтожив императора Ю 幽王 династии Западная Чжоу (781 г. до н.э.) превратилась в треххвостую лисицу, которая с криком ‘ко! ко!’ заскочила в старую могилу. Эта лиса об-

144 Гл. 26, с. 676.

145 Гл. 28, с. 728.

146 貴狐天王, Кико Тэнно, т.е. Дакини Тэн.

147 荒神, кодзин.

148 妙音, мёон.

149 陀天法. Датэн — это Дакини Тэн, рассматриваемый ниже. Эту легенду мы находим в гл. 1, с. 12.

150 褒姒. Ранее она была его любимой наложницей.

ращалась прекрасной женщиной, чтобы увлекать мужчин; своей улыбкой она непрестанно творила зло; восемь, или девять из каждых десяти мужчин соблазнялись ею»¹⁵¹. ... «Для того, чтобы уничтожить императора Ю, царь другой страны практиковал Закон Датэн. Датэн – это лиса»¹⁵².

Здесь впервые упоминается Датэн, т.е. Дакини Тэн. Об этом Дэва мы читаем в некоторых книгах различных веков, которые для ясности и в целях сохранения хронологического порядка будут рассмотрены совместно ниже.

Ценной книга для справок представляется *Кокон тёмонсю*¹⁵³, в которой содержатся несколько интересующих нас легенд.

Дайнагон, дом которого все более и более донимали лисы, решил дать им сражение. Ночью после того, как он отдал соответствующие приказы, он увидел во сне седовласого человека с телом высокого юноши в зеленом охотничьем одеянии, сидевшего на корточках в саду под апельсиновым деревом. Когда у него спросили имя, этот странный человек дрожа от страха сказал: «Я жил в вашем доме на протяжении двух поколений и имею много детей и внуков, которых всегда старался удерживать от неверных поступков, однако они меня не слушали. Теперь мне очень стыдно от того, что приходится вместе с ними разделять ваш гнев; прошу вас простить на этот раз, и я всегда буду защищать вас и всегда предупреждать о близкой удаче». Тут он пробудился ото сна, встал и открыл дверь на веранду. На том же месте, где он видел таинственного человека в своем сне, он в утреннем свете обнаружил старого облезлого лиса, который, застыдившись, попытался спрятаться за бамбуковой скамейкой... Сражения не произошло, и с тех пор лис всегда извещал дайнагона, когда тому начинала светить удача¹⁵⁴.

Фудзивара-но Тададзанэ (1078–1162) по прозвищу Тисоку-ин доно, весьма амбициозный человек, приказал буддийскому монаху, известному силой своих возгласаний, практиковать учение Дакини¹⁵⁵, которое ранее произвело должное воздействие. Монах сказал: «Это учение никогда не подводило. Через семь дней оно подействует; в противном случае следует продлить его еще на семь дней. Если через это время не будет результата, ты можешь наказать меня». Прошло семь дней, и монах попросил Тададзанэ послать кого-нибудь посмотреть, и посланный человек увидел лису, которая пришла и слагала подношения, ничуть не бо-

¹⁵¹ Гл. 6, с. 161.

¹⁵² Гл. 6, с. 162.

¹⁵³ К.Т.К., т. 15.

¹⁵⁴ Гл. 17, (変化), с. 549.

¹⁵⁵ 咤祇尼法, дакини-но хо.

ясь окружающих людей. Пока что это — благоприятный признак, сказал монах, однако ему следует продлить ритуал еще на семь дней. Так он и поступил, и в конце этого периода Тададзанэ во время дневного отдыха увидел, как рядом с его постелью проходит красивая женщина. Ее волосы были на 3 сяку длиннее подола ее шелкового платья. Когда он схватил их, она сказала: «Зачем ты это сделал? Так поступать нехорошо». Ее голос, жесты и лицо — все было сверхъестественно, поэтому он решил, что она небесный ангел. Однако видение рванулось из его рук так яростно, что волосы остались в его руке, и тут Тададзанэ проснулся и увидел, что держит в руке лисий хвост. Как только монах, за которым он тотчас же послал, услышал об этом сне, он возрадовался и сказал, что ранее никогда не слыхал о столь удачном результате своих молитв, и что на следующий день, в час лошади (11–13) желание Тададзанэ исполнится. Монах был прав, так как, действительно, в указанный час прибыл гонец от императора с весьма благоприятным посланием. После Тададзанэ стал премьер-министром и наградил монаха высоким постом. Лисий хвост, который он поместил в прекрасной коробке, сохранялся в монастыре, как сокровище. Тададзанэ выучил ритуалы Дакини, практиковал их всегда, когда желал чего-то, и эти практики никогда не оставались втуне. Лиса, свшая приношения и появившаяся во сне, безусловно являлась самой Дакини Тэн. Помимо хвоста было еще изображение, для хранения которого построили небольшое синтоистское святилище, названное «Храмом Небесного Божества Счастья»¹⁵⁶.

В эру Сёхэй (931–937) по какому-то случаю несколько сотен лисиц пришли поклониться Дайбуцу в Тодайдзи. Поскольку люди прогнали их, то их дух (靈) овладел человеком и сказал его устами: «Мы уже долгое время живем в этом монастыре. Мы поклоняемся почтенному изображению, так как сегодня оно будет повреждено и сгорит»¹⁵⁷.

Во времена императора Го Тоба (1183–1198) киотосский дворец стали часто посещать привидения. Ночь за ночью Сёда Норинори безрезультатно выслеживал призрака, покуда, наконец, на седьмую ночь, когда он почти уснул, по его голове не забарабанили глиняные черепки. Сперва он ничего не видел, но через какое-то время на него прыгнуло черное существо. Когда он поймал его и посмотрел, что это такое, то обнаружил всего лишь старого облезшего *тануки*!

156 Гл. 6, с. 312. Имя божества было 福天神, Фукутэндзин, иное наименование Дакини Тэн. См. ниже.

157 Гл. 20, с. 586.

ясь окружающих людей. Пока что это — благоприятный признак, сказал монах, однако ему следует продлить ритуал еще на семь дней. Так он и поступил, и в конце этого периода Тададзанэ во время дневного отдыха увидел, как рядом с его постелью проходит красивая женщина. Ее волосы были на 3 сяку длиннее подола ее шелкового платья. Когда он схватил их, она сказала: «Зачем ты это сделал? Так поступать нехорошо». Ее голос, жесты и лицо — все было сверхъестественно, поэтому он решил, что она небесный ангел. Однако видение рванулось из его рук так яростно, что волосы остались в его руке, и тут Тададзанэ проснулся и увидел, что держит в руке лисий хвост. Как только монах, за которым он тотчас же послал, услышал об этом сне, он возрадовался и сказал, что ранее никогда не слыхал о столь удачном результате своих молений, и что на следующий день, в час лошади (11–13) желание Тададзанэ исполнится. Монах был прав, так как, действительно, в указанный час прибыл гонец от императора с весьма благоприятным посланием. После Тададзанэ стал премьер-министром и наградил монаха высоким постом. Лисий хвост, который он поместил в прекрасной коробке, сохранялся в монастыре, как сокровище. Тададзанэ выучил ритуалы Дакини, практиковал их всегда, когда желал чего-то, и эти практики никогда не оставались втуне. Лиса, евшая приношения и появившаяся во сне, безусловно являлась самой Дакини Тэн. Помимо хвоста было еще изображение, для хранения которого построили небольшое синтоистское святилище, названное «Храмом Небесного Божества Счастья»¹⁵⁶».

В эру Сёхэй (931–937) по какому-то случаю несколько сотен лисиц пришли поклониться Дайбуцу в Тодайдзи. Поскольку люди прогнали их, то их дух (靈) овладел человеком и сказал его устами: «Мы уже долгое время живем в этом монастыре. Мы поклоняемся почтенному изображению, так как сегодня оно будет повреждено и сгорит»¹⁵⁷».

Во времена императора Го Тоба (1183–1198) киотосский дворец стали часто посещать привидения. Ночь за ночью Сёда Норинори безрезультатно выслеживал призрака, покуда, наконец, на седьмую ночь, когда он почти уснул, по его голове не забарабанили глиняные черепки. Сперва он ничего не видел, но через какое-то время на него прыгнуло черное существо. Когда он поймал его и посмотрел, что это такое, то обнаружил всего лишь старого облезшего *тануки*!

156 Гл. 6, с. 312. Имя божества было 福天神, Фукутэндзин, иное наименование Дакини Тэн. См. ниже.

157 Гл. 20, с. 586.

Он прижал животное к полу, а потом принес его к принцессе, которая приподнесла ему в подарок меч. После случившегося во дворце больше не появлялось привидений¹⁵⁸.

На старое озеро в горах часто прилетало большое количество водяных птиц, но любой, кто пытался охотиться на них, тонул. Один храбрый человек решил положить конец этим таинственным случаям и пошел один в темноте, вооруженный луком и стрелами, а также большим мечом, через пустынные горы. Дойдя до озера, он сел под сосной, стоявшей на берегу, ствол которой склонился над водой, и долго ждал. Внезапно, в полной ночной тишине, поверхность озера забурлила, и на берег стали накатывать волны. Он согнул лук и стал ждать дальше. Посреди озера возник свет, форму которого он не мог различить. Он летел в его направлении, но, достигнув точки прямо над деревом и увидев человека в угрожающей позе, целящегося из лука, он полетел над озером обратно. Так повторялось несколько раз, покуда человек не устал и, бросив лук на траву, не вытащил свой меч. После этого призрак подлетел поближе, и в неярком свете показалась старая ощерившаяся карга, которую тот немедленно схватил. Она безуспешно пыталась утащить его в озеро, но он стоял, как вкопанный столб и пырнул ее ножом, после чего она стала ослабевать, покуда, наконец, свет не погас. Карга умерла и превратилась в старого *тануки*, которого он принес домой и показал своим пораженным братьям, отказавшимся сопровождать его из страха перед таинственным привидением¹⁵⁹.

Капитан охраны Левых Ворот по имени Сайто Сукэясу, охотившийся в провинции Тамба, однажды проводил ночь в старой часовне, пренебрегши предостережениями деревенских жителей, рассказывавших, что туда часто является человекоподобное чудовище. Он предпочел подвергнуться риску быть сожранным чудовищем, чем оставаться снаружи в снежную бурю. Когда он задремал, прислонившись к столбу, то вдруг услышал, как кто-то приближается к саду. Глянув в щель раздвижной двери, он увидел совершенно черного буддийского служителя (法師, *хоси*), столь высокого, что голова его доставала до свеса крыши; однако, Сукэясу так и не смог его хорошенько рассмотреть. Служитель протянул ужасную, волосатую, тонкую руку сквозь щель раздвижной двери и черкнул по лбу Сукэясу, но, когда тот сел прямо, немедленно убрал руку. Через некоторое время волосатая рука появилась вновь и

¹⁵⁸ Гл. 17, с. 543.

¹⁵⁹ Гл. 17, с. 543.

снова черкнула по Сукэясу, но на этот раз капитан схватил ее и крепко держал. В последовавшей борьбе раздвижная дверь вырвалась из пазов и упала на веранду. Гигант оказался под ней и, когда Сукэясу его прижал, стал делаться все меньше и меньше, а его рука – тоньше и тоньше, и он закричал очень пронзительным голосом. Тогда капитан призвал слуг и приказал им зажечь огонь. И вот! Гигантский призрак оказался всего лишь старым *тануки*. На следующий день Сукэясу собирался показать животное деревенским жителям, чтобы убедить их, что чудовище в конце концов не так уж и страшно, и что теперь оно мертво, однако слуги зажарили *тануки* и съели его, оставив одну голову. С тех пор человекоподобные чудовища больше не показывались в той часовне¹⁶⁰.

В следующей легенде мы читаем о дожде из камешков, которые постоянно шел над домом одного министра в Киото. Никто не знал, откуда он возникал. Хотя обитатели дома не страдали от этого непосредственно, сам факт чрезвычайно расстраивал их, покуда один деревенский самурай не посоветовал им принести со всех сторон *тануки* и приготовить из них кушанье. Поскольку сам он был из деревни, они поверили ему и последовали совету. В саду расстелили отличные циновки, зажгли много ламп, и было съедено большое количество *тануки*, зажаренных и приготовленными всяческими другими способами, а чаша с сакэ передавалась по кругу в буйном веселье. Громкими голосами праздновавшие кричали: «Вы, *тануки*, вы, низкие твари, зачем вы преследуете дом министра? Делающие это наказываются таким вот образом (т.е. убиваются и съедаются)». После чего они кидали кости в земляную стену, окружавшую соседний монастырь, и снова ели и пили. «Больше они не станут выкидывать таких штучек», – говорили они друг другу, и действительно, долгое время над тем домом не шел дождь из камешков. «Это не ложь, – добавляет автор, – потому, что это странное происшествие случилось совсем недавно. Без сомнения, каменный дождь был делом рук *тануки*»¹⁶¹.

В *Адзума кагами*¹⁶² говорится о трех зловещих предзнаменованиях, связанных с лисами. Первое случилось в 1186 г., когда «лисица привела с собой лисенка к подножию Эйкоку-сан. Этот лисенок вошел во дворец сёгуна в Камакура. По словам прорицателя, это был недобрый знак. Много странного уже случилось в предыдущий год¹⁶³». Второе предзнаменование случилось в 1213 году, когда ночью загремел гром и, одновременно,

160 Гл. 17, с. 550.

161 Гл. 17, с. 551.

162 吾妻鏡 (позже записывалось 東鏡), написано незадолго до 1266 г.

163 Гл. 6, с. 7.

закричала лиса в южном саду дворца сёгуна¹⁶⁴. Третье было в 1250-м. В том году лиса, кричавшая каждую ночь в одном и том же саду, была застрелена одним из стражников сёгуна и убежала через восточные «китайские» ворота; ее крик был слышен в направлении (долины) Хики га яцу¹⁶⁵.

В 1188 году, на 14-й день 9-го месяца родился младенец мужского пола, а затем исчез. Через четыре года мальчика нашли в старой могиле, где жили лисы. Находка случилась от предсказания во сне, где была указана могила. Мальчика забрали домой, однако лиса из могилы приняла облик старика, который внезапно появился и передал мальчику меч и гребень, тихо шепнув ему на ухо: «Ты станешь повелителем Японии. Сегодня ты обретишь этот ранг» Этим ребенком был Сигэмоти, а Нагасигэ, его наследник, продолжал носить тот меч¹⁶⁶.

В *Дзоку Кодзидан*¹⁶⁷ мы читаем: «В стародавние времена некто застрелил лису в окрестностях храма, где лиса (*якан*, 野干) считалась телом божества (т.е. где почиталось божество в облике лисицы). Придворные рассуждали, была лиса убита, или нет, однако Дайнагон Цунэнобу сказал, что застрелить божество – сколь бы высоким оно ни было – не преступление, когда оно выбегает из храма в виде лисы».

Е. Четырнадцатый век

Урабэ-но Кэнко 卜部兼好 рассказывает в *Цурэдзурэгуса*¹⁶⁸ следующую историю: – «В киотосском дворце жили привидения. Когда несколько придворных играли в го, кто-то поднял занавеси и взглянул на игру. Это была лиса, сидевшая, как человек, но убежавшая прочь, когда изумленные игроки закричали: 'Лиса!' Очевидно, эта лиса хотела заморочить их, но это ей не удалось по недостатку опыта».

В *Масу кагами*¹⁶⁹ мы читаем следующее: В 1283 году монахи из Хиёси на Хиэйдзан пришли в столицу и положили *микоси* божества во дворец, как знак своего негодования, поскольку император отказал им в какой-то просьбе. Затем они вернулись в свое горное жилище, оставив *микоси*. Из страха перед божеством император (Го Уда) ушел из

¹⁶⁴ Гл. 21, с. 45.

¹⁶⁵ Гл. 11, с. 30.

¹⁶⁶ Гл. 8, с. 27.

¹⁶⁷ 続古事談, написано в конце 13-го, или в начале 14-го века. Гл. 2, *Гунсё руйдзю*, № 487, т. 17, с. 661.

¹⁶⁸ Написано в 1334–39 гг.; № 230.

¹⁶⁹ 増鏡, написано 1340–1350. Гл. 12, К.Т.К. т. 17, с. 1139.

дворца и поселился в частном доме. Однако, через некоторое время он вернулся во дворец по следующей причине. В том частном доме была часовня Вака-мия из Ивасимидзу, где жило большое количество лис. Кто-то оскорбил этих лис настолько, что их месть пала и на этот дом. Их злость проявилась во множестве странных происшествий, отчего император и решил вернуться во дворец. Очевидно, он больше боялся лис, чем Хиёси, могущественного бога с Хиэйдзан.

В *Тайхэйки*¹⁷⁰ мы находим легенду о Какубане (монахе с Коя-сан, в сердце которого вселился Тэнгу и кого монахи с Коя обнаружили сидящим в облике Фудо Мёо), которую я в подробностях привел в своем трактате о Тэнгу. Монахи посчитали, что Какубан совершил превращение с помощью некоего магического искусства, которым обладают старые *тануки*, или старые лисы.

В гл. 22¹⁷¹ пожилая монахиня, сидевшая в переносном кресле, считалась старым *тануки*, или лисой, причем заставить ее принять свой исходный облик можно было, напустив ей в нос дыма, или застрелив ее.

Ф. Пятнадцатый век

В *Ясутомики*¹⁷² мы впервые читаем о людях, которым лисы служили для магических целей. Эта разновидность колдовства называлась *ки-цунэ-цукай*, 狐仕, «использование лис». В 10-й день 9-го месяца 1420 года Ясутоми записал следующее: «В это утро Такама, доктор Муромати-доно (сёгун Асикага Ёсимоти) был брошен в тюрьму вместе со своим сыном и младшим братом. Поскольку в последнее время ходили слухи о том, что в их услужении находились («были используемы», 仕, *цукау*) лисы, вчера наложница сёгуна приказала изгонителям произнести возглашения (*кадзи*), после чего две лисы выбежали из комнаты. Они были пойманы и убиты, и, так как стало очевидно, что лисы служили Такама, в это утро его призвали (во дворец). В полдень Садамунэ Асон, старший прорицатель¹⁷³, был также призван, поскольку говорили, что и он пользуется лисами. Как ужасны, ужасны поступки этих людей во времена, когда близится конец света!» ... В том же году, 10-й месяц, 9-й день: «Судя по тому, что я слышал, заключенный Такама вчера был сослан в провинцию Сануки, а Тосицунэ Асон подвергся бы

170 太平記, написано около 1382 г. Т. 3, гл. 18, с. 2.

171 Т. 3, с. 6-а.

172 康富記, дневник Накахара Ясутоми, 仲原康富, 1398-1457.

173 Онъё-но ками 陰陽頭.

такому же наказанию, не стань он заранее монахом монастыря в Акино. Все это — люди, пользовавшиеся лисами».

Известная и занимательная легенда содержится в *Кагакусю*¹⁷⁴, с подзаголовком «Охота на собак». Там мы читаем: «В старые времена жил в Индии царь по имени Хансоку (班足), чья наложница превосходила всех в хитрости. Она убедила царя обезглавить тысячу человек. После, переродившись в Китае, как наложница императора Ю из Чжоу по имени Бао-цзы, она обманывала людей и привела империю к гибели (781 г. до н.э.). После смерти она переродилась в Японии, как Тамамо-но маэ (玉藻前) во времена императора Коноэ (1141–1155). Здесь она убила огромное количество людей. Позже она обратилась белой лисицей и принесла зло еще большему числу. Люди того времени предлагали устроить на лисицу охоту, но сперва — обучиться искусству охоты на лошадях с помощью охотничьих собак. Белая лисица, прознавшая об этих планах, превратилась в камень. Все птицы и четвероногие, кто прикасался к этому камню, немедленно умирали, и его прозвали *ссэсё-сэки* (殺生石), или ‘камень, убивающие живое’; теперь он находится в болоте Насу в провинции Симодзукэ. Таково происхождение охоты с собаками».

Упоминание о том же мы находим в *Никкэнроку*¹⁷⁵, где читаем следующее: «Второй год эры Кётоку (1453), 2-й месяц, 25-й день. Настоятель Ринко-ин по имени Сюдзан нанес мне визит, и в разговоре мы упомянули стрельбу по собакам. Он сказал: ‘У императора Тоба (1107–1123) была красивая наложница, происхождение которой неизвестно. Ее звали Тамамо-но маэ, и император ее сильно любил, а она рассказывала ему индийские и китайские истории, которых знала множество. Однако, когда император заболел и призвал прорицателя, тот объявил, что причиной болезни была женщина, после чего стали читать соответствующие молитвы об излечении больного, и тут наложница обратилась лисой и убежала прочь. За этой лисой, жившей в болоте Насу в провинции Симодзукэ, погнались, но безрезультатно, так как она была чрезвычайно проворна. После этого император приказал самураям стрелять в собак с лошадей, дабы выучиться попадать в лис. Позже Кадзуса-но сукэ убил лису, в хвосте которой было две иглы, которые он передал своему (хозяину) Ёритомо (Минамото-но Ёритомо, сёгун Камакура, 1147–1199). Получив эти иглы, последний стал, наконец, правителем мира. Такова причина (именно —

174 下学習, написана в 1444 г. монахом Сяку-но Хатоцу, 釈破戸訥, гл. 下.

175 日件録, дневник буддийского монаха Гауна 臥雲, начат в 1453 г.; Дзоку Сисэки сюран, т. 2, с. 16.

приказ императора Тоба самураям) принятой в наши дни охоты на собак. Лиса была превратившейся Бао-цзы (наложницей царя Ю, которая вызвала крушение династии Западной Чжоу в 781 г. до н.э.)'».

В *Ёкёку цукай*¹⁷⁶ Одавара Татэки 大和田建樹 легенда о Тамамо-но маэ драматизирована следующим образом: Буддийского монаха по имени Гэнно предупреждает деревенская женщина, что он находится очень близко от опасного «камня, убивающего живое». Женщина и хор рассказывают ему легенду о Тамамо-но маэ, прекрасной и ученой наложнице императора Тоба, хорошо знавшей сутры, Виная, учение Конфуция, китайское и японское искусство, поэзию и музыку, и которую называли «Жемчужина» (Тама) из-за ясности ее ума. В один вечер император собрал всех талантливых людей из придворных, и они играли для него на флейтах и лютнях. Это был очень меланхолический осенний вечер. Луна еще не встала, шел мелкий дождь и дул ветер. Внезапно погас свет, и в темноте тело Тамамо-но маэ заблестело, как яркое солнце, осветив весь дворец. В то же время император заболел. Придворный маг Абэ-но Ясунари объявил, что это – дело рук наложницы, которая тут же убежала на болото Насу и обратилась белой лисицей.

Во втором акте деревенская женщина оказывается духом самой Тамамо-но маэ. По просьбе монаха она обещает ему показаться той ночью в своем лисьем облике, а затем исчезает в камне. В следующей сцене камень раскалывается, и внутри его показывается свет, а посреди него видится фигура лисы. Она рассказывает, что является божеством гробницы наследного принца Хансоку из Индии, проявившемся в Индии, как Бао-цзы, наложница царя Ю, а в Японии – как Тамамо-но маэ. После происшествия во дворце Абэ-но Ясунари сделал приношения и принудил ее, наложницу, носить пятицветный *гохэй*. Это, а также его ревностные молитвы причинили ей такую боль, что она отбросила *гохэй* и полетела по воздуху к болоту Насу, где и спряталась. Затем Миура-но сукэ Ёсиаки и Кадзуса-но сукэ Хироцунэ получили императорское извещение, приказывающее убить эту лисицу. Сперва они на протяжении ста дней стреляли в собак, чтобы хорошо подготовиться, а затем окружили болото и застрелили лисицу. Однако, ее озлобленный дух остался там, превратившись в «камень, убивающий живое», который оказывался смертельным для многих немало лет спустя. Монах изгнал духа при помощи возгласений, и тот исчез, обещав более не причинять зла.

176 謡曲通解, «Разъяснения песен»; эти песни датируются периодом Асикага (1336–1573).

Профессор Чемберлен, который также приводит описание этой пьесы¹⁷⁷, замечает: «Самого камня больше нет, однако ядовитые испарения, все еще выходящие из земли, губительны для насекомых и птиц».

Ту же легенду мы находим в биографии дзэнского монаха Гэнно 源翁 в книге Каваи Цунэхиса 河井恒久 под названием Симпэн Камакура си, 新編鎌倉志 где также приводится история монастыря Кайдзодзи 海蔵寺 в Камакура, основанного тем же монахом. Эту работу цитирует Кэйдзан Кодзи 荊山居士 в своей книге *Энкё дзацува*¹⁷⁸. Там мы читаем, что призраки появлялись задолго до того знаменательного банкета, и что это произошло во времена императора Коноэ (1141–1155) (а не Тоба). Во время празднества, самой глубокой ночью дворец сильно затрясся, и лампы погасли. Ёсиаки позже убил лисицу, дух которой более ста лет спустя превратился в упомянутый камень. Гэнно получил приказание императора Го Фукакуса (1246–1259) пойти на болото и положить конец странным происшествиям. «Когда монах подошел к камню, он увидел, что его окружают груды костей и черепов. Он громко прочитал *Хасо даки эн* 破竈墮機縁, дзэнский текст, и сказал: ‘Исходно ты был камнем. Откуда взялся дух, и куда он собирается уйти?’ Затем он произнес *гатха* (буддийское стихотворение) и ударил о камень посохом, сразу же разбив его. В ту ночь ему явилась женщина ослепительной красоты с благодарностями. Она сказала: ‘Силой твоих чистых возгласений я возродилась на небесах’. После этого она исчезла. С тех пор слава Гэнно распространилась из столицы по всей стране. Сёгун Камакура Ходзё Токиёри (1226–1263), услышавший о чудесной силе Гэнно, даровал ему деревню в виде вознаграждения. Это случилось в эру Кэнтё (1249–1255)».

В *Аиносё*¹⁷⁹, энциклопедии, описывающей события с 1446 года, рассматривается вопрос, отчего лиса называется *Мёбу*—но о—маэ 命婦ノ御前. «В Китае, — говорится там, — придворных дам зовут *мёбу* (命婦)... Поскольку в храмах, где почитают лис, пребывают женские божества, возможно, этих богинь и зовут *мёбу*, как придворных дам. Или, может, они (богини—лисицы) получили свое имя, так как лисы исходно являлись посланниками божества, так именовавшегося (*Мёбу*)? Следует спросить об этом других людей».

Относительно этого имени *мёбу* мы находим некоторые сведения в *Инари дзиндзяки хикэцу*.¹⁸⁰ «В этом храме (т.е. в храме Инари в Киото) лис

¹⁷⁷ Murray's *Handbook for travellers in Japan*, 8th ed. (1907), p. 216.

¹⁷⁸ 燕居雜話, написана в 1837 г.; *Хякка сэцурин*, т. 5, с. 320.

¹⁷⁹ 塏囊鈔, гл. 1, № 57, с. 10; написал буддийский монах Гёго.

¹⁸⁰ 稻荷神社記秘訣, написал Хагура Коман, 羽倉廣満, являвшийся монахом храма Инари в Киото в эру Кёхо (1716–1735). Цитируется в *Рэйдзю дзакки*, т. 2, с. 513, 515.

называют *мёбу* по следующей причине. Во времена императора Итидзё (986–1011) придворная дама (*мёбу*), сильно веровавшая в Инари, дала обет провести в храме семь дней и ночей. Однако, на третий день служитель попросил ее уйти, поскольку она стала нечиста от кровей. Но она отказалась уходить, сказав: 'Инари – божество, одинаковое как для чистых, так и для нечистых; я остаюсь здесь', и она составила стихотворение на эту тему. В ту ночь Инари явилась ей и прочитала стих, который показывал отрицательное отношение богини к менструации. Тогда женщина покинула храм и дала имя *мёбу* лисице Акомати (одной из трех лис, почитаемых на горе Инари), в соответствии с традицией храма... Другое название лис — *Томэ*—но о—маэ; *томэ* означает 'старая женщина'».

В *Рэйдзю дзакки*¹⁸¹ мы читаем следующее относительно имени *томэ*: «Что же до слова *томэ*, указывающего на лисицу, то происхождение его таково. На холме за храмом Инари (в Киото) стоял в стародавние времена храм, в которых трем лисам поклонялись, как божествам; название у этого храма было То—у—мэ ся (登宇女社), или *Мёбу* ся (命婦社). Возможно, в этом причина того, что позже все называли лис *томэ* (專). Это название мы находим уже в *Гэндзи моногатари* (1004), *Удзи сюи моногатари* (1213–18), *Хякурэнсё* (после 1259) и т.д.»

В *Инари дзиндзяко*¹⁸² про имена *мёбу* и *томэ* говорится так. «В наши дни храм на холме за храмом Инари (в Киото) называется 'Верхним Храмом' (Уэ—но ся, 上社). Раньше у этого храма было название *Томэ*—но ся, или *Мёбу*—но ся, и там поклонялись трем лисам. Поскольку эти три лисы прожили долгую, долгую жизнь в окрестностях храма Инари, где они совершали странные поступки, люди наконец стали называть их 'священными посланницами Инари' и поклоняться им всем в одном храме».

Другое слово, обозначавшее лису — *якан* (野干). В *Вакан—но сиори*¹⁸³ мы читаем следующее под заголовком «Лиса»: «Лис также называют *якан*. Что касается буддийского *якан* 射干, то это не имеет отношения к лисам. Мы находим в словарях: '糴 (кан), что то же самое, что полевая собака (野犬, *якэн*); она напоминает лису, но меньше; она водится в Маньчжурии (胡地)'».

В старой легенде, зафиксированной в *Рё—и ки*, слово *якан* описывается, как старинное название для *кицунэ*, что народная традиция объясняет,

181 霊獣雑記, написал Цутаноя Сюдзин, 蔦屋主人, «хозяин ивового дома», вероятно, в начале XIX в.; основная работа о народных верованиях в лисиц.

182 稻荷神社考, написано в 1836 г. Сугавара—но Нацукагэ, 菅原夏蔭, взявшим имя предка Сугавара; его же собственным именем было Маэда Нацукагэ, 前田夏蔭. Гл. 2, с. 25—а, под заголовком «*Мёбу*—ся, также именуемые *Томэ Микэцу ками*, 専女三狐神».

183 和訓栞, написал Таникава Котосуга, 谷川士清, 1706–1776.

как «всегда приходящая». Мы не находим *якан* в других работах восьмого века, равным образом, как и девятого, и десятого. Из всех историй о лисах в *Кондзяку моногатари* слово *якан* употреблено лишь в одной, бок о бок со словом *кицунэ* с тем же значением. В одной из повестей *Мидзу кагами* (12-й век) оно стоит отдельно, тогда как единственная работа 13-го столетия, где использовано это слово, – *Дзоку Кодзидан*; однако в той же легенде лиса также названа *кицунэ*, так что словом *якан*, очевидно, пользовались в более древней записи легенды. После этого оно не встречается. В *Вамёсё*¹⁸⁴, цитированной Кайбара Ёсифуру 貝原好古 в его *Вадзига*¹⁸⁵, упоминается китайская работа под заголовком Као син це юнь 考聲切龍, где говорится: «Лиса есть животное, называемое *якан* (野干). В Китае лиса называется *якан* ошибочно. Некоторые говорят, что *якан* – не то же самое, что лиса. *Якан* маленький и с большим хвостом, может взбираться на деревья; лиса большая и не может этого делать». В другой китайской книге *Цзу тин ши юань* 祖庭事苑 говорится: «*Якан* на санскрите – *шиккара* (悉迦羅); его также называют 夜干, или 射干 (*якан*); его лай похож на волчий».

Вероятно, легенда об этом индийском животном пришла в Китай в буддийской форме и была трансформирована в лису. Китайский труд *Ши-и*¹⁸⁶, цитированный Хирано Хицудай 平野必大 в его *Хонтё сёккан*¹⁸⁷, объясняет *якан* следующим образом: «В буддийских сутрах и *якан*, и тэн (соболь, *mustela melampus*) – плохие животные, напоминающие сине-желтых собак. Они пожирают людей и могут взбираться на деревья». Хирано замечает: «Возможно, лис в Японии называют *якан* в подражании злым животным из буддийских сутр. Существует старое выражение, что '*якан* напоминает собаку'. И это также заимствовано из буддийских сутр. В целом, те, кого называют *якан* (野干) – наихудшие, самые навязчивые, приносящие наибольшее зло лисы».

Что касается имени *тока*, то мы находим следующее объяснение в Буцуруй сёко 物類稻呼. «В Канто лис называют *кицунэ* днем и *тока* ночью. В провинции Хитати белых лис зовут *тока*.» Причина (такого наименования) может быть в том, что люди считают лису тайной посланницей Инари, два иероглифа имени которой, 稻荷, произносятся, как *то-ка*.» И в *Рэйдзю дзакки*¹⁸⁸ цитируется отрывок из вышеупомянутого *Инариджин-*

184 和名抄, (полное название – *Вамё руйдзю сё*, 和名類聚抄), написал Минамото-но Ситагау, 源順 911–983.

185 倭爾雅, словарь, написанный в 1688 г.; гл. 6, раздел Животные, ст. «Лиса».

186 拾遺, написал Чэнь Цанцзи при династии Тан.

187 本朝食鑑, написано в 1697 г.

188 Т. 2, с. 515.

дзя ки хикэцу, где говорится следующее: «Инари зовется 'Тока', 稻荷, что может быть записано *тоё-у-га* 豊宇賀, – иное наименование *уга-но митама* (倉稻魂)¹⁸⁹. 'Тоё-уга' обозначает 'обильная пища'».

После этого отступления, сделанного нами для сведения воедино всех упоминаний о наименовании лисиц, вернемся к исходному пункту, к Айносё. Мы читаем в этой старой энциклопедии еще один отрывок о лисах под заголовком: «Блуждающие огоньки, называемые 'Лисьими огнями' (*Кицунэ-би*).» Здесь приводится следующее объяснение. «В старой китайской классической книге *Ли-цзи*¹⁹⁰ сказано, что гниющие растения превращаются в светлячков. Также говорится, что светлячки возникают из лошадиной крови. Лисьи огни (*кицунэ-би*, 狐火) записываются также 磷火, (*рин-ка*, «блуждающие огоньки»). Говорят, что эти блуждающие огоньки возникают из лошадиной крови, и люди думают, что лисьи огни возникают при сжигании лошадиных костей».

Г. Шестнадцатый век

В *Отоги дзоси*¹⁹¹ есть одна легенда под названием «Кобатана-гицунэ», представляющая собой всего лишь новое изложение древней истории о лисе, принявшей облик женщины и жившей с мужчиной, как его жена, покуда собака не вынудила ее бежать из дома к своим родителям. В этой версии она позже превращается в монахиню и ведет благочестивую жизнь, хотя и страдает непрестанно по своему бывшему мужу.

В *Симпэн Отоги дзоси*¹⁹², помимо вышеуказанной истории, мы находим два небольших отрывка про лис, оба – в *Моттомо-но соси*¹⁹³, датируемой приблизительно 1620 годом. Здесь мы читаем: «Что касается превращений лис, то это можно произвести, обкуривая их носы,» а также стихотворение о лете, где сказано: «На празднике Инари факелами служат лисьи огни».

189 «Дух Риса», почитаемый на горе Инари. См. ниже.

190 禮記, гл. 月令

191 御伽草子, легенды, датируемые 15-м и 16-м веками, составленные и опубликованные в двух изданиях (1891 и 1901 гг.) Имаидзуми Тэйскэ, 今泉定介. См. Florenz, *Geschichte der Japanischen Literatur*, pp. 357 sqq.

192 新編御伽草子, 20 историй, датируемых приблизительно тем же временем, собранных и опубликованных Хагино Ёсиюки, 萩野由之, в 1901 г.

193 尤之雙紙; т. 2, легенды № 20, с. 59, №№ 29, 39.

В *Ходзё годайки*, «Истории пяти поколений семейства Ходзё»¹⁹⁴, мы читаем: «Старый самурай, находившийся на службе у Ходзё Удзиясу (1515–1570) рассказал такую историю: ‘Хотя Удзиясу был воином, он также очень любил поэзию. В один из летних вечеров он гулял, как вдруг рядом с ним с криком пробежала лиса. Тогда один из его сопровождающих заметил: «В стародавние времена, когда Ёритомо охотился на равнине Михара в провинции Синано, пошел дождь и загредел гром. Тогда Кадзивара Кагэсуэ прочитал стихотворение, и гром немедленно прекратился от такого поэтического воздействия. Теперь, поскольку появление лисицы летом – чрезвычайно дурное предзнаменование, хорошо было бы нейтрализовать его какими-то стихами». Но никто не смог ничего сочинить. Тогда сам Удзиясу сложил прекрасное и очень тонкое стихотворение, скрытый смысл которого был в том, что лисице не следует появляться летом. И вот! В середине дня лису нашли мертвой на том же месте, с которого она кричала. Люди сочли это странным и гадали о чудесной силе стихотворения’».

Н. Семнадцатый век

В *О-у эй-кэй гунки*¹⁹⁵ содержится следующий рассказ: – По преданию, Онодэра Сигэмоти, предок Ёсимити, повелителя Дэва, живший в Кога, что в провинции Симоса, в мальчишеские годы спас молодую лисицу из рук других мальчиков. В ту же ночь к нему пришел старик и на коленях благодарил за спасение жизни его ребенка, маленькой лисицы. Он сказал, что является белой лисой (*бякко*), которая долгое время служит Инари Даймёдзин. Он дал Сигэмоти маленький пакетик с лекарством со словами: «Это – очень сильнодействующее лекарство, составленное богиней (Инари); с его помощью в этом году ты получишь земли из рук императора. Ты должен просить у него владения на Востоке, а именно – Ямасита в провинции Дэва. Твои дети и внуки всегда будут владеть этой территорией и иметь величайшее преуспевание. Когда ты переедешь туда, я буду тебя сопровождать». После этого старик внезап-

194 北条五代記, написал Миура Дзёсин, 三浦浄心, буддийский монах, живший 1536–1615 гг.

195 奥羽永慶軍記, «История войны между Уусю и Усю (провинциями Муцу и Дэва) с эры Эйроку (1558–1569) до эры Кэйтё (1596–1614)» (отсюда – слова «О-у эй-кэй»), написанная Тобэ Масанао, 戸部正直, самураем клана Акита, жившим, вероятно, в первой половине семнадцатого века. *Сисэки сюран*, т. 15, гл. 36.

но исчез, оставив пораженного Сигэмоти с лекарством в руках. На следующий день император серьезно заболел, и никто не мог его вылечить. В столице и вне ее были вывешены объявления, обещающие тому, кто исцелит императора, все, чего бы тот не пожелал. Тогда Сигэмоти пришел со своим лекарством, которое подействовало в тот же день, и император предложил ему владения. Следуя совету лиса, он выбрал Ямасита в провинции Дэва, с «с тех пор и поныне, на протяжении четырехсот лет, его отпрыски обладали ею и жили там в полном преуспевании».

В *Тайонки*¹⁹⁶ мы читаем: «У императора было три 'священных предмета' (*синки*, 神器). Его наследники получили три сокровища (*самбо*, 三寶), а именно, во-первых, портрет Дайсёкукан (т.е. Каматары, 鎌足, первого из Фудзивара, жившего 614–669 гг. и получившего титул дайсёкукан незадолго до смерти); во-вторых, *Хоккэкё* (*Саддхарма пундарика сутра*), написанную золотой тушью настоятелем Эйрё, 亮恵, и в-третьих, 'Меч Маленькой Лисы'¹⁹⁷. Кандзёсё (Премьер-министр), а именно – Сугавара-но Митидзанэ (845–903), который после смерти превратился в грозный раскат грома (поскольку умер в ярости от своей несправедливой ссылки), ненавидел двор и убил Фудзивара-но Токихира (871–909), инициировавшего его ссылку. Днем и ночью дул ветер и не переставая шел дождь; было так же ужасно, как если бы целая армия врагов раздирала дворец на части. Император (Дайго, 897–930) пребывал в великом страхе и спросил Тэйсинко (貞信公, Фудзивара-но Тадахира): 'Какое божество сегодня смотрит на дворец?' Тогда Тэйсинко увидел белую лису, выходящую из рукоятки его меча, и ответил: 'Ваше величество может успокоиться; сегодня дворец охраняет великое божество Инари'. Немедленно после этих слов гром и дождь прекратились, а небо просветлело. Этот меч называется 'Мечом Маленькой Лисы'.»

В *Синтёмонсю*¹⁹⁸ есть несколько легенд о лисах и *тануки*. Один человек сидел перед храмом Инари в Киото, когда из храма вышла старая лиса и стала прыгать туда-сюда через *тории*. Поскольку он смотрел на лису в глубочайшем изумлении, та сказала: «Ты должен прыгнуть тоже.» «Для меня это невозможно», – ответил он, но лиса возразила: «В таком случае я тебя научу», и, сняв с него *хаори*, животное перекинуло через *тории* длинную веревку и стала перетаскивать *хаори* то туда, то сюда. Тот человек почувст-

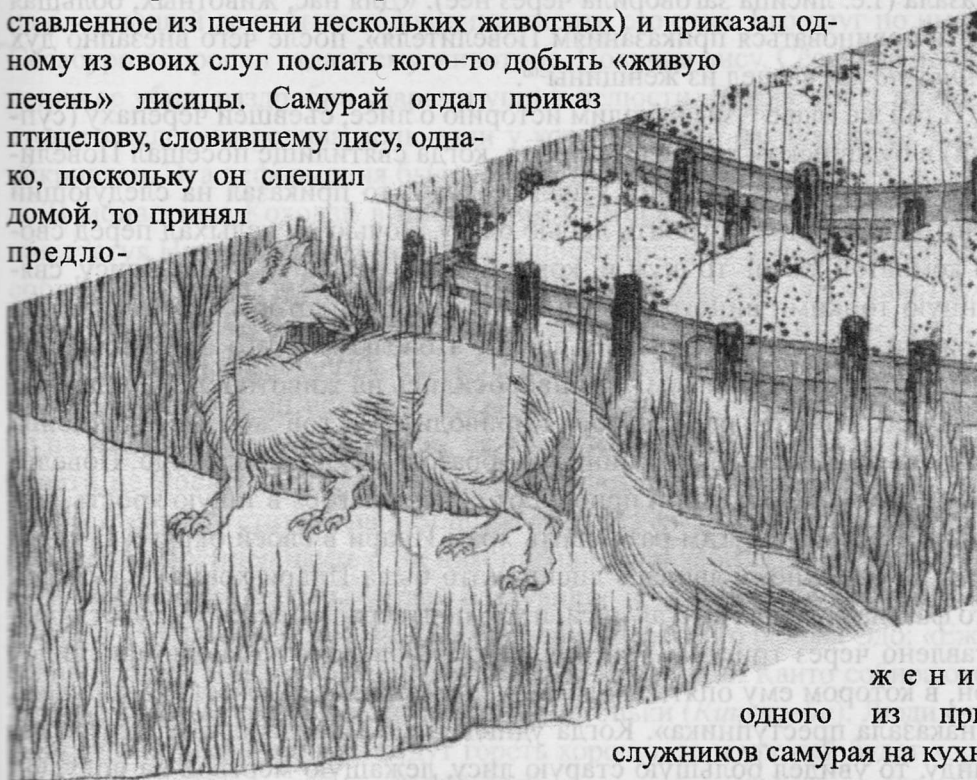
196 戴恩記, написал Мацунага Тэйтоку, 松永貞徳, живший 1570–1653 гг.; также называется *Карин дзацува сю*, 歌林雜話集, «Собрание различных поэм». Т. 1, с. 21.

197 *Когичунэ-но тати*, 子狐ノ太刀.

198 新著聞集, написана около 1700 г. *Дзоку Тэйкоку бунко*, т. 47, *Кинсэй кидан дзэнсю*, 近世奇談全集.

вовал себя так, как если бы он действительно перепрыгнул через них и был просто ошеломлен. Вернувшись в свою деревню, он постучал в дверь своего дома, но жена и дети не открывали, восклицая: «О, небеса, это же старая лиса, не выпускайте ее». Безуспешно пытался он убедить их, что является их мужем и отцом, а затем, залившись слезами, пришел к выводу, что при жизни пал на «путь животных» (одна из шести форм существования в буддизме, т. наз. «шесть путей», 六道 или *гати*). Тогда он ушел прочь и стал жить на берегу, питаясь лишь морской травой и рыбой, а деревенский люд весьма сочувствовал ему и выстроил небольшой храм Инари в его честь¹⁹⁹.

Когда Дайнагон из Овари занимался соколиной охотой в Цусима, он пожелал приготовить лекарство под названием У-сай-эн (鳥犀圓, составленное из печени нескольких животных) и приказал одному из своих слуг послать кого-то добыть «живую печень» лисицы. Самурай отдал приказ птицелову, словившему лису, однако, поскольку он спешил домой, то принял предло-

жение
одного из при-
служников самурая на кухне

отдать ему животное с разрешением съесть его мясо, после того, как отделит печень. Однако, когда прислужник приступил к этому занятию, его жена, находившаяся в Киёсу (провинции Овари) вдруг стала одержима существом, заговорившим ее устами: «Не было никакой причины, по которой он мог бы убить меня, поскольку он – не чиновник (т.е. убить ее не являлось его обязанностью); поэтому я

¹⁹⁹ Гл. 10, с. 141.

стану мстить. Он не только убил меня, но и съел мое мясо, и поэтому стал моим смертным врагом; поскольку он не в моей власти, я убью его жену, но сперва сведу ее с ума». Когда это достигло ушей Повелителя Овари, тот сказал: «Так как лисы – сверхъестественные существа, они прислушались к словам разума», – и он послал гонца в дом к несчастной женщине, приказав тому обратиться к лисе со следующими словами: «Отчего ты мучишь эту женщину? Ты была убита по моему приказу. Я мог бы убить тебя во время охоты, для собственного развлечения, но на этот раз я хотел приготовить лекарство; разве не прекрасно для тебя лишиться жизни ради человечества?» Когда женщина услышала эти слова, то заплакала и сказала (т.е. лисица заговорила через нее): «Для нас, животных, большая честь повиноваться приказаниям Повелителя», после чего внезапно дух (*Моно-но кэ*) вышел из женщины²⁰⁰.

В той же главе²⁰¹ мы находим историю о лисе, съевшей черепаху (суппон) в буддийском храме в то время, когда святилище посещал Повелитель Ига. Когда последний узнал об этом, то приказал на следующий день рано по утрам устроить лисью охоту. Ночью он услышал перед своей комнатой какой-то шум и, когда открыл дверь, то увидел лису, связанную тонкими виноградными лозами, концы которых с двух сторон держали две другие лисы. На вопрос Повелителя, что они собираются делать с преступником, они набросились на животное и немедленно убили его. Подобная же история приводится в той же главе²⁰². Лисица сожрала фазана, которого министр образования подарил Андо, Повелителю Цусима. Последний пришел от случившегося в такую ярость, что приказал своим слугам разрушить храм Инари в своей округе. В ту же ночь во сне к нему явилась лисица (это была Инари храма) и сказала, что фазана сожрала другая лиса, и что подтверждение этому будет представлено через три дня. Три дня спустя Повелителю вновь приснился сон, в котором ему опять явилась лиса и сказала: «Я расследовала дело и наказала преступника». Когда удивленный Повелитель вышел на веранду, то увидел большую старую лису, лежащую мертвой на полу. Он немедленно приказал построить новый храм Инари.

Неудачное превращение лисы – сюжет другой истории. Один человек на рассвете вышел из дома, направляясь в соседний город, но вернулся очень скоро в сопровождении слуги, сказав жене, что уже закончил все

200 Гл. 16, с. 226.

201 Гл. 16, с. 229.

202 Гл. 16, с. 234.

свои дела. Поскольку он очень устал, то немедленно лег спать, однако старуха, находившаяся в доме, сказала женщине, что заметила, что он был слеп на левый глаз, тогда как у хозяина не видел правый глаз. Чтобы удостовериться, они разбудили спящего под предлогом, что старуха занемогла и ей нужно лекарство. Поворчав, тот встал, и тут обе женщины ясно увидели, что он слеп не на тот глаз. Когда он вновь заснул, они зарезали его насмерть, и под ударами он кричал, как лиса, «Кон–кон, кай–кай!» Затем домашний слуга забил насмерть его сопровождающего, который также оказался лисой. Очевидно, тот, кто принял облик хозяина, был еще недостаточно умел в превращениях²⁰³.

В 1672 году один человек поймал лису, но не хотел убивать ее, так как на следующий день была годовщина смерти его отца. Его друг по имени Сёсабуро попросил отдать ему животное. Получив лису, Сёсабуро немедленно ее убил, раздробив ударами уши и челюсти. Вскоре жена того жестокого человека родила дочь, уши у которой были расплюснены, а рот искривлен. Эта деформация была проклятием лисицы²⁰⁴.

В монастыре Коходзи в провинции Симоса каждую ночь деревянная статуя Нитирэна читала сутры, и посмотреть на это чудо отовсюду собирались толпы мужчин и женщин. Однако настоятель монастыря, который никак не мог понять, в чем тут дело, в одну из ночей остановил людей, пришедших, как обычно, послушать, и один обратился к статуе, задавая ей вопросы о таинствах Закона, угрожая разрубить ее на куски и выбросить прочь, если та не ответит немедленно. Когда ответа не последовало, почтенный человек немедля вынул широкий топор и свалил статую на землю. И вот! Из–за нее выскочил старый *тануки* и бросился наутек. За ним погнались и забили до смерти²⁰⁵.

В *Эдо сога–но ко*²⁰⁶ мы читаем следующие подробности о храме Инари в Одзи (王子) в окрестностях Уэно, хорошо известного района Эдо: «Ежегодно в канун Нового года лисы из восьми провинций Канто собираются по ночам в этом храме и зажигают лисьи огоньки (*Кичунэ–би*). Люди считают, что если эти огоньки будут гореть хорошо, то и урожай будет хороший». А поэт Икэниси Гонсуй 池西言水 писал в своем *Эдо Бэнкэй*²⁰⁷:

«Канун года, когда горят факелы

И собираются лисы Канто».

²⁰³ Гл. 17, с. 236.

²⁰⁴ Гл. 14, с. 210.

²⁰⁵ Гл. 8, с. 111.

²⁰⁶ 江戸想鹿子, написано в 1689 г., гл. 3.

²⁰⁷ 江戸辨慶, написано в 1680 г.

В другом хокку (т.е. *хайкай*, поэма из семнадцати слогов) Томодзи 友而, помещенном в Тосидоси—но кай 年々ノ晦, сказано:

«Мэкари слишком далеко, я пойду

Посмотреть на лис в Одзи».

Мэкари (和布刈) — божество, святилищем которого является Исэ, где ему поклоняются в новогоднюю полночь. Рютэй Танэхико²⁰⁸, знаменитый новеллист, цитирующий этот отрывок, замечает: «Хотя из стихотворения Томодзи ясно, что все это уже существовало в эру Эмпо (1673–1680), мы не знаем, когда все это началось. В древности лисы действительно могли приходить вместе, однако теперь делают лишь имитацию лисьего огня с помощью факелов».

Здесь можно заметить, что Кондо Гикю, 近藤義休 живший, вероятно, в 18-м веке, упоминает в своем труде Эдоси²⁰⁹ произведение под названием Эдо сунано²¹⁰, где мы читаем следующее: «По преданию, храм Инари в Одзи — главный из всех храмов Инари в Канто. Ежегодно люди предсказывают удачу, или несчастье по лисьим огням, появляющимся там в последнюю ночь года». И далее: «По преданию, очень много лисьих огней в канун Нового года бывает у так называемого Сёдзоку—эноки (装束榎, ‘дерево Эноки Церемониальных Одежд’, стоящее в поле перед храмом Инари в Одзи). Говорят, что лисы (собирающиеся на это место со всего Канто) меняют свои одежды у подножия дерева (чтобы подняться в храм в полном церемониальном одеянии)».

Много писателей восемнадцатого и девятнадцатого веков говорят о лисах, *тануки* и *мудзина*, Дакини Тэн и Инари, *кицунэ—цукаи* и *кудамоти* общими словами. Для ясности, я сведу их вместе и расположу в хронологическом порядке, но сперва приведу различные легенды, которые мы находим в книгах, составленных в те же два века.

I. Восемнадцатый век

В *Хонтё кодзи инэнсю*²¹¹ мы читаем следующие истории: «В эру Кэйтё (1596–1614) жил в Михара в провинции Бинго человек, ловивший силками лис. Когда его обратил прославленный буддийский священник, он сам

208 柳亭種彦, живший в Эдо 1782–1842 гг. Он цитирует эти отрывки в своих *Рютэйки*, 柳亭記, *Хякка сэцурин*, т. 6, с. 118.

209 江戸志, гл. 4.

210 江戸砂子, написано в 1732 г. Кикиока Сэнрё.

211 . 本朝故事因縁集, написано, вероятно, в начале восемнадцатого века.

стал монахом и молился за лучшую жизнь в будущем. Затем разъяренные духи лис, которых он убил за многие годы, совместно с теми, кого он еще не убил – неисчислимое количество, явились ему и стали творить всяческое зло, угрожая даже убить всю его семью. Испуганный охотник сказал: «Я уничтожу вас с помощью молитв (нэмбуцу), выраженных сердцем, исполненным бодхи (бодайсин, просветленное сознание)», и он взял свой посох и стал возглашать *мёго* (букв. «тончайшее имя», т.е. Наму Амида Буцу) много–много раз. Однако лисы рассмеялись и сказали: ««Нам безразличны твой Будда, твой посох и твои молитвы. Мы убьем всю твою семью»». И некоторые члены его семейства действительно заболели, так как ими овладели лисы, и стали повторять те же слова. Тогда охотник оставил молитвы, бросил посох и вернулся к своей старой профессии, после чего лисы сразу же прекратили его преследовать²¹².

В начале той же эры лиса в облике человека попросила самурая из дома Асано (даймё Вакаяма в провинции Кии) запретить одному из своих слуг ловить и убивать лис. Он пообещал и, когда обещание было исполнено, лиса вновь появилась в человеческом облике и предложила вознаградить его. Самурай попросил наполнить его склад золотом и серебром, однако лиса сказала: «Я – посланец Инари Даймёдзин, которая присвоила мне ранг Кико мёдзин (貴狐明神, «Сияющее Божество, Почтенная Лисица»). Богатство делает человека несчастным; для тебя, самурая, правильный выбор – земельная собственность. Это я тебе и дам». Сказав это, лиса исчезла, а самурай получил землю, производившую 2500 *коку* риса».²¹³

Лиса приняла облик наложницы Повелителя Сикоку, и тот, к своему непередаваемому изумлению обнаружил в своем доме двух сидящих женщин, которых невозможно было различить, и каждая претендовала на то, что является его настоящей женой. Врач счел, что это – так называемая болезнь «разделения души»²¹⁴, из-за которой одна женщина становится двумя. Он прочел буддийское заклинание (*гатха*, 偈) и, ударяя по полу посохом, читал молитвы, но все напрасно. Тогда муж схватил женщин и запер их. Увидев, что одна из них ест пищу, отличную от обычной, он допросил ее под пыткой, и та превратилась в лисицу. Тогда он решил убить животное, но тут к воротам его дома пришла толпа из 4–5 тысяч человек – буддийских монахов и мирян, мужчин и женщин; на вопрос повелителя, кто они такие, те ответили так: «Мы – лисы со всего Сикоку, пришед-

²¹² Гл. 3, № 78, с. 16–а.

²¹³ Гл. 3, № 79, с. 17–а.

²¹⁴ 離魂, *рикюн*.

шие к тебе с просьбой. Лис, причинивший тебе вред – отпрыск Кико мёдзин, Почтенного Божества-лисицы; его имя – Осагицунэ, он – посланник Инари и Царь Лис Японии. Если ты убьешь его, то принесешь великие несчастья всей стране. Он – наш учитель в охоте, и, если он умрет, мы не сможем более охотиться. Пожалуйста, оставь его в живых!» Повелитель пообещал, что, если все они уедут с Сикоку на корабле, то он отошлет пленника им вослед. После этого они дали ему письменную клятву, что никогда не вернутся на Сикоку, покуда существует этот документ. Они ушли, и с тех пор на Сикоку нет лис. Во времена автора документ все еще находился во владении той же семьи²¹⁵.

В *Сакаи кагами*²¹⁶ содержится следующая легенда: «В эру Эйроку (1381–1383) в комплексе буддийского монастыря Сёриндзи 少林寺 по соседству с Цуригицунэ-дэра²¹⁷ был храм под названием Ко-ун-ан 耕雲菴. Монах этого храма по имени Хакудзо был убежденным почитателем Инари, охранительницы храма, и делал ей ежедневные подношения. Однажды в лесу он встретил трехногую лису, что, явно, было признаком того, что богиня (Инари) услышала его молитвы. Монах на руках отнес животное в храм и тщательно ухаживал за ним. Это была сверхъестественная лиса (靈狐, *рэйко*), которая мгновенно узнавала мысли монаха. Когда пришли разбойники, лиса прогнала их прочь. До наших дней отпрыски той лисы, все – с тремя ногами, живут в том монастыре, так как сила Инари велика. Пьеса под названием ‘Цуригицунэ’ (釣狐) была написана в том же монастыре. Лиса, обратившаяся стариком, смотрела на исполнение этой комедии, а после научила автора хорошему магическому искусству лис (в противоположность злым проделкам)».

Что касается комедий о лисах, то мы находим их в *Кёгэнки*²¹⁸ под названием *Кицунэ*²¹⁹. Лиса в облике буддийского монаха, дяди охотника, приходит в горную хижину последнего и предупреждает его, что ловить и убивать лис – очень нехорошо. Охотник обещает выбросить свои силки в реку и никогда больше не ловить лис, но обманывает своего якобы-дядю и, вместо того, чтобы выбросить силок, ставит его поблизости. Наконец, лиса попадает в него, вернувшись в свой исходно животный облик. В ходе разговора между дядей и племянником, лиса

215 Гл. 3, № 87, с. 3–b.

216 堺鑑, написал Кинугаса Итидзюн, 衣傘一淳, живший 1679–1746. Гл. 2, 古跡.

217 釣狐寺, «Монастырь ловли лис».

218 狂言記, датируются периодом Муромати (1333–1601).

219 *Кёгэн дзэнсю*, 狂言全集, «Полное собрание комедий», изданное «Хакубанкан», т. 1, с. 71, гл. 2, № 2.

рассказывает знаменитую легенду о Тамамо-но маэ, дабы охотник хорошо осознал, какое сильное чувство мести бывает у лис.

Мы обнаруживаем историю о *тануки* в *Кайдан тосиотоко*²²⁰. В старые времена в Эдо жил врач по имени Кугано Кэндо. Однажды его позвали в один дом в Бантё в районе Эдо, однако, когда он пришел туда – а уже темнело – то оказалось, что хозяина дома нет, и его попросили немного подождать. В прихожей ему прислуживал мальчик–слуга, выглядевший очень милым, однако он сразу же убежал, когда доктор взял его за руку и погладил. Оглянувшись, он заметил, как лицо мальчика вдруг удлинилось почти до 3 сяку, и что у него только один глаз посреди лба, маленький нос и большой рот. Глянув на Кэндо, он исчез. Последний чрезвычайно удивился, однако, будучи очень храбрым человеком, не ушел прочь. Вскоре пришел хозяин дома. Когда доктор негромко рассказал ему о случившемся, тот разразился смехом и сказал: «А, это тот парень? Он всегда так пугает незнакомцев. А такое лицо он делал?» и хозяин в точности симитировал ужасное лицо, продемонстрированное мальчиком. Для доктора это было уже слишком; он побежал ко входной двери и позвал своих спутников. Однако все они ушли домой, за исключением носителя сандалий (дзори). Стояла кромешная тьма, Кэндо был сильно испуган, но у человека с дзори был фонарь. И вот! Немедленно стало так светло, что была видна последняя травинка, и в этом ослепительном свете лицо носителя дзори оказалось трех сяку в длину и с одним глазом на лбу, с маленьким носом и огромным ртом, – таким же, как у двух предыдущих призраков. При этом виде доктор с криком упал на землю и потерял сознание. В это время его родственники, не понимавшие, отчего он не возвращается домой, пошли вместе со знакомыми к дому в Бантё искать своего хозяина. Однако они обнаружили не тот добротный дом, который видели в предыдущий вечер, но старую, грязную, заброшенную, полуразвалившуюся хибару, о которой соседи рассказывали, что она давно пользуется дурной репутацией, так как ее населяют лишь лисы да *тануки*. Никто не осмеливался даже проходить поблизости от нее. Наконец, доктора нашли лежащим лицом вниз в соседней бамбуковой роще. Его принесли домой, но лишь два дня спустя он смог осмыслить происходящее и говорить, а полностью пришел в себя лишь через месяц. Никто не осмеливался подходить к тому колдовскому дому, считавшемуся жилищем старого *тануки*, который сыграл с доктором такую шутку. Позже, однако, животных прогнали прочь, и сегодня от них не осталось и следа. На том месте пролегли ожив-

220 怪談登志男, написал в 1749 г. Дзансэцуся Сокию, 斬雪舎素及. Гл. 2, с. 6.

ленные улицы, и никто уже не помнит о заколдованном доме.

В *Роо тьява*²²¹ мы находим следующие легенды. Лиса сожрала сокола даймё, который так рассердился, что объявил, что разрушит храм Инари в своем уделе. Ночью были видны многие огни от факелов, и на следующее утро рядом с храмом Инари на дереве обнаружили лисью шкуру. Был призван прорицатель, и когда он, стоя у храма, окунул бамбуковые листья в кипящую воду и sprysнул ею свое тело, богиня вошла в него и заговорила его устами, сказав, что преступник, весьма почтенная придворная дама и священная посланница Инари, была схвачена, и с нее содрали шкуру по приказу богини, дабы умиловить Повелителя²²².

На той же странице излагается другая история о служанке наложницы Хидэёси (1536–1598), которой овладел лис. Хидэёси послал личное письмо в храм, спрашивая богиню о причинах ее гнева и прося ее, если это возможно, приказать своему слуге, лису, немедленно оставить женщину; в противном случае он прикажет открыть лисью охоту по всей Японии. Это письмо было положено служителем во внутренних покоях храма, и вот! За один день женщина выздоровела.

На стр. 367 изложена история мести лисы. Охотник, испугавший спящую лису, выстрелив у нее над ухом, посреди ночи был разбужен приходом двух чиновников магистратуры в полном облачении, которые именем Повелителя приказали ему немедленно совершить харакири, так как он осмелился стрелять в его владениях. Бедняга уже был готов исполнить их приказание, а чиновники стояли у него по бокам, как вдруг в комнату ворвались домашние собаки и набросились на них. Внезапно важные представители закона обратились лисами и были немедленно убиты вместе со своими слугами, пытавшимися скрыться во всех направлениях в своем истинном облике. Такова была попытка мести лисы, которую пробудили ото сна.

Преследуемого собаками старого *тануки* спас ребенок. В ту же ночь животное явилось во сне его родителям в образе милостивого мальчика и попросило разрешения жить зимой под их верандой. На следующее утро хозяин дома приказал всем не трогать *тануки*. Время от времени они давали ему поест, а тот однажды ночью, предварительно оповестив во сне, развлек их, сыграв на своем животе, как на барабане, производя забавную музыку. Наконец, он в третий раз появился им во сне и сказал, что на следующий день его насмерть загрызет собака. «В моем прошлом

221 老嫗茶話, «Рассказы старухи за чаем», написаны в 1742 г. Мисака Дайята, 三坂大彌太.

222 Дзоку Тэйкоку Бунко, т. 47, Кинсэй кидан дзэнсю, с. 380.

существовании, — сказал он, — я был охотником Кэнкуро, а прежняя жизнь Кэнкуро была такой же, как моя теперяшняя; именно его собака загрызет меня завтра. Мы, животные, имеем преимущество перед людьми в том, что знаем свои прошлые и будущие жизни». На следующее утро хозяин вышел поискать *тануки* и нашел его мертвым, загрызенным собакой; он похоронил его рядом со своим домом.

На стр. 263 мы находим старого *тануки* и лисиц (狐狸, *кори*), упоминаемых совместно, как это бывает часто и в других произведениях. «Существуют, — читаем мы там, — три разновидности странных животных. Первая — тонкие, с истощенными мордами, красными глазами, худыми и длинными туловищами, ногами длиной с лошадиные, с криком, походящим на звук от удара в колокол. Это — *тануки*. Вторая — *тануки* с круглыми мордами, острыми носами, пятнистой шкурой, слепые на один глаз. Третьи — лисы с большими ушами, круглыми глазами, заостренными скулами, широкими ртами, старые и большие, но без правой лапы (!)» Похоже, что это — описание частично самих животных, а частично — их превращений в человеческий облик. Отсутствующая правая рука напоминает нам о лисице с тремя ногами, упоминавшейся в *Сакаи кагами*. Что касается одноглазого *тануки*, то это животное сходно с теми, что преследовали врача из *Кайдан тосиотоко*, а также с одноглазой женщиной из следующего рассказа: — Один монастырь донимали *тануки* и лисы. Однажды ночью пришел человек и хотел ударить настоятеля по лицу, однако тот схватил его за руку и отрубил ее; она оказалась покрытой шерстью лапой старой лисы. В другой раз гостю, проводившему в монастыре ночь, не давало заснуть большое количество щенков, которые то появлялись, то исчезали. Он вышел в уборную, однако, когда собирался выходить, обнаружил, что дверь подперта снаружи. Глянув в щель между досок, он увидел стоящую снаружи старуху. Немедленно обнажив меч, он просунул его в щель и воткнул ей в грудь, после чего она убежала прочь, сильно кровоточа. Через небольшое время возник свет, как если бы с неба на веранду упала комета. Он побежал посмотреть, и обнаружил вновь ту же старую ведьму. И еще раз он ударил ее мечом, после чего она убежала, оставляя на камнях перед верандой кровавый след. На следующий вечер одноглазая женщина с девочкой пришли к настоятелю и просили его провести заупокойную церемонию по умершей старшей сестре. Настоятель, зная, что они — *тануки*, пригрозил им куском бамбуковой палки, и женщина с ребенком убежали прочь. Той ночью в окрестностях было видно много факелов; казалось, что огромная толпа читала сутры и

молилась. Звучали храмовые гонги и барабаны, но, наконец, факелы погасли, а голоса затихли. На следующий день настоятель послал людей на то место, и из земли был извлечен старый мертвый *тануки*, большой, как теленок. Это, разумеется, была та самая старуха, которую ранил гость²²³.

«Что касается старых лис и *тануки*, то в ясные, тихие лунные ночи они выходят с молодняком из своих нор и вместе играют на флейтах и барабанах к удовольствию деревенских жителей, слушающих издали. По старому поверью, это – игра *тануки* на животах, как на барабанах (*хара-цудзуми*). Раньше говорили, что лисы и *тануки* старше тысячи лет могли совершать сверхъестественные поступки, как, например, вызывать гром и дождь, или обкрадывать тела умерших²²⁴».

На стр. 282 упоминается *мудзина*, который появился в замке в облике мальчика и предсказал смотрителю его близящуюся смерть. На следующее утро в Новом году он обнаружил новый гроб и погребальные принадлежности в прихожей, а вечером повсюду раздавался звук, как если бы сбивали *моти* (рисовые лепешки). Вскоре после этого смотритель заболел и умер. Летом того же года кто-то видел высокого бонзу, совершенно черного, набиравшего воду у замка; когда на него набросились, он внезапно исчез. Через какое-то время в лесу нашли разлагающееся тело *мудзина*, и с тех пор странные происшествия прекратились.

В *Сансю кидан*²²⁵ говорится о лисе, еще неопытной в превращениях, которая сделала ошибку и ходила в человеческом обличье, но с лисьим хвостом к немалому изумлению людей, осмеиваемая теми, кого она собиралась одурачить; поняв это, она со стыдом убежала прочь²²⁶. В другой раз лиса явилась настоятелю монастыря, как призрак недавно умершего человека, и жаловалась на ошибки, допущенные в предыдущей жизни, которые не дают ей попасть на небо. Она показала настоятелю бумагу с неверно написанным именем, которую, вероятно, подобрала где-то на поле. Однако настоятель, хорошо знавший, что настоящий призрак не может ничего носить, схватил своего таинственного гостя за руку и не отпускал, несмотря на все попытки вырваться, яростную брань, зловонное дыхание и демонические изменения лица. Наконец, призрак принял свой истинный (лисий) облик и со слезами стал просить отпустить его. Настоятель

223 С. 267.

224 С. 266.

225 三州奇談, написана в 1764 г. Хогта Бакусуй, 堀田麥水; *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. 47, *Кинсэй кидан дзэнсю*.

226 Гл. 1, с. 674.

молилась. Звучали храмовые гонги и барабаны, но, наконец, факелы погасли, а голоса затихли. На следующий день настоятель послал людей на то место, и из земли был извлечен старый мертвый *тануки*, большой, как теленок. Это, разумеется, была та самая старуха, которую ранил гость²²³.

«Что касается старых лис и *тануки*, то в ясные, тихие лунные ночи они выходят с молодыняком из своих нор и вместе играют на флейтах и барабанах к удовольствию деревенских жителей, слушающих издали. По старому поверью, это – игра *тануки* на животах, как на барабанах (*харацудзуми*). Раньше говорили, что лисы и *тануки* старше тысячи лет могли совершать сверхъестественные поступки, как, например, вызывать гром и дождь, или обкрадывать тела умерших²²⁴».

На стр. 282 упоминается *мудзина*, который появился в замке в облике мальчика и предсказал смотрителю его близящуюся смерть. На следующее утро в Новом году он обнаружил новый гроб и погребальные принадлежности в прихожей, а вечером повсюду раздавался звук, как если бы сбивали *моти* (рисовые лепешки). Вскоре после этого смотритель заболел и умер. Летом того же года кто-то видел высокого бонзу, совершенно черного, набиравшего воду у замка; когда на него набросились, он внезапно исчез. Через какое-то время в лесу нашли разлагающееся тело *мудзина*, и с тех пор странные происшествия прекратились.

В *Сансю кидан*²²⁵ говорится о лисе, еще неопытной в превращениях, которая сделала ошибку и ходила в человеческом обличье, но с лисьим хвостом к немалому изумлению людей, осмеиваемая теми, кого она собиралась одурачить; поняв это, она со стыдом убежала прочь²²⁶. В другой раз лиса явилась настоятелю монастыря, как призрак недавно умершего человека, и жаловалась на ошибки, допущенные в предыдущей жизни, которые не дают ей попасть на небо. Она показала настоятелю бумагу с неверно написанным именем, которую, вероятно, подобрала где-то на поле. Однако настоятель, хорошо знавший, что настоящий призрак не может ничего носить, схватил своего таинственного гостя за руку и не отпускал, несмотря на все попытки вырваться, яростную брань, зловонное дыхание и демонические изменения лица. Наконец, призрак принял свой истинный (лисий) облик и со слезами стал просить отпустить его. Настоятель

223 С. 267.

224 С. 266.

225 三州奇談, написана в 1764 г. Хотта Бакусуй, 堀田麥水; *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. 47, *Кинсэй кидан дзэнсю*.

226 Гл. 1, с. 674.

так и поступил, но сперва показал изумленным обитателям монастыря²²⁷.

В третьей истории говорится о беременной белой лисе, жизнь которой пощадил охотник, несмотря на приказ своего хозяина, который после наказал охотника за непослушание, лишив его всех прав и прогнав от себя. Во сне расстроенный человек увидел лису в облике женщины, и она сказала ему: «Из-за меня ты стал несчастлив, но я сделаю тебя богатым и прославлю. Иди в Эдо, где живет мой муж». Человек так и сделал, и в одну из ночей ему явилась лисица и научила магической формуле, излечивавшей все болезни. Это принесло ему состояние, и в благодарность он построил храм Инари, а также убедил друга сделать то же самое на деньги, которые тот одолжил ему на путешествие в Эдо, но не хотел брать обратно. Сын его друга не заботился о храме и был наказан Инари: он сошел с ума и вел такую беспутную жизнь, что потерял все состояние. После этого член той же семьи стал одержимым и сказал: «Я – лиса, почитаемая в доме Кунаи (плохого сына); если вы приведете меня в специальный зал храма в Санно, я навсегда стану вашим божеством-охранителем». Эта просьба была удовлетворена, и в ту же ночь появился свет в подтверждение божественной силы лисы, которая с тех пор охраняла то место²²⁸.

Относительно ужасности мести Инари мы узнаем из истории в *Синтё-монсю*²²⁹, в которой человек, срубивший священное дерево Инари, кончает жизнь самоубийством после того, как его жена и дети сошли с ума, а мать убило молнией. Напротив, в гл. 3, стр. 782 той же работы мы читаем о вознаграждении, полученном от лис. Один человек, рядом с домом которого умерла белая лиса, увидел, как ночью появились сотни лис и, положив усопшую в гроб, провели пышную погребальную церемонию. Глубоко тронутый, он построил над могилой храм и просил служителя Инари совершать там ежегодный праздник. Наградой ему было огромное богатство, как и у бедного крестьянина, который был нищим, но все же дал поесть лисе, которая жила со своим выводком под старым синтоистским храмом, где он сам проводил ночь с двумя детьми по пути в Эдо. Подойдя к окрестностям города, он встретил старого аскета, который накормил его детей до отвала. Хозяин постоялого двора сказал: «Этот человек ходит здесь уже несколько лет, прося пищу на дороге, но никто не знает, где он живет. Говорят, что он – превратившаяся лиса; считают, что любой, кто получит от него хоть что-то, становится очень счастливым». Так и случилось, поскольку сыновья бедного крестьянина стали богатыми торговцами и купили *ясики* (землю с домом)²³⁰.

227 Гл. 2, с. 704.

228 Гл. 3, с. 793.

229 Гл. 9, с. 124.

230 Гл. 3, с. 783.

На стр. 819 (гл. 4) мы читаем о колдуне, дававшем представления в Киото с «духами лис» (氣狐, *ки-ко*) и золотыми драконами (金龍, *кинрю*), который мог из одного человека делать двоих.

Считалось, что старый *тануки*, или лиса обратилась странной женщиной не более тридцати сяку ростом, с лицом в 3 сяку, которую несколько раз видели среди ночи с зажженным факелом в руках. Не иначе, как это был жизненный дух древнего существа, проживавшего в окрестностях. Также и в других регионах ночные видения: черные монахи громадной высоты, нападавшие на прохожих; женская голова длиной в шесть–семь сяку, с хохотом пролетающая мимо, сопровождаемая громом и молнией, либо – плюющая на людей, отчего те желтели и заболели, но могли вылечиться лекарством под названием *экикито* (益氣湯, помогает от солнечного удара); пламенная голова, сжигавшая ногу любого, кто пинал ее, – все эти явления описывались, как дело рук старого *тануки*, или жизненных духов древних существ, либо – птицы–оборотня²³¹. Один старый *тануки* стучался в ворота каждую ночь, покуда его не убили стрелой²³². Блуждающие огоньки приписывают старому *тануки*, принимающему облик высокого бонзы (*нюдо*, 入道), которого также убил охотник²³³.

Тануки и *мудзина* (貉) упоминаются совместно в истории, приводимой на стр. 749 (гл. 3). Старый буддийский монах был убит собаками, и оказалось, что он был *мудзина*. Когда об этом сообщили настоятелю монастыря, к которому тот монах принадлежал, настоятель сказал: «Тот монах жил здесь около двухсот лет. Никто не знал о его происхождении, однако было известно, что он скопил большое количество золотых монет, полученных от пожертвований на монастырь. Где-то десять дней назад он внезапно пришел и сказал: ‘Сегодня меня убила собака в Китаура; вы должны провести по мне поминальную службу’. После этого он исчез». Настоятель провел службу, сочтя, что душа монаха обретет нирвану с ее помощью; дабы освободить его душу от любви к деньгам, которую монах выказывал при жизни, он отдал все золото, сбереженное им, двум носильщикам, сообщившим ему о смерти *мудзина*. Однако, проклятье монаха–призрака лежало на деньгах и привело к сумасшествию и смерти всей семьи одного из носильщиков. Когда второй узнал об этом, то немедленно воздвиг каменный памятник монаху и заказал поминальную службу. На бумаге, на которой *мудзина* написал какие-то

231 Гл. 3, с. 771.

232 Гл. 4, с. 827.

233 Гл. 3, с. 752.

нечитаемые знаки, стояла красная печать с иероглифом 霖, комбинацией 雨, дождя и 狸, *тануки*. Автор добавляет: «В Японии, как и в Китае, существует большое количество легенд, в которых *тануки* и *мудзина* обращаются людьми и рассуждают о самых разных вещах. *Мудзина* с Моротакэ—дзан 諸嶽山 приналич облик монахов и обсуждали буддийские сутры. Старый незнакомец, говоривший о пяти китайских классиках с китайцем по имени Дун Чжуншу 董仲舒 был, как говорили, *мудзина*²³⁴. Эти животные живут в норах, однако знают, когда пойдет дождь, благодаря своим чудесным способностям. Странно, однако, что старый *мудзина* из этой легенды, проживший среди людей столько лет и обладавший большой магической силой, мог быть убит обычной собакой».

В начале эры Кёхо (1716–1735) также *мудзина* приводил в трепет окрестности большого дуба. Кто бы ни прошел под ним ночной порой, видел на нем старую ведьму с младенцем на руках, которого она бросала в испуганного прохожего. Если он вынимал меч и рубил младенца, тот превращался в камень. Самурай, услышавший об этом, вместо младенца напал на старуху и так сильно ударил ее мечом, что она издала громкий вопль и исчезла. Младенец также исчез. Меч самурая оказался покрыт кровью, а на следующее утро кровавые следы привели к большой норе под бамбуковой загородкой, где нашли мертвого *мудзина*. Все, слышавшие о случившемся, хвалили героя, однако после мести *мудзина* привела к его смерти. Во время сражения он перепрыгивал через изгородь, зацепился за нее штанами и упал, после чего был убит преследователем. Люди говорили, что дух (氣) старого *мудзина* отомстил ему, и с того времени никто не смел отремонтировать, или даже приблизиться к изгороди, так как считалось, что она приносит несчастье²³⁵.

В *Сансю кидан кохэн*²³⁶ мы читаем историю о лисе, обернувшейся дзэнским монахом и обсуждавшей религиозные вопросы с другим монахом, но внезапно убежавшей в своем животном облике, так как стала подозревать, что ее собеседник – собака–оборотень.

На с. 909 гл. 3 упоминаются три вещи, явившиеся причиной несчастья некой семьи: 1. Соколиная охота, 2. Фарсы о ловле лис (*цуриги-цунэ-но кёгэн*) и 3. Серая лошадь (*каварагэ-но ума*). Соколиная охота была запрещена Каннон, которая, превратившись в снежную цаплю, подверглась нападению сокола. Что касается фарсов, то они считались несчастливыми, так как один из членов семьи, услышавший во время

²³⁴ Бакин считает, что это был *тануки*.

²³⁵ Гл. 5, с. 846.

²³⁶ 三州奇談後編, написано в 1779 г.; Дзоку Тэйкоку бунко, т. 47, Кинсэй кидан дзэнсю; гл. 3, с. 900.

сна, как в саду воют лисы, попытался подражать им, от чего сошел с ума и бродил каждую ночь, крича по лисьи, а вскоре умер. Серая лошадь представляла несчастье по следующей причине. Семья держала большое количество лис, так как в древности эти животные однажды оказали ей большую помощь. Поэтому строго запрещалось впускать на территорию жилища собак. Однажды, когда туда вошла серая лошадь, стали случаться странные вещи, вероятно оттого, что лисам был неприятен этот цвет, либо по каким-то другим таинственным причинам. Ночью конюх не мог заснуть, а сама лошадь стала вялой и потеряла свой обычный здоровый дух. Напротив стояла несколько раз видели стоящую женщину. Несчастливый серый цвет (*каварагэ*) был также у котенка маленькой девочки, который ночь за ночью мяукал на крыше, как если бы его придавило чем-то тяжелым. Когда, наконец, обнаружили, что котенок — не что иное, как демон, животное обернулось лисой и убежало, но несчастная девочка тут же заболела и умерла²³⁷.

Свадебная процессия, участники которой вычернили себе лица маслом и сажей, была сочтена шествием лис в человеческом облике, но с лисьими головами. Их арестовали, обкуривали им лица и помещали в воду, чего не могли бы вынести лисы. Только тогда стало ясно, что это — обычные люди²³⁸.

Старая лиса была спасена из рук мальчишек человеком, пожалевшим ее и давшим ей поест. Другие деревенские жители говорили, что он слишком мягкосердечен, и что лиса непременно овладеет им вместо того, чтобы вселиться в мальчишек. Он и сам в это поверил; ему стало казаться, что руки и ноги у него стали двигаться как-то по-странному; он даже заворачивал в бумагу конский навоз и смотрел на него так, как если бы собирался его съесть. Он прекратил работать и заперся в комнате. Там он жил три дня, ожидая появления лисицы. И, наконец, животное, действительно, появилось посреди ночи. Перепуганный, он стал громко звать на помощь, однако лиса успокоила его, сказав, что пришла не овладевать им, но лишь сообщить, что окрестные лисы не собираются мешать жителям из страха быть пойманными собаками, и что он может спокойно приниматься за работу. Затем лиса исчезла, а человек как будто пробудился ото сна. Он совершенно выздоровел и дальше трудился, как обычно²³⁹.

Блуждающие огоньки, считавшиеся произведенными *тануки* и *мудзина*, появлялись многими дождливыми ночами²⁴⁰.

237 Гл. 3, с. 917.

238 Гл. 6, с. 963.

239 Гл. 7, с. 985.

240 Гл. 6, с. 956.

В *Умпё дзасси*²⁴¹ мы читаем следующую историю. В Осака был один актер, которого называли «человеком–мишенью», поскольку он предлагал всем попробовать попасть в его обнаженный живот. Многие пытались так позабавиться (платя, разумеется, ему деньги за это странное представление), но он всегда уворачивался от пули движением летящей птицы. Слава о нем разнеслась по всему городу. Одного старого стрелка, у которого было много учеников, последние упросили показать свое умение на этой странной мишени, несмотря на то, что он поначалу отказывался, так как не любил бессмысленного кровопролития. Он попал в одежды «человека–мишени», а не в него самого, однако тот умер, окруженный клубами дыма. Когда ученики, восхищенные умением своего учителя, попросили его объяснить случившееся, тот сказал: «Этому человеку–тени прислуживала лиса, следовавшая за ним ради пропитания. Лиса, прячась в его одеждах, представляла одураченным людям ложный человеческий образ. Стрелявшие в него попадали просто в воздух; я же попал в одежды, в которых она пряталась, так что где–то здесь должна быть мертвая лиса». И действительно, на следующий день в деревне Намба была обнаружена старая лиса, убитая пулей. Учитель, знавший свое искусство и хитрых демонов так хорошо, явно был чрезвычайно умным человеком.

В *Кандэн кохицу*²⁴² изложены следующие легенды. «Есть лис, живущий в Сёэндзи, буддийском храме школы Икко в деревне в окрестностях Хатиман провинции Оми. Этот лис с самого начала и поныне охранял храм от пожаров и всех прочих несчастий; говорили, что он также охраняет и служителя, когда тот выходит, чтобы отправлять свои религиозные обязанности. Будучи невидимым для глаз, лис однажды пожаловлся служителю человеческим голосом, сказав, что некто загрязнил его, бросив что–то на сандалии монаха, когда он, лис, сидел на них, как страж, во время церемонии в частном доме. Монах заметил, что его жалобы беспочвенны, так как его никто не мог увидеть, и лис признал правоту сказанного. В другой раз животное сообщило следующее: 'В целом мы, лисы, делимся на три ранга, а именно, так называемые *сюрё*, 主領 или «главные», относящиеся к первому рангу, *ёриката*, 寄方 или «помощники», – второй ранг, и *яко*, 野狐 или «полевые лисы», – третий. Смущение в мир приносят в основном полевые лисы. Мы же, старшие, лишь управляем помощниками и теми

241 雲萍雜誌, написано Янагидзава Киэн, 柳沢淇園, умершим в 1758 г. Предисловие написано в 1796 г., книга напечатана в 1843 г. *Хякка сэцурин*, т. 正下 (II), с. 818.

242 閑田耕筆, написано в 1799 г. Кандэнро Кокэй, 閑田盧蒿蹊, собственное имя которого было Бан Сукэёси, 伴資芳, а дом которого называли «Кандэнро». Он жил в 1732–1806. *Хякка сэцурин*, т. 続下 (V).

В *Умпё дзасси*²⁴¹ мы читаем следующую историю. В Осака был один актер, которого называли «человеком–мишенью», поскольку он предлагал всем попробовать попасть в его обнаженный живот. Многие пытались так позабавиться (платя, разумеется, ему деньги за это странное представление), но он всегда уворачивался от пули движением летящей птицы. Слава о нем разнеслась по всему городу. Одного старого стрелка, у которого было много учеников, последние упростили показать свое умение на этой странной мишени, несмотря на то, что он поначалу отказывался, так как не любил бессмысленного кровопролития. Он попал в одежды «человека–мишени», а не в него самого, однако тот умер, окруженный клубами дыма. Когда ученики, восхищенные умением своего учителя, попросили его объяснить случившееся, тот сказал: «Этому человеку–тени прислуживала лиса, следовавшая за ним ради пропитания. Лиса, прячась в его одеждах, представляла одураченным людям ложный человеческий образ. Стрелявшие в него попадали просто в воздух; я же попал в одежды, в которых она пряталась, так что где–то здесь должна быть мертвая лиса». И действительно, на следующий день в деревне Намба была обнаружена старая лиса, убитая пулей. Учитель, знавший свое искусство и хитрых демонов так хорошо, явно был чрезвычайно умным человеком.

В *Кандэн кохицу*²⁴² изложены следующие легенды. «Есть лис, живущий в Сёэндзи, буддийском храме школы Икко в деревне в окрестностях Хатиман провинции Оми. Этот лис с самого начала и поныне охранял храм от пожаров и всех прочих несчастий; говорили, что он также охраняет и служителя, когда тот выходит, чтобы отправлять свои религиозные обязанности. Будучи невидимым для глаз, лис однажды пожаловлся служителю человеческим голосом, сказав, что некто загрязнил его, бросив что–то на сандалии монаха, когда он, лис, сидел на них, как страж, во время церемонии в частном доме. Монах заметил, что его жалобы беспочвенны, так как его никто не мог увидеть, и лис признал правоту сказанного. В другой раз животное сообщило следующее: ‘В целом мы, лисы, делимся на три ранга, а именно, так называемые *сюрё*, 主領 или «главные», относящиеся к первому рангу, *ёриката*, 寄方 или «помощники», – второй ранг, и *яко*, 野狐 или «полевые лисы», – третий. Смущение в мир приносят в основном полевые лисы. Мы же, старшие, лишь управляем помощниками и теми

241 雲萍雑誌, написано Янагидзава Киэн, 柳沢洪園, умершим в 1758 г. Предисловие написано в 1796 г., книга напечатана в 1843 г. *Хякка сэцурин*, т. 正下 (II), с. 818.

242 閑田耕筆, написано в 1799 г. Кандэнро Кокэй, 閑田盧蒿蹊, собственное имя которого было Бан Сукэёси, 伴資芳, а дом которого называли «Кандэнро». Он жил в 1732–1806. *Хякка сэцурин*, т. 続下 (V).

из полевых лис, которые находятся непосредственно в нашем распоряжении, но не подчиненными другим старшим. Старшие есть повсюду, и если один из них пожелает управлять помощниками, или полевыми лисами другого старшего, тот приходит в сильнейшую ярость и уже никогда этого не забывает, ибо они еще более непримиримы, чем люди'. Таков был ответ, который лис дал, когда его спросили о лисьих чарах. Если кто-то хочет о чем-то спросить лису, то он записывает вопрос и оставляет письмо в главном зале храма, где после находит письменный ответ. Лиса может также отвечать человеческим голосом, оставаясь невидимой. Как правило, она уважает настоятеля храма и относится к нему, как к своему хозяину. Однажды лис попросил о помощи, поскольку, как он сказал, ему не хватало денег, чтобы обрести более высокий ранг. Настоятель согласился, однако ситуация показалась ему странной, и он спросил, откуда у того вообще деньги? Ответ был таким: 'Я всегда подбираю и храню то, что западает за ящик для пожертвований'. Говорят, что лиса всегда живет над потолком главного зала. Что касается денег для занятия более высокого поста, то это не был единичный случай, так как я слышал подобное и про других лис. Тогда я спросил монаха Инари, кому животные платят эти деньги, но никто из них ничего не знал. Дела лис окутаны тайной»²⁴³.

В храмовом комплексе Дзодзёдзи, великого буддийского святилища в районе Сиба (Эдо) стоял маленький храм, посвященный лисам. Однажды настоятель приказал новоприбывшему монаху отнести туда подношения и исполнить церемонию. На следующий день пришел человек с чашкой и в церемониальной одежде и попросил другого монаха передать настоятелю, что он хотел бы получить другой храм, поскольку в его предыдущем, где он прожил много лет, появился Бэнтэн. Дело в том, что монах подумал, что его посылают в храм Бэнтэн, и он провел церемонию для Бэнтэн в лисьем храме. Настоятель приказал построить для лисы другой храм, и та появилась вновь в том же облике, поблагодарив монаха за то, что он разъяснил настоятелю все дело, и пообещав охранять его на протяжении всей жизни, так что у него никогда не должно быть недостатка в одежде и еде. Другой монах из того же храма был одержим лисой и вел себя, как женщина. Он просил настоятеля о новом храме, в котором в первое и пятнадцатое число каждого месяца делались бы подношения рисовыми колобками, поскольку его собственный храм, стоявший в соседнем саду, был разрушен. Настоятель согласился, после чего одержимый монах написал имя лисы на табличке очень кра-

243 Гл. 3, с. 71 и далее.

сивыми иероглифами, и ее прикрепили к тории нового храма²⁴⁴.

«В Намбу (т.е. Осю) в месте под названием Сити-но хэ (七戸) есть болото площадью около шести *ри*²⁴⁵. Каждый год в конце второго месяца там можно наблюдать так называемый лисий отряд (狐隊, *ко-тай*). Жители окрестных мест приходят поглазеть на него, принося с собой сакэ и снедь. Обычно все происходит в день, когда небо чуть подернуто облаками. Если озаботиться этим заранее и увидеть двадцать-тридцать лис, прыгающих вокруг, то в тот день непременно придет лисий отряд. Если люди станут громко выражать свое восхищение, внезапно на расстоянии двух *тё*²⁴⁶ появится замок, и около двух сотен всадников в шлемах станут вытягиваться в длинный боевой порядок. Если зрители станут долго аплодировать, лисы представят две процессии вассалов, сперва – даймё Мацумаэ, а потом – даймё Цугару. Возможно, боевые ряды и замок должны представлять старинную битву при Куриягава. Говорят, что болотные лисы появляются лишь один этот раз. Если зрители многочисленны, а крики одобрения громки, то количество лис велико, а представление блестяще; если собралось мало зрителей, то и лис появляется немного. Так я слышал от очевидцев».

Так называемый живот-барабан *мудзина* упоминается в книге под названием *Сёнай касэй дан*²⁴⁷. В эру Анъэй (1772–1780) его звуки слышали ясными осенними ночами, когда ярко сияла луна, с 3 до 5 часов, непрерывно звучавшие, как «тон-тон», то близко, а то далеко. Однако, в конце концов оказалось, что это – всего лишь звук от кузнечных мехов, слышавшийся то издалека, то вблизи из-за перемены направления ветра, а в 5 часов, когда улицы становились шумными, другие звуки поглощали его.

Ж. Деятнадцатый век

Кёкутэй Бакин 曲亭馬琴 упоминает в своей *Энсэки дзасси*²⁴⁸ книгу *Иккю ханаси*²⁴⁹, где мы читаем историю о *тануки*, явившемся умирающему в облике Амида на пурпурном облаке, однако, когда в него выпустили стрелу, он принял свой исходный облик. Это, говорит Бакин, просто украдено из *Удзи сюи моногатари*.

244 Гл. 3, с. 72.

245 1 *ри* – 2 мили, 775 ярдов.

246 1 *тё* – 119 ярдов, 11 дюймов.

247 庄内可成談, цитируется Иноуэ в его *Ёкайгаку коги*, т. 2, с. 230.

248 蒸石雑誌, написано в 1810 г.; гл. 5, № 2, с. 7-а, под заголовком «Танукэ», 田之怪.

249 一級話説, книга эры Камбун (1661–1672); автор неизвестен.

Далее, Бакин рассказывает о хорошо известном *тануки*, который долго жил в провинции Садо и звался Дандзабуро. Это было необычное животное, так как он одалживал людям деньги. Желавшие одолжить писали на бумаге сумму и день выплаты, затем подписывались, ставили свою печать и клали бумагу у норы *тануки*. Придя на следующее утро, они обнаруживали деньги, лежащие у норы (если *тануки* решал одолжить их). Однако, понемногу количество желающих настолько увеличилось, равным образом, как и тех, кто не возвращал долг, что *тануки* перестал одалживать. Он же позвал доктора, когда заболел. Он принял человеческий облик, а за доктором послал паланкин. Через несколько дней ему стало лучше, и он пришел к доктору с большим блюдом, наполненным монетами, однако доктор не принял их и спросил, кто он такой. Тогда *тануки* сказал, что он – Дандзабуро, после чего доктор наотрез отказался от денег, объяснив, что *тануки*, наверняка, обрел это богатство не честным путем. Однако, Дандзабуро ответил, что он собрал их в ямах и долинах, где стояли дома, сгоревшие в ходе войн, или уничтоженные наводнением. Когда доктор все же отказался принять деньги, *тануки* вернулся с драгоценным мечом, который и был принят.

Считалось, что тот же *тануки* может вызывать миражи. «Несколько раз, ясными вечерами, из Футацуива («Двух Скал») поднимался пар (氣, ки), наполовину синий, наполовину красный, принимавший форму большого дома, или замка с залами и стенами из земли и камней, хорошо видимых; это был не мираж (*синкиро*, 蜃気楼, вызываемый дыханием (氣, ки) морского животного, (мидзути, 蜃). Люди говорили, что это – дело рук Дандзабуро».

На стр. 10 той же главы Бакин замечает: «Поскольку в Садо нет лис, людей там преследуют *тануки* и *мудзина*. Говорят, что Хатидзёдзима, где нет ни лис, ни *тануки*, ни *мудзина*, тем же занимаются горные коты». И далее: «Не так давно в Камакура жил прислужник служителя, связанный с неким монастырем, ходивший в Идзу и Касуга и просивший там подаяния. Он писал рисунки, и многие жители деревень и женщины с гор покупали их. Наконец, его загрызла собака в Нумадзу, и пораженные люди обнаружили, что это был *тануки*–оборотень.» Бакин предполагает, что исходно слово *тануки* звучало «та–но–кэ», 田怪 «призрак рисового поля», или «та–нэко», 田猫, «кошка рисового поля». Он говорит, что *тануки* часто называют «полевыми котами»²⁵⁰, а кошек — «домашними *тануки*»²⁵¹.

250 野猫, я–бё.

251 家狸, ка–ри. Гл. 5, № 2, с. 7–а.

В *Сюмпаро хикки*²⁵² содержится следующая запись лекаря из Асимо-ри, что в провинции Битю. «Несколько раз мне приходилось излечивать людей в моей деревне, одержимых лисами. Однажды такое случилось с женщиной, которую лиса упорно отказывалась покидать. Поэтому я ис-щипал все ее тело и тер предплечья; далее, я перевязал одну ее руку, ко-торая распухла, как одна большая опухоль (лиса, преследуемая щипками и трением, спряталась в руке) и готовился воткнуть в нее иглу, как вдруг женщина сказала: 'Теперь я выйду'. После этого я снял повязку, однако больная тут же пришла в прежнее состояние. Лиса обманула меня. Я сно-ва принялся ее тереть, и на этот раз она ушла в плечо. Я собирался убить животное, проткнув ее иглой, как вдруг она сдалась и сказала: 'Теперь я действительно уйду, и, как доказательство этому, ты найдешь мое тело в бамбуковой роще'. И действительно, оно было там. Тогда я распустил жгут, и лиса с криком выскочила из больной. Таким образом, человеком овладевает лишь дух (*ки*, дыхание) лисы, а не ее тело.» В *Сёкан дзакки*²⁵³ рассказывается о лисе, который сбросил свое тело в возрасте 500 лет и в облике старого паломника пошел в соседний буддийский храм. Он про-слушал церемонию, а затем попросил служителя заклинаниями освобо-дить его от лисьего тела. Тот так и сделал, после чего старик сказал: «Те-перь я свободен; пожалуйста, похорони меня, как буддийского монаха». Служитель пошел в горы, где нашел лисье тело и похоронил его.

Богатый источник информации по этой теме – *Тоэн сёсэцу*²⁵⁴. Там мы находим следующие легенды. Человек женился на женщине, которую встретил по дороге. Она родила ему двоих детей, и они жили вместе мно-го лет. Однажды, когда она дремала у огня с маленьким ребенком на ру-ках, другой ее ребенок внезапно воскликнул: «Посмотри, отец, у мамы лисье лицо!» Женщина немедленно вскочила на ноги и убежала, и больше никогда не возвращалась. После продолжительных поисков неподалеку у лисьей норы нашли детскую игрушку и письмо. Когда сын той женщины вырос, он ушел в паломничество и не вернулся. Вспоминая случившееся, люди всегда говорили о нем, как о «лисьем дяде»²⁵⁵.

В эру Аньэй (1772–1780) хорошо известный актер *дзёрури* получил ро-скошный прием в большом крестьянском доме, где много людей собрались в комнате и бурно аплодировали его таланту. Прошло немало времени, и

252 春波樓筆記, написал Сибя Кокан, 司馬江漢, живший 1746–1818. *Хякка сэцурин*, т. 正上 (1), с. 1162.

253 消閑雜記, написал в 1824 г. Оканиси Итё, 岡西惟中. *Хякка сэцурин*, т. 正下 (2), с. 1046.

254 兎園小説, написали в 1825 г. Бакин и несколько других авторов. *Хякка сэцурин*, т. 正下 (2).

255 Гл. 6, с. 570.

вдруг все вокруг него стихло, и он очутился в полном одиночестве. Исчезла комната, исчез дом, и в мутном утреннем свете он обнаружил, что находится на кладбище! Он помчался домой, уверенный, что лисы обманули его, накормили лошадиным навозом и напоили коровьей мочой вместо изысканных блюд и вина. Сама мысль об этом сделала его больным и на несколько дней приковала к постели. Одновременно, по всей провинции разнесся слух, что им овладели лисы, попросившие сыграть для них. Так оно и было, однако его опасения насчет еды и питья оказались беспочвенными, так как той же ночью в соседней деревне должна была состояться свадьба, однако все блюда и вино, приготовленные для праздника, таинственным образом исчезли. Это, без сомнения, было делом рук лис, или *тануки*, так как на болоте, где они угощали актера, повсюду были разбросаны рыбы кости и винные чашки. Очевидно, лисы, большие поклонники его таланта, угостили его едой и питьем, украденными со свадьбы. Через несколько дней актер поправился, но позже избрал другую профессию, а *дзёрури* читал лишь время от времени по чьей-либо просьбе²⁵⁶.

В 1820 году дочь оптового торговца из Эдо стала одержима духом настоятеля Ютэна. Она написала *мёго*²⁵⁷, имя Ютэна и его подпись. Слух об этом разнесся окрест, и люди приходили отовсюду, чтобы получить у нее *мёго*. Они говорили: «Настоятель, спасший в древности плохую женщину из Хабу мура (из ада), явился вновь!» Сам настоятель Ютэн, умерший в 1718 году, успокоил злобного демона, вселившегося в женщину, с помощью чтения сутры. И вот, огромная толпа собиралась ежедневно у ворот дома, в котором жила девочка, а она для всех писала *мёго*. Однако, когда демона в ней не было, она становилась самой обычной девочкой. Автор (участвовавший также в составлении *Тоэн сёсэцу*) получил такое *мёго* от знакомого. Иероглифы были написаны на прекрасной парчовой основе, но два из них были неправильные. Ввиду этих ошибок, один пожилой человек, авторитет в подобных делах, объявил это делом рук лис, или *тануки*. Он сказал, что ошибки были допущены намеренно, из страха перед наказанием Будды (а так, с двумя неправильными иероглифами, это уже не являлось истинным *мёго* и потому не представляло собой святотатства!). Наконец, когда девочка была подробно допрошена, лиса проявила свой истинный облик, и уже не оставалось сомнения в ее одержимости. Прижатая к стене расспросами, лиса вышла из девочки. Причи-

256 Гл. 7, с. 589.

257 名號, «имя»: «Наму Амида Буцу», 南無阿弥陀仏, т.е. взывание к Амида.

ной одержимости оказалась ее мать, вдова, имевшая незаконную связь с торговцем шелком, часто проводившим ночи в ее доме (очевидно, у этого человека была лиса на службе, и он носил ее с собой). Когда это открылось, торговец бежал, а вдову отправили в ее родную деревню, тогда как девочка пошла в дом к родственникам²⁵⁸.

В 1809 году лис явился во сне одному человеку и сказал, что он (лис) – сын Инари, стоящей за лавкой в Хонго (район Эдо), и что он поссорился со своей матерью и не хочет возвращаться домой. Он попросил спящего позволить остаться у него в доме, обещая, что не станет его беспокоить. Человек согласился и увидел, что лис был очень доволен; проснувшись, он подивился тому, какой ему приснился странный сон и что он в действительности значит. На следующий день служанка вдруг принялась работать гораздо усерднее обычного. Она таскала воду, мыла рис, рубила дрова и даже шила, чего никогда не умела делать. Так она трудилась целый день, делая работы больше, чем могли бы пятеро мужчин. Однажды она предсказала дождь, хотя небо было совершенно чисто, и настояла, чтобы хозяин взял с собой зонт, выходя из дома; позже оказалось, что это был очень правильный совет. В другой день она предсказала прибытие гостей. Все ее предсказания оказывались верными, и она была чрезвычайно полезной. Все это произошло из-за того, что ею овладела лиса, выказавшая, таким образом, свою благодарность²⁵⁹.

Квалифицировав преследование лис, как очень плохое, а соседство с *тануки* – как безопасное, автор рассказывает о письме и рисунках *тануки*, которые видел лично. Один из таких образчиков представлял собой переписку²⁶⁰ с Инари в Киото²⁶¹, мешанину печатей–иероглифов, квадратных по форме, часто скорописных, со многими языковыми ошибками. Они были написаны буддийским монахом, жившим в доме (где и сохранились эти писания), которого называли «молчащим аскетом» (так как он никогда не произносил ни слова). Через некоторое время на него напали собаки и загрызли до смерти, отчего и стало известно, что он – *тануки*. Подобную же легенду рассказывали о другом образчике письма из Кавасаки, где во времена автора *тануки* в облике буддийского монаха жил на протяжении шести лет и занимался обращением людей; наконец, он был убит собакой рядом с Цуруми. Другой старый *тануки*, также обратившийся бонзой, нарисовал картину, которую ее владелец показал автору.

258 Гл. 9, с. 679.

259 Гл. 8, с. 612.

260 託宣, *таку-сэн*.

261 *Инари санся*, «три храма Инари»; см. ниже.

Студент-медик из Накабаси настолько интересовался *тануки*, что собирал все, имевшее к ним отношение: книги, писания, различные предметы и проч. Например, у него был так называемый *ри-сэки* (狸石), или «камень *тануки*», природный камень, выглядевший, как разрисованный. В длину он был менее двух *сун*, немного красный и белый, с черным *тануки* внутри. Украшение трубки студента, металлические детали его кошелька и так далее – все было исполнено в форме *тануки*. Всю его жизнь он больше всего любил говорить о *тануки*. Возможно, между ним и этим животным существовала какая-то связь в предыдущем существовании²⁶².

В 1805 году *тануки* жил над потолком в одном доме в Онуки-мура, деревне в районе Катори провинции Симоса. По просьбе гостя, желавшего посмотреть на письмо *тануки*, хозяин дома взял бумагу и карандаш, высек на него несколько искр (как при совершении подношения) и положил их в комнате. Через некоторое время бумага и карандаш сами собой взлетели к потолку и вскоре были найдены, после того, как ими попользовался *тануки*, с несколькими написанными иероглифами и словами, «*Тануки*, 108 лет от роду». На следующий год животное написало «109 лет», что доказывало его правоту, как говорили люди. Иногда *тануки* спускался с чердака в комнату и приходил к хозяину дома, а однажды хозяин в шутку сказал ему: «Поскольку ты знаком с магией, покажи-ка что-нибудь редкое в такой-то день, так как я собираюсь позвать гостей». Когда пришел назначенный день и собрались гости, хозяин рассказал им о своей просьбе к *тануки*, и все находились в крайне возбужденном ожидании. Внезапно сад превратился в широкую площадь, на которой находились самые различные торговцы, строившие большие лавки, или раскладывающие свои товары на циновках. Со всех сторон собирались покупатели, и закипела торговля. Наконец, видение исчезло. После этого слухи о *тануки* стали распространяться все шире и шире, и многие просили взглянуть на его писания, больные приходили в надежде излечиться, алчные – за богатством, и все молитвы были услышаны *тануки*. Поскольку количество паломников непрерывно увеличивалось, известия об этом дошли и до властей в Эдо. На место был тайно послан чиновник, но оказалось, что все происходит не по простой схеме обычного *ямабуси*, или ему подобного, но в доме самурая, являвшегося хранителем замка великого даймё, так что чиновник не нашел оснований для жалоб и вернулся обратно. Однако, с тех пор никому не разрешалось входить в дом *тануки* без разрешения. Более того, говорили, что *тануки* перестал появляться. Позже,

262 Гл. 5, с. 527.

незадолго до наступления 1825 года, в Рёгоку (Эдо) был выставлен на обозрение *тануки*, однако власти запретили зрелище из опасения, что он станет столь же известным, как и *тануки* из Онуки-мура²⁶³.

В эру Кансэй (1789–1800) *тануки* принял облик женщины и каждую ночь стоял на перекрестке у горного постоянного двора, соблазняя мужчин. Позже животное вырыло нору в соседнем саду и стало там жить²⁶⁴.

В *Сёсан тёмон кисю*²⁶⁵ говорится о лисах, которые, когда их потревожили брошенным камнем, отомстили виновнику тем, что мешали ему пройти по узкой дорожке. То там вдруг появлялась длинная процессия даймё, то они стучали посреди ночи в ворота, и бедняга был вынужден безрезультатно выходить на двор. Их облик был вполне человеческим, но голос несколько грубым²⁶⁶. Далее, упоминаются так называемые *куда* (管, «трубка»), «странные животные с кошачьей головой, туловищем речной выдры, темно-серой шерстью по всему телу и большим хвостом; короче – разновидностью большой белки, которую люди из провинции Синано называют *куда* и считают животным-оборотнем»²⁶⁷. Это животное заставляло жену крестьянина кричать по ночам и было убито лекарем, призванным на помощь вечером²⁶⁸.

Благочестивый старый *тануки* в человеческом облике и с посохом в руках каждый вечер вел беседы со старой женщиной и наконец предсказал, что на следующий день попадет в силки и погибнет. Он сказал, что не может избежать своей судьбы, что на его теле не будет ран и что его хвост наполовину белый. Именно таким его нашли и похоронили; позже по просьбе той старой женщины настоятель провел по нему поминальную службу, а она воздвигла на его могиле каменный монумент²⁶⁹. Точно так же о своей гибели заранее знала старая лиса²⁷⁰.

Плохую шутку сыграл *тануки*, как это описано на стр. 614 (Гл. 5). Один человек пообещал своей любимой прийти вечером в лес, где они собирались совершить двойное самоубийство. Однако, его любовь к жизни была сильнее любви к девушке, и он не явился. *Тануки*, знавший о происхождении

263 Гл. 5, с. 525.

264 Гл. 5, с. 528.

265 想山著聞奇集, написал в 1849 г. Миёси Сёсан, 三好想山. *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. 47, *Кинсэй кидан дзэнсю*.

266 Гл. 1, с. 432.

267 Ср. с *куда-гичунэ (канко)* ниже.

268 Гл. 4, с. 564.

269 Гл. 4, с. 576.

270 Гл. 4, с. 585.

шем и видевший ожидавшую девушку, принял облик ее любимого и, зайдя с ней вглубь леса, перебросил веревку через ветку, прикрепив один ее конец к своей шее, а другой – к шее. Однако, он забыл, что, будучи просто *тануки*, весит гораздо меньше ее, в результате чего поднялся в воздух и удавился, а ноги девушки немного касались земли. Она была обнаружена без сознания, но живой, а мертвый *тануки* висел у нее над головой.

Иноуэ Энрё, чью прекрасную работу *Ёкайгаку коги*, «Лекции по фольклору»²⁷¹, мы часто упоминали, приводит истории, рассказанные ему деревенскими жителями. Среди них есть следующая. Житель провинции Симодзукэ бросил камень в странную птицу, сидевшую при дороге. Вернувшись домой, он внезапно заболел, и никакие лекарства ему не помогали. Его состояние становилось все хуже, он впал в безумие, и это привело его отца к мысли, что здесь не обошлось без козней лис, или *тануки*. Был призван изгонитель (*сюгэндзя*, *ямабуси*), которого попросили поститься и молиться за здоровье пациента. Тот положил у стены «священные принадлежности»²⁷² и прочел перед ними несколько тантр (магических формул). Затем он сел спиной к стене. Пациент, столь слабый, что не мог стоять, лежал рядом с ним на циновках, а большое количество зрителей (среди которых был и тот, кто спустя годы написал о случившемся Иноуэ), стояли перед и за ним. Изгонитель сказал, чтобы один из них подошел к нему, и вышла старая женщина. Однако, оказалось, что она не может быть хорошим медиумом, и ее место занял мужчина около сорока лет. Умывшись и очистившись, он сел напротив изгонителя с закрытыми глазами и *гохэй* в руках. Остальные расселись вокруг, подражая изгонителю и хором читая магические формулы. Через некоторое время *гохэй* в руках медиума стал двигаться, сперва медленно, затем быстрее, пока не затрясся сильно-сильно. Присутствовавшие, увидев такое воздействие тантр, стали читать их еще громче, покуда *гохэй* не затрясся так, что упал на землю²⁷³. Затем чтение тантр прекратилось, и изгонитель спросил медиума низким голосом: «Откуда ты пришел и куда направляешься?» Ответа не последовало. Тогда изгонитель приказал ему указать направление с помощью *гохэй*, и медиум сперва показал на юг, а затем на северо-восток. Изгонитель, однако, не был удовлетворен, и добавочными тантрами и *мудра* (фигурами из пальцев) он, наконец, заставил медиума заговорить. Лис, говоря его устами, сказал: «Я боюсь вашего окружения и хочу уйти. Причина того,

271 妖怪学講義, написаны 井上圓了; третье издание опубликовано в 1897 г.

272 神器, *синки*: *гохэй* и прочее. *Гохэй* – хорошо известные листочки бумаги, прикрепляемые к палке, с помощью которых божества и демоны входят в медиума. Ср. Percival Lowell, *Occult Japan*, p. 153.

273 Ср. Lowell, 1.1.

что я ов
я сидел
(тантра
цать мо
лис, же
указанн
мон. Та
рую лю
кричал:
нес. Де
которое
нил нич

Так
на свое
из паци
следней
с собой
зом мн
школы
сутры.
спраши
лиса от
сакэ в
лисами
чат «К

В эр
вдруг
просто
немног
как на
«Он бы

Гипн
нин ход
ния, ве
дочным

274 Т. 4,
275 Т. 4,
276 Т. 4,

что я овладел хозяином этого дома, в том, что он ударил меня камнем, когда я сидел у храма в облике птицы. Я бы отомстил ему, но теперь я так испуган (тантрами и *мудра*), что немедленно ухожу. Пожалуйста, дайте мне двенадцать мон». Слышавшие это единодушно сказали: «Это, должно быть, старый лис, желающий пересечь реку в человеческом облике. В направлении, им указанном, есть река, паромная переправа через которую стоит двенадцать мон. Так что надо дать деньги этому человеку (медиуму), а также еды, которую любят лисы». После этого медиума вынесли из дома. Он непрерывно кричал: «Кон-кон!», а потом крепко заснул на спине человека, который его нес. Деньги и еда, данные ему, исчезли из его рук (их забрал лис). Через некоторое время медиум проснулся, однако никак не мог опомниться и не помнил ничего, что сказал в трансе. У него немного болели руки и ноги²⁷⁴.

Так писал очевидец, присутствовавший при изложенном во времена своей юности. Очевидно, что лис, с помощью тантр переведенный из пациента в *гохэй*, а затем – в медиума, был принужден выйти из последнего с помощью еще большего количества тантр и *мудра*. Он взял с собой деньги и еду и оставил медиума без сознания. Таким же образом многие пациенты, одержимые лисами, излечиваются монахами школы Сингон, которые подводят их к изображению Будды и читают сутры. Внезапно, тело пациента начинает сильно трястись, и монахи спрашивают лису, откуда она пришла и почему овладела пациентом, а лиса отвечает устами последнего. Занятно, что люди, не переносящие сакэ в нормальном состоянии, любят пить его, становясь одержимыми лисами. Некоторые говорят, что те, кем овладевают лисы самцы, кричат «Кон-кон!», а те, кем овладели лисы-самки: «Гя-гя!»²⁷⁵

В эру Каэй (1848–1853) один человек шел ясной лунной ночью, как вдруг стало непроглядно темно. Он был бесстрашным малым, поэтому просто сел у обочины и закурил трубку (лисы не переносят дыма). По-немногу стало так же светло, как и раньше, и в лунном свете он заметил, как на другой стороне дороги крадется старая лиса. Человек подумал: «Он бы заморочил меня, но не смог, так как я не испугался»²⁷⁶.

Гипнотическая сила старых лис проявилась в другом случае. Крестьянин ходил по своему полю странным и непонятным образом, топча растения, вертась то направо, то налево и размахивая своей лопатой беспорядочным образом. Перед ним шла старая лиса, и он следовал за ней, крутя

274 Т. 4, с. 221.

275 Т. 4, с. 220.

276 Т. 4, с. 206

корзиной так же, как животное своим хвостом. Другой крестьянин, увидев это, прогнал лису, однако загипнотизированный хотел пойти за ней, говоря: «У меня дело в той деревне». Его друг, однако, не позволил ему идти и привел в чувство. После этого, тот рассказал, как погнался за лисой, чтобы прогнать ее, бросаясь то вправо, то влево, пока не пришел сосед и не попросил его сходить с ним, и они направились в соседнюю деревню. Было ясно, что лиса приняла облик соседа и обманула крестьянина²⁷⁷.

Подобный же случай упоминается на стр. 209, однако здесь гипнотическую силу проявил старый *тануки*. Животное сидело на дереве и смотрело на крестьянина, ходившего туда-сюда по полю, но думавшего, что пересекает речушку и потому бормотавшего: «Глубоко, глубоко». Увидевший это другой человек застрелил *тануки*, и в тот же момент, как он упал с дерева, крестьянин свалился на землю, визжа, как если бы подстрелили его. В другом случае человек стоял перед высохшим руслом, думая, что это – широкий поток, который он не в состоянии пересечь. Вероятно, эту шутку сыграла с ним лиса.

Самурайский меч, которым была убита лиса-оборотень, стоявшая на мосту в женском облике, стал драгоценной реликвией семьи; когда кого-то донимает лисы, или *тануки*, его излечивают возложением этого меча на голову²⁷⁸.

В 1893 г. газета напечатала статью о таинственном голосе, слышавшемся из воздуха в деревне Омэ провинции Яманаси, который отвечал на вопросы, сперва только ночью, но затем и при дневном свете. Он знал возраст людей, все то, что случилось в окрестностях, даже угадывал мысли. Он предсказывал удачи и неудачи как для частных лиц, так и для семей и предписывал странные, но очень эффективные лекарства для заболевших. Этот голос приписывали лисе²⁷⁹.

На Сикоку, где нет лис, когда происходят странные вещи, это приписывается *тануки*. В доме крестьянина района Итано провинции Ава несколько лет назад стало происходить странное. Кухонные нож двигался сам по себе, из кастрюли исчезла готовившаяся там рыба, посланник кредитора пришел за деньгами и получил их, однако два дня спустя кредитор заявил, что никого не присылал и денег не получал. В одну из ночей у крестьянской лошади был откушен хвост, а в другую лошадь вырвалась из стойла и убежала в соседнюю деревню. Никто не сомневался, что все это — проделки какого-то старого *тануки*. Хотя дверь в

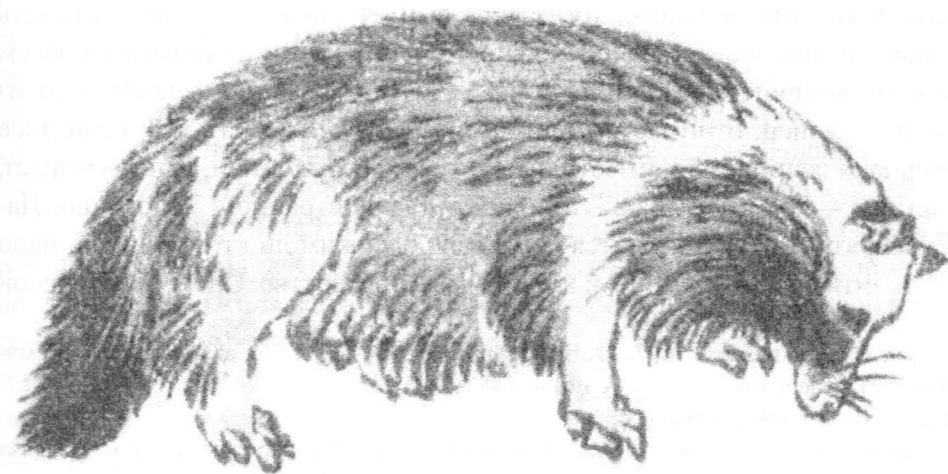
277 Т. 4, с. 206

278 Т. 4, с. 208.

279 Т. 4, с. 201.

стойло была тщательно заперта, лошадь убежала снова. Когда стойло осмотрели, то дверь оказалась заперта, как и ранее, и не было ничего необычного, однако на полу лежали рассыпавшиеся деньги, которые получил лже-посланник. В той же провинции в деревне Томиока старый *тануки*, как считалось, откусывал лучшие куски от больших рыб *тай*, которых несколько крестьян принесли в горный храм.

Итак, мы закончили рассмотрение легенд о лисах и барсуках. Посмотрим теперь, что в целом говорят об этих животных основные исследования семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого веков.

ГЛАВА III

ВОЗЗРЕНИЯ НА ЛИС И БАРСУКОВ, ПРЕВАЛИРОВАВШИЕ в XVII и XVIII вв.

В *Хонтё сёккан*²⁸⁰ приводятся интересные детали массовых представлений того времени о лисах. Там²⁸¹ мы читаем следующее: «Когда люди слышат их крики, то предсказывают удачу, или неудачу... Лисий огонь возникает из их хвостов, или, по другим мнениям, из человеческих черепов, сухих лошадиных костей и старого дерева, лежавшего под землей; что здесь верно, я не знаю. Если у кого-то лихорадка, если человек впал в беспамятство, или меланхолию, либо, если женщина умерла при родах, после чего произошли странные вещи, либо — если ребенок кричит ночью, увидев плохой сон, — в основном, это дело рук лис, результат демонической одержимости. Лисы преследуют в основном детей, женщин, глупых, ограниченных и полусумасшедших. Если одержимость легкая, лису может изгнать заклинатель (巫祝). Жизненный дух (精) лисы входит под кожу и образует опухоль; если ее хорошенько рассмотреть, сильно потереть и поколоть иглой, или ножом, то лиса выйдет наружу. Далее, если отвязать очень хорошую охотничью собаку, то та, зная лисий запах, будет безостановочно лаять и пытаться укусить больного; тогда лиса выйдет прочь. Если одержимость сильная, то лиса не оставляет больного годами, и тот становится совсем ни к чему не пригоден. Если лиса мстит (宿怨) больному и не выходит из него, то, наконец, отнимает у него жизнь. Другие говорят, что, если лиса обращается женщиной и имеет половую связь с мужчиной, то тот умирает, а если нет — умирает лиса. Это, однако, очень странно и нелогично. Далее, говорят, что если остаются сомнения, одержим ли кто-то лисой, надо приготовить листья *сикими*²⁸² и дать тому, как лекарство. Одержимый лисой

280 . 本朝食鑑, написал в 1697 г. Хирано Хицудай, 平野必大; см. выше, где мы упоминали это произведение в связи с термином *якан*.

281 Гл. 11, Раздел «Животные», с. 20.

282 *Сикими* (柾) — *Illicium religiosum*, вечнозеленое древесное растение из разряда магнолий, в диком виде растущее в горах теплых стран. Листья имеют приятный аромат и используются для украшения ваз, ставящихся перед изображениями Будды. Из сухих листьев, размалываемых в порошок, приготавливают благовония. См. *Useful plants of Japan*, выпущенную Agricultural Society of Japan, откуда г-н Г.Цуда извлек для меня приведенную информацию.

чувствует к нему отвращение и отказывается принимать, однако тот, кто действительно болен, принимает его даже через силу. Это логично».

«С давних пор в Японии живут колдуны, у которых лисы находятся в услужении. Они говорят, что занимались учением Идзуна²⁸³. Его можно описать следующим образом. Они находят лисью берлогу с беременной лисой и ухаживают за ней. Когда ей подходит время производить потомство, они еще тщательнее заботятся о ней. Когда лисенок подрастет, мать приносит его к колдуну и просит дать ему имя. Он называет его, после чего мать кланяется и уходит. Если позже колдун сталкивается с какими-то трудностями, он втайне зовет молодую лису по имени, и животное приходит к нему невидимым. Если колдун спрашивает его о каком-то тайном деле, лиса всегда знает о нем и может ответить. Находящиеся рядом не могут увидеть лису. Поскольку колдун говорит чудесные вещи, люди считают его божеством. Однако, если он впоследствии совершит что-то нечистое, либо станет лениться, лиса больше никогда не приходит, и колдун теряет свою силу».

«С древних времен среди людей существовало такое предание: лиса – божественный посланник Инари. Все лисы Японии приходят паломниками в киотосский храм Инари. Они могут прыгать через тории и преследовать (людей). В соответствии со своим умением в очаровывании они получают различные ранги от Инари».

«Раньше я слышал замечание одного колдуна: 'Богиня Инари – дочь Сусаноо – но Микото по имени Уга – но Митама²⁸⁴. Я не знаю, была ли лиса в самой глубокой древности посланницей Инари. Однако, в каждой деревне в каждом доме были лисы, прятавшиеся и невидимые. Поэтому, если между деревнями, между домами оставался промежуток, там строили маленькое святилище, где поклонялись божеству – лисе под именем «Инари»; ему молились об удаче и верили, что оно может уберечь от напастей'».

«Лиса не боится смерти; если разрезать ей живот, чтобы достать печень для приготовления лекарства под названием у-сай-эн, животное не движется, не задрожит, даже не моргнет; когда все внутренности из нее вынуты, оно просто умирает, положив голову на бугорок. Хотя лиса очень подозрительна, она не может противостоять запаху крысы, зажаренной в масле (*абураагэ*), и ее убивают (пользуясь этой слабостью). Поэтому японские охотники ловят их в силки, куда в качестве приманки кладут зажаренную в масле крысу. Сегодня люди уже не едят лисье мясо, однако вынимают жир

283 Идзуна – но хо 飯綱法; см. ниже.

284 倉稻魂霊, «Дух Риса в Хранилище», см. ниже.

и готовят из него мазь, которая очень хорошо помогают от фурункулов».

В работе того же периода, *Ямато Хондзо*²⁸⁵ говорится, что это животное производит огонь, ударяя своим хвостом, однако тут же автор замечает: «Когда лиса выдыхает, ее дыхание – как огонь, и это зовется лисьим огнем». ... «Когда лед на озере Сува в провинции Синано окрепнет, лисы прикладывают к нему ухо и проходят по нему, а затем можно ходить и людям; однако, если такое слушание случается весной, то люди больше не ходят по нему. Если человек одержим и сходит с ума, то сжигают волчий помет и дают ему нюхать (дым), либо заставляют выпить чашку жидкого чая (который лисы не любят), либо колот больно хвостом (т.е. твердыми шерстинками по бокам хвоста) рыбы *эй*; говорят, это очень действенно».

Кодзима Фуку²⁸⁶ пишет: «Лиса – самое что ни на есть животное Тьмы²⁸⁷. Поэтому внешнее зло (т.е. лиса) входит в людей, у которых Дух света²⁸⁸ стал меньше. В целом, преувеличенная радость, злоба, печаль, наслаждение, любовь, ненависть и алчность приводят к тому, что человек теряет свой исходный характер и становится пустым, одержимым лишь Духом Тьмы²⁸⁹. Это может произойти лишь оттого, что в него вселяются злые демоны».

В *Вакан сансай дзү*²⁹⁰ мы читаем следующее: «В Японии лисы живут во всех провинциях, кроме Сикоку. Как правило, они достигают весьма преклонного возраста – нескольких сотен лет. У всех лис есть человеческие имена, например в Ямато — Гэнкуро, а в Оми — Косаэмон. По преданию, все они божественные посланники Уга-но митама, «Духа Риса в Хранилище». Все японские лисы — слуги киотосского храма Инари, и люди строят храмы Инари, чтобы поклоняться им. Лисы, которым там поклоняются, — более высокого ранга, чем прочие. Когда лис расстроен, он обычно кричит, как ребенок (*гя-гя*), а когда радуется, то издает звук, как если бы бьют в кастрюлю (*кон-кон*). По своей природе он боится собак и, когда они его преследуют, то испускает столь зловонную мочу, что собаки не могут к нему приблизиться. Если он желает наносить вред людям, то помещает человеческий

285 大和本草, написал Каибара Ацунобу, 貝原篤信, живший 1629–1714 гг. Гл. 16, «Лиса».

286 児島不求, в своей *Хэйсёку вакумонтин*, 乗燭或問珍, написанной в 1710 г. и напечатанной в 1737 г.; цитируется Иноуэ, *Ёкайгаку коги*, т. 4, с. 180.

287 陰獸, индзю, животное, относящееся к принципу Инь (陰, яп. *ин*, или *он*), противоположности Ян (陽, яп. *ё*).

288 陽氣, ёки, дух-Ян.

289 陰氣, инки дух-Инь.

290 和漢三才図会, «Японско-китайская книжка с картинками о Трех Силах (Небеса, Земля, Человек)», японское переложение китайской энциклопедии *Сань цай ту хуэй*, 三才図会, написанное в 1713 г. Тэрадзима Рёаном, 寺島良安. Гл. 38 («Животные»), с. 590, «Лиса».

череп себе на голову и кланяется [созвездию] Большой Медведицы, после чего обращается человеком. Он морочит людей, мстит за причиненное ему зло и бывает благодарным за оказанное ему добро. Он очень любит *адзуки-мэси* (рис, перемешанный и сваренный с красными бобами) и *абура-агэ* (все жаренное на масле, или жиру)».

«Что касается одержимости лисами, то злой дух (т.е. дух лисы) входит в человека между плечом и подмышечной впадиной, и на этом месте возникает опухоль. Пульс больного становится неритмичным, а большой палец часто сильно дрожит. Если хорошо разбирающийся в этих делах человек уколёт больного горячей иглой, то лиса выйдет прочь. Либо, если есть сомнения (в том, что это одержимость), то больному дают порцию прожаренных листьев сикими. Тот, кто действительно одержим, ни за что не проглотит ее, однако, если болезнь действительно серьезна, то проглотит с готовностью, хотя ее запах и вкус ему неприятны.

Относительно *тануки* в той же энциклопедии²⁹¹ сказано, что его мясо излечивает геморрой и опухоли, если есть его три раза в виде супа. Представляется, что старое стихотворение Дзякурэна²⁹² демонстрирует, что в то время²⁹³ уже был известен барабан-живот:

«Старый монастырь, где никто не живет,
Где даже колокола не издают звуков,
И лишь *тануки* бьют в храмовый барабан».

Тануки — коротконогие животные, которые не могут быстро бегать, но очень хорошо лазают по деревьям. Старые *тануки* могут превращаться и преследовать людей и целые селения, точно так же, как лисы. Иногда они для собственного развлечения барабанят по своему животу; это называется «барабан-живот *тануки*». Иногда в горах они заходят в дома и садятся у огня; когда они согреваются, их интимные органы распухают и становятся больше их тел.

Кадзэ-дануки, или «*тануки-ветра*», по мнению китайского автора энциклопедии, — животное того же размера, что *тануки*, или выдра, похожее на обезьяну, но меньше. Глаза у него красные, хвост настолько короткий, что

291 Ср. *Сэки-но аки кадзэ*, 関ノ秋風, написанное Сиракава Раку-о, 白川楽翁, «Веселый старик из Сиракава», т.е. знаменитый государственный деятель Мацудайра Саданобу, живший 1758–1829, принявшийся писать после ухода с политической арены (1812), *Хякка сэцурин*, т. 正上(1), с. 973, где мы читаем о бульоне из мяса тануки и о эффективном воздействии пепла от сожженной головы тануки при излечении болезни, от которой становятся рассеянными и забывчивыми.

292 寂蓮, т.е. Фудзивара-но Саданага, умерший в 1202 г.

293 Двенадцатый век.

кажется, что его нет совсем. Цвета он синего, желтого и черного. «Днем он лежит неподвижно, а ночью прыгает на ветру и летает по воздуху, как птица. Когда люди ловят его в сети и начинают рассматривать, он стыдится и просит о снисхождении, ударяясь головой о землю. Если на него нападают, он внезапно умирает, однако, если его положить ртом к ветру, то через некоторое время он оживет. Он действительно гибнет только если поломать ему кости и разбить голову. Один автор говорит: 'Если желаешь зарубить его мечом, тот не рубит, также невозможно его сжечь. Ударишь его, а его шкура как железо; разобьешь ему голову – а он снова встает, поймав ветер. Он умирает лишь когда его нос заткнут *acorus gramineus*'²⁹⁴. Японский автор добавляет: «В горных лесах Лин Нань 嶺南 водится много *кадзэ–дануки*, но я не слыхал, чтобы их было много в Японии».

Но достаточно о *Вакан сансай дзуэ*. Летание этих существ по небу напоминает нам о *кама–итати* 鎌鼬, или «серповидной ласке». Мы находим упоминание о *кадзэ–дануки* в *Сансю кидан*²⁹⁵, где автор Хотта Бакусуй²⁹⁶ предполагает, что одноногая, уродливая, злобная старуха с квадратным лицом, стоявшая в ночи на балюстраде моста и громко хохотавшая, пугая подвыпивших прохожих, являлась, вероятно, *фури*²⁹⁷, или «тануки ветра», поскольку это существо не только ходило, но могло и летать. Далее, Сёсан, написавший *Сёсан тёмон кисю*²⁹⁸, цитирует *Вакан сансай дзуэ*, но считает, что «тануки ветра» и «серповидная ласка» – разные животные, хотя и принадлежащие к одному общему классу; ведь облик первого видим, тогда как второго – невидим.

Относительно «лисых огней» (*Кицунэ–би*) *Вакун–но сиори*²⁹⁹ говорит: «Дыхание лис зовется лисьим огнем; некоторые авторы пишут, что лисы вызывают огонь, ударяя своим хвостом. Говорят, что лисий огонь имеет синеватый оттенок; это – демонические блуждающие огоньки³⁰⁰».

Сёсан³⁰¹ замечает, что довольно часто ночами, когда моросит дождь, появляется много огней. Однако некто спрятался в кукурузе и увидел, как приближаются лисы; когда он громко крикнул, те погасили свои огни и

294 Сэкисё, 石菖. См. de Groot, *Rel. Syst. Of China IV*, p. 321 об *Acorus Calamus*, 菖蒲, чан–пу. Сила Ян этого растения, название которого записывается, как двойное солнце (菖), может победить животное Тьмы, Инь.

295 Гл. 5, сс. 949 и далее.

296 堀田麥水; с. 952.

297 風狸, *кадзэ–дануки*.

298 Гл. 2, с. 470.

299 和訓栞, написал Таникава Котосуга, 谷川士清, живший 1706–1776; т. 1, гл. 7, с. 10.

300 鬼燐, *ки–рин*.

301 *Сёсан тёмон кисю*, гл. 1, с. 432.

замерли на месте. После он нашел неподалеку много лошадиных костей, которые лисы, вероятно, держали в зубах, как факелы. В других регионах считалось, что лисы производят свои огни из лошадиных копыт. По Киути Сэкитэй³⁰², они имеют сияющую жемчужину, *кицунэ-но тама*, на кончике хвоста, однако Сёсан считает, что это – нечто другое, а не лисий огонь. Эта жемчужина напоминает нам о китайских представлениях о волшебной жемчужине, которую лисы держат в пасти и которая, вероятно, представляет собой лисью душу. Одна из двух деревянных лис перед храмами Инари часто имеет во рту жемчужину, а другая – ключ³⁰³.

Сёсан упоминает также объяснение Хада Канаэ³⁰⁴ в его *Иссёва*³⁰⁵, где кто-то уверял, что видел, как огонь происходил от лисьего дыхания.

Что касается отрезания волос, приписываемого лисам, о чем мы читаем в китайских книгах, то я обнаружил лишь одно упоминание об этом в японской литературе, а именно в *Вакун-но сиори*³⁰⁶, где мы читаем: «В (китайской книге) *Це-лань цзи*³⁰⁷ говорится, что обратившаяся лиса отрезала волосы у ста тридцати человек. Не так давно то же самое случилось в Эдо и в Окаяма, что в провинции Бидзэн».

302 木内石亭, в его *Ункоси*, 雲根志, написанной в 1772 г.

303 Ср. Бакин, *Энсэки дзасси*, гл. 1, № 9, с. 23–b.

304 秦鼎, ум. в 1831 г.

305 .一宵話, «Разговоры за одну ночь».

306 Т. 1, гл. 7, с. 6–b.

307 Это, вероятно, *Ло-ян Це-лань цзи*, 洛陽伽藍記, написанная Ян Сюаньчжи, 楊衍之, при династии Вэй (386–557). Ср. De Groot, *Religious System of China*, Vol. V, p. 598, где также поднимается вопрос о династии Вэй

ГЛАВА IV

ЛИСЬЕ КОЛДОВСТВО, ИДЗУНА И ДАКИНИ ТЭН

То здесь, то там в старых японских произведениях мы находим рассказы о людях, державших лис на службе для отправления магических сил. И в тесной связи с этим упоминается учение Дакини Тэн и Идзуна.

Сперва мы читаем о «Законе Датэн» и о «Дэва–Царе, Почтенной Лисице» 陀天法、貴狐天王 в *Гэмпэй сэйсуйки* (1250), где Киёмори (1118–1181) встретил этого Дэва и решил практиковать Закон Датэн³⁰⁸. В той же работе говорится, что китайский царь поклонялся Датэн, с целью низвергнуть императора Ю Вана с помощью лисы–оборотня с девятью хвостами, Бао Сы. Там мы читаем, что Датэн – это лиса.

В *Кокон тёмонсю* (1254) служитель практиковал учение Дакини для Фудзивара–но Тададзанэ (1078–1162), и сама Дакини подала подношения, приняв облик лисы, а затем появилась во сне Тададзанэ, как чудесная женщина, небесная женщина (дэви), чьи волосы затем оказались лисьим хвостом.

Слово *кицунэ–цукаи*, 狐仕 «использование лис» в магических целях впервые появляется в *Ясутоми ки*, дневнике Накахара–но Ясутоми, который рассказывает, как в 1420 году лекарь сёгуна, его сын и младший брат, а также Главный Прорицатель, Садамунэ Асон, были обвинены в использовании лис, и две лисицы были изгнаны из комнат наложницы сёгуна с помощью возгласов. Лекаря сослали в провинцию Сануки.

В эру Кэйтё (1596–1614) мы находим «Царя–Дэва, Почтенную Лисицу», с синтоистским именем Кико мёдзин³⁰⁹, «Блистательное Божество, Почтенная Лисица», как посланницу Инари, а позже ее потомок Осагицунэ (長狐) исполняла ту же функцию, являясь, одновременно, царицей всех лис в Японии³¹⁰.

В восемнадцатом веке уличный актер в Осака, о котором мы читаем в *Умпё дзасси* (до 1758 года), дурачил людей с помощью лисы–колдуньи, показывавшей ложную цель, когда люди стреляли, целясь в его живот.

Упоминание об учении Идзуна 飯綱法 мы находим в *Хонтё сёккан* (1697), где есть описание способа, которым заполучают лису на службу. В *Кэнэн ихэн*³¹¹ дается следующее объяснение: «Идзуна – название горы в провинции Синано. Поскольку на ее вершине есть храм Тэнгу,

308 陀紙尼法, Дакини–но хо.

309 Хонтё кодзи инэн сю, гл. 3, № 79, с. 17–а; 貴狐明神.

310 Там же, № 87, с. 3–b.

311 護園遺編, написал Огю Мокэй, 荻生茂卿, т.е. Сорай, 徂徠, живший 1665–1728 гг.

учение, там практикуемое, называется именем этой горы. Это – учение индийской Дакини Тэн, 荼耆尼天 и если пользоваться старыми благоговениями, то практикование будет бесполезным».

Асакава Дзэнъан³¹², цитирующий этот отрывок, замечает, что учение Дакини Тэн включает, вероятно, использование лис и прибегает к вышеуказанному отрывку из *Кокон тёмонсю*. Что до облика Идзуна, то он добавляет: «В деревне Ками Ёсида в провинции Каи с древних времен в доме Косару Ио, синтоистского служителя с горы Фудзи, было три медных изображения Дорё, Идзуна и Сэнгэн (Асама)³¹³. Говорили, что Идзуна и Дорё – двое маленьких Тэнгу, и каждый из них стоит на лисице». И далее он говорит³¹⁴, что Осуги-доно также представляется почти в том же виде, а именно – как маленький Тэнгу, стоящий на лисице. Этот факт приводит его к мысли, что между Тэнгу и лисами существует какая-то связь³¹⁵.

В *Мацуноя гайсю*³¹⁶ мы читаем следующее: «Идзуна Сабуро (Тэнгу) из провинции Синано появляется в стихотворении о Тэнгу из Курама. Имя записывается 飯繩, или 伊繩. На горе Идзуна рядом с Тогакусии 戸隠 в Синано есть два синтоистских святилища, Главный Храм (Хонгу, 本宮) и Деревенский Храм (Сато-но Мия, 里ノ宮), расположенные друг от друга на расстоянии в один *ри*. Место для умывания рук называется Ити-но соти 一之倉池; его длина 5 *тё*, ширина 3 *тё*, а посреди него расположен остров. Песок в этом пруду зовется ‘идзуна’ (飯沙, ‘рисовый песок’), так как состоит из белых зерен, похожих на приготовленный рис; он и по вкусу напоминает рис, и его можно есть. Название Идзуна происходит от этого ‘рисового песка’. В связи с этим храмом, сравните сказанное в *Эцую коносё*³¹⁷. По храмовому преданию, божество, там почитаемое, – *Укэмоти-но ками*³¹⁸. В *Байсон сайхицу*³¹⁹ и в *Вакун-но сиори* сказано, что учение Идзуна есть почитание лис, и что учение Дакини Тэн – еретическое. Однако, поскольку в этом стихотворении о Тэнгу из Курама среди Тэнгу упоминаются Идзуна Сабуро (三郎) и Фудзи Таро, объяснение учения Идзуна, как поклонения

312 朝川善庵, в его *Дзэнъан дзуйхицу*, 善庵隨筆, написано до 1853 г. *Хякка сэцурин*, т. 1, с. 672, под заголовком Идзуна Гонгэн, 飯綱権現, «Проявление (горной) Идзуна».

313 道了、飯繩 и 浅間.

314 С. 673.

315 Ср. *Transactions*, Vol. XXXVI, Part II, “The Tengu.”

316 松屋外集, написал в 1839 г. Такада Томикиё, 高田興清.

317 越遊行抄, гл. 5.

318 保食神, Богиня Еды. Ср. в Уга-но митама на горе Инари и с ее связью с лисами.

319 梅村裁筆, написал Хаяси Харунобу, 林春信, живший 1642–1666 гг.

лисам неприемлемо. Также на Такао-сан в провинции Мусаси и на Хасугэ-сан (波須計) и на Накадзава-яма (中澤山) в провинции Сагами есть большие синтоистские святилища Идзуна Гонгэн, а божества, которым там поклоняются, все являются Тэнгу. Мы читаем в гл. 3 *Вакун-но сиори*, что этому божеству поклоняются также на Идзума-яма рядом с Сэндай в Муцу и на Хинага-такэ (日永嶽) в Этидзэн».

Так говорит Такада Томокиё. Послушаем теперь мнение автора *Рэйдзю дзакки*³²⁰, пишущего следующее об Идзуна: «Последнее время появилось много людей, использующих лис и называющих это учением Идзуна. Судя по тому, что я слышал, эти лисы очень малы. Вероятно, они той же разновидности, что и так называемые *кудамоти* и *осаки-цукаи*». Затем он цитирует отрывок из *Мацуноя гайсю* и говорит: «Совершенно не очевидно, что стихотворение о Курама-Тэнгу представляет собой действительное доказательство. Есть ли четкое подтверждение той уверенности (Такада Томокиё), что в храмах Идзуна во всех провинциях почитаются Тэнгу? Ритуалы Идзуна есть практикование еретического учения Дакини Тэн, включающего использование лис. Тэнгу могли с радостью воспринять столь зловерное учение и ассоциировать себя с ним, и, если они жили на горе Идзуна, то могли называться Идзуна Сабуро».

В другой работе, *Босо манроку*³²¹, говорится следующее: «Существует еретическое учение, культ злого демона (*акума*, 惡魔), ослепляющего глаза людей, а именно – так называемое магическое искусство Идзуна (伊豆那). Я не знаю, когда оно возникло, и кто его передавал. В *Ямато хондзо*³²² мы читаем, что это – учение индийского Дакини Тэн. Имя записывается 飯繩 и 飯綱. Говорят, что Дакини Тэн получил имя Идзуна Сабуро, поскольку ему поклонялись на Идзуна-яма в Сэндай, провинции Осю. В *Соги моногатари*³²³ мы читаем, что два человека вместе практиковали это учение Идзуна. Этот еретический культ обнаруживается также на Тогакуси-яма в Синано, Хинагатакэ в Этидзэн, Такао-сан в Мусаси и Акиба-сан в провинции Тотоми

320 靈獸雜記, «Различные записи о чудесных животных», написанные, вероятно, в начале 19 века; это – наш основной источник информации по японским преданиям о лисах по причине большого количества упомянутых в нем трудов.

321 茅窓漫録, написал Тихара Тэй, 茅原正, живший 1773–1840 гг.; *Хякка сэцурин*, т. 1, с. 1029, под заголовком «Идзуна».

322 大和本草, написано до 1714 г.

323 宗祇物語, написал монах Соги, 宗祇, живший 1420–1502 гг.

в синтоистском храме Сандзякубо³²⁴. Раньше этот культ был перенесен с горы Тогакуси на гору Акиба (двести лет назад; он состоит из двадцати различных ритуалов³²⁵). Имя Дакини, записываемое четырьмя различными способами, а именно: 茶吉尼、陀吉尼、茶吉紙 и 茶耆尼, исходно являлось просто еще одним наименованием лисицы... Поскольку в учении Дакини лисы используются всегда, буддисты называют Дакини Тэн также Хакусин ко-о Босацу, 白晨狐王菩薩 'Бодхисаттвой, царем Белым Лисом', или Кико Тэнно, 貴狐天王 'Царем-Дэва, Почтенной Лисой'; говорят, что *синтай* (божественное тело) Инари – образ этого Дакини Тэн. Такое еретическое учение просуществовало с древних времен до наших дней. Чтобы снять колдовство Инари сжигают листья растения *мо* (莽草, *мо-со*); тогда колдовать становится невозможным³²⁶. В китайской книге *Чжоу ли* ³²⁷мы читаем: 'У Повара (前氏) есть обязанность снимать злое воздействие колдовства *ку*³²⁸; он сжигает растения *мо* и окуливает (тех, кто одержим), после чего (негодное существо) умирает'. Поскольку это злое колдовство – того же сорта, (что и учения Дакини, или Идзуна), окуливание растением *мо* – хороший способ их изгнания».

В *Инари дзиндзяко*³²⁹ об Идзуна и Дакини говорится следующее³³⁰: «По этой причине (а именно, поскольку трем лисам поклонялись в храме за святилищем Инари в Киото, и люди стали называть их священными посланниками этого божества) культ индийского божества-лисы Дакини в поздние времена стал понемногу смешиваться с культом Инари, – вещь чрезвычайно неразумная! Еретический культ этой Дакини, похоже, быстро распространился в Японии. Мы читаем в *Монтоку дзицуроку*³³¹ запись за 852 год, восьмой месяц, в биографии Фудзивара-но Такафуса, Повелителя Этидзэн, следующую исто-

324 Ср. перечисление великих Тэнгу Японии у Тэйнина, где мы находим Найгубу из Такао, Сандзякубо из Акиба и Дзиро из Идзума (*Transactions*, Vol. XXXVI, Part II).

325 Ср. Иноуэ 1.1. 4, с. 228.

326 В примечании сказано: «Растение *мо* упоминается в китайской работе Бэнь цао ган му, 本草綱目; люди называют его *сикими* (*illicium religiosum*, см. выше) и кладут в виде подношений перед изображениями Будды».

327 周禮, «Церемонии династии Чжоу».

328 蟲物. Относительно колдовства *ку* с использованием небольших рептилий и насекомых см. de Groot, *Rel. Syst.* V, pp. 826–869.

329 稻荷神社考, «Размышления о храме Инари», написано в 1836 г. Сугавара Нацукагэ, 菅原夏蔭, чье имя было Маэда (前田).

330 Гл. 2, с. 26.

331 Написано в 878 г.; гл. 4, К.Т.К., т. 3, с. 487.

рию: 'Весной четвертого года Тэнтё (827) он был назначен Повелителем Мино. Там в районе Мусирода была колдунья (妖巫), чей дух (靈, т.е. дух, которому она поклонялась) переходил с места на место и втайне пожирал человеческие сердца. Эта особая разновидность колдовства распространилась и принесла людям много вреда. Долгое время чиновники боялись заходить в тот район. Однако, Такафуса поехал один верхом на лошади, арестовал всю компанию колдуний и жестоко их наказал. Так зло было остановлено'. Эти колдуньи, вероятно, пользовались еретическим учением Дакини, называвшимся 'Пожиратели Человеческих Сердец'. Куда-моти³³² и осаки-цукаи³³³, которых очень боятся люди, обнаруживаются в Кодзукэ, Синано, Идзумо и в других местах, где они приносят много вреда с помощью лис-оборотней; это – магические искусства, являющиеся продолжением еретического учения 'Пожирателей-сердец'. Практиковать эти искусства строжайше запрещено, и все же ими пользуются».

Относительно этих «Пожирателей Сердец» Маэда приводит следующее объяснение: – «В *Коккёсю*³³⁴ мы читаем: 'Дайнити-кё 大日經, гл. 4, объясняет, что такое Дакини в Сингон. Там упоминается Эммицусё 演密抄, где говорится: «Дакини находятся под управлением Якшасов, могут похищать человеческие сердца с помощью своего магического искусства и пожирать их. Есть две разновидности Дакини, а именно: 'Действительный Род' (實類) и 'Относящиеся к Мандале' (曼荼羅衆 или 中). Первые называются «Пожирателями человеческих сердец» (кансёку дзинсин, 食人心). Хотя они могут творить чудеса, свободны в своих движениях и могут приносить удачу тем, кто им поклоняется, все же их культ считается еретическим. Что касается Мандара-Дакини, то они такие же, как Нёрай (Татхагата), и потому пожирают всю грязь сердец и побуждают людей пребывать в нирване».

Далее Маэда говорит о Дакини в монастыре Тодзи, основанном Кобо Дайси. Он цитирует *Сюёсю*³³⁵, где мы читаем: «Кобо Дайси, пробудившись от самадхи, учил настоятеля Хино-о (檜尾, своего ученика) о Якшасах в Тодзи. Он говорил: 'В этом монастыре есть чудесные божества, именуемые Яся дзин 夜叉神 (Якшасы) и Мандара дзин 曼多羅神, которые сообщают о приближении счастья и несчастья тем,

332 管持, содержание т.наз. куда, или «лис-трубок». См. ниже.

333 大前使, использование для своих нужд осаки, или лис-осаки. См. ниже.

334 谷響集, написал буддийский монах Унсё, 運敵, живший 1613–1693 гг. Гл. 9.

335 拾要集, написал Сюоаку, 守覺, наследный принц, ставший буддийским монахом, 法親王, живший 1149–1202 гг.

кто в них верит и им поклоняется. Их облик таков: у них по три лица и по шесть рук. Три лица принадлежат трем дэвам; среднее золотого цвета, левое – белое, правое – красное. Среднее – Сэй Тэн (聖天), левое – Дакини, а правое – Бэндзай (辨才)’».

В *Тэнтё гёки*³³⁶ говорится: «В Тодзи есть охранители–дэва, посланники Инари Мёдзин, которых называют ‘Посланныками с великим сердцем бодхи’». Можно заметить, что божество с горы Инари было основным богом–охранителем Тодзи, которого Кобо Дайси встретил в окрестностях в облике старика со снопом риса на плече. Таким образом, связь между ним и монастырем была очень тесной³³⁷. Опять же, по мнению Маэда в древности культ Дакини был чрезвычайно секретен; поскольку поклонявшиеся боялись открыто называть его по имени, то заимствовали имена других божеств и называли Дакини «священными посланниками Инари», либо давали святилищу Дакини название «Храм Фукудайджин», «Великого Божества Счастья» (福大神)³³⁸, либо «Храм Святой Женщины»³³⁹; таким же образом, так называемое Идзуна Гонгэн, «Проявление Горы Идзуна» есть не что иное, как Дакини, которому поклоняются на горе Идзуна в провинции Синано. Что касается изображения Дакини Тэн, то предание гласит, что школа Сингон придала ему облик небожительницы, дэви (天女), что соотносится с белым лицом вышеупомянутого образа из Тодзи. Этот образ небожителя получил, по Маэда, заимствованное имя Инари, так что в конечном счете Инари неверно стало восприниматься, как женское божество. Ниже я объясню, что думаю по поводу этого последнего вопроса, однако та идея, что еретический культ Дакини был спрятан за другими именами, представляется мне вполне вероятной, и я, как и Маэда, убежден, что учения Дакини и Идзуна – одно и то же.

В буддийском словаре Миура Кэнскэ 三浦謙助 под названием *Буккё ироха дзитэн*³⁴⁰ мы читаем в статье Дакини Тэн: «Дакини Тэн относится к разряду Якшасов. Подвергшись пытке от Дайкоку Тэндзин 大黒天神 (Махакала), приносящего удачу, они прекратили пожирать людей. *Син Дзоку буцудзи хэн* 真俗仏事編 говорит следующее: ‘Эти (Дакини) – лисы. В Мандале их называют Якшасами. Они независимы в действиях и быстры в движениях. Вероятно, они – то же, что и япон-

336 天長御記, «Императорские записки эры Тэнтё» (824–33).

337 Это было горное божество, а не Дух Риса; см. ниже.

338 См. выше легенду из Кокон тёмонсю, гл. 6, с. 312.

339 聖女社, Сэйдзёся на Хиэйдзан; *Инари дзиндзяко*, гл. 2, с. 29.

340 Т. 2, с. 206.

ское божество Идзуна. Идзуна – название места, где им поклоняются. Подробное разъяснение приводится в *Коккёсю*³⁴¹. В Комментариях к Дайнити-кё 大日經疏 мы читаем: ‘Призвав всех Дакини силой своего искусства, он (Махакала) побранил их и сказал: «Из-за того, что вы постоянно пожирате людей, теперь я пожру вас»’». В том же словаре в статье Дай Бэнтэн³⁴¹ мы читаем: «Когда этот Дэва появился, как Дакини Тэн, то стал распределять счастье и долгожительство». Это соответствует вышеупомянутому образу божества, которому поклонялись в Тодзи, у которого были лица Сэй Тэн, Дакини Тэн и Бэнтэн.

Относительно Идзуна мы находим в Географическом словаре³⁴² Ёсида Того, что, по *Кику утиран*³⁴³, Микэцу-но ками (三狐神, «Три лисицы-божества»³⁴⁴) почитаются в храме Идзуна на вершине горы Идзуна в провинции Синано, и что по объяснению Каибара³⁴⁵, Идзуна-но ками – то же, что Дакини Тэн. Ёсида цитирует также работу *Онин коки*³⁴⁶, где сказано, что женщинам возрастом до сорока лет не разрешалось приближаться к храму, и что магическое искусство (*махо*, 魔法), называвшееся учениями Идзуна и Атаго, исполнялось бонзами и *ямабуси* лишь после тщательного очищения и поста; что у каждого, кто слышал, или видел это, волосы вставали на голове от страха. Поскольку в предании Идзуна и Атаго имели одного и того же основного почитаемого (*хондзон*, 本尊), Ёсида делает вывод, что учения Идзуна и Атаго были одним и тем же.

Мы видели в трактате о Тэнгу, что Атаго – основное горное место обитания этих существ, так что, если те же ритуалы действительно практиковались на Идзуна, то автор вышецитированного *Мацуноя гайсю* прав, и учение Идзуна является культом Тэнгу. Это представляется еще более вероятным в виду того факта, что одна из вершин гор Идзуна зовется Тэнгу-но такэ, или «Пик Тэнгу», который народные верования считают «дьявольским местом» (魔所, *масё*)³⁴⁷, а также из-за описания, которое дает Асакава образу Идзуна, как «маленького Тэнгу, стоящего на лисе». Как мы замечали в работе о Тэнгу, японцы перепутали китайские представления о Небесных

341 Т. 2, с. 211.

342 吉田東伍、大日本地名辞書、*Дай Нихон тимэй дзисё*, опубликован в 1907 г.; т. 2, с. 2400.

343 奇區一覽, написал в 1834 г. Идэ Митисада, 井出道貞, и опубликовано в 1887 г.; полное название книги *Синано кику сёгай утиран*, 信濃奇區一覽勝概; ее называют также *Синано кисёроку*, 信濃奇勝録.

344 Ср. *микэцу-но ками* с горы Инари, см. ниже.

345 Автор Ямато Хондзо.

346 応仁後記, «История времен после эры Онин (1467–1468)», написанная Кобаяси 小林 в 1709 г.

347 См. Географический словарь Ёсида, т. 2, с. 2400.

Собаках и лисах (как Небесных Лисах, так и обычных лисах—оборотнях), и нам нечего удивляться, обнаруживая этих двух демонов соединенными, как на горе Идзуна. Похоже, тот факт, что гора Идзуна не упоминается в легендах о Тэнгу, указывает, что роль, игравшаяся Тэнгу, не считалась в том месте особо важной; однако, с другой стороны, мы находим упоминание о Дзиро из Идзуна в списке великих Тэнгу Тэйнина. Очевидно, считалось, что исходный демон горы Идзуна имеет лисий облик, и его культ впоследствии слился с культом Тэнгу, как доказывают изображения. Лиса стала слугой Тэнгу и пользовалась его магической силой для помощи поклонявшимся ей. Что же касается лисы, как слуги и ездового животного для демонов, то мы можем обратиться за информацией к Ху Шэню 許慎, китайскому автору династии Хань, который писал: «Лисы – животные—оборотни, на которых ездят демоны». Наконец, монахи Сингон выступили со своим тайным культом Дакини и объяснили магические ритуалы, практиковавшиеся на горе Идзуна, как ритуалы их собственной Дакини; однако, в целях секретности они называли это просто учением Идзуна. Мне это представляется наиболее рациональным решением данной запутанной проблемы.

Как мы видели выше, Дакини Тэн считалась лисой, а ее учение – еретическим. Иногда мы встречаем упоминание об этой Дэви, как о бодхисаттве, иногда – как о Царе—Дэва, однако в большинстве случаев она рассматривается, как женское божество, причем не единое, но бесчисленное, точно так же, как Якшасы, Гаруды и прочие демоны.

И здесь, как и в случае с Тэнгу и Гаруда, полную информацию о природе мистических Дакини Тэн дает нам прекрасная работа профессора Грюнведеля «Мифология буддизма в Тибете и Монголии». Их санскритское имя – Дакини, и они образуют особый класс женских божеств, чье имя в переводе с тибетского означает «Ходящие по воздуху»³⁴⁸. В тибетском буддийском пантеоне они – четвертые из священных существ и стоят сразу же после будд и бодхисаттв³⁴⁹. Их излюбленное место пребывания – Удьяна, которая, как и Кашмир, является классической страной колдовства и чародейства³⁵⁰. Падмасамбхава, великий святой, получил свое мистическое учение, написанное на неизвестном языке, от Дакини и спрятал свои книги в пещерах до тех пор, когда человечество сможет постигнуть их³⁵¹. Он был мастер всех видов магии и, путем практик на восьми кладбищах, обрел сверхъестественную силу, изгнав и обратив несколь-

348 Grunwedel, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, 1.1., p. 24.

349 Там же, с. 28.

350 С. 44.

351 С. 45.

ких Дакини³⁵². Поскольку он был самым сильным из всех практиковавших тантрическую систему, его призвали к царю Тибета, чтобы победить демонов, мешавших распространению буддизма в его пределах. Он с успехом победил армию демонов Мара, пытавшихся помешать ему достичь Тибета³⁵³. Когда он оставил эту страну, его конь Валаха, «Царь Лошадей», появился в облаках, и вместе с ним были все Дакини, изгибающие свои тела под конем и окружающие Падмасамбхаву в огромных количествах³⁵⁴. Есть два класса Дакини, а именно – те, которые «уже оставили мир», и те, которые все еще живут на земле, как местные божества. Это напоминает нам различие, делаемое школой Сингон между Мандара–Дакини, который находится на том же уровне, что и Нёрай (Татхагата), и так называемым «Истинным Видом» Дакини. Первый класс представляется, как нагие, танцующие женщины, которые украшены ожерельями и коронами из черепов; однако, они часто являются, как демоны, или животные тем, кто им поклоняется, дабы этим получить от них сверхъестественную мудрость. Они обладают таковой и ради блага всех существ передают ее в форме особого посвящения тем, кто погружается в глубокое сосредоточение. Однако, будучи оскорбленными, они разъяряются и пытаются убить обидчика. Они властвуют над человекоподобными демонами, являющимися их подчиненными³⁵⁵, и представляют собой ревностных защитников буддизма. Как таковые, они перевели мула Шридэви, великой защитницы Буддийского Закона, через море крови, которое образовалось после того, как богиня убила бесчисленное количество демонов. В качестве местных божеств, они ездят на животных: львах, драконах, газелях и пр.

Эти факты убеждают нас в том, что есть много Дакини, что это – женские божества и что они даруют сверхъестественную мудрость, т.е. знание магического искусства своим почитателям. Это вполне сочетается с тем, что мы читаем о японской Дакини Тэн; однако о животном облике последней ничего не говорится на Тибете, равным образом, как и в китайских книгах. Единственный отрывок, в котором говорится, что китайский царь поклонялся Датэн ради того, чтобы уничтожить императора Ю Вана с помощью лисы–оборотня Бао Сы, мы находим в японской работе *Гэмтэй сэйсуйки*; это божество не упоминается даже в легенде о Тамамо–но маэ, которая в прошлом существовании была

352 С. 49.

353 С. 54.

354 С. 55.

355 Ср. с изложенным выше, где сами Дакини упоминались, как пожиратели людей, над которыми властвует Махакала.

ких Дакини³⁵². Поскольку он был самым сильным из всех практиковавших тантрическую систему, его призвали к царю Тибета, чтобы победить демонов, мешавших распространению буддизма в его пределах. Он с успехом победил армию демонов Мара, пытавшихся помешать ему достичь Тибета³⁵³. Когда он оставил эту страну, его конь Валаха, «Царь Лошадей», появился в облаках, и вместе с ним были все Дакини, изгибающие свои тела под конем и окружающие Падмасамбхаву в огромных количествах³⁵⁴. Есть два класса Дакини, а именно – те, которые «уже оставили мир», и те, которые все еще живут на земле, как местные божества. Это напоминает нам различие, делаемое школой Сингон между Мандара–Дакини, который находятся на том же уровне, что и Нёрай (Татхагата), и так называемым «Истинным Видом» Дакини. Первый класс представляется, как нагие, танцующие женщины, которые украшены ожерельями и коронами из черепов; однако, они часто являются, как демоны, или животные тем, кто им поклоняется, дабы этим получить от них сверхъестественную мудрость. Они обладают таковой и ради блага всех существ передают ее в форме особого посвящения тем, кто погружается в глубокое сосредоточение. Однако, будучи оскорбленными, они разъяряются и пытаются убить обидчика. Они властвуют над человекоподобными демонами, являющимися их подчиненными³⁵⁵, и представляют собой ревностных защитников буддизма. Как таковые, они перевели мула Шридэви, великой защитницы Буддийского Закона, через море крови, которое образовалось после того, как богиня убила бесчисленное количество демонов. В качестве местных божеств, они ездят на животных: львах, драконах, газелях и пр.

Эти факты убеждают нас в том, что есть много Дакини, что это – женские божества и что они даруют сверхъестественную мудрость, т.е. знание магического искусства своим почитателям. Это вполне сочетается с тем, что мы читаем о японской Дакини Тэн; однако о животном облике последней ничего не говорится на Тибете, равным образом, как и в китайских книгах. Единственный отрывок, в котором говорится, что китайский царь поклонялся Датэн ради того, чтобы уничтожить императора Ю Вана с помощью лисы–оборотня Бао Сы, мы находим в японской работе *Гэмпэй сэйсуйки*; это божество не упоминается даже в легенде о Тамамо–но маэ, которая в прошлом существовании была

352 С. 49.

353 С. 54.

354 С. 55.

355 Ср. с изложенным выше, где сами Дакини упоминались, как пожиратели людей, над которыми властвует Махакала.

той самой лисой. Таким образом, представляется, что лисий облик Дакини и лисье колдовство в целом ограничивается Японией.

Из работы Грюнведела мы видим, что Дакини часто являются своим почитателям в облике животных, и что те из них, кто еще живут на земле в качестве местных божеств, представляются ездоками на животных. Возможно, в этом ключ к решению проблемы. Вполне допустимо, что монахи Сингон, которые ввели культ мистической Дакини в Японию, обнаружили там пышно расцветшее лисье колдовство и пришли к мнению, что эти колдовские лисы, которым поклонялись на таких горах, как Идзуна и проч., являлись не чем иным, как манифестациями, или слугами Дакини. Если это так, то лисья магия, вероятно, — оригинальный японский культ, поскольку в Китае мы его не обнаруживаем, иначе де Гроот упомянул бы о нем, когда пишет о «причинении вреда при помощи душ четвероногих»³⁵⁶. Нет ничего странного в том, что японское лисье колдовство представляется незатронутым иноземными влияниями, ведь культ Инари — также оригинально японское поклонение лисам и доказательство важности и большой силы этого животного в глазах примитивного японского населения, жившего задолго до импортирования китайских и буддийских идей. Более того, догматика, обнаруживаемая в Японии, относится к тому же разряду и не упоминается де Гроотом, как превалировавшая в Китае³⁵⁷: «Вместо собственных душ в животном облике, колдуны и колдуньи для исполнения своих злобных намерений посылали души животных, либо, возможно, самих этих животных». Именно так происходило в случаях с японской собачьей, лисьей и змеиной магией, так что мы не можем отрицать, что сама идея была импортирована из Китая, а затем развилась в Японии. Однако, возможно также, что она уже существовала в Японии до того, как японское сознание было захвачено китайскими идеями; этнология учит нас, насколько примитивные верования самых различных народов напоминают друг друга.

Что касается способов практикования лисьей магии, то мы видели в *Хонтё сёккан*, написанной в 1697 году, что в то время колдуны Идзуна имели у себя на службе лис, чьих матерей кормили во время беременности и которые приходили, когда они (колдуны) их призывали, но для остальных были невидимы. В 1742 году *Ро-о тьява*³⁵⁸ приводила подобное описание. Мы читаем там следующее: «Учение Идзуна практику-

356 De Groot, *Religious System of China*, Vol. V, pp. 816; Book II, Part III, Chapter I (*Sorcery*).

357 С. 824.

358 *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. 47, с. 362.

ется колдунами, у которых лисы состоят на службе. Сперва они очищают себя постом, а затем уходят в горы искать норы. Найдя беременную лису, они вежливо просят о том, чтобы ее отпрыск стал их ребенком. Днем и ночью они приносят ей еду, а когда рождается лисенок, мать приносит его колдуну. Тогда он говорит лисенку: 'Теперь ты будешь следовать за мной, как тень'. Он дает молодому животному имя, после чего тот с матерью уходит. С этого момента лиса появляется немедленно, как только колдун позовет ее по имени, и рассказывает ему о всевозможных тайных вещах, знание которых приносит ему среди людей славу человека богоподобного. Однако, если такой лисий колдун хоть на немного становится похотлив, или алчен, он более не может отправлять свое искусство, так как лиса к нему больше не приходит». В той же работе мы находим историю о самурае, знавшем учение Идзуна, который пришел на постоянный двор, дочь хозяина которого была одержима лисой. Животное заранее предсказало появление самурая и свою собственную смерть устами девочки. Колдун своим мечом разрубил девочку на две половины и вот! На следующее утро она оказалась убитой лисой, а сама девочка спокойно спала в укромном уголке дома³⁵⁹.

Исэ Тэйдзё³⁶⁰ пишет следующее: «Люди нашего времени (восемнадцатый век) зовут магические искусства, или колдовство *махо-цукай* 魔法使, 'использование дьявольских учений', или *гэхо-цукай* 外法使, 'использование еретических учений', или Идзуна-цукай. Это не есть истинное учение, но – еретическое колдовство, при помощи которого глаза людей перестают видеть, и их обманывают. В Китае это называлось 'сэндзюцу, 仙術, магическое искусство Сянь', а тех, кто его практиковал, называли доси, 道士 (японские *ямабуси*). Буддийские монахи также пользовались этим колдовством для украшения своей религии, приписывая великолепные результаты, достигнутые с его помощью, силе Будды и обращая этим людей. В последние годы монах школы Нитирэн, пользовавшийся лисой, заставил животное овладеть одним человеком просто для того, чтобы потом изгнать его своими молитвами. Так он прославился, как чудесный избавитель и зарабатывал этим себе на жизнь, однако был арестован властями и наказан».

В другой книге³⁶¹ тот же автор говорит о собачьем колдовстве в провинции Тоса, которое сильно напоминало лисье, за тем исключением, что

359 Там же, с. 363.

360 伊勢貞丈, живший 1715–1784; в его *Исэ мамтцу*, 伊勢萬筆, гл.2.

361 軸鱸訓, *Дзикуро кун*, гл. 3, с. 10. Ср. мою работу *The Dog and the Cat in Japanese Superstition, Transactions*, Vol. XXXVII, Part I, Ch. IV, pp. 63 sqq.

божество—собака, *ину-гами*³⁶², является духом мертвой собаки, тогда как божество—лиса — живой лисы. Как и в случае с лисьим колдовством, собачье находится в руках особых семей, которые не общаются с другими, не женятся и не выходят замуж за членов других семей. Их ненавидят и боятся, поскольку они побуждают собак овладевать людьми и говорить их устами, приказывают им приносить одежду, еду, или что-либо другое колдуну, использующему их. «Однако, если носить в кармане лисий зуб, то божество—собака не сможет тобой овладеть; если прийти в дом человека, одержимого божеством—собакой, с лисьим зубом в кармане, это божество немедленно покинет несчастного. Поскольку на Сикоку нет лис, люди привозят их зубы из других провинций. Далее, говорят, что если чей-то предок пользовался божествами—собаками, то это искусство передается к детям и внукам и не уходит из семьи. Более того, божества—змеи (*хэби-гами*) принадлежат к тому же классу, что и божества—собаки, и приносят богатство тем семьям, в которых им поклоняются».

В *Кандэн кохицу*³⁶³, написанной в 1799 году, мы читаем следующее: — «В окрестностях провинций Идзумо и Хоки есть так называемые *кицунэ-моти* (狐持, «содержание лис»). Там это настолько распространено, что люди спрашивают друг друга, сколько у кого лис. Если кто-то в плохих отношениях с кем-то, он делает его одержимым лисой, точно так же, как делают те, кто практикует *инугами-цукаи* (использование божеств—собак на Кюсю). Поэтому они — очень сильные враги».

Автор *Рэйдзю дзакки* (написано после 1839 года) сомневается в том, существовали ли кудамоти и *осаки-цукаи*³⁶⁴ в древности, упоминая *Фусо рьякки* и Ясутоми ки, где мы читаем о том, как лис изгонял настоятель Со-о, а придворный лекарь Такама пользовался их услугами.

Что касается Маэда, автора *Инари дзиндзяко* (1836), то по его мнению, которое мы приводили выше, *куда-моти* и *осаки-цукаи* в Кодзукэ, Синано, Идзумо и т.д. являются пережитками учения Дакини.

В *Сёсан тёмон кисю*, написанном в 1849 году, говорится о так называемой куда (трубка), хорошо известной в провинции Синано, как животное—призрак. «Оно не показывается человеческому взору. Из поколения в поколение оно остается в одной и той же семье, члены которой не имеют общения с другими и имеют странное отвращение к женитьбе. Что до *куда-гицунэ* (管狐, «трубка—лиса»), которых мы

362 犬神, ср. Aston, *Shinto*, p. 332.

363 関田耕筆 Гл. 2, с. 55.

364 苦陀持, «держание куда» и 大前使, «использование *осаки*».

обнаруживаем в Сансю и Энсю (провинции Микава и Тотоми), то это такое маленькое животное, что его можно засунуть в трубку, отсюда и его название; это – лиса размером с крысу».

В Дзэнан дзуйхицу³⁶⁵ мы читаем следующее: «Хико (毗狐), также называемые рэйко (靈狐, «лисы–духи»), упоминаемые в китайских книгах, есть старые лисы–призраки, напоминающие черных кошек; в Японии их называют канко (т.е. куда–гицунэ, «лисы–трубки»). У них те же размеры, что у выдр, или крыс, и вертикальный зрачок; в остальном они точно такие же, как полевые лисы, разве что шерсть у них потоньше. Те, у кого на службе эти канко, держат в руке бамбуковую трубку, немного тоньше той, с помощью которой раздувают огонь в очаге, и возглашают магические формулы, от чего лиса внезапно появляется в трубке и отвечает на все задаваемые ей вопросы. Говорят, что в самом начале ямабуси, после чистейшей и суровейшей аскетической практики, получили это магическое искусство от Кимпусэн (т.е. от Тэнгу с Кимпусэн 金峯山³⁶⁶). Эти лисы во множестве живут по соседству с северными горами в провинциях Сууга, Тотоми и Микава. Что касается восьми провинций Канто, то там их находят в основном в Кодзукэ и Симодзукэ. В деревне Осаки 尾崎 провинции Кодзукэ нет ни одной семьи, не использующей лис. По этой причине их также называют *осаки–гицунэ*. Однако, по книге Ротироку³⁶⁷, эта *осаки* (大前) из провинции Мусаси. Не знаю, какая их этих двух – истинная. Так называемые *ки–ко* («лисы–духи» из китайских книг) представляют собой в наши дни полевых лис, морочащих людей и наводящих порчу; они овладевают людьми и их устами требуют пищи. Это также – лисы–*осаки*, которые служат *ямабуси*. Что касается «воздушных–лис (*ку–ко*, 空狐), то это – Тэнгу». Предание о том, что колдовство с помощью лис–трубок произошло от Тэнгу с Кимпусэн, весьма значимо, если сопоставить это с вышесказанным об Идзуна и Тэнгу.

Иноуэ Энрѐ приводит в своих Ёкайгаку коги³⁶⁸ большое количество интересных деталей об использовании магических лис. Он цитирует статью из Дай Нихон кёйку симбун³⁶⁹, где мы читаем: «В Ина провинции Синано есть существо, называемое *канко*, ‘лиса–трубка’. Размером оно с мышь, его хвост – как трубка, разрезанная надвое; отсюда и ее прозвище. Хотя

365 善庵隨筆, написал Асакава Дзэнан, 朝川善庵, умерший в 1853 г. Хякка эцурин, т. (1), с. 674.

366 Ср. Transactions, Vol. XXXVI, Part II, “The Tengu”, Ch. II, § 9.

367 狼綴録, написал в 1627–30 гг. Миякэ Сёсай, 三宅尚斎, причем сделал это в тюрьме собственной кровью.

368 3–е изд. (1897), т. 4, сс. 180 и далее.

369 大日本教育新聞, «Образовательная газета Великой Японии», с. 193.

это очень маленькое животное, говорят, что по форме оно напоминает лису. По устному преданию, эта лиса-трубка была исходно заимствована от Инари из Фусими провинции Ямасиро; это была картина маленькой лисы в храме. Когда пришло время возвращать ее в Фусими, монахи Инари заклеили ее, как очень ценную вещь, но мы не знаем, в каком она сейчас состоянии. Однако, существование лис-трубок — факт. Это очень шустрое и умное создание; прирученное, оно неразлучно со своим хозяином и живет в его кармане, или рукаве. Эти лисы исследуют все и вся и постоянно докладывают хозяину обо всем, что узнали, поэтому их владельцы способны, как считают, объяснять прошлое и предсказывать будущее людей. Те, кто практикует так называемое *кицунэ-цукаи*, хранят этих лис у себя на груди; они взбираются до их уха и рассказывают обо всем. Говорят, что такие люди чрезвычайно искусно объясняют прошлое и предсказывают будущее. Лиса-трубка показывается только своему хозяину, но больше никому. Однако, тех, кто держит таких лис, можно распознать по особому запаху, который держится вокруг них».

Указав на основные китайские труды, упомянутые выше, и некоторые древние и более поздние японские работы, Иноуэ цитирует более современную информацию, которую собирает со всех концов страны и находит в газетах, об одержимости лисами и *тануки* в целом, а также использовании лис людьми в частности. Человек из префектуры Гумма, провинции Кодзукэ, написал, что люди, живущие по соседству от горы Титибу в Мусаси, склонны приписывать все случившееся, но не поддающееся объяснению, лисам и *тануки*. Если пропадает рис, или шелкопряды, либо внезапно падает камень, или что-то движется, или дребезжит по-странному, все приписывается этим животным. Станный звук, как будто от сыплющегося песка, слышавшийся на постоялом дворе, где держали много *осаки-гицунэ*, был сочтен вызванным большим количеством невидимых лис, проходивших мимо; те же животные посыпали пеплом нескольких мальчиков во сне. Другой человек видел, как чайник был поднят к потолку невидимой рукой. Однажды некто купил в лавке топливо, но, когда пришел домой, вес купленного был наполовину меньше исходного. Разумеется, лиса-*осаки*, жившая в лавке, надала на чашку весов, чтобы обмануть покупателя и к выгоде хозяина. В другой раз из лавки каждую ночь пропадало много пирожков, а на следующее утро их находили в соседнем доме. Все эти происшествия случались в домах, где держали лис-*осаки*. В той же части страны многие богатые семьи внезапно разорились, без какой-либо явной на то причины, все в течение нескольких месяцев,

а другие семьи, довольно бедные, с той же скоростью обрели богатство. По общему мнению, то было дело рук лис-осаки, которые тайно носили деньги, зерно, мебель и проч. из бедневших домов в богатевшие. Лиса-осаки меньше обычной лисы и выглядит совершенно так же, как крыса. Говорят, что и плодится она так же обильно. Семьи, держащие их, называются сиппо, и если их члены женятся, то лисы-осаки следуют за ними. Хотя есть такие, кто не представляет возможность брачных связей с членом семейства сиппо, в настоящее время более половины семейств той местности считаются сиппо. Однако, поскольку лисы-осаки не в состоянии перейти Тонэгава, в провинции Кодзукэ о них даже не упоминается³⁷⁰.

Человек из провинции Синано пишет³⁷¹: «Пожалуй, ни в одной части страны одержимость лисами не столь распространена, как в Кисо (гора в Синано). Так называемые семейства *осаки*, или конкон так же ненавидимы здесь, как прокаженные. Люди не только не вступают с ними в брак, но прежде их даже часто выгоняли силой. Хотя в наши дни такого не случается, все же этим семьям приходится сталкиваться в общении с другими людьми со всяческими трудностями и предрассудками. Так называемые *осаки* (люди, одержимые лисами-осаки) – в основном девочки, редко – мальчики. В спокойное время их слова и поступки не отличаются от обычных, однако, когда они становятся одержимы, то заходят в чужие дома и без колебаний раскрывают все секреты. Иногда они говорят лисьими голосами и ходят на четвереньках. Как правило, они ходят лишь в определенные дома и никогда – в жилища уважаемых людей. Если такой человек зайдет в лавку, или в помещение, где выращивается шелковичный червь, он наносит вред коконам; придя в дом, где кто-то болен, он волнует пациента, или овладевает им; иногда он делает то же и со здоровыми людьми. Ставшие одержимыми ходят по домам и, в свою очередь, выдают чужие секреты. Все не любят *осаки*, потому что считается, что они приносят несчастье тем семьям, в чьи дома приходят. Хотя такая разновидность душевной болезни может быть излечена за час, рецидивы неизбежны. Это состояние наследственное, передающееся от родителей к детям и внукам и потому еще более омерзительное».

По сведениям из префектуры Симанэ (провинции Ивами и Идзумо), так называемое *дзинко-моти* (人狐持, «содержание человека-лисы») практикуется семьями, у которых на службе есть *дзинко*, люди-лисы. Ни-

370 Это не совпадает со словами Асакава Дзэнан, который говорит, что большинство этих лис проживают в Кодзукэ и Симодзукэ.

371 Иноуэ 1.1. 4, с. 218.

кто не хочет сочетаться браком с членом такой семьи. Эти дзинко меньше обычных лис, напоминают выдр и всегда живут в частных домах. Те, у кого на службе эти животные, заставляют их овладевать людьми, которые им не нравятся. Слова и поступки таких одержимых очень странны. Например, они просят *адзуки-мэси* (рис, смешанный с красными бобами), суп с тофу (перетертыми бобами) и рыбу тай в *мисо* (суп из пшеницы, бобов и соли), а сожрав все это с жадностью, лиса устами одержимого требует кусок земли, принадлежащий семье последнего, угрожая его жизни в случае отказа. Однако, если схватить больного и сказать: «Сперва я убью тебя иглой и моксой», потереть его живот и приготовиться воткнуть иглу в любое обнаруженное уплотнение, или сжечь над ним моксы, лиса неизбежно начнет умолять: «Отпусти меня; я немедленно уйду, только оставь меня на минутку». Затем, как только больной становится свободным, он открывает окно, издает жалобный крик и валится на пол. Только претерпев эти процедуры он придет в чувство и излечится. Так происходит с каждым, кто одержим лисой. Поскольку более половины населения этой провинции (Идзумо) относятся к так называемым семьям *дзинко-моти*, для сына, или дочери правильной (респектабельной, не пользующейся лисами) семьи становится все труднее и труднее подобрать себе пару, так как они не желают вступать в брак с членами семей *дзинко-моти*.

В книге Чемберлена³⁷² мы находим интересное резюме д-ра Баэлза, где он говорит об одержимости лисами, и выдержку из газеты «Нити-Нити Симбун» от 14-го августа 1891 г. о людях-лисах в провинции Идзумо. Там мы читаем: «Более того, следует отметить, что есть постоянные владельцы лис, а есть временные. Постоянные втайне ищут семьи того же типа, чтобы заключать с ними браки, и никогда не пережениваются с посторонними, сколь бы соблазнительным ни было богатство, или красота претендента. Они очень напоминают парий и отверженных прежних времен. Однако, иногда даже самые строгие правила нарушает любовь, которая есть вещь в себе, и между владельцами лис и посторонними устанавливаются связи. Когда происходило непоправимое, родители отказываются даже от единственного любимого сына, запрещая ему пересекать порог отчего дома всю оставшуюся жизнь. Временные владельцы лис – это те, кого выгнали из семьи за покупку земли у постоянных владельцев лис. Обстоятельства складываются так, что владельцам лис все сходит с рук (так это, или лишь предположение – мы не в состоянии сказать); никто

372 B. Chamberlain, *Things Japanese*. Fourth edition (1902), pp. 113 sqq., s.v. *Demoniacal Possession*.

не тревожит ни волоска у них на голове. Поэтому они процветают; некоторые даже считаются самыми богатыми семьями в провинции. Бедные, занимающие у них деньги, должны напрягать все силы, чтобы заработать и отдать долг, так как в противном случае их сочтут держателями лис и станут презирать. В результате всего, нервозность, напоминающая одержимость, гораздо шире распространена в этой провинции, чем где бы то ни было; д-р Симамура во время своей инспекционной поездки этим летом столкнулся не менее, чем с тридцатью одним случаем таковой».

Вестон³⁷³, цитируя Астона³⁷⁴, пишет следующее: «Среди обычных колдунов есть те, кого называют *кицунэ-цукаи*, т.е. обладатели лисами. Церемония проводится с помощью небольшого изображения лисы, сделанного своеобразным способом. Лису живьем зарывают в землю, оставляя наверху одну голову. Пища, считающаяся лисьим лакомством, ставится близко от нее, но вне пределов досягаемости. Проходят дни, и несчастное животное в агонии голодной смерти делает отчаянные попытки дотянуться до пищи, но все тщетно. Предполагается, что в момент смерти дух лисы переходит в пищу, которая затем смешивается с глиной, из которой вылепляют фигурку животного. Вооруженный этим необычным предметом, мико считается непревзойденным мастером предсказания будущего».

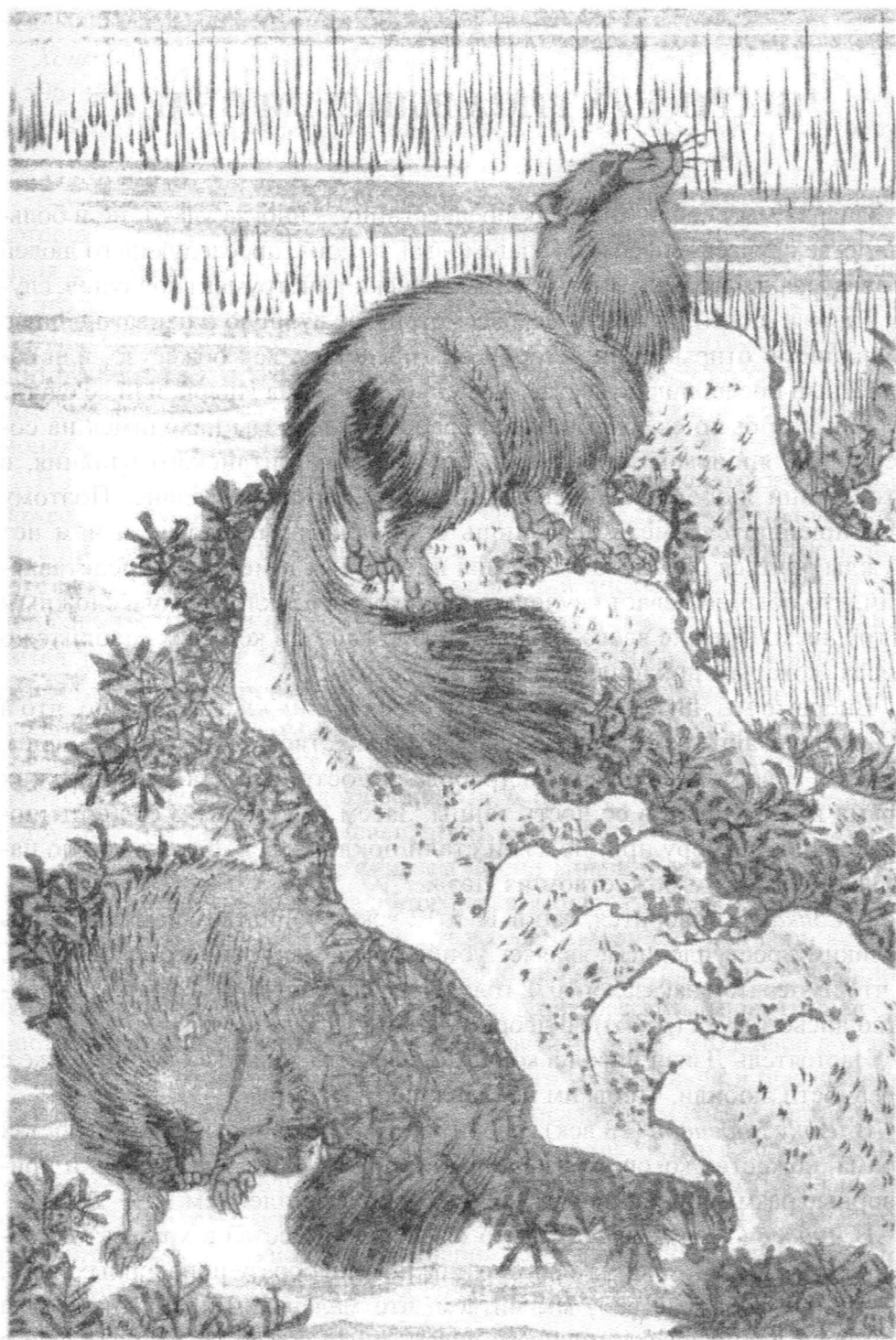
Такая разновидность лисьего колдовства не упоминается больше нигде; вероятно, Вестон спутал собачье колдовство с лисьим. Мотоори, цитируемый Астоном³⁷⁵, следующим образом описывает *ину-гами*: «Голодную собаку привязывают в виду пищи, до которой ей не дают дотянуться. Когда голод у нее станет совершенно невыносим, ей отрубают голову и немедленно подносят ее к пище. Голову кладут в сосуд и поклоняются ей. То же можно сделать со змеей, или выдрой».

Сравнив вышеприведенные отрывки относительно использования магических лис, мы можем выделить два центра такого колдовства, а именно, на востоке: Синано, Кодзукэ, Симодзукэ, Мусаси, Микава и Тотоми; на западе: Идзумо и Хоки. Из них основными являются Синано, Кодзукэ и Идзумо.

373 Weston, *Mountaineering in the Japanese Alps*, p. 307.

374 Aston, *Shinto*, p. 344.

375 *Shinto*, p. 332. См. мою работу *The Dog and the Cat in Japanese Superstition*, Transactions, Vol. XXXVII, Part I, Ch. IV, pp. 63 seqq.

ГЛАВА V

ИНАРИ, ДУХ РИСА В ЛИСЬЕМ ОБЛИКЕ

Сперва мы видели лису, как предвестницу – иногда удачи, но в большинстве случаев – несчастья; затем – как демона, преследующего людей и овладевающего ими; затем – как магический инструмент колдунов, слугу Тэнгу и людей; наконец, мы рассмотрим ее лучшую и наиважнейшую функцию, в отправлении которой она предстает, как божество, или сакральный посланник божества, а именно – как сама Инари, или ее слуга.

Как уже было сказано в начале работы, здесь мы находимся на совершенно японской территории, безо всякого китайского влияния, в отсутствии любого индийского божества на заднем плане. Поэтому нам приходится иметь дело лишь с японскими текстами, и нам нет нужды бояться опасного смешения иноземных и местных представлений, что обычно делает изучение японского фольклора столь сложным и трудным. Прежде всего, сделаем обзор работ, в которых говорится о лисах, которым поклоняются, как божествам.

Впервые мы читаем о лисах-божествах в *О-у-ки*, где сказано, что в 1031 году Сайгу из Исэ стала одержим божеством (а именно – лисой), которая говорила ее устами и требовала построить два синтоистских храма и исполнить в ее честь танцы. Затем колдуньи из столицы последовали примеру принцессы и стали поклоняться лисе, которую называли «великим божеством из Исэ».

В *Сэнкайки* говорится, что в 11 и 12 веках убийство лисы считалось великим преступлением, являясь убийством божественного духа (神靈), и что император наказал в 1072 году члена семейства Фудзивара за убийство лисьего духа (*рэйко*) во дворце Сайгу в Исэ.

Настоятель Дзиэн писал в конце 12 века, что лисы, как и Тэнгу, уже с древности любили, чтобы им поклонялись, как богам.

В *Дзоку Кодзидан* (13 век) говорится, как в древности в окрестностях храма, божество которого имело лисий облик, была убита лиса, и придворные размышляли, не является ли это преступлением.

В *Аиносё* (1446) считается, что «женские божества в храмах, где поклоняются лисам, зовутся *мёбу*, возможно – по образу придворных дам».

В *Синтёмонсю* (1683) мы читаем, что маленький храм Инари был построен для человека, ставшего лисом, и что божество храма Инари в

усадыбе Повелителя Цусима явилось хозяину во сне в образе лисы.

Хонтё кодзи инэнсю приводит легенду о лисе, явившемся в эру Кэйтё (1596–1614) и объявившем себя посланником Инари, которая дала ему ранг Кико Мёдзин, «Сияющего Божества, Почтенного Лиса» (синтоистское название Царя–Дэва, упоминаемого в *Гэмпэй сэйсуйки*).

В *Сансю кидан* (1764) лиса говорит устами одержимого: «Я – лиса, которой поклоняются в доме Кунаи (в храме Инари); если вы поместите меня в особый зал храма Санно, я стану божеством–охранителем». Когда это приказание было исполнено, ночью появился свет, показывающий силу божества, и после этого та местность стала находиться под его защитой. В той же книге упоминается лиса, духу которой после ее смерти поклонялись в храме, воздвигнутом над ее могилой, и в честь которой монах Инари ежегодно проводил празднество.

В *Кандэн кохицу* (1799) говорится о лисе, являвшейся охранительным божеством буддийского храма, которая защищала как храм, так и настоятеля, а также о том, как та же лиса давала письменные и устные предсказания.

Также в девятнадцатом веке и в наши дни лисам поклоняются в маленьких храмах под именем Инари. Считается, что все эти лисы находятся в подчинении Инари из Киото, однако и сами зовутся Инари. Две белые лисы сидят перед этими храмами по обе стороны от входа; это, очевидно, означает, что в храме невидимо присутствует сама богиня, тогда как ее посланники охраняют вход. Здесь нам приходится иметь дело со смешанными представлениями. С одной стороны богиня – лиса, с другой – лиса является ее священной посланницей.

Странно, но мы не обнаруживаем имени Инари в вышецитированных трудах, написанных до семнадцатого века. После этого лисы, в большинстве своем – белого цвета, являются все разом, как слуги Инари, возжигающие свет для ее празднеств, передающие лекарство, приготовленное богиней, человеку, спасшему их ребенка; о них рассказывают, что в древности они появлялись на мече Тэйсинко, дабы показать, что Инари доверяла дворцовая стража; выходят из киотосского храма Инари и превращают человека в лису и так далее. Именованье «посланником Инари» встречается впервые в *Хонтё сёккан* (1697), где говорится также, что в древности божествам–лисам повсюду поклонялись, испрашивая у них счастья и защиты от напастей. Те же факты излагаются в *Вакан сансайдзү* (1713). Далее выражение «священный посланник Инари» встречается постоянно.

Относительно происхождения Инари мы читаем в *Ямасиро–но кун*–

но *фудоки*³⁷⁶ следующее: «Что касается Инари (伊奈利), то Ирогу-но Хада-но кими, предок дома Хада-но Накацуэ-но имики, обладал огромным количеством риса и был очень богат. Однажды он сделал рисовую лепешку и использовал ее, как мишень, но она превратилась в белую птицу и улетела на вершину горы. (Эта птица) произвела потомство (生子) и, наконец, ее именем назвали храм. Потомки того человека жалели о прегрешении своего предка, а потому извлекли дерево из храмовой земли, посадили его в своем саду и поклонялись ему. Если дерево росло хорошо, то поклонявшиеся богатели, но, если хирело, то их богатство таяло».

Вышеприведенный текст допускает разночтения. Предложение «произвела потомство, и, наконец, ее именем назвали храм», или «наконец, он стал храмом»³⁷⁷ не вполне ясно. Флоренц³⁷⁸ переводит: «Там (т.е. на вершине горы) вверх тянутся рисовые стебли; от этого в конце концов и произошло название храма» т.е. Инари от инэ, растение рис). Хотя это всего лишь гипотетический перевод, все же значение мифа вполне ясно, именно – что божество, которому поклоняются на горе Инари у Киото является самим Духом Риса.

В *Бунго фудоки*³⁷⁹ сказано: «Тано (田野, рисовая равнина на юго-востоке этого района) – широкая и плодородная земля, с которой не сравнятся никакие другие земли. В старину крестьяне возделывали там большие рисовые поля и стали очень богатыми и жили в роскоши. Однажды они сделали мишень из рисовой лепешки, однако эта мишень обратилась белой птицей и улетела на юг. В тот же год все крестьяне умерли, так что рисовые поля уже никто не возделывал, и они пришли в запустение. Позже рис там перестал расти вовсе (от проклятия Рисовой Богини). Поэтому равнина названа 'Рисовым-полем'».

В другой работе – *Инари-я Тэнряку-но камон*³⁸⁰ сказано: «Инари впервые появилась в эру Вадо (708–714) в низине между тремя пиками гор Инари. На этом месте предок семейства Хада, Нака-из вырвал деревья и посадил *нурэ* (蕪, священный чабрец); члены этой фамилии стали слу-

376 山城國風土記, «Записи особенностей провинции Ямато», датируемые 730–750 гг.

377 Ср. цитату этого отрывка в *Энгисики Дзиммэйтё тою*, 延喜式神明帳頭註, *Гунсё руйдзю*, № 23, т. 1, с. 809.

378 Florenz, *Japanische Mythologie*, p. 293: “Da reiften und wuchsen Reishalme [auf dem Gipfel]. Schliesslich ist daraus der Name des Tempels geworden”.

379 豊後風土記, «Записки об особенностях провинции Бунго», датируемые 713 г., когда император приказал записать названия всех местностей, гор, рек, а также обычаев и традиций. Глава о районе Хаями.

380 稻荷社天晨勘文, «Доклад императору о храме Инари» в эру Тэнряку (947–956).

жителями и проводили там (без храмов) весенние и осенние празднества. Поскольку их моления были весьма действенны, то император в определенное время стал слать приношения. После, в восьмом году эры Энги (908), Фудзивара—но Асон (т.е. Токихира) построил три храма (на горе)».

Эти три храма упоминаются также в *Энгисики* (927), в «Списке божественных имен»³⁸¹: «Три храма Инари в районе Кию, провинции Ямасиро».

А из Комментария к нему³⁸² мы узнаем, что божество основного храма на горе Инари есть Уга—но Митама—но ками, «Дух Риса Хранилища»³⁸³, тогда как второй храм посвящен Сусаноо 素戔鳴, ее отцу, а третий — Оо—ити—бимэ 大市姫, ее матери. Автор говорит: «Уга—но митама — жница всех злаков; поэтому, вероятно, ее зовут Инари».

Маэда, цитирующий вышеуказанные отрывки в своей *Инари дзин-дзя ко*, замечает, что все прочие храмы Инари в стране происходят от этих трех на Инари—яма; некоторые из них в древности могли быть храмами Уга—но митама, а после получили название храмов Инари в подражание тем, что располагались на горе Инари. Он пишет также о так называемых Сируси—но суги, 駿杉, «Криптомериях эффективности молений», которые когда-то стояли у среднего храма на горе Инари. В средние века паломники брали домой веточку с них и, если та засыхала, то считали, что их моления не услышаны; в противном же случае их паломничество считалось удачным.

Как в обычаях и верованиях средневековых паломников, так и в древних легендах о происхождении храмов на Инари—яма мы обнаруживаем культ духа дерева смешанный с поклонением Инари. Также, позднее срубание священных деревьев Инари жестоко наказывалось богиней, как мы видели выше. Однако, в старинных книгах мы ничего не находим о культе лисиц, как таковом. Хотя, на горе Инари есть старый храм лисы, как мы видели выше, когда рассматривали название *мёбу*.

Но, перед тем, как я начну говорить о связи между Инари и лисами, позволим себе посвятить некоторое место вопросу антропоморфного облика Инари. Маэда защищает свое видение Инари в мужском облике, говоря, что Дакини, лиса—богиня женского пола, которую называли

381 神名帳, *Дзиммэйтё*, К.Т.К. 13, с.285.

382 *Энгисики Дзиммэйтё* тотю, *Гунсё руйдзю*, № 23, т. 1, с. 809, написан Урабэ Канэтомо, 卜部兼俱, в 1446 г.

383 倉稻魂神. Уга, или ука означает «еда, провиант» и обнаруживается в слегка измененной форме в именах богинь Укэмоти и Тоё—укэ—бимэ. В основном имя записывается иероглифами, означающими «хранилище» и «рис», т.е. «рис хранилища», но фонетически также иероглифами 宇迦, или 宇賀.

«священной посланницей Инари» из страха произнесения ее истинного имени, неверно считалась самой Инари, поэтому Инари ложно сочли за женское божество. Поэтому, как передавали, она явилась во сне в женском облике высокопоставленному настоятелю Тайтё (619–705), говоря, что ее истинный облик (хонтай, 本軀) — это Каннон³⁸⁴, а в 930 году монах Тэйсё видел ее во сне в женском облике, когда она рассказала ему о великой силе *Дай Ханья кё*, или «Великой Нирвана–сутры»³⁸⁵. В *Гэнко сякусё*³⁸⁶ мы читаем, как Инари явилась Кансюну, монаху с Хиэйдзан, жившем при императоре Го Рэйдзэй (1045–1068) в образе женщины и предсказала ему удачу. Маэда считает, что причина того, что Инари описывается, как женское божество во всех этих легендах, заключается не в том, что Уга–но митама идентична Тоё укэ–бимэ–но микото³⁸⁷, так как по его мнению эта Уга–но митама отлична от божества с тем же именем, идентичного Инари. Также Укэмоти, Богиня Пищи, из которой после ее смерти рождаются не только бобы, просо, пшеница и т.д., но и рис³⁸⁸, отлична от Инари.

В старой легенде о том, как Кобо Дайси встретил Инари, божество предстало в виде старика со снопом риса на плече. Маэда считает³⁸⁹, что эта легенда возникла из образов, представляющих Богиню Риса в таком виде. Что касается храма, то он уверен, что внутренний храм исходно назывался Инари, а после и верхний с нижним храмы также обрели это название, равным образом, как и сама гора.

По–моему, вся концепция Маэда неверна. Общеизвестно, что японские божества именуются по названиям местностей, где им поклоняются. Поэтому гора Инари, вероятно, дала свое название божеству, чей храм располагался на ней, а именно — Уга–но митама, Духу Риса. Три храма, которые уже стояли на горе во времена написания *Энгисики* (927), были посвящены трем различным божествам, однако все вместе получили наименование «Храмов Инари». Возможно, на горе росло много полевого риса, или она была окружена рисовыми полями, отчего и возникло название Инари, «Рисовый Человек»³⁹⁰, или что–то в этом роде. По той же при-

384 *Хонтё синсэн дэн*, 本朝神仙伝, в биографии Тайтё.

385 *Кокон тёмонсю*, гл. 1, К.Т.К. т. 15, с. 160.

386 元亨釈書, до 1346 г., гл. 5, К.Т.К. т. 14, с. 712.

387 豊受姫命 (*Кодзики*, гл. 5, К.Т.К. 7, с. 14), богиня Внешнего Храма (Гэгю) в Исэ, ср. Florenz, *Japanische Mythologie*, p. 39, note 3.

388 *Нихонги*, гл. 1, К.Т.К. 1, с. 20; *Кодзики*, гл. 9, К.Т.К. 7, с. 28.

389 Гл. 2, с. 5–а.

390 От *инэ* и суффикса *ри*, который Florenz, *Jap. Mythologie*, p. 292, note 9, объясняет, как «человек», приводя в пример *хитори*, *футари* и др.

чине (а именно – из-за большого количества риса, росшего на горе, или в ее окрестностях), там поклонялись именно «Духу Риса».

Что касается пола Инари, то, действительно, пол Уга–но митама не указан в *Нихонги*³⁹¹, где мы читаем лишь: «По одной книге, во времена голода Идзанаги и Идзанами породили Дух Риса в Хранилище, Уга–но митама». И в *Кодзики* ничего не говорится об этом божестве, за исключением того, что оно было ребенком Сусаноо и дочери Оояма–цуми–но ками Оо–ити–бимэ. В одной легенде, где Кобо Дайси встречается со стариком, божество Риса мужского пола; во всех остальных – женского. Я думаю, неверно говорить, что во всех этих легендах Дакини Тэн, женское божество–лиса, смешивается с Инари, мужским божеством Риса, и что лишь легенда о Кобо Дайси верна и берет происхождение из образов, представляющих Инари стариком со снопом на плече. Мне не кажется вероятным, что культ магической Дакини, тайно распространявшийся по Японии, прячась за другими именами, мог иметь такое влияние на культ Духа Риса (который не имел ничего общего с колдовством), что даже поменял пол Рисового божества. Гораздо более логично предположить, что старик, встретившийся Кобо Дайси, был духом самой горы Инари, назвавший себя «Рисовым Человеком» по имени горы, которую представлял, и несший сноп риса, столь обильно произраставшего на ее склонах. Собственно, *Инари тиндза юрай*³⁹² говорит, что старик был божеством горы, и что он жил в хижине у ее подножья, возделывая днем рисовые поля и рубя дрова по ночам, и что имя его было Рюдзуда 龍頭太. Этот горный бог совершенно отличался от Духа Риса, почитаемого в одном из храмов, располагавшихся на его территории; так мы находим легкое объяснение различию в полах у двух божеств. Более того, Укэмоти, породивший рис, бобы и проч., как и Тоё укэ–бимэ, которую идентифицировали с Уга–но митама, обе – женские божества; а что более естественно, чем считать Рис, защищающий человечество от голода, как мать свое дитя, божественной женщиной? Наконец, именно женский дух присматривал за зерном в Европе и рисом в Индии, живя в них, как мы видим в Золотой Ветви Фрейзера³⁹³, где рассматриваются так называемые «Мать–зерна» Европы и «Мать–риса» Явы и Суматры. Сравнивая эти факты, мы приходим к убеждению, что и японский Дух Риса также являлся женским божеством.

391 Гл. 1, К.Т.К. т. 1, с. 12, ср. Со стр. 16.

392 稻荷鎮座由来, написано в 1386 г. буддийским монахом Юнэном, 融然; *Дзоку Гунсё руйдзю*, т. 2, гл. 33, с. 167.

393 Frazer, *Golden Bough*, 2nd ed., vol. II, pp. 168 sqq and 198.

А что же с культом лисы, который столь тесно соотнесен с поклонением Инари? В *Вакун-но сиори* сказано: «Что же до того, что лиса зовется ‘священным посланником Инари’, то мы читаем в *Исэ тиндза ки*³⁹⁴: ‘Уга-но митама-но ками зовется также Томэ микэцу-но ками’³⁹⁵. Вот почему лиса называется посланником Инари. Хотя Микицу (букв. ‘три лисы’) означает Ми-кэцу (御饌津, ‘Божественный податель пищи’) (и не имеет ничего общего с лисами), все же люди (думая, что значение имени ‘три лисы’) стали поклоняться лисам, как божествам и молить их об удаче, и вскоре это вошло в обычай”.

В *Кандэн кохицу*³⁹⁶ мы читаем следующее: “Нигде в старых книгах лисы не упоминаются, как женские посланницы Инари. В некоторых книгах Инари называется Микэцу (御食津, ‘Божественная Пища’), что некоторые писатели начерчивали, как 三狐, ‘Три Лисы’. Слово лиса – не только *ки-цунэ*, но также *куцунэ*, и даже *кэцунэ*. В деревенских областях чаще произносят *кэцунэ*, однако более старое произношение – *куцунэ*. Я не мог найти, в какой книге говорится о Микэцу. У подножия горы, на которой стоит храм Инари (稻生) (т.е. на горе Инари) сегодня находится Сингудэн (神供殿), где поклоняются совместно пяти синтоистским божествам³⁹⁷. Напротив этого храма – *кома-ину* (狛犬, ‘корейские собаки’). Однако, в храме, на вершине этой горы, где поклоняются трем богам³⁹⁸, белые лисы замещают корейских собак. Это берет свое происхождение в прочтении Микэцу (‘Три Лисы’), и поэтому не только люди считают, что лисы – женские посланницы Инари, но и сами лисы, должно быть, решили, что это так. Со всех провинций так называемые *бан-гицунэ* (番狐, ‘сторожевые лисы’) приходят на эту гору (Инари-яма) и живут там в норах, в основном самец с самкой вместе. Когда последняя беременеет, она выводит лисят в отдельной норе (чтобы содержать остальные в чистоте) и уводит их с собой в другое место, так как на самой горе живут только парами. Когда год их стражи подходит к концу, они оставляют свое место для других. Иногда приходят деревенские жители и говорят: ‘Господин Лис (*Кицунэ*-доно) нашей деревни пришел сюда нести стражу. Где он? Мы хотели бы встретиться с ним’. Тогда один из жителей показывает им нору. Я лично не знаю этих подробностей, но мне

394 伊勢鎮座記, «Записи об угодьях божеств Исэ», одна из *Синто гобусё*, 神道五部書, «Пять книг Синто», К.Т.К. т. 7, с. 438, ср. С. 441.

395 専女三狐神. Томэ — старое название лисицы.

396 関田耕筆, написано в 1799 г.; *Хякка сэцурин*, т. 5, с. 71 и далее, гл. 3.

397 Ср. *Вакан сансай дзуэ* (1713), гл.72, с. 1199: эти пять богов – Уга-но митама, Тити-но оя, Ояма-дзуми, Идзанаги и Идзанами.

398 По *Вакан сансай дзуэ*, 1.1.: Идзанаги, Идзанами и Уга-но митама.

рассказ
всей п
сой, пр
выйдет
силь о
все ид
храма
Киото
В И
храмом
называ
божест
храмом
'свяще
ном хр
стала
Как
томэ
тельно
сий хр
это ук
сами-
ра, по
(986-
одна
мой п
Аких
вмест
в про
тинд
399 勸
ме.
400 Гл.
401 登
402 命
403 И
Supers
404 親
405 Д

рассказали о них монахи храма (Инари). Помимо этих сторожевых лис, на всей горе не живет ни одной дикой лисы. Когда человека, одержимого лисой, приводят в этот храм, говорят, что лиса очень пугается и непременно выйдет из больного. Как в столице, так и в деревне, те, кто желает попросить о чем-то лису, или построить для нее храм, назвав его храмом Инари, все идут в дом служителей (Инари в Киото) и просят ‘печать основания храма’³⁹⁹. Как было в древности, я не знаю, однако сегодня храм Инари в Киото – главный лисий храм”.

В *Инари дзиндзяко*⁴⁰⁰ говорится: “В наши дни (1836) храм на холме за храмом Инари называется Верхним (Уэ-но ся, 上社). Прежде этот храм назывался *Томэ-но ся*⁴⁰¹, или *Мёбуся*⁴⁰², и там поклонялись трем лисам-божествам. Поскольку те три лисы прожили очень долго по соседству с храмом Инари и совершали странные вещи, люди вскоре стали звать их ‘священными посланницами Инари’ и поклоняться им всем вместе в одном храме. Позже по той же причине индийское божество-лиса Дакини стала восприниматься, как Инари. Вещь совершенно беспочвенная!”

Как мы видели выше, автор *Рэйдзю дзакки* ищет происхождение слова *томэ* для обозначения лисы в названии этого лисьего храма. В действительности, все было совершенно наоборот, и название храма было “Лисий храм”. Что касается слова *мёбу*, означающего “придворная дама”, то это указывает, что три лисы, которым поклонялись в храме, являлись лисами-божествами женского пола, получившими пятый ранг от императора, подобно кошке из *Макура-но соси* (1000), которой император Итидзё (986–1011) даровал ранг и имя “*Мёбу-но Омото*”⁴⁰³. Мы также видим, что одна из трех лис по имени Акомати (阿小町) получила титул *мёбу* от самой придворной дамы. Об этой Акомати мы читаем в книге Фудзивара-но Акихира *Синсаругаку-но ки*⁴⁰⁴, где “Акомати с Инари-яма” упоминается вместе с “Ига *томэ*” 伊賀罽, “Лисой из провинции Ига” с Кицунэ-дзака в провинции Ямасиро, район Атаго. Мы находим это имя также в *Инари тиндза юрай*⁴⁰⁵, где легенда рассказывает о трех лисах, женатой паре и ре-

399 勧請の体, т.е. *синтай*, или «божественное тело», которое помещают в новом храме.

400 Гл. 2, с. 25–а.

401 登宇女社, «Храм лис».

402 命婦社, «Храм придворных дам».

403 *Инари дзиндзяко*, гл. 2, с. 40–а. См. мою работу *The Dog and the Cat in Japanese Superstition*, Transactions, Vol. XXXVII, Part I, p. 8.

404 新猿楽記, написана в 11 веке.

405 *Дзоку гунсё рэйдзю*, т. 2, гл. 33, с. 168.

бенке пяти лет, которые пришли на гору Инари, чтобы охранять мир; муж был назначен богиней слугой Верхнего Храма с именем Косусуги (小芋), а жена должна была служить в Нижнем Храме под именем Акомати. С тех пор они исполнили желания бесчисленного количества людей и являлись во снах, или наяву многим верующим. Очевидно, эта легенда была изобретена, чтобы объяснить связь антропоморфной богини с лисами. В действительности, в одном храме было три женских божества–лисы, и одну из них называли Акомати. Объяснение слова Микэцу, как “Высочайшая Пища” вместо “Трех Лис” искусственно и было изобретено писателями, желавшими освободить Инари от каких бы то ни было исходных привязок к лисам. Мы можем быть уверены, что культ лис существовал на горе Инари с самых древних времен.

Храмы “Трех Лис” и “Духа Риса” (Уга–но митама) безусловно разные, однако в старых книгах мы читаем о “храме Инари”, как если бы существовал всего один храм и лишь одно божество на горе. В 827 году болезнь императора Дзюнва объяснялась прорицателями, как проклятье от срубания деревьев в “Храме Инари”⁴⁰⁶, после чего император даровал пятый ранг низшей степени божеству этого храма с целью снять проклятье. И в 843 году император Ниммё поднял то же божество до высшей степени пятого ранга⁴⁰⁷. *Монтоку дзицуроку*⁴⁰⁸ (878) – первая работа, в которой упоминаются “три храма Инари”, но то что все эти три существовали вместе доказывается тем фактом, что позднейшие императоры также даровали им один ранг, как единому божеству. И один из этих трех был храм *Мёбу*, или *Томэ*, который, как говорили, был посвящен Оо–ити–бимэ, матери Уга–но митама. Все эти факты мы находим изложенными в прекрасной книге под заглавием *Инари дзиндзя сирё*⁴⁰⁹. Автор этой книги, так же, как и великие реформаторы Синто Мотоори и Хирата, а также написавший труд *Инари дзиндза ко*, безусловно, убеждены в том, что исходно “Дух Риса” не имел ничего общего с лисами. Однако, я, смотрящий с другого ракурса, придерживаюсь иной точки зрения. Я вижу в лисьем храме, называемом *Мёбу*–ся, или *Томэ*–ся (Храм лисы) корневой источник всего культа горы Инари. Как указывалось выше, придворные дамы, *мёбу*, все принадлежали к пятому рангу, и вполне возможно, что исходное название

406 Нихон киракю, 日本紀略, гл. 14, К.Т.К. т. 5, с. 454; *Руйдзю кокусси*, 類聚国史, написано Сугавара–но Митидзанэ 菅原道眞, (845–903), в истории 34–го императора.

407 *Сёку Нихонкоки*, 続日本後紀, написано в 869 г., гл. 13, К.Т.К. т. 3, с. 346.

408 Гл. 9, К.Т.К. т. 3, с. 552.

409 稻荷神社志料, «Письменные материалы о храме Инари», написана в 1904 г. Одзуки Маура, 大貫眞浦, монахом храма.

Томэ-ся, или “Лисий храм”, было изменено на Мёбу-ся после того, как три божества-лисицы женского пола, которым там поклонялись, получили этот ранг в 827 году. Ведь их рассматривали, как одно и то же с Духом Риса и, соответственно, ранг был дарован всем вместе.

Возможно ли, чтобы божества-лисы были столь могущественны, что добились победы над богиней Риса, сперва будучи у нее в услужении, а затем появившись, как сама Инари? Это явилось бы уникальным развитием, так как повсюду в прочих местах, напротив, именно человеческий облик с течением времени побеждает исходно животную форму божеств и обращает зверей в слуг антропоморфных богов. Олень из Касуга, голубь из Хатиман, ворона из Кумано, снежная цапля из Кэби, змея из Сува, черепаха из Мацуо – все в древности считались посланниками божеств, являясь всего лишь пережитками более ранних животных культов. Та же эволюция наблюдается во всех примитивных религиях. Как я пытался доказать ранее⁴¹⁰, даже боги древних греков прошли через этот процесс, точно так же, как сегодня проходят божества самых примитивных народов. Существовала и остается генеральная тенденция к антропоморфизму, однако старая животная форма продолжает в ней жить в положении, низшем, нежели божество, как пережиток древности. Ввиду этих фактов, я убежден, что не посланцы-лисы стали самой Инари, но что богини-лисы горы Инари должны были уступить дорогу человеческому божеству той же природы, а сами деградировали до ранга посланников.

Сумасбродна ли идея, что Дух Риса должен иметь животный облик? Ответ мы находим в «Золотой Ветви» Фрейзера⁴¹¹, где читаем о «Духе зерна, как животном». Во всех частях Европы, в Египте, в Китае мы видим, как Дух Зерна появляется, как гусак (гусыня), баран, лань, кошка, лиса, волк, собака, петух, корова (вол, бык), свинья, лошадь и проч. «В Пуату дух зерна должен быть зачат в образе лисы». Примитивное человеческое сознание всюду ходит сходными тропами. На стр. 289 Фрейзер пишет: «Другие животные формы, которые принимает дух зерна: олень, косуля, овца, медведь, осел, мышь, аист, лебедь и сокол. Если спросят, отчего дух зерна должен был появляться, как животное, да еще в виде столь многочисленных видов животных, то можно ответить, что для примитивного человека простое появление животного, или птицы у зерна было, вероятно, достаточным, чтобы

410 *De Graecorum diis non referentibus speciem humanam* (1900). *Die nicht menschen gestantigen Gotter der Griechen* (1903).

411 Т. 2, с. 261 и далее.

предположить мистическую связь этого животного с зерном». Таким же образом, примитивное население Японии могло выработать представление, что лисы, которых они столь часто видели на рисовых полях, являлись воплощением Духа Риса. И они поклонялись этим лисам на горе Инари, откуда антропоморфная концепция Риса–Матери, женского Духа Риса, являющегося, одновременно, и Рисом, и его оберегающим духом, как мы видели в случае с Зерном–Матерью в Европе и с Матерью Риса на Яве и Суматре, не завоевала умы, и божественные лисы деградировали до ранга посланцев Богини Риса. Однако, старая концепция укоренилась так глубоко, что даже сегодня об Инари и ее посланцах говорят, как об одних и тех же. Помимо культа лис, с самых древних времен на горе должно было существовать поклонение духу деревьев; и он также должен был поклониться могущественной силе богини, чьи священные деревья с тех пор стали знамениты по всей Японии. Что же до лис, духов риса, то вполне логично, что их храмы встречаются повсюду в стране, столь зависимой в своем существовании от риса. Молчание старых книг относительно их связи с горой Инари причиной, вероятно, имело тот факт, что культ лис на той горе объединился с антропоморфическим культом и был спрятан под общим названием «Богов с Инари». Позже, когда победа антропоморфизма на горе стала окончательной, и слава Инари воссияла по всей империи, все божества–лисы стали считаться ее посланцами и представителями.

По
лив
как п
ших
бесч
крыв
полн
сти,
зульт
колде
лисы
В
кто в
уже
ском
лени
лис
этих
счита
что у
вотн
боже
саду
рова
прож
пото
соба
ду, т
О
того
пред
ческ
юще

ГЛАВА VI

ВЫВОДЫ

Позади нас лежит долгая, извилистая дорога предрассудков и причудливых верований. Предрассудков — поскольку лис и барсуков боялись, как предвестников зла, как существ, преследовавших людей и овладевавших ими; верований — поскольку им поклонялись, как богам, одним из бесчисленного синтоистского пантеона. Оглядываясь на эту дорогу, покрывающую долгие двенадцать веков, мы видим, как китайское влияние полностью доминирует в сферах прорицания, превращения и одержимости, причем в последней — лишь в тех случаях, когда это не являлось результатом человеческих заговоров. Япония была «ответственна» за лисье колдовство, которое позже смешали с индийской магией; учитывая культ лисы, как духа риса, это, безусловно, было чисто японской концепцией.

В восьмом веке мы видим, как японский законодатель угрожает тем, кто выкуривает лис из нор, — доказательство, что этот китайский обычай уже тогда распространился по стране; иначе его бы пропустили в японском варианте китайского законоуложения. Далее, китайские представления о предзнаменованиях в связи с появлением белых, или черных лис и лис вообще укоренились в Японии на века. Не только появление этих животных, но и их крики, спаривание, помечание местности, — все считалось предзнаменованием, в большинстве случаев — дурным. То, что уже к тому времени они представлялись опасными для людей животными, доказывается отрывком из *Сёку Нихонги*, где рассказано, как божество подчинило призрака, чью звериную голову потом нашли в саду. Далее, в *Рё-и ки* мы читаем рассказ о лисе, принявшей облик очаровательной девушки и вышедшей замуж за человека, с которым она прожила долгое время. Она родила сильного, здорового мальчика, чьи потомки до четвертого поколения выделялись особой силой. Однако, собаки, смертельные враги лис, всегда унюхивали их истинную природу, так что обратившаяся лиса бежала даже от щенка.

О *тануки* в те дни еще не упоминали, хотя календарь четырнадцатого века показывает нам, что плача этого животного страшились, как предзнаменования напастей и смерти. Что касается *мудзина*, то магическая жемчужина, обнаруживаемая в его животе, считалась заключающей в себе сверхъестественную силу, точно так же, как у китайских

лис-оборотней; ее подносили императору и сохраняли в храме. О том, что в те ранние времена *мудзина* считались обладавшими способностью превращаться в человека, мы читаем в другом отрывке из *Нихонги*. Однако, после восьмого века *мудзина* исчезают с литературной сцены на долгое время и появляются лишь в восемнадцатом веке.

В девятом веке мы читаем о Небесных Лисах, летавших по воздуху над дворцом, и о многозначительных появлениях обычных диких лис; начало десятого века принесло нам интересную легенду о том, как лисы принимали человеческий облик и обманывали людей всевозможными способами. Столь популярна была эта история, что четыре различных произведения десятого, одиннадцатого и четырнадцатого века в деталях пересказывают ее, а автор периода Муромати переписывает ту же историю по-своему.

В одиннадцатом веке впервые говорится об одержимости лисами и о том, что лисам поклонялись в синтоистских храмах. Это представляется магическим культом, установленным Принцессой-Девы в Исэ, так как столичные колдуньи последовали ее примеру к большому негодованию своих современников, которые сочли это скандалом перед лицом великих богов Исэ, ибо именно под их именами поклонялись лисам. Как мы говорили выше, и лисья магия, и лисий культ (духов риса) вероятно превалировали в Японии с древних времен, так что единственным новым фактом относительно этого явилось то, что культ расцвел при вольном употреблении священного имени божеств Исэ. Однако, вполне возможно, что в Исэ существовал старый культ лис, как это было на горе Инари со старым исчезающим поклонением духам риса в облике животных. Разве Тоё-укэ-бимэ, богиня Внешнего Храма в Исэ, великая подательница пищи, не идентифицировалась с Уга-но Митама, Духом Риса, который правил на склонах Инари? И разве мы не читаем о жестоком наказании, полученном в одиннадцатом веке одним из Фудзивара, который убил божественную лису в Исэ; тогда как в последовавшем столетии двор дважды обсуждал подобное же преступление, считавшееся столь же тяжким, как и убийство божественного духа? Все это, как представляется, указывает, что, действительно, между Исэ и лисами существовали старые связи.

Далее, мы видим, как лисы превращаются в прекрасных женщин с целью соблазнения мужчин, которые непременно умирали, если имели с ними сексуальные отношения, если только лисы не умирали вместо них. Либо они преследовали мужчин, являясь двойниками их женщин, или в виде дерева, или таинственно светящегося существа, и очаровывали людей, дабы получить пищу, или сообщить что-то устами одержимых. Их

проступки были зловредными, однако целью своей имели, скорее, напугать людей, чем причинить им реальный ущерб. Такие лисы всегда были старыми, в соответствии с китайской концепцией, что жизненный дух (цзин) всех существ неуклонно усиливается с возрастом; они, наконец, становились способны превращаться в людей и преследовать их. В одном качестве лисы превосходили людей, а именно – в сдерживании своего слова, если они хоть однажды обещали защищать и помогать кому-то, кто спасал их жизнь, или возвращал им душу в виде драгоценного камня.

Двенадцатый век показывает нам столицу, ставшую добычей лис, которые потчевали людей псевдо-явствами из конского навоза и коровьих костей. Ворота Судзяку были особо популярны среди этих зверей, которые даже не почитали его императорского величества, не говоря уже о его подданных, в чьих экипажах они уезжали; не обошло это и буддийских служителей, которых они побуждали прийти на дорогу Судзяку и молиться у алтарей фантомных домов; частных лиц они обманывали, всучивая им старые сандалии и обноски, черепицу и камешки, кости и рога, временно превращенные в золото, серебро и шелк. Они даже играли шутки с самим дворцом, где появлялись в виде молодых женщин, чтобы дразнить молодых людей. С другой стороны, они оберегали от огня дома, куда их посылало божество старого святилища, вероятно – Дух Риса; они считались столь божественными, что император наказал заслуженного аристократа за убийство лисы в окрестностях дворца Сайгу в Исэ; дважды после этого двор обсуждал схожие случаи. Так китайский демон и японское божество-лиса очутились бок о бок.

Тринадцатый век приносит нам большое количество новой информации. Одна лиса принесла в пасти огонь и в человеческом облике подожгла дом того, кто ранил ее стрелой. Это в какой-то степени напоминает нам о лисьем огне (*кицунэ-би*), а также о Тэнгу, которые, с одной стороны, поджигали дома, но с другой, иногда охраняли их от поджогов.

Что касается одержимости, то мы обнаруживаем совершенно различные мотивации практикования таковой. Иногда это был голод, либо – причуда эпикурейства в отношении еды, заставлявшая лису овладевать человеком; в других же случаях животное добивалось лишь поклонения себе, как божеству. Одновременно, их появление рассматривалось, как предвестник удачи, или несчастья. Когда их преследование вырастало до излишне больших пропорций, им угрожали сражением, после чего одна из них являлась во сне, обещая защиту и предсказывая удачу в том случае, если угроза наказания будет снята.

Одновременно, в культ лис в Японии включилось индийское влияние. Дакини Тэн, в действительности – бесчисленное количество Дакини, индийских божеств женского пола, дарующих людям магическое знание, было идентифицировано с Бэнтэн, Богиней Богатства, с одной стороны, и с магическими японскими божествами–лисами с другой. Она была так называемым «Царем–Дэва, Достопочтенной Лисицей» и «Бодхисаттвой, Белым Царем–Лисом»; сама Бэнтэн считалась появившейся из своего храма в виде белой лисы. Дакини Тэн являлась во снах в образе сверхъестественной женщины, однако оставила свои волосы в руках спящего в виде лисьего хвоста, когда в образе животного поедала сделанные ей приношения. Нам нет нужды спрашивать, насколько превалировал в те дни культ лис и насколько было распространено лисье колдовство, когда мы видим, как монахи Сингон снизили свою Дакини и даже Бэнтэн до уровня лис, чтобы занять эту нишу японской религии и магии.

В этом же веке впервые появляется *тануки*, то один, то в сочетании с лисой, что обозначалось термином *кори*, «лисы и *тануки*». Как говорилось выше, тот же термин иногда употреблялся в старых китайских книгах в значении только «лисы», и даже один иероглиф использовался для определения лис. Однако в японской литературе термин *кори* всегда означал «лисы и *тануки*». Второе животное в те ранние дни не было сравнительно безобидным животным–призраком позднейших времен. Напротив, он топил охотников, осмеливавшихся стрелять уток на горном озере, являясь им в виде старой карги, возникавшей из центра озера в мерцающем свете и по воздуху налетавшей на всякого, кто приближался к берегу. Либо, *тануки* появлялся в виде громадного, совершенно черного буддийского монаха в старой часовне и, как считалось, пожирал людей. Обычной шуткой *тануки* было бросаться камешками и обломками черепицы в дома. Как я отмечал в своей работе о Тэнгу, *тэнгу-цубутэ*, или «камешки–Тэнгу» были хорошо известны, и уже в 778 году дождь из черепицы, камешков и комьев земли падал двадцать ночей на различные дома в столице.

И это не единственное, что *тануки* имеет общего с Тэнгу. Оба они любят являться в виде будд, или бодхисаттв, чтобы морочить глубоко верующих монахов и отшельников. Поскольку почитание людьми было им, как и лисам, чрезвычайно приятно, они ухитрялись даже пользоваться именами усопших императоров, овладевая людьми и требуя поклонения от его имени. Однако, сила превращения, которой обладали как лисы, так и *тануки*, исчезала, как только их убивали. Тогда их величественность съеживалась до исходных размеров, и могучие гиганты, или бодхисаттвы оказывались всего лишь ничтожными животными.

Четырнадцатый век не приносит много информации, за тем исключением, что мы впервые читаем о специальных средствах для распознавания обратившейся лисы, а именно – вдувании дыма в человеческие ноздри. Даже император так боялся преследования лис, что покинул дом, где те демонстрировали свою магическую силу и предпочел риск нападения Хиёси, синтоистского божества с Хиэйдзан, чьи священные носилки были оставлены во дворце рассерженными монахами. Не всегда, однако, этим животным удавалось заморочить людям голову; если они не были достаточно искушены в своем сложном искусстве, то их быстро обнаруживали, и они становились посмешищем для тех, кого собирались обмануть. Старый *тануки* и старые лисы упоминаются бок о бок, как существа, принимавшие облик богов и людей.

В пятнадцатом веке старое лисье колдовство стало распространяться мощными волнами, проникнув даже за стены дворца сёгуна. Здесь впервые мы встречаемся с термином *кицунэ-цукаи*, «использование лис», обозначающим магическое искусство, практиковавшееся даже столь высокопоставленными лицами, как Главный Прорицатель и врач сёгуна. Однако, это искусство считалось весьма зловредным и наказывалось ссылкой. Некоторые позднейшие японские авторы ссылались на отрывок из старого труда, где, по их мнению, виделся след схожего колдовства, а именно – на легенду о настоятеле Со-о, обнаруживаемую в *Фусо рякки* (12 век). Нет, однако ни единого доказательства того, что этот настоятель, который в 888 году своими возгласаниями изгнал лису, которой была одержима императрица, и приказал животному покинуть сотрясаемый им дворец, был сам тем преступником, побудившим лису овладеть императрицей, чтобы в конце получить славу и почет, сумев ее изгнать. Автор *Фусо рякки* очевидно не предполагает такого злобного коварства со стороны почтенного настоятеля.

Знаменитая легенда о превратившейся лисе Тамамо-но маэ, знаменитой наложнице императора Коноэ, демонстрирует нам девятихвостую лису Индии, Китая и Японии, всегда оказывавшую пагубное влияние на царей и императоров через посредство супруги, или наложницы. Эта легенда, вероятно, датируется не очень древним периодом, поскольку как в Китае, так и в Японии появление девятихвостой, или белой лисы исходно считалось очень хорошим предзнаменованием. Отличие от этого древнего верования можно, вероятно, приписать индийскому влиянию; характерно, что в самой легенде Индия упоминается, как исходное место, где лисы исполняли свои проделки, и на первый план выходит сила буддизма, как действенное средство против этого злейшего

врага человечества. И, действительно, это оказалось весьма эффективным пропагандистским способом, так как и в литературе, и на сцене легенда приобрела немалую популярность. Также индийского происхождения – слово *якан*, иногда встречающееся в *Рё-и ки* (8-й век), *Кондзяку моногатари* (11-й век), *Мидзу кагами* (12-й век) и *Дзоку Кодзидан* (13-й век) бок о бок со словом *кицунэ* с тем же значением. Как мы говорили выше, старый китайский труд, цитированный в *Вамёсё* (10-й век) говорит, что *якан* отличается от лисы, являясь маленьким животным с большим хвостом, которое может лазить по деревьям, и что китайцы ошибочно применяли это название к лисам. В других китайских книгах сказано, что это – человекоподобное животное, напоминающее синегелтую собаку, упоминавшуюся в буддийских сутрах. Так мы приходим к выводу, что *якан*, исходно отличаясь от лисы, был введен в японский фольклор, когда уже потерял свое первично индийское значение в Китае и просто считался идентичным лисе.

Поклонение лисам–божествам женского пола, вероятно – духам риса, превалировало в то время, как, вероятно, и в древности. По крайней мере, в энциклопедической работе Айносё (1446) они упоминаются в связи с лисьим прозвищем *мёбу* (придворные дамы). В той же работе говорится о лисьих огоньках, возникавших, как считалось, от сгорания лошадиных костей и переносимых лисами в пастях; однако, в поздних работах мы видим, что, по другим объяснениям, эти блуждающие огоньки возникали от дыхания животных, либо – от сияния жемчужины на кончиках их хвостов, либо – от горящих конских копыт.

Шестнадцатый век демонстрирует лишь старые истории в несколько иной форме, а именно – хорошо известную легенду о человеке, лежавшем под настилом пола своего дома, и о превратившейся лисе, женившейся на человеке, но бежавшей при появлении маленькой собачки. Единственный интересный пассаж, который мы обнаруживаем – о лисе, чье появление было сочтено плохим предзнаменованием, так как он произошло в летнее время, и которая была убита силой, заключенной в стихотворении.

Точно так же, как и в случае с Тэнгу, после тишины в шестнадцатом, в семнадцатом столетии возник целый вал легенд. Это было время безраздельного господства Инари. Затухавший культ лис на горе Инари, подчиненный этой антропоморфной богине⁴¹², которой поклонялись на той же горе, внезапно появляется на сцене. Лисы, сами по себе духи риса,

⁴¹² Это было, безусловно, женское божество, несмотря на легенду о Кобо Дайси, где говорится о мужском горном божестве, а не о женском Духе Риса.

теперь считаются посланницами Рисовой богини, однако они были не просто священными, но их почитали в храмах, как представителей самой Инари. Одновременно рассказывались старые истории о связи Инари с лисами, например – о маленькой лисе, появившейся над рукоятью меча, как знак присутствия Инари во дворце. Храм Инари в Киото стал центром всех культов лис в империи; таким же образом Инари из Одзи рядом с Эдо являлась главой всех лис в восьми провинциях Канто. На Новый год все они собирались у подножия соседнего дерева, чтобы подняться вверх и поклониться своей божественной повелительнице. Чем больше лисьих огней появлялось там в то время, и чем ярче был свет, тем лучше должен был быть урожай риса в следующем году. Нужно ли искать другого доказательства природы лисьих божеств, как духов риса?

Однако не всегда считалось, что лисы связаны с Инари. Иногда они превращались, как и в прежние времена, лишь для того, чтобы обманывать людей. То же самое делали *тануки*, которые даже выбирали буддийские храмы для мест исполнения своих проделок и создавали там образы, которым молились доверчивые верующие.

Одержимость лисами была очень распространена в то время, как и позже; сумасшествие, меланхолия, истерия и так далее – все приписывалось одной и той же причине. Женщины, слабые мужчины и дети были основными жертвами этой особой болезни, которую излечивали различными способами. Пациента принуждали вдыхать дым от горящего волчьего помета, или пить редкий чай, или глотать зажаренные листья сикими (*illicium religiosum*); все это, как считалось, было для лис отвратительным. Если оставалось сомнение – одержим ли кто-то лисой, или у него обычная болезнь, то не находили ничего лучшего, как предложить ему последнее упомянутое лекарство, поскольку одержимый должен был наотрез от него отказаться. Были и другие способы изгнания лис, а именно – кололи опухоль, образовавшуюся под кожей пациента, иглой, взятой из хвоста рыбы *эй*.

Лиса овладевала кем-то зачастую под воздействием человеческого колдовства. Эта лисья магия существовала в Японии с самых древних времен и, вместо того, чтобы исчезнуть под влиянием буддизма, она еще более распространилась под названием «учения Даккини». Существовала одна гора, где оно процветало много веков, а именно – гора Идзуна в провинции Синано. «Учение Идзуна», являясь комбинацией старой лисьей магии, практиковавшейся на горе, с культом Великого Тэнгу, уже упоминалась в работе пятнадцатого века, однако не достигла пика своей славы до семнадцатого столе-

тия. С того времени она становится хорошо известна, как могущественная магия, с помощью которой колдун побуждал лису, которая находилась у него в услужении, овладевать кем-то, или рассказывать ему обо всем, что ему хотелось знать.

Рядом с этим магическим использованием лис мы находим, что их все еще рассматривали, как предвестников; как и в древности, их вой считался предсказанием удачи, или несчастья. Однако, несмотря на то, что они считались божественными, магическими и зловещими существами, они не могли избежать жестоких человеческих рук, использовавших их печень и жир для приготовления лекарств и мазей, улавливая их в силки с помощью приманки, их любимой пищи – жаренных в масле крыс.

Восемнадцатый век говорит о мести Инари в случаях, когда пренебрегали храмами лис, или срубали священные деревья. Сумасшествие, самоубийства и смерть от ударов молнии падали на голову несчастного преступника и его семьи. Однако, божественные лисы–охранительницы посылались богиней в монастыри и храмы, как вознаграждение за искреннее поклонение; немалое богатство даровалось божественными лисами тем, кто спасал их, или каким-то образом помогал. Более, чем когда-либо храм Инари стал центром всех культов лис в Японии, а его священники – главными посредниками между божествами и людьми. Эти священные лисы по очереди дежурили на святой горе, и даже «Почитаемая Богиня–Лисица», Кико Мёдзин, идентифицируемая с Дакини Тэн, была не более, чем посланницей Инари. Одновременно богиня чувствовала себя ответственной за проступки, допускавшиеся ее подчиненными, и жестоко их наказывала. Она также давала им различные ранги, которые они могли купить за деньги, собранные из ящиков для подаяния в храмах. Божественные лисы, проживавшие в буддийских храмах, не только защищали их строения от огня и прочих несчастий, но являлись также божествами–охранителями монахов и давали устные и письменные предсказания верующим.

Нечего и говорить, что, наряду с культом Инари и ее духами риса в облике животных, с удвоенной активностью расцветало магическое учение Идзуна. Его практиковали и буддийские служители, и миряне, однако в некоторых случаях, когда монах заходил слишком далеко в своем еретическом поведении и извлекал много выгоды из славы, обретаемой от успешных изгнаний лис, которых он сам же побуждал овладевать людьми, вмешивались власти и ссылали его в другую провинцию. Особенно в провинции Идзумо так называемое *кицунэ–моти*, или «содержание лис» было весьма распространено, как в случае с собачьим колдовством на Кюсю. Примечательно,

что воздействие последних могло быть ограничено зубом лисы, злейшего врага собаки, хотя в легендах о лисах именно они всегда пускались наутек, когда поблизости оказывалась собака⁴¹³. Помимо излечения одержимых, предсказания будущего и демонстрирования волшебных знаний о самых разных вещах, лисьи колдуны давали представления с «лисьими духами» (*ки-ко*), делая, например, двух людей из одного, что напоминает нам о старых историях, в которых лисы появлялись двойниками мужчин и женщин. Другие обманывали людей с помощью магической силы своих лис, демонстрируя им свой призрачный облик вместо настоящего, как это делал человек из Осака, предлагавший стрелять в него.

Однако, лисы все еще считались способными овладевать людьми и преследовать их, сами превращаясь в людей. Иногда они представляли собой опасность, в особенности, когда мстили; иногда были неопасны, и тогда обсуждали буддийские проблемы в облике монахов, либо являлись, как души мертвых. Однако они вновь принимали свой животный облик, если их окуривали, мыли, или травили собаками. Иногда они забавляли людей миражами, показывая замки, всадников в боевом порядке и длинные процессии даймё.

Помимо лис, в японском фольклоре стал очень популярен старый барсук. Он мог принять облик одноглазого призрака, или старухи, явиться, как огромная женщина, или черный монах посреди ночи, сопровождаемый молнией и землетрясением. Барсуки слетали с неба в виде сверкающей кометы, или падали в виде пылающих человеческих голов перед ошарашенными людьми, чьи ноги они обжигали и которые болели от их ядовитого дыхания. Они стучали в ворота посреди ночи и заставляли свои жертвы идти в заколдованные дома, где до смерти пугали их своими штучками. Они сжигали своих умерших по буддийскому ритуалу и просили помощи у монахов монастырей, которых преследовали еще предыдущей ночью.

Не всегда, однако, *тануки* были столь опасны и неприятны для людей. Часто, ясными лунными ночами они развлекали людей игрой на своих животах-барабанах, либо являлись им в снах в виде детей и просили позволения жить у них под домом, заранее оповещали о своем концерте на барабанах, либо предсказывали, что на следующий день их загрызет собака. Они зна-

413 На Мицу-минэ, горе в провинции Мусаси, священные собаки содержатся в храме Мицу-минэ Гонгэн с древности и до наших дней, и 19-го числа каждого месяца им делают подношение очищенным рисом. Со всех сторон собираются туда паломники, чтобы «позаимствовать собаку», как они это называют, т.е. обрести талисман от лисьих чар. Считается, что невидимая собака следует за талисманом и изгоняет лис. См. географический лексикон Ёсида Того, Дай Нихон тимэй дзитэн, с. 3054.

ли прошлое, будущее, эту жизнь, равно как и свои прошлые существования. Дождливими ночами они и *мудзина* появлялись, как блуждающие огоньки.

После тысячелетнего отсутствия *мудзина* вновь появились в народных предрассудках. Они преследовали людей, предсказывали им смерть в облике детей, или черных монахов–мирян, или старых ведьм, жили на протяжении сотен лет в буддийских монастырях, легко накапливая деньги и являя примеры странного письма, и наконец погибали, загрызенные простой собакой. Даже после смерти они накладывали проклятье на тех, кто тратил деньги, которые они, *мудзина*, собирали при жизни, либо вызывали смерть человека, убившего их. Как монахи, они обсуждали буддийские сутры; как старые ученые – китайских классиков. Они настолько напоминали *тануки*, что их животы–барабаны, блуждающие огоньки, человеческий облик и способы преследования были теми же, так же, как и почтенный возраст, который, как мы видели, придавал животным и растениям сверхъестественную силу.

В девятнадцатом веке одержимость лисами оставалась распространенной не менее, чем раньше, однако в большинстве случаев она приписывалась человеческому колдовству. Мы читаем, однако, о лисах, овладевавших людьми и вызывавших у них болезни из мести за некоторое зло, либо придававших им силы работать гораздо больше, чем раньше, в виде благодарности за то, что хозяин дома позволял им остаться. В другом случае они назывались призраком усопшего настоятеля и заставляли одержимую девочку писать священное имя Амида, не забывая при этом делать ошибку в написании, чтобы избежать гнева Амида. Иглы и мокса были средствами излечения таких больных, либо – старые драгоценные мечи, которыми давным–давно были убиты лисы–оборотни, возлагавшиеся на головы заболевших. Лису также перемещали в медиума с помощью буддийских возгласий, как в стародавние дни, а затем изгоняли другими тантрами и вопросами о ее происхождении, причинах и целях; либо одержимого приводили в какой–то буддийский храм, знаменитый излечениями в таких случаях. Старые легенды о лисах, женатых долгое время на мужчинах, о том, как люди, не подозревая того, поедали вместо яств смердящую мерзость, рассказывались несколько по–иному; одновременно, в сказания о лисах появились новые элементы, например – гипнотическая сила старых лис, их способность мгновенно менять яркий лунный свет на крошечную тьму, как это делал Тэнгу в своих долинах. Они все еще демонстрировали свою мстительную натуру, беспокоя тех, кто оскорблял их, вызывая перед из глазами видения

длини
реход
и в бо
Ли
мы н
вали
густо
жени
овлад
рых
и сто
ним
боле
нию
кото
О
На С
душ
юно
влюб
розо
ше, ч
в дол
влек
площ
свои
над
на к
ный
С
риод
Нар
тол
что
чер
ном

длинных процессий даймё, или принуждая делать по ночам долгие переходы; как и в древности, их таинственные огоньки мерцали на полях и в болотистых местностях влажными дождливыми ночами.

Лисье колдовство достигло своего пика. Идзуна Гонгэн имела храмы на вершинах многих гор, где культ Тэнгу и лисья магия существовали бок о бок. Синано, Кодзукэ, Идзумо и другие провинции были густо населены семьями, члены которых, как считалось, имели в услужении *осаки*, куда, или лис-людей (дзинко), которых они побуждали овладевать и преследовать своих врагов, или богатых людей, от которых желали что-то получить. Неудивительно, что таких семей боялись и сторонились; никто не позволял своему сыну, или дочери вступать с ними в брак. Внезапный взлет и падение у бедных и богатых, кражи, болезни и необъяснимые происшествия, — все приписывалось их влиянию. Короче говоря, магическая сила, а также способность колдовать, которые эти люди получали от лис, считались безграничными.

Одновременно, *тануки* стали гораздо более безобидными, чем ранее. На Сикоку, где не было лис, они заняли их место, играя шутки с простодушными деревенскими жителями, а также и повсюду, обманывая молодых юношей и девушек, принимая облик миловидных служанок, или красивых влюбленных, либо — являясь верующим монахам в виде будды Амида на розовом облаке. Однако, в целом они помогали и развлекали людей больше, чем мешали им. Иногда они одалживали деньги, собранные в ямах и в долинах, или делали им подарки драгоценными мечами; иногда они развлекали их миражами, строя величественные замки, или шумные базарные площади. Они жили, как монахи в монастырях и продавали крестьянам свои рисунки, которым такие произведения очень нравились. Они жили и над потолками в частных домах, куда к ним взлетали карандаш с бумагой, на которой они писали. Однако, в конце их загрызала собака, их естественный враг, и по их душам служили заупокойную службу.

Сегодня старые предрассудки продолжают существовать, как нам периодически сообщают японские газеты. Священный меч храма Фудо в Нарита, а также в Хоммёдзи, храме Нитирэн в Кумамото, привлекают толпы паломников, считающих себя одержимыми лисами и уверенных, что в этих священных местах им удастся излечиться. Косточка из лапы черепахи, которую держат в левой руке, считается прекрасным талисманом от колдовской силы лис и барсуков⁴¹⁴. Чудесный чайник, превраща-

414 Brinkley, *Japan*, Vol. V, pp. 14 sq.

ющийся в барсука, и огонь—*тануки* дождливыми ночами⁴¹⁵ известны старым и малым. Култ лис и лисья магия еще не отошли в прошлое, и не исчезнут до тех пор, пока живо Синто. Ибо, даже если все предрассудки, заимствованные века назад из Китая, отомрут, лиса, дух риса, сохранит свою славу, как священная посланница Инари, и останется на виду перед каждым ее храмом по всей Японии.

415 Ibidem, pp. 200. 220.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЭНГУ	3
-------------	---

ГЛАВА I. НЕБЕСНАЯ СОБАКА В КИТАЕ	5
--	---

ГЛАВА II. НЕБЕСНАЯ СОБАКА В ЯПОНИИ	11
--	----

§ 1. Восьмой век	11
------------------------	----

§ 2. Десятый и одиннадцатый века	13
--	----

§ 3. Двенадцатый и тринадцатый века	19
---	----

§ 4. Четырнадцатый век	32
------------------------------	----

§ 5. Пятнадцатый век	38
----------------------------	----

§ 6. Семнадцатый век	39
----------------------------	----

§ 7. Восемнадцатый век	43
------------------------------	----

§ 8. Деятнадцатый век	47
-----------------------------	----

§ 9. Мнения ученых XVII, XVIII и XIX вв.	49
---	----

ГЛАВА III. ТЭНГУ И ГАРУДА	55
---------------------------------	----

ГЛАВА IV. ВЫВОДЫ	58
------------------------	----

СОБАКА И КОШКА В ЯПОНСКИХ ПРЕДРАССУДКАХ...	65
--	----

ГЛАВА I. СОБАКА И КОШКА В КИТАЕ	66
---------------------------------------	----

ГЛАВА II. СОБАКА И КОШКА В ЯПОНСКИХ ЛЕГЕНДАХ.....	71
---	----

ГЛАВА III. ОХРАНИТЕЛЬНАЯ СИЛА СОБАК	97
---	----

А. Иероглиф «собака» на лбу младенцев.....	97
--	----

Б. <i>Инухарико</i>	100
---------------------------	-----

В. Собака, как дарователь легких родов	102
--	-----

Г. Собачьи заговоры	103
---------------------------	-----

Д. <i>Хаято</i>	104
-----------------------	-----

Е. <i>Комаину</i>	106
-------------------------	-----

ГЛАВА IV. КОЛДОВСТВО.....	113
---------------------------	-----

ГЛАВА V. ВЫВОДЫ.....	119
----------------------	-----

ЛИСА И БАРСУК В ЯПОНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ..... 126

ГЛАВА I ЛИСА В КИТАЕ..... 128

ГЛАВА II ЛИСА И БАРСУК В ЛЕГЕНДАХ..... 135

§ 1. Законы 135

§ 2. Гадания..... 135

§ 3 Легенды..... 141

А. Восьмой, девятый и десятый века..... 141

В. Одиннадцатый век 145

С. Двенадцатый век 151

Д. Тринадцатый век 155

Е. Четырнадцатый век 163

Ф. Пятнадцатый век 164

Г. Шестнадцатый век 170

Н. Семнадцатый век 171

И. Восемнадцатый век 176

Ж. Деятнадцатый век..... 189

ГЛАВА III ВОЗЗРЕНИЯ XVII и XVIII вв..... 200

ГЛАВА IV ЛИСЬЕ КОЛДОВСТВО..... 206

ГЛАВА V ИНАРИ, ДУХ РИСА В ЛИСЬЕМ ОБЛИКЕ 224

ГЛАВА VI ВЫВОДЫ..... 235

ОГЛАВЛЕНИЕ..... 247

М.В. де Фиссер

ТРАДИЦИОННЫЙ ЯПОНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

(перевод с английского А.Г.Фесюн)

Научный редактор А.Г. Фесюн

Компьютерная верстка А.Г. Фесюн

Художник-оформитель Анна Фесюн

Книжный дом «Серебряные нити»

117292 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 52/27, под, 3А

Подписано в печать 08.02.2016. Формат 70×100 ¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13. Уч.-изд. л. 12,0

Тираж 1500 экз. Заказ № 12390

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в типографии «КлабПринт»

127521, г. Москва, 5-й проезд Марьиной рощи, д. 40